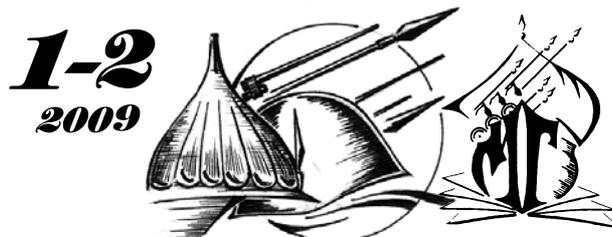

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Основан в 1922 году

ПРОЗА

Геннадий КОЧЕРГИН. ...Плюс газификация всей страны. Повесть	3
Дмитрий КУВЫЧКА. Коршун . Рассказ	101
Глеб САХАРОВ. Два рассказа	109
Сергей ШУМСКИЙ. Короткие рассказы	262

ПОЭЗИЯ

Сергей АГАЛЬЦОВ. Лунная река . Стихи	60
Александр НИКИТУШКИН. Ожидание . Стихи	62
Алла ЛИНЕВА. Жажда света . Стихи	66
Стихи поэтов России	89

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей ПЕТРОВ. Уроки победы	68
Аркадий МАЛЕР. Поворот истории	75
Михаил ЛЕМЕШЕВ. Будет ли жить Москва?	80
Михаил АНТОНОВ. Россия XXI века: путь к мировому лидерству . Продолжение	118
Олег ПЛАТОНОВ. Русское сопротивление грядущему антихристу . Продолжение	152

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Геннадий ШИМАНОВ. **Почему наша вера
самая правильная** 164

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Валерий ШАМБАРОВ. **Покушение на Ленина –
авторы известны** 173
Валерий ХАТЮШИН, Владимир ЮДИН. **Свет Истины
в борьбе за Россию** 221

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ИСКУССТВО

Владимир ЮДИН. **Писатель-пророк** 180

ДОСЬЕ «МГ»

Марат КАЛАНДАРОВ. **Виза в пучину** 192

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Михаил ШОЛОХОВ. **Червоточина**. Рассказ 237

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Тамара ГОЛОВКИНА. **Поругание высшего порядка** 249

ТАЙНОЕ И ПОТУСТОРОННЕЕ

Юрий ВОРОБЬЕВСКИЙ. **Террорист номер ноль** 255

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Владимир ДЕСЯТНИКОВ. **Дневник русского** 273

Геннадий КОЧЕРГИН

...ПЛЮС ГАЗИФИКАЦИЯ ВСЕЙ СТРАНЫ

ПОВЕСТЬ
(Публикуется в сокращении)

Участок под ведение дачного хозяйства Иван Григорьевич получил более двадцати пяти лет назад в благополучную брежневскую пору, когда партийное руководство разрешило для городских жителей выделять в пригородах земельные наделы размером в шесть соток. По указанию сверху в штабе Московского округа ПВО, в котором генерал Белов занимал должность заместителя командующего авиацией, составили списки желающих и направили их по инстанции. Партийное решение было выполнено исполнительным комитетом Московской области незамедлительно. И примерно через пару месяцев, в выходной день, председатель племенного совхоза «Горки подмосковные», пожилой седоусый мужчина с обветренным и загорелым лицом лично передал сто участков совхозной земли, каждый размером по шесть соток, приехавшим на поле на двух служебных автобусах офицерам штаба округа. Полагаясь на волю случая, офицеры положили заранее заготовленные записочки в фуражку и по очереди стали тянуть жребий. Ивану Григорьевичу достался счастливый крайний двадцать шестой, примыкающий одной своей стороной к асфальтированной дороге, а другой — к проселочной, вдоль которой и расположились участки.

ПРОЗА

Собственный земельный надел значительно изменил привычный образ жизни семьи Беловых. Ведь земля, природа-матушка, обладая невидимой силой, так действует на человека, так притягивает его к себе, что он, раскрыв свои объятия, идет к ней навстречу, блаженно улыбаясь от предвкушения такой радости общения, которую нельзя сравнить ни с какой другой.

Теперь в праздничные и выходные дни ранним утром Иван Григорьевич бежал в гараж, заводил безотказный «жигуленок» первой модели с итальянским двигателем и подкатывал к подъезду дома, у которого его ожидала Мария Васильевна с двумя сумками. В одной находилась рабочая одежда, а в другой, поменьше, продукты и термос с горячим чаем. Загрузив сумки в багажник, супруги в радостном настроении выезжали со двора на Преображенскую площадь, и через всю Москву направлялись по Рублевскому шоссе к заветному обвешкованному месту, расположенному на окраине деревни Коромыслово.

Иван Григорьевич, обладая природным пытливим умом и хозяйской сметкой, вначале тщательно обмерил принадлежащую ему территорию и составил на листах бумаги несколько вариантов ее застройки. Внимательно рассмотрев каждый из разработанных вариантов, супруги пришли к единому мнению, что домик целесообразнее всего поставить в середине участка. А остальные объекты, необходимые для поддержания жизнедеятельности, разместить по углам владения. Первые деньги Иван Григорьевич потратил на покупку по остаточной стоимости обитого жестью и покрашенного в защитный цвет кузова от списанного штабного автомобиля-вездехода, называемого в среде офицеров «кунгом». Он привез его на участок и установил с помощью автомобильного крана на заранее подготовленный фундамент.

Помещение кунга позволяло разместить в нем маленький раскладывающийся столик, две солдатские кровати, отделенные друг от друга полуметровым узким проходом и у самого входа — печку-буржуйку. Это временное жилище в течение нескольких лет, начиная с ранней весны и заканчивая поздней осенью, надежно защищало супругов от жары, непогоды и любопытных взглядов. А когда холодало, то растопленная «буржуйка» за несколько минут повышала температуру и настроение. Иногда Беловы из-за различных обстоятельств оставались ночевать на дачном участке. Они, уставшие за трудовой день, неторопливо поужинав, выходили на свежий воздух, садились рядышком на самодельную деревянную скамейку и смотрели на окружающее пространство, освещенное последними лучами дневного светила. Все их внимание было сосредоточено на

удивительном явлении природы: едва солнце начинало опускаться за горизонт, уменьшая свою активность, как тотчас, на менее освещенной части неба зажигались еле различимые глазом звездочки, число которых с каждой минутой значительно увеличивалось. И вот, наконец, бледная полоска неба на западе от закатившегося солнца исчезала, и на землю, как туман, опускался тусклый обволакивающий свет от далеких звезд и близкой луны. Дуновения слабого ветерка, образуемого поднимающимся вверх теплым воздухом от остывающей земли, доносили до супругов запахи из недалекого леса, темнеющего на пригорке у границы поля, перемешанные с запахами самого поля. Черное небо медленно, незаметно для глаз, перемещало над ними луну и великое множество сияющих созвездий. Иногда одна из них, прожив отмеренный ей срок, вдруг срывалась с небосвода и неслась к земле, чтобы, ярко вспыхнув, напомнить миру о своих последних секундах жизни. Когда становилось зябко, супруги заходили во временное жилище и, сдвинув кровати, ложились спать, тесно прижавшись друг к другу.

Все необходимые работы по земле и по воде, по дереву и по металлу, по электрике и по благоустройству территории и множество других Белов, обладая «золотыми руками», выполнял самостоятельно, без чьей либо помощи. Марию Васильевну, которая страдала сердцем, он жалел, разрешая ей выполнение только самых легких работ. Изредка, когда не хватало знаний, Иван Григорьевич покупал книги с рекомендациями по проведению строительных работ и использовал их как методические пособия. Долгие годы строительства не прошли даром: небольшой участок суглинистой земли в Подмосковье преобразился в обустроенное место, в центре которого возвышался деревянный одноэтажный дом с мансардой, покрытой двускатной шиферной крышей. Невысокая ограда из досок, окрашенных в зеленый цвет, с прочными деревянными воротами и прорезанной в них калиткой, опоясывала территорию. Вдоль ограды густились перемежающиеся между собой елочки, сосенки и лиственные деревья: липы, березы и рябины. Оставшееся место от хозяйственных построек и пригородной растительности занимали несколько яблонь, груш и слив, между которыми были высажены кусты черной, красной смородины и разбита небольшая клумба с цветами.

...В конце марта 2005 года, спустя год после смерти жены, военный пенсионер генерал Белов окончательно перебрался из московской квартиры на дачу. И, хотя он был коренным москвичом и большую часть жизни прожил в столице и привык с детства к нескончаемой суете огромного города, ежедневная

изматывающая толчея и, особенно непрерывный шум, доносящийся днем и ночью отовсюду, то усиливающийся, то слабеющий, раздражали его. Ему хотелось пожить в одиночестве, чтобы никто не мешал остаться наедине с самим собой и со своими мыслями.

— Папа, ну что ты выдумал? Ты вспомни, сколько тебе лет? Ведь тебе семьдесят восьмой годок пошел, за тобой уход и присмотр нужен, а ты собрался жить на даче, где ни тепла, ни удобств, ни горячей воды, ни телефона. Мамы не стало. А случись что с тобой? Мы же себе этого не простим. Давай мы к тебе переждем, или Коля у тебя пусть поживет, или Верочка, все тебе веселее будет. И мы будем за тебя спокойными.

— Лидочка, доченька, не могу я здесь больше. Плохо мне здесь. На душе плохо. Покоя нет. И варианты, которые ты предлагаешь, неподходящие. Коля в этом году школу заканчивает, за ним самим глаз да глаз нужен, чтобы с дурной кампанией или с наркотой не связался. Я с такой задачей не справлюсь. А Верочка уже заневестилась, вот-вот замуж выйдет. Ей же не запретишь жениха в дом приводить, а мне это не понравится.

— Папа, ну как ты рассуждаешь? Значит, ты изведешься, а мы нет? Раз тебе эти варианты не подходят, тогда живи один, как и жил. Тут и поликлиника, и товарищи твои рядышком. И неплохо бы тебе в этом году диспансеризацию пройти. И у нас с Федей под приглядом будешь. Имей в виду, я тебе переезжать на дачу не разрешаю. Я за тебя отвечаю, в конце концов.

— Ты, дочка, выслушай меня внимательно. С тех пор, как мы с твоей матерью на пенсию вышли, никто ни разу ни на какую диспансеризацию нас не пригласил. И не пригласит. Это только наши правители заявляют, что мы единственная страна в мире, в которой решен этот вопрос. Вранье чистой воды. Поэтому поликлиника мне ни к чему. И ты знаешь, что я вместо льгот выплаты взял. Мне теперь дорога только к платным врачам. За бесплатно меня только по большой просьбе примут. А тебе, доченька, и Федору, зятю моему, большое спасибо за заботу и внимание. Я себе плохого не хочу, а твоей семье тем более. Я тебе предлагаю свой вариант: соберите вещи и спокойно, без спешки, из своей двухкомнатной квартиры переезжайте сюда, на Преображенку. А когда Верочка выйдет замуж, то пусть молодая семья живет в вашей квартире.

— Папа, ну что с тобой поделаешь? Давай так поступим: ты живи летом на даче. А мы с Федей навещать тебя будем в выходные. Но только, чтобы к зиме вернулся в город, на зимние квартиры. И мобильник, прошу тебя, не выключай. Ты, как тебе ни позвонишь, постоянно недоступен.

— Доченька, надоели эти звонки. Звонят все кому не лень. А большинство звонков — никчемные, пустые.

Оставшись на даче в одиночестве, Иван Григорьевич с раннего утра и до позднего вечера вел хлопотливую жизнь, заполненную приятными и не очень приятными заботами. Ему не нравилось мыть полы и посуду, стирать и гладить белье, вытряхивать дорожки и убирать помещения и особенно готовить себе еду. Но он не мог себе позволить опуститься до такого состояния, чтобы питаться всухомятку, жить в неубранных комнатах, спать на грязных простынях и ходить в неопрятной одежде. А мужицкие дела, которые тоже никогда не кончались, наоборот, приносили ему истинную радость. И он, отдавая работе все свое время, каждый день трудился на подворье и в доме, не покладая рук. К позднему вечеру накопленная за день усталость давала знать о себе, но старик не торопился ложиться спать, зная, что могут нахлынуть воспоминания, которые вызовут бессонницу и разбередят душу. Грузно опираясь на отполированные перила скрипучей деревянной лестницы, Иван Григорьевич поднимался наверх в мансарду, включал старый телевизор, удобнее усаживался на диване напротив и смотрел в основном информационно-политические передачи. Он, проживший три четверти века и повидавший на своем пути всякое, не мог не сравнивать нынешнее состояние общества во всем его многообразии с тем, каким оно было раньше, в прошедшие годы, и делал для себя горький вывод о том, что его личные надежды и надежды поколения, к которому он принадлежал, на построение свободной и справедливой жизни, жизни, за которую они сражались и погибали, так и не сбылись. Являясь убежденным коммунистом, Иван Григорьевич верил в действие всеобъемлющего закона, удерживающего мир в равновесии — закона единства и борьбы противоположностей: света и тьмы. Но он понимал, что равновесие это условное. В определенный период развития в обществе могут бушевать войны, царствовать зло и несправедливость, и требуются долгие годы борьбы и многочисленные жертвы, прежде чем утраченное равновесие будет восстановлено. В любом обществе всегда предостаточно недовольных, не желающих жить той жизнью, которой они живут, и мечтающих о переменах к лучшему. Но нужен лидер, борец, который возглавит движение и примет на себя ответственность за происходящее. И вот такой руководитель находится. Придя к власти на обещаниях, он на практике начинает решать главную задачу: как по той справедливости, которая существует в его понимании, перераспределить между индивидуумами богатства, принадлежащие в разных количествах тем или

иным гражданам? Ленин, выражая волю бедного населения, провел крупномасштабную национализацию. Люди жили трудно, но безотказно действующий принцип: «От каждого по способностям, каждому по труду» позволял надеяться на справедливость. Ельцин, одурачив народ сказками про свободу и демократию, избрал в качестве регулятора справедливости в общественных отношениях механизм рыночной экономики, не позаботившись о необходимости создания законодательной базы на период перехода от социализма к капитализму. И понеслась, закружилась по стране грабительская приватизация, возглавляемая «семейкой». Вместо цивилизованного рынка в стране сформировался рынок криминальный, в котором олигархи, разбогатевшие преступным путем, стали играть главную роль. Каждый вечер Иван Григорьевич видел на телевизионном экране этих сытых, лощеных, уверенных в себе господ, присвоивших несметные богатства. Ему было неловко за президента, которому они при встрече со снисходительной улыбкой пожимали руку.

«Слабоват наш Владимир Владимирович, — размышлял Белов, — хотя и действует вроде бы правильно, но уж очень медленно. В цари нам желателен такой мужик, как Александр Лукашенко. Повезло белорусам. Вот воистину руководитель так руководитель. Как говорится, с большой буквы. В Белоруссии ни моря, ни нефти, ни газа, ни алмазов якутских, ни уральских кладовых, ничего, кроме картошки, нет. Да и та плохо родится. Вдобавок еще Америка стремится подмять белорусов. Но батька не боится за себя, а думает в первую очередь о своем народе и защищает его интересы. Поэтому живут белорусы лучше россиян по всем показателям: пенсии и зарплаты у них выше, льготы соблюдаются не так, как у нас, а закон, дисциплина и порядок значительно строже. И про олигархов у них ничего не слышно. И деньги на все находятся. А если бы Лукашенко имел наш газ и нашу нефть, то сомнений нет, он бы обеспечил каждому такой достаток, что мы жили бы, как при коммунизме. Но все равно уже то хорошо, что президент советские порядки понемногу возвращает. Начинает действовать единоначалие: Путин сказал — Госдума и Совет Федерации берут под козырек. Так и должно быть. Президент указал — пресса, телевидение, радио, все скопом, наваливаются то на того же батьку Лукашенко, то на Адамова, то на Саакашвили. Президент дал отбой — и ни одного кукареканья на эти темы нигде, ни в каком месте не сыскать со свечкой. Единственное, плохо, — переживал старик, — что Путин окружил себя людьми, явно не подходящими к руководству. А самому до глубины проблем

доходить, видимо, недосуг. Вот и гордятся глупости в масштабе государства. Так и со льготами получилось. И я, старый дурак, польстился на компенсацию за эти самые льготы. Теперь за все платить нужно».

Новые идеи президента по формированию национальных проектов, нацеленных на решение социальных проблем, накопившихся в обществе, Иван Григорьевич воспринял с большим интересом: «Правильно делает Владимир Владимирович, нужно большую часть накопленных от продажи нефти и газа денег людям возратить. Ведь они всему народу принадлежат».

Теперь ежедневно в девять часов вечера по первому каналу в программе «Время» и по второму каналу в десять вечера в «Вестях» Белов следил за первым вице-премьером в правительстве РФ Дмитрием Медведевым, которого Путин назначил Председателем президиума совета по национальным проектам, ответственным за их реализацию. Медведев ему нравился тем, что безо всякой бумажки, глядя прямо в телекамеры, очень умно и доходчиво, как на лекции преподаватель своим студентам, терпеливо объяснял телезрителям, как улучшат жизнь россиян национальные проекты. Но, оказывается, не все так просто. И, чтобы их реализовать, нужно преодолеть серьезные трудности. И первый вице-премьер перечислял их: в здравоохранении — уполномоченные министром здравоохранения и социального развития фармацевтические компании необоснованно взвинтили цены за лекарства. Жилье дорожает из-за несвоевременного выделения управленческими структурами земельных участков под застройку и из-за растянутого на годы процесса согласования планов строительства. Низкая рождаемость обусловлена отсутствием заботы о женщинах-матерях со стороны местных властей, а высокая смертность, в свою очередь, обусловлена низким уровнем здравоохранения. После каждого перечисленного недостатка Медведев делал многозначительную паузу, чтобы аудитория прочувствовала важность сказанного, и затем продолжал повествование. Из его слов получалось так, что плохая работа чиновников является основной причиной недостатков, мешающих людям жить нормальной жизнью.

«Нет, не в этом дело, — глядя в телевизор, задумывался Иван Григорьевич. — У нас действительно такие чиновники, которые мздоимствуют, наживаются за счет тех, кто к ним обращается, вымогают взятки за ту работу, которую обязаны выполнять по должности. Но эти чиновники порождены нынешней системой, в которой выше и лучше денег ничего не придумано. И как бы высоко ни поднимали им зарплату, какими бы суро-

выми мерами ни грозили за взятки, как бы беспощадно строго ни поступали с теми, кто попадает, — все эти меры могут удержать только единицы от соблазна разбогатеть, а глаза большинства чиновников с завистью будут взирать на своих успешных руководителей, а потом их взгляды будут устремляться все выше и выше, туда, к самой верхушке госаппарата, к высшей элите общества — крутым миллионерам, как правило, бывшим и действующим сотрудникам министерств и ведомств. И от денег, которые Путин и Медведев вбухивают в проекты, КПД составит, как у паровоза, не более 3—5 процентов».

Проверяя, как на местах организована работа по выполнению программы национальных проектов, первый вице-премьер без усталости колесил по стране. Поездки он заранее согласовывал с губернскими властями, помня о неудачном опыте внезапных проверок, проводимых министром внутренних дел Нургалиевым. Был период, когда вся страна с интересом наблюдала, как министр в идеально подогнанной по фигуре форме, начищенный и наглаженный, неожиданно появлялся в отделении внутренних дел, не где-нибудь на Камчатке, а всего в ста километрах от Москвы. Он вежливо, за руку, здоровался с опешившими, неряшливо одетыми в гражданскую одежду, давно не стриженными милиционерами, глядя на небритые с похмельными следами лица, интересовался состоянием здоровья, проходил по замусоренным и насмерть прокуренным помещениям, и только затем переходил к анализу состояния дел по учету преступлений и их раскрытию. После нескольких вояжей, так и не отыскав положительного примера, министр, очевидно, сам понял бессмысленность подобных проверок, которые не могут повлиять на улучшение состояния дел в огромной машине МВД и повысить авторитет милиции у населения.

«Вот молодец какой, — мысленно хвалил Дмитрия, просматривая очередной сюжет с участием Медведева, Иван Григорьевич. — Принимают, как некогда члена Политбюро. Приятно посмотреть, как хорошо организовано мероприятие. Помещения, в которых проводятся встречи, — просторные, чистые, светлые. Люди, которые его окружают, всем своим видом показывают, что жить стало лучше и веселее. Сам Медведев высказывается умно, сдержанно, вселяя в людей уверенность в том, что проблемы, возложенные на него, будут обязательно решены и лучшие времена обязательно настанут. И даже такая сложная проблема, как демографическая, тоже будет решена, но, правда, немного позже, к 2025 году».

В один из вечеров Белов по привычке сел смотреть программу «Время». Ничего особенно нового в жизни страны за день

не произошло. Показали первого вице-премьера Иванова, инспектирующего металлургический завод, на котором освоили производство стальных труб большого диаметра. Отвечая на заранее заготовленные вопросы о важности производства труб, Иванов вдруг переключился на транспортные проблемы. Он пространно стал рассуждать о том, что без хороших дорог экономикой поднять невозможно, но хорошие дороги должны быть обязательно платными и принадлежать собственникам, которые их будут более рачительно эксплуатировать, чем государство. А деньги на строительство платных дорог можно взять в государственном стабилизационном фонде. Рассуждая на тему организации дорожного движения, Сергей Борисович не обошел своим вниманием проблему дорожных «пробок» и предложил в качестве одного из методов борьбы с ними выделять в каждом крупном городе, на его окраине, места для проведения митингов, шествий и демонстраций. «И пусть, — с доброй улыбкой продолжал Иванов, — митингующие, если захотят шествовать, то ходят по кругу, сначала слева направо, а потом, если не устанут, то справа налево. И никому мешать не будут, и «пробок» в городе не будет».

Затем на экране Иванова сменил Медведев, который проверил ход выполнения национального проекта по возрождению сельского хозяйства в Курской области. Первый вице-премьер и курский губернатор во главе многочисленной свиты, состоящей из одетых с иголочки московских и курских чиновников, внимательно осмотрели свинарник, птичник и крольчатник, которые на деньги, взятые в кредит из специального государственного фонда, построил и наполнил живностью местный фермер. По ходу своего движения Медведев не наигранно, с удовольствием гладил тянущихся к нему и розовато-белых поросят, желтых пушистых цыпляток, пугливых длинноухих кроликов. Затем он, явно для телезрителей, стал распространяться на тему срочной необходимости увеличения производства сельскохозяйственной продукции и решения проблемы по ее реализации. Оказывается, до демократических перемен, в области работали на полную мощность пятнадцать мясо-молочных комбинатов. А теперь остался один-единственный с технологическим оборудованием, предназначенным для разделки мясной продукции, ввозимой из-за границы в стадии глубокой заморозки. Умелый телеоператор, крупным планом отслеживая каждое движение руководителей, иногда изменял ракурс телекамеры и за рубашкой премьера, сверкающей белизной, и за добротными воротами недавно отстроенного свинарника, вдруг открывался типичный просторный российский пейзаж с

нераспаханным и заросшим бурьяном полем, берегом тихой речки, поросшим ивняком, за которым прятались хилые деревенские избы.

«Неужели про людей не спросит? — глядя в телевизор на Дмитрия, спрашивал у себя Иван Григорьевич и огорченно качал головой. — Нет, не спросит. Так и получается: приедет большой руководитель, побудет на спектакле, в котором ему отведена почетная роль, скажет то, что положено, а назавтра ту же роль сыграет уже в другом месте. Ведь в деревне, в которую он приехал, не только фермер со своими свиньями, курами и кроликами живет. А где же люди? А они рады тому, что появился новый помещик или нет? А им кто поможет преодолеть лихолетье? Местный кредитор, правительственный чиновник или губернатор?»

В соответствии со сценарием, в пределах отведенного времени, деревенский фермер стал задавать ответственному за национальные проекты вопросы о налогах, об оплате за потребляемые электроэнергию и ГСМ, о гарантированной возможности продажи государству произведенной продукции, о необходимости провести газ на фермерское хозяйство. Ничего нового в ответах Дмитрия Белов не услышал: налоги нужно уменьшать, стоимость электроэнергии и ГСМ регулировать с помощью государственных рычагов, продукцию закупать по вполне приемлемым ценам, а газификацию нужно продолжать.

— Я считаю, — четко выговаривал фразы первый вице-премьер, — недопустимым такое положение, когда Россия, великая газовая держава, снабжающая полмира своим газом, не в состоянии обеспечить природным газом большинство населения страны. Уровень газификации российских городов составляет всего 61 процент, а на селе — лишь 36 процентов. Это форменное безобразие. А причину следует искать в произволе чиновников, в произволе местных властей не желающих видеть дальше своего носа. В свое время один известный политик выдвинул лозунг: «Состояние общества — это власть плюс электрификация всей страны». И этот политический лозунг решительно повлиял на экономическую и социальную жизнь народа. Я не принадлежу к политикам такого ранга, я просто один из руководителей правительства, но считаю, что к действующим национальным проектам по жилью, здравоохранению и демографии, образованию и сельскому хозяйству нужно в обязательном порядке добавить еще один — газификацию всей страны. И я требую, чтобы на местах, а это, без сомнения, должно коснуться любого российского региона, действовал лозунг «...плюс газификация всей страны». Реальная газификация по-

---

зволит существенно улучшить жизнь тринадцати миллионам человек. Той части нашего населения, которая бедствует, проживая без газа. Особенно это касается села. Как Председатель совета директоров «Газпрома», лично я приму решительные меры по поддержке газификации в стране. И предупреждаю региональных руководителей, что впредь, проверяя ход выполнения национальных проектов, наряду с ними буду проверять ход выполнения планов по ускоренной газификации населенных пунктов. И еще одно само собой разумеющееся требование: газификация частного сектора должна осуществляться за минимальную плату, а гражданам, отнесенным к категории малоимущих, — вообще бесплатно.

Слова Медведева запали в память старика. Он давно мечтал, еще вместе с Марией Васильевной, подвести газ к своему дому. Но организатора решения такой сложной задачи в садовом товариществе не находилось. А теперь, по нынешней моде, богатые владельцы усадеб, скупившие по соседству земельные участки и построившие на них дворцы для себя и дома похуже для охраны и челяди, обеспечивали инженерное обустройство своих владений всем необходимым индивидуально. Проектировщики, а затем строители быстро и качественно, разумеется, за хорошие деньги, по индивидуальным проектам изготавливали и отлаживали до эксплуатационного состояния основные и резервные системы электроснабжения, водоснабжения, канализации, отопления, газоснабжения и т.д.

Дочка с зятем не забывали об отце. По установившемуся порядку старик в половине девятого вечера звонил дочери и докладывал о своем житье-бытье и о здоровье. А Лидочка коротко сообщала о семейных новостях, в целом не очень радостных. О том, что свадьба Верочки с ее женихом расстроилась из-за несовпадения взглядов молодых на содержание статей составляемого ими брачного контракта. И еще о том, что Коля хорошо справляется с учебой в юридической академии, но приближается срок оплаты за обучение на первом семестре, а денег, как всегда, нет.

— Доченька, — укоризненно выговаривал Иван Григорьевич, — ну, как же так? Ты же мне обещала, что будешь пользоваться моей сберкнижкой. Я же тебе доверенность на целых три года оформил. Что же вы бедствуете, а деньги-то в семье есть. Еще раз тебе говорю: у меня отдельно от вас денег нет. Все мое — это ваше.

— Папа, не все так просто. Тебе тоже деньги нужны. И дачу нужно обустроить, да и отдохнуть, может быть, куда поехать надумаешь. А одежда, питание? Давай договоримся, что ты себе

ни в чем отказывать не будешь. А если какие резервы появятся, то тогда я ими воспользуюсь.

Всю свою жизнь Белов хранил деньги в сберегательной кассе. Ко времени проведения ельцинских экономических реформ накопления в его семье, семье боевого летчика-истребителя, Героя Советского Союза, привыкшего жить скромно и экономно, составляли четверть миллиона рублей. Иван Григорьевич был не бедным человеком, и, пользуясь эталоном того времени — стоимостью «Жигулей», теоретически мог приобрести сразу пятьдесят таких автомобилей. Но демократические реформаторы совершили то, что в любой другой стране было невозможно: обнулили трудовые сбережения, сделав нищими состоятельных людей. Теперь деньги генералу-отставнику из Министерства обороны и фондов социальной защиты населения перечислялись на его сберкнижку.

В середине июля бумажкой, наклеенной на заборную калитку, инициативная группа садового товарищества пригласила Ивана Григорьевича на собрание для решения вопроса газификации участков. Дачники, примерно человек двадцать пять—тридцать, собрались в обеденное время на лужайке подворья Володиных, имеющих опрятный двухэтажный кирпичный дом. Собрание проходило бестолково. Большинство из присутствующих помалкивали. А несколько человек, наиболее ретивых, перебивая друг друга, горячо доказывали необходимость подведения газа к дачным домикам. Вдруг, перекрывая другие голоса, прозвучал властный голос: «Ну, хватит!» Произнес их владелец соседнего, огороженного металлическим четырехметровым забором большого земельного участка, на котором, как гора над равниной, возвышался трехэтажный особняк, построенный по типу барского дома, а за ним выглядывали хозяйственные постройки. «Тихо, тише, — зашелестело среди дачников. — Сергей Владимирович говорить будет».

Сергей Владимирович, грузный и высокий мужчина пенсионного возраста, крупноголовый, с грубыми чертами лица и бурым мясистым носом, был немногословен,

— Хватит болтовней заниматься. Корешков, говори, — кивнул он стоящему рядом с ним вихрастому парню.

— Кто не знает, меня зовут Андрей. Вон мой дом, — парень ткнул пальцем в сторону одного из близлежащих строений. — Я ходил в газовый трест и все разузнал. Газ подвести можно. Вначале нужно написать заявления. Вот образец. — Корешков достал из кармана и развернул сложенный на четвертушку лист

бумаги. — Чем больше желающих будет, тем меньше надо будет платить за газификацию. Но меньше семи тысяч не получится. Те, кто согласен, деньги сдавайте мне.

— Семи тысяч, чего?

— Чего, чего? Долларов, не деревянных же.

— Вы должны понять, — бесцеремонно перебил Андрея богач, — если сегодня нужно заплатить всего семь тысяч, то завтра придется платить дороже.

На этом собрание закончилось. Белов горько вздохнул, понимая, что такие деньги ему не найти. Но заявление все-таки написал и побрел по разбитой тяжелыми грузовиками проселочной дороге домой.

...Лето отступило перед осенью, и с каждым последующим осенним днем Иван Григорьевич вынужден был все больше времени проводить у печки, отапливая жилище. Зимой хлопот, естественно, добавлялось, но большинство из них не были старику в тягость. Ему нравилось в морозную пору до завтрака выйти из дома одетым в привычную летнюю форму и, поскрипывая унтами из собачьего меха, в рассветных сумерках очищать от выпавшего за ночь снега дорожки

Ранним утром по понедельникам старик выгребал из печки золу, накопившуюся за неделю. Из всего перечня работ, связанных с отоплением жилья, именно эта процедура была для него самой неприятной. Открыв полностью чугунную дверцу поддувала, он аккуратно погружал совок в золу, и пересыпал ее в помойное ведро, заранее на четверть наполненное водой. Но как он ни старался, часть золы пыльным облаком, почти незаметным для глаза, повисала в воздухе, а потом оседала на стенах, обшитых, потускневшей от времени вагонкой, на клеенчатую поверхность кухонного стола и на пол, окрашенный темно-коричневой краской. Золу по деревенской традиции он высыпал на проселочную дорогу перед домом.

Нечасто, примерно один раз в две-три недели в послеобеденное время к Ивану Григорьевичу заглядывал Малыгин Борис, председатель садового товарищества.

Председатель проходил к столу, садился на табурет и смотрел, как старик ставит на стол чайную посуду, полулитровую стеклянную банку с домашним смородиновым вареньем, соевые пряники в целлофановом пакете, раскрытую килограммовую пачку сахара-рафинада. Как он, ополоснув чашки кипятком, наливает в них кипяток до половины и уже затем наполняет их почти до краев заваркой, распространяя в воздухе запах летнего разнотравья, в котором перемешаны с мятой земляника, душица и малина.

— Чаек у вас отменный, Иван Григорич, — размешивая маленькой ложечкой три кубика сахара, брошенных в чашку, начинал беседу Малыгин. — Я одной чашкой не обойдусь.

— Пей на здоровье, Боря.

— Спасибо. У меня-то здоровье нормальное. А у вас как?

— Тоже пока в пределах допуска. Жаловаться не на что. Все нормально. Продукты зять с дочерью на той неделе завезли. Свет есть, в доме тепло, телевизор работает. Так что живу я хорошо. Кстати, Борис, ты данные счетчика запишешь?

— Пока не буду. У вас на месяц вперед уплачено. С печкой-то вам, поди, тяжело управляться, товарищ генерал? Мы еще в прошлом году себе газ подвели. Знаете, какая красота: горит себе и горит. Какую хочешь температуру, такую и делай. Так что, если замерзать будете, то приходите. Мы с женой вам всегда рады. Иван Григорич, а вы знаете, что по вашей третьей очереди теперь тоже две газовые линии проведены? Одна идет вдоль лесной улицы. Ее Павел Васильевич Кесарев организовал. Он и газовый шкаф, газовики его ГРП называют, поставил недалеко от дома. А вторую нитку вдоль вашего порядка протянул Профессор. Она до ваших соседей Пулатовых доходит.

— Слышал об этом. Али Ахметович меня агитировал, чтобы я вместе с ними газифицировался. Он и деньги займы предлагал. Но семь тысяч долларов для меня дорого. Надеюсь, что в ближайшее время подвод газа дешевле сделают. Ты Медведева по телевизору слушаешь? Он же газификацию в приоритетные программы заявил.

— Иван Григорич, ну что вы на самом деле? Такое только при советской власти было возможно. А мы живем при капитализме. Теперь все, куда ни плюнь, будет с каждым днем дорожать. А электроэнергия, газ, бензин, дизтопливо, так называемые «энергоносители» — в первую очередь. Товарищ генерал, — прожевывая очередной пряник и прихлебывая маленькими глоточками чай, продолжал рассуждать Малыгин, — вот вам голые факты: стоимость одного куба газа на первое января была рубль ноль одна копейка, с пятнадцатого апреля подняли до рубля двадцати двух копеек, а с первого июля мы платим по новой цене — по рублю тридцать девять. Нормально? А мы говорим про инфляцию в десять процентов. Дурачат нас правители. И почему я за газ, бензин, электричество должен платить одинаковые деньги с иностранцами, которые от нас этот газ и нефть получают? Ведь за границей реальные доходы населения раз в десять выше наших. Там пособие по безработице, наверняка, больше вашей пенсии, товарищ Герой Советского Союза. Вы рекламу газпромовскую помните?

— Конечно, помню: «Газпром» — национальное достояние», то есть принадлежит, в том числе, и мне, Боря, и тебе. Правда, я лично от владения этим национальным достоянием ничего не получил.

— Я об этом вам и говорю, Иван Григорич.

Старик, заметив, что чашка председателя опустела, снова наполнил ее до краев.

— Варенье что не берешь, Борис? Кушай с пряниками. Ты меня, Боря, своим рассказом о таком сумасшедшем росте цен на газ сильно расстроил. Предполагал я, что с газом в нашей стране безобразия. Но чтобы такое творилось, и представить не мог.

— Иван Григорич, теперь по существу вашего вопроса: я о вас и с Кесаревым Павлом Васильевичем, и с Профессором говорил. Они говорят, что если вы серьезно озабочены, то, конечно, они вам помогут.

— Я на полном серьезе. А они-то мне чем помочь могут?

— Ну, как. Они говорят, что все равно, к кому бы вы ни обратились, вам придется к ним идти на поклон.

— Почему к ним? Они, что ли, газ проводят? Это дело, насколько мне известно, в руках государства.

— Отчасти так. Руки-то государственные, а пальцы-то частные, — протянул в качестве доказательства через стол свою крепкую тяжелую руку Малыгин, сжимая пальцы в кулак и разжимая их. — А пальцами-то мы все и делаем. Я вам советую, товарищ генерал, по возможности сблизиться с Сергеем Владимировичем. Он своим пальцем шевельнет, и будет вам газ.

— Борис, а почему его Профессором кличут? Внешне на интеллигента он не очень похож.

— Да я сам точно не знаю. Фамилия у него простая Попов. Одни говорят, что он до пенсии работал профессором в МГУ. А другие намекают, что клички не всем подряд приклеивают. Например, ни у вас, ни у меня кличек нет.

— Сколько нужно получать за профессорские труды, какие же, Борис, нужно открытия совершить, чтобы такую судьбу выкупить и на ней строения поставить стоимостью не менее чем в несколько миллионов долларов?

— Думаю, что тридцатью тысячами баксов в месяц не обойдешься. Иван Григорич, а вы сколько американских самолетов сбили?

— Да я тебе рассказывал, Боря.

— За сбитые платили?

— За каждый нет. А расплачивались с нами не деньгами, а наградами. Лично я Героя получил, орден Ленина, два боевого

Красного знамени и остальные награды помельче. Всего двадцать три. Зато теперь платят пенсию хорошую.

— Иван Григорич, таких, как вы, в стране единицы. Все мы, русские, в долгу перед вами. Не олигархам, а вам надо дворцы построить. И не такие, как у Профессора, а в тысячу раз лучше, и чтобы обеспечить вас всем.

— Подожди, подожди, Боря. Это ты уж через край хватил. Представь, что я буду жить, как Герой, при коммунизме. А как нам быть с инвалидом солдатиком, которому в Афгане или в Чечне в первом же бою ногу оторвало, и он всю жизнь горе мыкает? А со вдовами летчиков, моряков, пехотинцев? А с их детьми? Чем они меня хуже? Нет. Со мной ты не прав. Хотя я, Боря, был бы не против, если бы мне, к примеру, газ на дачу провели без очереди и по льготной цене.

Вечером, растопив печь, Белов позвонил Кесареву и попросил у него совета относительно своих действий по порядку газификации дома.

— Иван Григорьевич, действия твои самые простые. Мы газ себе подвели, поэтому тебе лучше идти по проторенному нами пути. Сначала нужно съездить в газовую службу в Павлиху. Там написать заявление. К заявлению приложить ксерокопии паспорта и документов на землю и на садовый дом. А дальше тебе скажут, что делать.хлопот предстоит не просто много, а очень много. Мы, когда начинали газом заниматься, решили сами не бегать, а газового агента нанять. Она берет недорого, а оформляет все разрешительные документы быстро. Но ей доверенность надо давать на ведение дел.

— Я начну сам, а там видно будет. У тебя, Павел, телефон службы есть?

— Телефон есть, но по нему вряд ли дозвонишься. Он будет занят постоянно. Лучше съездить. А телефон запиши. — Кесарев продиктовал Ивану Григорьевичу телефон газовой службы и, на всякий случай, телефон агента, Леры Пустоваловой.

На другой день, утром, часов в десять, преодолев автомобильные пробки, старик заехал во двор родного дома в Москве, поставил «Жигули» в гараж, поднялся на лифте на шестой этаж и, зная, что в квартире никого нет, открыл ключом дверь. Дочь с зятем были на работе, а Коля, внук-студент, на учебе. Иван Григорьевич прошел по комнатам. По расположению мебели, одежде, вещам и другим признакам ему было видно, что зал Лидочка с мужем приспособили для себя, а в детской обосновался Николай. И только спальня сохранила тот облик, который был раз и навсегда установлен его женой, покойной Марией Васи-

льевой. Казалось, что время в этой комнате остановилось: так же без единой складочки была застелена покрывалом кофейного цвета двуспальная кровать, над которой висела в деревянной рамке большая семейная фотография молодой четы Беловых, в углу громоздился платяной шкаф с зеркальными дверцами, отражающими легкий ажурный тюль на окнах и тяжелые плотные ночные шторы, сдвинутые к самым краям подоконника. Старик постоял несколько минут перед фотографией, вглядываясь в молодое лицо жены, затем, поборов свою слабость, достал из прикроватной тумбочки документы, выбрал необходимые, а остальные положил обратно. Потихоньку, стараясь не нарушить покой спальни, он вышел из квартиры, спустился вниз, по детской площадке прошел через двор к остановке автобуса. До почты ему нужно было проехать всего две остановки. На следующей остановке, вместе с вошедшими пассажирами на переднюю площадку, смешно переваливаясь с боку на бок и непрерывно виляя закрученным в кренделек хвостом, забежал щенок. Он, толстый и мохнатый, стал кружиться на своих коротких лапках между ног пассажиров, обнюхивая их, чтобы уловить знакомый хозяйский запах.

«Потерялся, что ли? — глядя на маленькое животное, раздумывал Иван Григорьевич. — Может быть, вывели на улицу, а он заигрался и потом его не нашли? Не похоже. Видно, что он породистый, смысленый и преданный. Такие не теряются. Скорее всего, раз он хозяев в транспорте ищет, то, наверное, посадили в машину, вывезли в другой район города и высадили. А ошейник кожаный и дорогой не сняли, чтобы создать образ потери. Видимо, богачи купили ребенку в подарок щенка, как живую игрушку. А за ним не меньше, чем за ребенком, присмотр и уход нужен. Не в каждой семье с такой задачей справиться могут. А она, дурашка бедная, думает, что ее потеряли».

Выйдя на остановке «Почта», старик дождался, когда на пешеходном светофоре загорится зеленый силуэтик, перешел дорогу и направился к дверям почтового отделения. К его удивлению, живой мохнатый комочек увязался за ним, не отставая ни на шаг, хотя он не показал своего расположения к нему ни словом, ни жестом. Открыв почтовую дверь, Белов оглянулся, и увидел, что собачонка, стараясь изо всех сил, карабкается наверх, преодолевая одну ступеньку крыльца за другой. Наконец щенок преодолел препятствие, бросился к нему, радостно твякнул и ткнулся носом в его ногу.

«Только мне этого не хватало под старость лет, — пронеслось в голове у Ивана Григорьевича. — Возни-то с ним сколько. От роду, наверное, месяца два или три». Но холодную рассудитель-

---

ность уже захлестнула теплая волна жалости и нежности и, неожиданно для самого себя старик резко наклонился, схватил малыша на руки и прижал его послушное тяжеленькое тельце к себе, вдыхая вкусный запах собачьей шерсти. Щенок, бурно выражая радость, несколько раз лизнул в лицо «нашедшегося хозяина».

— Ну что, вот мы на почту и сходили, — поглаживая щенка, заговорил с ним старик. — Давай пойдем на новое место жительства, будем тебя обустраивать. Только, чур, уговор, чтобы меня слушаться. По породе ты вроде лайка. А вот мальчик или девочка, пока не пойму? Кажется, девочка. А как тебя зовут? Лайка, что ли? — Лайка, двигая небольшими, треугольной формы острыми ушками, внимательно вслушивалась в голос хозяина, не сводя с него округлых, темно-карих глаз. Белов вздохнул, опустил животное на покрытую снежком лестничную площадку и, неспешно, чтобы щенок не отстал, пошел домой. В квартире он занес собачку в ванную комнату, вафельным полотенцем вытер на нем вначале шерстку, а потом лапки. Лайка, почувствовав свободу, непрерывно виляя хвостиком, вышла из ванной и с написанным на хитрой мордочке любопытством стала бесстрашно обследовать квартиру. А Иван Григорьевич взял на кухне две небольшие металлические миски, в одну налил молока из пакета, а в другую положил выловленную из кастрюли с гороховым супом разваренную кость — рульку. Почувствовав запах съестного, лайка прибежала в кухню и стала тереться о ногу хозяина, поскуливая.

— Подожди минутку, ласковая моя, — заворчал мягким голосом старик, — не спеши. Тебе холодное есть нельзя. Можешь простудиться. Я сейчас подогрею. — Белов включил две конфорки на электроплите и подогрел молоко и косточку. Подумав, он вынес миску с теплым молоком на застекленный балкон, определив его угол местом для кормления лайки. Щенок тут же уткнулся носом в миску и, потешно двигая язычком и, чавкая, стал пить молоко. Управившись с молоком и облизав миску, собачка села и вопросительно стала смотреть на хозяина. — Первое скушала, молодец, хорошая девочка. Теперь можно кушать второе. — Иван Григорьевич поставил перед лайкой миску с рулькой, а пустую чисто вымыл и, налив в нее воду из крана, поставил возле щенка, который обглодав косточку, хотел было еще погрызть ее, чтобы поточить зубки, но стал проявлять беспокойство и, как понял старик, стал разыскивать для себя укромное местечко, чтобы оправиться.

— Нельзя! — строго произнес хозяин. — Ждать! Ко мне! — Он схватил куртку и шапку, сунул ноги в теплые ботинки и выс-

---

кочил на лестничную площадку. Живой черный шарик с белыми подпалинами весело покатился за ним.

Возвратившись с прогулки, Иван Григорьевич расстелил на балконе небольшой прикроватный коврик, позвал к себе щенка командой «Ко мне!», положил его на коврик и стал, поглаживая рукой гладкую спинку, ровным и спокойным голосом повторять одно и то же слово, чтобы оно запомнилось засыпающей собачке: «Место, место, место, место». Лайка послушно вытянулась на коврике, глаза ее стали закрываться, хвостик стал влиять реже и реже, и, наконец, она заснула.

Николая, который около трех часов дня возвратился из академии домой, любознательная собачка встретила в коридоре. Он поднял ее на руки и, ласково тиская, стал выяснять у деда историю приобретения животного. Выслушав рассказ Ивана Григорьевича, Николай вызвался сбегать на почту, чтобы ксерокопировать документы, а заодно заскочить в магазин за поводком и кормом для щенка.

— Ты, внучок, вначале сам покушай, а потом уже иди. Да, в магазине пообстоятельней расспроси продавцов про содержание собак. И еще просьба: зайди в книжный магазин и купи там книжку по воспитанию лаек. Денег не жалея. Да, Коленка, по ходу движения, внимательно посмотри объявления. Может, щенок на самом деле потерялся. Тогда придется его возвращать владельцам. Ты все понял?

— Понял.

Вечером после ужина семья Беловых решила устроить запланированные смотрины лайке. Но она, вычищенная и вымытая, никак не хотела сидеть на одном, указанном ей месте, а носилась по комнатам и балкону, стремясь каждое свое действие превратить в игру с людьми.

— Папа, как эту красавицу назовем? Может быть «Краса» или «Чара», в смысле очаровательная.

— Лидочка, действительно, собачка красивая. И предложения твои хорошие. Но нам нужно ей подобрать не имя, а кличку, чтобы она отражала лучше не внешность, а черту характера, или окрас, или манеру поведения.

— Дедушка, есть у меня хорошее предложение. Я как будущий юрист исследовал факт появления собаки в нашем доме и признаю, что она не приобретена, а найдена, то есть является найденным. И логично было бы ее назвать «Найдой». Эта кличка напоминала бы нам, с одной стороны, о происхождении животного, а с другой — это имя созвучно с «Надеждой», которое в себе одновременно объединяет женское начало и веру в светлое будущее.

— Молодец, внучок! Сильный, логичный ход, — похвалил дед. — Видно, что не даром ты студенческий хлеб жуешь. Но, мне кажется, что наша девочка очень умная, и, если ей все время напоминать, что она найденыш, то это ей наверняка будет казаться обидным.

— Ласка, Ласка, Ласка, — позвал щенка Иван Григорьевич. И собачка, откликнувшись на кличку, встрепенулась, соскочила с Лидочкиных колен на пол и, виляя крендельком хвостика, подбежала к старику.

Появление собаки внесло изменения в устоявшийся уклад жизни пенсионера Белова. Если раньше все свое время он посвящал исключительно заботам о себе, дочке и ее детях, то теперь значительную его часть поглощала Ласка. Чтобы ее правильно содержать и воспитывать, Иван Григорьевич проштудировал книги «Рассказы о собаках» и «Энциклопедия собак», которые купил ему внук, а поняв, что сведений, почерпнутых в них, ему недостает, через товарищей достал книжку «Лайки», изданную небольшим тиражом еще в советское время.

В среду старик приехал в поселок Павлиха в газовую службу. Поставив «Жигули» на свободное место обширной, сплошь заасфальтированной стоянки для автомобилей, генерал предъявил паспорт въедливому молодому охраннику, стоящему у входной калитки. Получив у него разрешение, вошел по ступенькам на высокое крыльцо здания, по коридору первого этажа дошел до лестницы на второй этаж, поднялся по ней и, читая таблички на кабинетах, нашел нужную: «Начальник газовой службы Н.П. Остапова». Переждав часовую очередь, пенсионер вошел в кабинет, представился и, получив разрешение присесть, коротко изложил суть своего вопроса. Надежда Петровна, немолодая доброжелательная женщина, выслушав старика, по селекторной связи дала указание своей сотруднице принести план газификации территории, прилегающей к дому Белова. Получив схему расположения газовых коммуникаций, она развернула ее на столе.

— Смотрите. Вот ваш дом. Вот улица, на которой он расположен. Вдоль улицы проложена газовая труба диаметром сто десять, которую мы протянули в прошлом году. Одним своим концом она примыкает к ГРП (газораспределительному пункту), а вторым подходит к дому вашего соседа. Из этой трубы домовладельцы по вашей улице отбирают газ на собственные нужды. Но первую сто десятую газовую трубу мы проложили два года назад вдоль улицы, которая идет перпендикулярно вашей. Она питается газом от того же самого ГРП.

— Мне все понятно, Надежда Петровна. В принципе труба с газом рядом. А мне-то газ можно получить? И что для этого нужно сделать? Потом, неудобно об этом говорить, но, может быть, мне какие льготы положены как генералу в отставке, военному пенсионеру, Герою Советского Союза.

— Иван Григорьевич, позвольте, я договорю до конца, чтобы у нас было единое понимание вашей проблемы и вариантов по ее решению. Причем, лучший вариант, самый быстрый по времени реализации и наименее затратный мы постараемся реализовать.

— Хорошо, я слушаю.

— Спасибо. Первый вариант. Вам нужно обратиться к председателю вашего товарищества с просьбой о направлении в мой адрес заявки на проектирование газовых коммуникаций. Мы сделаем проект и газифицируем те дома, владельцы которых этого захотят, в том числе и ваш дом. Так как к нам никто по этому вопросу не обращается, а за проект нужно заплатить, то, естественно, плана газификации вашей территории нет. Вариант второй. Вам нужно обратиться к владельцам газовой сто десятой трубы, проложенной вдоль вашей улицы, с просьбой о разрешении подключить к ней ваш дом.

— Как? — не выдержал старик. — Я не понял, что значит «владельцы газовой трубы»? Она что? Не принадлежит государству?

— Да, товарищ генерал, не принадлежит государству, а является частной собственностью ваших семерых соседей, «великолепной семерки», которые ее проложили на свои деньги.

— Да как же так? Кто же это разрешил? И разве это законно?

— В нашей стране все делается по закону. Газовые коммуникации разрешили приватизировать при Ельцине. Если, к примеру, вы получите разрешение и проложите свою трубу, то беспрепятственно можете оформить ее в свою собственность. А если хотите пользоваться уже проложенной, то нужно согласовать вопрос с собственниками. Владельцем ГРП и первой линии является Кесарев, а второй — Попов. Кстати говоря, о том, что вы ко мне собираетесь прийти, меня предупредили заранее. Кесарев звонил. Мне кажется, что настроен он по отношению к вам весьма благожелательно. И самым хорошим для вас, чрезвычайно заслуженного человека, является третий вариант. В этом случае вам нужно обратиться с просьбой в инстанцию более высокого уровня, которой мы подчинены, в «Кольцово-межрайгаз». У начальника этой структуры нужно получить разрешение на подключение вашего дома к принадлежащей государству газовой трубе с использованием системы домового ре-

---

гулирования. Вот, посмотрите. Видите, ваш дачный участок одной стороной примыкает к шоссе.

— Да, так и есть.

— А вдоль этого шоссе проложены три газовые трубы. Одна из них пока еще государственная. Получив разрешение, принесете его мне, и я, как территориальный руководитель государственной структуры, для вас все организую наилучшим образом.

— Спасибо, Наталья Петровна. Мне было очень приятно с вами познакомиться. Буду действовать именно так, как вы советуете. До свидания.

— Иван Григорьевич, подождите прощаться. Запишите мой мобильный телефон на всякий случай. По городскому сюда не дозвонишься.

Довольный результатами поездки, старик возвратился домой, вдоволь позанимался с маленькой Лаской, принес в дом несколько вязанок дров и аккуратно сложил их у печки. Потом маленьким топориком наколот лучины, растопил печь, замечая по тонким струйкам дыма, что неплохо было бы ее затереть, наскоро перекусил и попил чаю.

Вечером, не откладывая на «потом» решение вопросов, старик позвонил председателю Малыгину и рассказал ему о своей поездке к Остаповой.

— Нет, товарищ генерал, писать заявку на составление схемы газоснабжения вашего поля, я, при всем моем уважении к вам, не буду. У меня в кассе на эти цели финансов не предусмотрено. Если хотите, то проявите инициативу, соберите с желающих деньги, на них закажите разработку документов. Да что я говорю, вы и сами без моей подсказки знаете, как дело организовать. Но если где-то нужна будет моя подпись, то я всегда подпишу и печать поставлю, не сомневайтесь.

— Не по зубам тебе этот орешек, — усмехнулся, закрывая крышку мобильного телефона, старик.

Проявляя последовательность, Белов позвонил Кесареву.

— Иван Григорьевич, мы рады будем тебя присоединить к себе. Но, ты же знаешь, что я только за ГРП отвечаю, а тебе нужно получить согласие на присоединение к трубе. Это вопрос не мой, а Попова. Переговори с ним.

— Вас, кажется, Иваном Григорьевичем зовут? — в ответ на приветствие старика пробасил в трубке голос Профессора. — Мне ваша проблема известна. Я согласен дать газ из своей трубы. Цена вопроса — десять тысяч долларов. Принесете деньги, получите справку. Все остальное решайте сами. Надумаете, звоните. — Раздался шелчок, и трубка замолчала.

«Вот так, ничего себе, — задумался Белов. — Каждый из семерых теперешних владельцев трубы заплатил по семь тысяч долларов и получил газ. А с меня требуют только за бумажку-согласие десять тысяч долларов. Сумасшедшие деньги. Но, кроме этого, потребуется наверняка не меньшая сумма на оформление документов, прокладку траншеи, укладку в нее труб и всего-всего прочего. Таких денег мне точно не отыскать. Да если бы и были, зачем я их буду «профессорам» дарить? Нужно попытаться решить вопрос по-другому».

В погожий мартовский денек, гуляя с Лаской по улице, расчищенной от снега с помощью тракторной лопаты лесником Фомичевым, Иван Григорьевич встретился с соседом, младшим из братьев Пулатовых, Али Ахметовичем. Али согласно кавказскому этикету поинтересовался у старика состоянием здоровья его самого и членов семьи, положением дел и выразил готовность при возникновении надобности оказать любую возможную помощь. Подрастающая собачка вначале весьма недружелюбно восприняла появление незнакомого ему человека, но, почувствовав по интонации в голосе хозяина, что незнакомец не представляет для него опасности, успокоилась и занялась исследованием заснеженных окрестных пустыющих полей с множеством следов и острых запахов мышей, птиц, зайцев и прочей живности.

— Иван Григорьевич, где вы такого красавца раздобыли? Это же охотничья лайка.

— Да, лайка. Но не красавец, а красавица по кличке Ласка. Но, я прошу вас, пока девочка не подросла, сделайте вид, что вы не обращаете на нее никакого внимания. Она должна знать только одного хозяина и верить только ему одному.

— Я вас понимаю. Не переживайте, я систему воспитания собак по методу генерала Белова не нарушу. А все-таки, Иван Григорьевич, где вы такую собачку достали? Я, глядя на вас, для своих мальчиков тоже такую бы купил.

— Али, этого щенка выбросили на улицу, а я случайно наткнулся и подобрал. Это охотничья порода. И жаль, что я не охотник и, в будущем, не смогу дать ей возможность проявить свое призвание. А ведь каждая тварь на земле должна заниматься тем делом, которое ей предопределено судьбой. Поэтому примите мой совет: вам следует завести собаку с охранным инстинктом. Чтобы она была и красивой, и хорошим другом для ваших трех сыночек, и настоящим сторожем. Кстати, Али, я задумал газ подвести к себе. Вы же совладелец трубы? Посодействуете?

— Товарищ генерал, да, формально я совладелец. Но, честно говоря, когда газом стали заниматься, я только деньги платил.

Трубу подвели, книжку газовую выдали, чтобы по счетчику платил, что мне еще нужно? Денег ушло около шести-семи тысяч, не больше. А в чем у вас сложность?.. А, понятно, — вникнув в ситуацию, произнес Али. — Иван Григорьевич, я сегодня переговорю с Поповым, а потом вам перезвоню. И еще, прошу вас, по любому вопросу обращайтесь или ко мне, или к Умару. Мы всегда поможем. А денег не будет на газ хватать, одолжим. По нашим кавказским законам мы к соседям относимся, как к братьям. А газ надо вам подвести обязательно. Нам же из окон видно, как вы мучаетесь и с дровами, и с водой, и с золой.

И действительно вечером Али позвонил.

— Иван Григорьевич, я, как и обещал, поговорил по вашему вопросу с Сергеем Владимировичем. Но, как я понял, он хочет на нашей трубе бизнес делать. Заставить платить того, кто захочет присоединиться, по десять тысяч. Чтобы с этой десятки по тысяче получил каждый из нашей семерки, а три тысячи — это плата Кесареву за пользование ГРП. Сосед, если вас такой вариант устроит, то можете заплатить девять тысяч. Считайте, что свою тысячу я у вас уже взял.

— Спасибо, Али, я подумаю. Может, какой другой вариант подберу. Для меня, что девять, что десять тысяч за справку все равно дорого.

На следующий день старик позвонил Остаповой и коротко сообщил ей о том, что первые два варианта не состоялись. Наталья Петровна посочувствовала пенсионеру и порекомендовала записаться на прием по личному вопросу к районному газовому начальнику Клюкину.

Приветливая, судя по телефонному общению, девушка Елена, взяв трубку в приемной «Кольцово-межрайгаза», внимательно выслушала генерала Белова и записала его на прием к своему начальнику на одиннадцать часов утра ближайшего понедельника. Она подробно объяснила Ивану Григорьевичу схему проезда на автомобиле из Коромыслово в Кольцово и продиктовала перечень документов, которые необходимо захватить с собой.

Отыскать газовое подразделение для старика оказалось несложным. Иван Григорьевич нашел в центральном здании вешалку самообслуживания, повесил на крючок меховую куртку, сунул в ее рукав старенькую шапку, перешитую из каракулевой папахи, перед зеркалом зачесал на пробор не потерявшие густоты коротко постриженные седые волосы, одернул темно-синий пиджак с приколотой на левой стороне груди у лацкана Золотой Звездой Героя и, оставшись довольным своим внешним видом, поднялся по узкой лестнице на второй этаж к кабинету №1. Герой вошел в приемную газового начальника.

— Вы Белов? — улыбкой встретила старика секретарша Елена, молодая миловидная женщина.

— Да, Белов.

— Здравствуйте, Иван Григорьевич. Я сейчас доложу Геннадию Андреевичу.

Газовый начальник поднялся навстречу старику.

— Рад с вами познакомиться. Садитесь. Что вас ко мне привело?

Старик, стараясь быть немногословным, поведал свою непростую историю. Геннадий Андреевич понравился ему с первого взгляда. Понравился тем, что за все время повествования ни разу его не прервал, не поднял ни одну из трубок телефонов, периодически звонящих в кабинете. Он смотрел прямо в глаза, иногда склоняя голову к столу, чтобы сделать короткие пометки. Когда Белов закончил рассказ, начальник, продолжая внимательно смотреть на генерала, ободрил его.

— Ваша ситуация мне понятна. Постараюсь вам помочь. Иван Григорьевич, прошу извинить: я сделаю распоряжения и на телефонные звонки отвечу. Лена, — нажал он клавишу селектора, — попросите ко мне главного инженера и Василия Васильевича. Пусть отложат все дела и зайдут. Без промедления. Да, Иван Григорьевич, вы все необходимые документы приготовили?

— Да, вот они.

— Хорошо, я их возьму для ознакомления.

Через минуту Клюкин представил Белову своих сотрудников, вошедших в кабинет и, снова извинившись, вышел с ними за дверь, поручив старика заботам Елены, которая, несмотря на слабые протесты Ивана Григорьевича, принесла ему чашечку душистого кофе, вазочку с заварным печеньем и, пожелав приятного аппетита, выпорхнула за дверь.

«А начальник-то, наш брат, военный», — сделал вывод старик, оглядывая кабинет. Над креслом, как и положено, портрет президента. На письменном столе две фотографии, на одной, улыбающиеся Путин и губернатор Громов, а на другой, генерал Громов вручает государственную награду полковнику Клюкину. От внимания Ивана Григорьевича не ускользнула и экспозиция атрибутов военной службы, размещенная хозяином кабинета за стеклом книжного шкафа таким образом, чтобы она была ненавязчивой, но достаточно заметной. Центр экспозиции занимали отливающие золотом парадные полковничьи погоны, орден Красной Звезды и орден Мужества, а рядом располагались российские и афганские медали, кокарды с головных уборов, эмблемы и нагрудные знаки.

— Товарищ генерал, — прервал одиночество старика Ключкин, — прошу прощения, что пришлось вас оставить одного. Садитесь, друзья, — указал он взглядом на кресла своим сотрудникам, вошедшим следом за ним. — Иван Григорьевич, доведу до вас итоги совещания, которое я провел по вашему вопросу с нашим главным инженером Граблевым Виктором Александровичем и начальником производственно-технического отдела Сутуловым Василием Васильевичем. Первое. Во всех случаях, газом мы вас обеспечим. Второе. Газ будете брать из трубы, которая подходит к вашему забору. Ее собственники справку вам напишут или бесплатно, или за самую небольшую плату, а не за десять тысяч. Я на завтра вызываю к себе этих деятелей — Кесарева и Попова. У меня на них, если рыпаться будут, управа найдется. Сейчас март, а договор с ними на поставку газа на этот год я еще не заключал. А газ исправно поставляю. Потребуется, одним движением дыхания перекрою. И третье. Ответственным за газификацию вашего дома я назначил Сутулова. Я прошу вас, Василий Васильевич, пригласите генерала к себе в кабинет и начинайте прорабатывать план действий. И последнее. Иван Григорьевич, оставьте свой телефон. Через денек-другой мы вам позвоним. У меня все. Иван Григорьевич, вы беседой со мной удовлетворены?

— Да. Спасибо вам большое. Все четко, по-военному.

Старик, сопровождаемый Сутуловым, прошел в его кабинет. Василий Васильевич развернул перед ним копию той самой схемы, которую ему показывала в Павлихе начальник газовой службы Остапова.

— Вот схема газификации вашего поля. Мы удлиним сто десятую трубу метров на десять-пятнадцать, и от ее конца проложим к вашему дому трубу диаметром в тридцать два миллиметра. Здесь, видимо, будет еще с десяток метров.

— Понятно. Мне эту схему Надежда Петровна показывала. Но она сказала, что лучше всего было бы подключиться к государственной трубе, которая идет вдоль шоссе.

— Этот вариант тоже имеет право на жизнь. И расстояние до вашего дома от государственной трубы не дальше, чем от частной. Но решение по этому вопросу может принять только Геннадий Андреевич. Я считаю, что нужно делать так, как он решил. Иван Григорьевич, вот образец — пишите заявление прямо на Ключкина. И еще послушайте мой совет. Наверняка вам будут предлагать свои услуги различные агенты по оформлению документов. Откажитесь от их услуг, мы сами вам все оформим бесплатно.

Заявление на газификацию Белов передал Елене, записав у

нее на всякий случай телефоны газовиков-руководителей. С легким сердцем он возвратился на дачу, где у дома его, как всегда, бурно выражая радость, дожидалась Ласка.

Напрасно ожидал Белов телефонный звонок от газовиков. Он не прозвучал ни на следующий день, ни через неделю, ни через десять дней. Раздосадованный старик, решившись выяснить обстановку, позвонил Кесареву.

— Иван Григорьевич, я же тебе русским языком сказал, что куда бы ты ни пошел, все равно придешь к нам. Да, звонила мне секретарь Клюкина, соединила меня с ним. Он попросил, чтобы я подъехал, но я послал его на три буквы. Кто он такой, чтобы мной командовать? Хватит, покомандовал, когда мы газ прокладывали. Ободрал нас, мерзавец, как липку. А теперь мы собственники.

— Так мне что теперь делать? Он ведь обещал.

— Ну, — засмеялся Павел Васильевич, — раз пообещал, то пусть тебе газ и дает. Только мы от своих денег не отступимся. С какой стати? А тебе ведь заплатить нам деньги прямая выгода. Десять тысяч, это как бы вступительный взнос в число собственников трубы. Заплатишь деньги и станешь восьмым совладельцем трубы. Следующий, кто к нам присоединится, тоже заплатит деньги. Ты, соответственно, получишь свою долю. И так далее. Глядишь, на этом бизнесе еще и разбогатеешь, — снова рассмеялся Кесарев.

— Может и так, Павел Васильевич. Но я честно тебе скажу, что не хочу вам деньги платить. Да и нет их у меня. А что, ты считаешь, что у государства нет возможности мне газ подвести?

— Почему нет возможности? Есть, конечно. Тот же Клюкин может тебе газ из своей государственной трубы дать. Это его право. Но, помани мое слово, не сделает этого.

— Должен сделать. Он мне обещал.

— Ну, что ты заладил: «обещал, обещал». Ты прямо как не в наше время живешь. Кто сейчас обещания держит? Вот Боря Ельцин прилюдно обещал на рельсы лечь. Ну что, лег? А Клюкина ты тоже должен понять. Он, как и все мы, ходит под Богом и живет во времена расслоения людей по денежному состоянию. Пост занимает большой и хлебный, а зарплатишка маленькая. На нее не обогатишься. Поэтому газ из государственной или, что одно и то же, из принадлежащей ему трубы он дает выборочно богатым или очень богатым людям. А ты, извини меня, товарищ генерал, хотя и достойный, и заслуженный человек, но к этой категории не относишься. Проще говоря, взять с тебя нечего. Да если бы и была возможность, никто с тобой связываться не будет. Не современный ты человек.

Утром без предварительного звонка Белов поехал в Кольцово к газовому начальству. День оказался приемным, и в коридорах здания толпился народ. Старик занял очередь на прием к Сутулову и ожидал стоя, опершись о подоконник. Сутулов, видимо предупреждаемый по мобильному телефону, несколько раз выходил из кабинета и, внимательно осмотрев посетителей, приглашал к себе нужного человека. Взгляд газовика скользил и по старику, но он оказался не узнанным. К шестнадцати часам генерал попал на прием к начальнику.

— Иван Григорьевич, — страдальчески наморщив лоб, все-таки узнал его Сутулов, — вы справку от собственников трубы принесли?

— Нет. У меня нет денег.

— А почему? Что значит «нет денег»? Товарищ генерал, у нас ведь тоже не богадельня. А если вы считаете, что деньги с вас требуют незаконно, то идите жаловаться в прокуратуру, в милицию, в суд. Добивайтесь справедливости. Это ваши проблемы. Вы понимаете, что без этого документа я не могу начинать работы по вашему дому?

— Василий Васильевич, понимаю. Но в прошлый раз, когда я у вас был, Клюкин обещал согласовать вопрос и с Кесаревым, и с Поповым. Я приехал узнать, выполнил он обещанное или нет?

— Не знаю. Я технический исполнитель. Мне сказали, я делаю.

— А что, это узнать трудно?

Почему, трудно? Пойдемте к Геннадию Андреевичу. Пусть сам с вами объясняется.

Появление Белова явно ухудшило настроение Клюкина. Показывая свою занятость и не скрывая раздражения, он не предложил вошедшим присесть.

— Иван Григорьевич, вы меня извините, но ходить вам ко мне не нужно. Заявление на газификацию вашего дома я подписал. Оно у Василия Васильевича.

— Так точно, — подобострастно, по-военному, подтвердил Сутулов.

— Теперь все зависит от вашей расторопности. Мы вам даем зеленую улицу. Василий, он документы все представил?

— Нет. Не представил разрешения от собственников трубы.

— Что же вы так, товарищ генерал? Нужно жить дружно со своими соседями.

— Геннадий Андреевич, но вы же обещали надавить на них, чтобы они дали согласие. И говорили, что у вас рычаги есть.

— Конечно, есть. Попросил их по-человечески, но они от-

казываются. А руки выкручивать я не намерен. Мой вам совет: если они требуют от вас несуразно большую сумму, то утрите им нос. Наймите адвоката. Дайте ему доверенность на ведение своих дел. Он через суд заставит их указать точную стоимость затрат на строительство своей ветки газопровода, а после добьется решения суда, определяющее ваш взнос и обязывающее предоставить вам справку. Правда, этот путь тоже затратный. Да и затянуться может надолго.

— Понятно. Но мне этот вариант не подходит. Я в суд не пойду. Годы не те. Геннадий Андреевич, а газ из государственной трубы вы мне дать можете?

— Нет. Не могу. По нашим руководящим документам газификацию мы обязаны проводить согласно разработанной схеме. А по этой схеме газ к вам должен поступать из трубы собственников.

— Нет такой схемы, Геннадий Андреевич.

— А вы откуда знаете?

— Да я же вам говорил, что ходил к Остаповой. Она показывала схему существующих сетей, а схемы планируемых к строительству сетей на нашем поле вообще нет. И у Сутулова то же самое. То есть, схемы подвода газа к моему участку не существует. Причем, и Остапова, и Сутулов утверждают, что техническая возможность подвести к моему дому газ из государственной трубы имеется. И я еще раз прошу вас: разрешите подключить меня к государственной трубе.

— Иван Григорьевич, мое мнение однозначное: ковырять государственную трубу я не разрешу. Я должен блюсти государственные интересы. Если бы вас было несколько человек, это другое дело.

— А несколько — это сколько — два, три или тысяча? Где указан этот норматив? Как я понимаю, его не существует. Ведь вы же понимаете, что из трехсот домов, находящихся на нашем поле, газифицировано не более двадцати. Люди хотят получить газ, но не хотят платить только за справку по десять тысяч долларов. А вы заставляете это делать. И, если появится новая труба, то все газифицируются от нее по приемлемой цене.

— Теперь мне ваша позиция понятна, — хитро заулыбался газовик, — вы прямо мне говорите, что хотите построить единолично трубу, приватизировать ее, а затем, как «Попов и компания», драть с православных деньги. И загвоздка лишь во мне.

«Мерзавец белобрысый, что он себе позволяет!» — глядя в наглое с белесыми бровями и ресницами лицо чванливого человека, развалившегося перед ним в дорогом кожаном кресле, думал генерал, переминаясь с ноги на ногу.

— Не надо меня представлять в таком свете, Клюкин. Я имею законное право получить газ от государства и прошу вас обеспечить мое право. Вы обязаны это сделать.

— А я прошу вас не кипятиться. Я обещал, что сделаю для вас все, что смогу. Вот я и делаю. Но ответственность за дырку в газовой трубе я принимать не хочу. Пусть решение принимают мои начальники в «Облгазе». Если они решат в вашу пользу, я выполню. Василий Васильевич, помоги Герою письмо или на Гарухина, или на Чумейко написать. Иван Григорьевич, вы в приемной подождите. Сейчас Сутулов выйдет.

Старик вышел, плотно закрыв за собой двойную дверь кабинета и сел на стул, предложенный секретарем Еленой. Но рассерженный голос Клюкина, распекающего своего подчиненного, свободно преодолевал дверное звуковое препятствие и достигал его слуха.

— Вася, скажи, что тебе не понятно? Сколько можно тебя учить? Когда ты, балбес, ума-разума наберешься? Кто тебе этот дед? Сват, брат, а может, близкий родственник? Зачем ему показал схему? От большого ума? Ну, скажи, зачем? Ты понимаешь, что меня подставил?

— Так вы же сами сказали, что надо помочь человеку, тем более Герою.

— Вася, да ты у меня чудик. Давай ковырять трубу для Героя, потом для «афганцев», потом для «чеченцев», потом для чернобыльцев, потом для инвалидов, потом для многодетных семей, потом для... черт знает кого. Да ты в курсе, что у нас половина населения имеют льготы? Или не в курсе?

— Да, знаю, но вы же...

— Да вы же, — передразнил Сутулова начальник, — да, я же. Так что, всем льготникам будем давать доступ к трубе? А потом какой-нибудь Ванька Иванов припрется, почему всем газ даете, а мне нет? А я гражданин России. Что на это заявление ему ответить прикажешь? Да, я разрешил дать деду газ и сказал, откуда, с какой трубы. И ты, Вася, просыпайся и выполняй мои решения, а если хочешь проявить свою доброту, то — кыш отсюда. Справимся без тебя. Но ты не переживай. Технический специалист ты хороший. Я тебя без куска хлеба не оставлю. Газовый ключ в руки, и айда крутить гайки, — рассмеялся довольный собственным остроумием Клюкин.

— Думаю, что до этого не дойдет, Геннадий Андреевич. Извините за оплошность.

— Вася, — немного уменьшил громкость начальник, — я тебя и других своих замов учил, учу и буду учить. Слава богу, научил вас, варваров, мысли формулировать правильно, все по полочкам рас-

---

кладывать, по пунктам, по вариантам. Теперь приятно ваши доклады слушать. Но главного, понимания ситуации и правильности ее оценки, пока не добился. Мы поставлены для соблюдения государственных интересов в газовой отрасли. Согласен?

— Конечно.

— Газовые трубы — это источник наших доходов. Понятно?

— Вполне.

— Раз понятно, то делаем вывод: государственные газовые трубы нужно беречь как зеницу ока и разрешать ковырять дырку в них только для тех лиц, которые предлагают крупные проекты, обеспеченные надежным финансированием. И исключений из этого правила быть не может. Усвоил?

— Так точно.

— Тогда иди, занимайся дедушкой. И будь настороже. Он хотя и древний, но пробивной. Может лбом любую стену пробить. И здоров, видно, как конь строевой. Без очков до сих пор ходит, а зубами, наверное, проволоку грызть может. Да, Надежду Остапову, дуру эту, предупреди, чтобы язычок свой прищемила. Она по своей тупости много чего деду наплела. И вариант государственной трубы она ему, благодетельница, предложила. Кто ее за язык тянул? Пусть не ищет неприятностей. Я злопамятный.

Сутулов, покрасневшийся, как после бани, выйдя из кабинета Клюкина, предложил генералу написать письмо Чумейко, начальнику производственно-технического управления государственного предприятия «Облгаз». Иван Григорьевич тут же в приемной написал лаконичное письмо, которое секретарь Елена с разрешения Сутулова по факсу отправила адресату. Сутулов, недовольно простившись, ушел, а Белов продолжал сидеть в приемной.

— Елена, — попросил он, — а можно мне с девушкой, секретарем Чумейко связаться?

— Зачем, Иван Григорьевич? Подтверждение, что ваш факс прошел нормально, я получила. Ольга Васильевна его зарегистрировала. Она очень пунктуальная женщина. Письменный ответ получите в течение месяца.

— Лена, я хочу на прием к Чумейко записаться. В письме всего не объяснишь.

— Иван Григорьевич, вообще-то так поступать не принято.

— Ну, что поделать, дочка. Придется туда ехать в приемный день. А вы не скажете, где у них контора и когда у них дни приема?

— Иван Григорьевич, вы туда не попадете. У них строжайший пропускной режим. Прием возможен только по предвари-

---

тельной записи. Придется, чтобы вас не мучить, идти на нарушения. — Через несколько секунд Елена протянула трубку Белову, — Ольга Васильевна на проводе.

Ольга Васильевна деловито записала необходимые ей данные и пригласила прийти на прием в понедельник шестнадцатого мая в девять тридцать утра.

С наступлением весны Белов все больше времени уделял садово-огородным делам. И тягостное настроение, связанное с нерешенностью проблемы газификации, постепенно размывалось. «А так ли уж нужна мне эта газификация? — поглядывая на яркое солнышко, думал старик. — Может, отказаться от этой затеи, ведь плетью обуха не перешибешь? Жил без газа, и еще поживу. Сколько мне этой жизни осталось? А почему я думаю только о себе? А дочка? А внуки? Что я им оставляю? Полуразрушенную избушку, непригодную для проживания в холода? Нет, если я, генерал, не решу эту проблему, то они и подавно».

Апрельское тепло позволило Ивану Григорьевичу перевести режим работы печи на ежевечернюю топку. Но повышение температуры наружного воздуха ухудшило тягу, и печка стала больше дымить, вызывая у него головные боли.

Шестнадцатого мая утром генерал Белов, заранее продумав маршрут движения, выехал на своих стареньких «Жигулях» в поселок Новиковское, в «Облгаз». Многоэтажное здание газовых руководителей Подмосковья располагалось на большой, занимающей несколько гектаров лужайке, окруженной вековыми хвойными деревьями. Горделиво возвышаясь своим белоснежным великолепием, оно походило на лебедя, неспешно плывущего по зеркалу лесного озера. Иван Григорьевич поставил машину на стоянку и подошел к охранникам, стоящим на воротах.

— Вы на прием к кому записаны? К Чумейко? А как ваша фамилия? Паспорт есть? Так, Белов. Есть такой в списках. Вам прием на половину десятого назначен. Вот и подходите минут пятнадцать десятого. А сейчас отойдите. Здесь стоять не положено.

Генерал отошел в сторону и стал ожидать, когда подойдет указанное время. Взгляд его скользил по огромной территории, огражденной высокой кружевной чугунной оградой, за которой переливался всеми оттенками зеленого цвета коротко подстриженный газон. На разумном удалении от здания перед его входом красовался создающий радостное настроение многоструйный фонтан. Органично вписывались в ландшафт цветочные клумбы. Подъездные дороги и пешеходные дорожки были выложены бордовой плиткой и элегантно обрамлены бор-

дюром. Иномарки одна за другой подъезжали к главному подъезду и, выпустив из своего салона важного пассажира или пассажирку, бесшумно скрывались за тыльной стороной здания, видимо, на стоянках, расположенных в подземном гараже.

«Это сколько же гектаров реликтового леса пришлось вырубить, чтобы это здание поставить? — размышлял старик. — А ведь это западное направление, легкие столицы. И кругом поля для застройки предостаточно. Понятно, что тем, кто в этих хоромах работает, повезло. Вокруг лесная красота, и вдобавок воздух целебный. Да, построено хорошо, и со вкусом, и с размахом. Чего-чего, а денег газовики на себя не жалеют, это точно».

Предъявив паспорт, Иван Григорьевич преодолел первый кордон охраны и вместе с немногочисленными посетителями вошел через массивные двери в здание. В вестибюле перед турникетом стоял второй кордон охраны. Имеющих специальные удостоверения охранники пропускали через турникет, а остальных направляли в бюро пропусков. Отстояв очередь, Белов подал в окошечко женщине-милиционеру, оформляющей временные пропуска, свой паспорт. Она быстро сняла ксерокопии с нужных страниц, занесла необходимые личные данные старика в компьютер и выдала ему пластмассовую номерную пропускную карточку с надписью «Второй этаж».

— А паспорт у вас останется?

— Да. Когда карточку возвратите, получите назад свой паспорт.

Иван Григорьевич показал охранникам карточку, приложил ее к считывающему устройству турникета и благополучно преодолел его. «Да, режим секретности тут выше, чем в Министерстве обороны, — подумалось генералу. — Видно, есть что скрывать». Через некоторое время в приемной Чумейко он представился его секретарю, Ольге Васильевне, и через пять минут был приглашен в кабинет к газовому руководителю. Евгений Павлович Чумейко, лысоватый долговязый мужчина средних лет, не прерывая телефонного разговора, кивнул Ивану Григорьевичу и указал жестом на ряд стульев, стоящих у стены. Старик сел и, наверное, в десятый раз в уме стал прорабатывать план обращения к начальнику. А Чумейко оказался, действительно, очень загруженным работником. Он, слегка сгорбившись, сидел за рабочим столом и практически без перерыва энергично отвечал на звонки, звучащие разными мелодиями.

— Извините, с утра всегда такая загрузка. — Наконец, закурив сигарету, обратил свой взор на старика газовик. — Вот ваше заявление на мое имя. В принципе, мне все понятно. Вам нужно газифицировать ваш дачный домик. А что? В чем трудности?

— Евгений Павлович, я прошу мне дать газ из государственной, а не из частной трубы.

— Товарищ генерал, какие могут быть возражения, если это технически возможно? Мы, газовики, предоставляем услуги населению. Причем, по нашему законодательству должны максимально учитывать пожелания заказчика. К примеру, вы хотите проложить себе персональную газовую трубу. Ради бога. Определим технические условия, сделаем проект, согласуем сроки выполнения, составим смету, внесете в кассу деньги и пользуйтесь газом на здоровье. Точно так же можете заказать в других областных организациях индивидуальные электро-, водо- и другие виды снабжения. Но, Иван Григорьевич, индивидуальные проекты стоят очень дорого. Лучше строиться всем миром и использовать ту инфраструктуру, которая уже создана.

— Евгений Павлович, частники только за справку—разрешение требуют с меня десять тысяч долларов. Почему я жуликам и вымогателям свои деньги должен отдавать? Разве это по совести? Я хочу платить столько, сколько положено государству.

— Иван Григорьевич, о чем вы говорите? О какой совести? Люди всегда были, есть и будут собственниками, думающими о себе, о своей рубашке, которая ближе к телу. И при советской власти хапали, когда была такая возможность. Но тогда возможностей было очень мало. А теперь личное обогащение — главная двигательная сила общества. И ни о какой совести речь идти не может. Есть возможность — жульничай, вымогай, присваивай, воруй и становись все богаче и богаче. А чтобы не посадили, то делись с сильными мира сего. Это норма современности, с которой необходимо считаться. Поэтому ваших бессовестных соседей понять несложно.

— Так что же, никак на них управу не найти?

— Почему же не найти? И можно, и должно. И известно, кто этим должен заниматься. Те, кто разрешил газовые трубы передавать в частную собственность. Они обязаны были разработать механизм, позволяющий с точностью до копейки рассчитать стоимость подключения к частной трубе другого потребителя. И придать ему силу закона. Тогда бы на основании определения реальных затрат собственников вы бы внесли нужную сумму на их расчетный счет в Сбербанк. А государство с этой суммы еще бы и налоги удержало. А рассчитать сумму, которую вы должны заплатить собственникам, как вы называете, «по совести» можно за полчаса. Ведь все счета за выполненные работы по газификации у нас находятся. Вот так должно быть, Иван Григорьевич. И когда-нибудь, наверняка, так и будет делаться

— Так рассчитайте, помогите мне, Евгений Павлович.

— Можем рассчитать, но только по решению суда. А так у нас все за семью печатями сокрыто. А для вас мы, в принципе, можем сделать отдельный проект.

— Евгений Павлович, я Клюкину говорил, что со мной в долю по газовой трубе и другие просятся. Те, кто не хочет «дяде» по десять тысяч долларов платить.

— Так, Клюкин, говорите, знает? Сейчас переговорю с ним. Что же он не хочет вам помочь? Ольга Васильевна, — нажал кнопку селектора Чумейко, — разыщите Клюкина, вызовите его ко мне на связь.

Через минуту он коротко поговорил по мобильной связи с начальником «Межрайгаза».

— Вот, оказывается, где собака зарыта, Иван Григорьевич. Собственники знают о вашей просьбе относительно государственной трубы и предупредили Клюкина о том, что прокладка новой трубы лишит их возможности наживаться за счет негазифицированных соседей. Грозятся судиться из-за упущенной выгоды. А он, естественно, этого не хочет. Из двух зол выбирают лучшее. Клюкину выгоднее с вами воевать, чем с собственниками. Да и у нас нет времени на суды. Поэтому будем думать, Иван Григорьевич, как правильно поступить, чтобы и волки были сыты, и овцы целы, — широко улыбнулся Чумейко. — Поэтому, товарищ генерал, ваш вопрос я вынесу на коллегию «Облгаза». Решение коллегии доведем до вас в течение месяца. — Газовик достал из кармана брюк клетчатый носовой платок и вытер им вспотевшую лысину. — Больше я ничего добавить не могу, Иван Григорьевич.

— Евгений Павлович, вы мне доходчиво объяснили, какие я как гражданин имею права. И какие вы как начальник имеете права. Решение моего вопроса находится в прямой компетенции Клюкина. И вы, без затруднений, можете его решить. Но вы, как я понимаю, после разговора с Клюкиным решили мне отказать в просьбе, так как связаны круговой порукой. И ваша ссылка на перенос элементарно простого вопроса на коллегию неубедительна. Никто такую ерунду на коллегии рассматривать не будет. Прощайте.

Иван Григорьевич поднялся, одернул пиджак с одиноко висящей звездой Героя, с презрением окинул взглядом фигуру, ничуть не смутившегося и с удовольствием раскуривающего очередную сигарету чиновника и вышел за дверь.

В конце мая Белов, чтобы не упустить теплое время, через лесника Николая Фомичева пригласил для осмотра печи и со-

---

ставления плана последующего ее ремонта местного умельца, мастера на все руки — Семена Степановича. Семен, маленький, сухонький и подвижный, как капля ртути, мужчина внимательно осмотрел и облазил печку.

— Ну, что, Иван Григорич. Плохи твои дела. Печку ты за зиму спалил. Эксплуатировал неправильно. Пережег. Холодно тебе или не холодно, а к печке нужно было относиться с почтением. А ты, раз есть дрова, суешь в нее и суешь. Вот и досовался. А теперь она ремонту не подлежит. Сгорела. Нужно ее разбирать и ставить новую. И ты, Коля, — укоризненно попенял Фомичеву печник, — ведь заходишь к генералу. Так подскажи, как печь топить, как за ней ухаживать. А ты, видать, дров завезешь, и все на этом. Иван, — продолжал рассуждать умелец, — я все брошу, а тебе, героической личности, помогу. Разберу за пару недель и за пару же недель новую соберу. Денег с тебя не возьму из уважения. А на материал деньги Николаю отдай. Я напишу, что купить. Коля, купишь и завезешь, понял?

— А куда я денусь, Степаныч? Все сделаю в лучшем виде.

— Да, Иван. Коля говорит, что ты хочешь газ подвести. Вот это правильно. Тебе в твои годы только недоставало печи топить. А печь, такой механизм, что все равно, как ее ни выложи, она и потрескается, и долговечностью не отличается, и ухода требует великого. Поэтому, Григорич, кори нас, не кори, а мы с Николаем решили, что после переборки печки батареи парового отопления тебе под окнами повесим и подводку от котла бросим. Ты котел то покупать будешь фабричный или нам свой для тебя сварить?

— Спасибо, Семен. Хороший ты мужик. Настоящий. А на счет котла, не знаю. Наверное, в магазине куплю заводской. Только газ сначала подвести нужно.

«Как оказать давление на Клюкина и Чумейко, чтобы они разрешили мне пользоваться газом из государственной трубы? — думал Белов. — Может быть, своих друзей подключить?» — И он позвонил двум генералам отставникам, которые в свое время служили под его началом и при встречах не уставали повторять, что если бы не он, то не видать бы им генеральских лампасов, как своих ушей. Один из них, генерал Чимисов, занимал должность советника главы администрации Кольцовского района и в районе был весьма заметной и влиятельной личностью. Выслушав просьбу товарища, Чимисов отказался сделать телефонный звонок газовикам.

— Иван Григорьевич, дорогой друг, извини, я не смогу позвонить. Мне не до этого сейчас. Знаешь, жена заболела. А ты же

знаешь, как я ее люблю и как переживаю за нее. Извини, если захочешь, то позвони позже.

— Иван Григорьевич, друг ты мой незабвенный, — в том же духе стал обосновывать свой отказ и генерал Куренцов, начальник крупного департамента в Правительстве Москвы, — понимаешь, допустим, выполняют они мою просьбу. А потом им отказать в том, о чем они попросят, мне уже будет неудобно. А кто их знает, что им в голову взбредет? И, кроме того, у нас в правительстве обстановка, ты догадываешься какая, сплошная подсидка.

Месяц ожидания ответа из «Облгаза» истек. И когда терпение Белова иссякло, он, проклиная существующие порядки, позвонил Ольге Васильевне и узнал от нее, что оформление ответа на его просьбу в «Облгазе» поручено главному специалисту Емелиной. Екатерина Емелина, которую Белов разыскал по телефону, сообщила ему, что впервые слышит о подобном поручении. Но, тем не менее, пообещала разобраться и в течение десяти-пятнадцати дней подготовить документ. К удивлению старика-Емелина действительно через неделю позвонила и прочитала согласованный с начальством проект ответа. Конечно, это был отказ. На вопрос Ивана Григорьевича, рассматривалось ли его обращение на коллегии, Катя ответила, что об этом не могло быть и речи. Круг замкнулся.

Недостающие до десяти тысяч пять тысяч долларов старик занял у соседа Али, пообещав возвратить долг до Нового года.

Не беспокойтесь, Иван Григорьевич. Когда деньги появятся, тогда и отдадите. Мне не к спеху.

— Ну вот, господин генерал, — пробасил в трубке голос Профессора, которому Белов сообщил о готовности заплатить деньги, — теперь вы убедились в моей правоте? Напрасно меня сразу не послушали. Зря только время и здоровье тратили. Деньги, всю сумму, передайте Рите Володиной. Я ей скажу, чтобы она вам справку оформила и заверила ее у нотариуса.

— Сергей Владимирович, я заплачу деньги и, как я понимаю, тоже наравне с вами стану совладельцем газовой трубы. То есть собственников, учитывая меня, теперь уже будет восемь. Так ведь?

— Кто это вам такую глупость сказал?

— Почему глупость? Это же очевидно. Трубу нужно удлинять, подводить к моему дому. Мне за все придется платить деньги. И эта дополнительная труба должна быть моей собственностью, ведь я ее построю. Так мне и газовики сказали

— Да, господин генерал, такой вариант имеет право на рассмотрение. И с вашей точки зрения, и с точки зрения газови-

ков это справедливо. А с моей точки зрения, точки зрения бизнесмена, несправедливо. Я построил трубу, и с какой радости должен делить свои доходы с вами? Да, вы построите на свои деньги продолжение трубы, но в справке укажете, что добровольно передадите нам ее в собственность и в дальнейшую эксплуатацию. Я начал газовый бизнес, и вся созданная на поле инфраструктура будет принадлежать мне. Если согласны на эти условия, получайте справку и газифицируйтесь, а не согласны, то ищите другие варианты.

Через два дня генерал Белов передал Володиной пузатый конверт, а взамен получил листок бумаги с текстом, написанным от руки и адресованным начальнику «Кольцово-межрайгаза» Клюкину Г.А.

— Ну, вот, товарищ генерал, теперь у нас дело пойдет, — заверил Ивана Григорьевича Сутулов, внимательно читая справку. — Все написано правильно и нормально. Справку передайте в делопроизводство. Там распишутся за нее. И заведут на вас дело по газификации. Иван Григорьевич, я коротко расскажу, что нужно будет сделать дальше. Заявление ваше у нас есть. Я к нему приложу ксерокопию вашей справки, и начальник его подпишет. Вы сейчас пройдите в соседнее здание в третий кабинет, там девушки оформят задание на проектирование. Я им позвоню. Задание подпишет главный инженер. Как только документ будет готов, я назначу проектировщика. Думаю, что за месяц мы эти работы осилим. Но их нужно будет оплатить. Девушки вам скажут, какие проплаты сделать непосредственно в нашу кассу, а какие провести через Сбербанк.

— Василий Васильевич, а примерно, сколько денег потребуется? Чтобы я заранее подготовил.

— Разработка задания стоит около тысячи рублей. Проект тысяч десять. Обязательно областной налог на газификацию нужно будет уплатить. Сейчас он стоит, если память не изменяет, тоже тысяч под десять. Иван Григорьевич, вся эта оформительская работа очень хлопотная. Раньше я вам говорил, что документы мы сами вам поможем оформить. А теперь понимаю, что вряд ли. Работников не хватает. А так, вообще, у нас, как правило, сами хозяева этой беготней не занимаются — агентов нанимают. У них уже рука набита. Поэтому, может, вам не мучиться, а оформить доверенность на ведение дел по газификации на агента? За тысячу долларов он вам все сделает в лучшем виде.

— Нет. Спасибо. Я сам справлюсь.

— Ну, как хотите, товарищ генерал. Если будут затруднения, то ко мне приходите. Чем смогу, помогу.

Семен Степанович не подвел старика. За июнь, как и обещал, он сложил печку, поставил над ней высокую трубу, а затем, тщательно промазал разогретым до кипения варом места ее стыковки с крышей. Через две недели, убедившись, что печь высохла, мастер торжественно провел контрольную топку.

— Ну, Иван, передаю тебе печь на эксплуатацию. — Любовно погладил Семен натруженной ладонью теплый бок печки. — Тебе три оборота поставил. Больше не нужно, а то сажей забиваться будет. Она и дров потребует немного, и плиту раскалит докрасна, и дом будет отапливать как следует. Ты береги ее, и главное запомни, что всегда нужно топить помаленьку, не пережечь. А раз в месяц обязательно делай топку осиновыми дровами, чтобы дымоходы от сажи очистить.

— Уж и не знаю, как тебя, Сеня, благодарить. Может, все-таки, деньги возьмешь за работу?

— Не обижай меня, Ваня, не возьму. Я тебе еще до конца лета должен водяное отопление собрать. Тоже сделаю. Будешь жить в тепле да меня вспоминать. А когда и зайду к тебе на огонек, то, может, не прогонишь, а и рюмочку нальешь. Посидим, поговорим, на печке чугунок картошечки сварим да с селедочкой и с солеными огурчиками скушаем. Вот и радостно мне будет.

С газовиками у генерала так гладко, как с печником, не получалось. Но все-таки дело двигалось: к середине сентября, наконец, Белов получил на руки утвержденный экземпляр проекта «строительства газопровода — ввода и системы газопотребления», который позволил ему заключить с «Межрайгазом» «Договор бытового подряда на выполнение строительно-монтажных работ подземного и внутреннего газопровода». В договоре предусматривалось, что Белов за планируемые работы заплатит в кассу шестьдесят три тысячи рублей, а службы «Межрайгаза» в срок до первого ноября уложат в траншею, выкопанную заказчиком самостоятельно, газовую трубу длиной в 27,9 метра, а потом заведут ее в дом. В документе особо было оговорено, что работы по врезке в действующую газовую трубу и пуску газа в стоимость работ не включены. Иван Григорьевич с трудом собрал и заплатил затребованные деньги. А к десятому октября, дате, согласованной с газовиками, выкопал траншею, наняв для этой цели рабочих. Ежедневно с утра старик звонил в газовую контору, напоминая о себе. И каждый раз ему обещали, что завтра, в крайнем случае, послезавтра по его адресу придет бригада, которая в течение одного дня выполнит работу. Октябрь выдался дождливым и холодным. Стены траншеи стали

осыпаться, а ее дно наполнилось водой. В сухую погоду Белов надевал высокие, выше колен, рыбацкие сапоги и лез в траншею. Орудя совковой лопатой, он, пока позволяли силы, очищал дно траншеи от скопившейся глинистой жижи. А на следующий день ехал на своих «Жигулях» по ставшей привычной дороге к Сутулову.

— Василий Васильевич, вы требуете, чтобы траншея была сухой и чистой. Я ее с десятого октября стараюсь поддерживать в нормальном состоянии. Но, вы же понимаете, что дальше это невозможно. Ну, что? К кому мне идти? К кому обращаться?

— Успокойтесь, Иван Григорьевич. Все сделаем. Нужно немного потерпеть. У нас тоже без проблем не бывает. Авария за аварией. Их же устранять нужно. А людей нет. И потом, не вы же один газифицируетесь. А мы обслуживаем регион, где самые знатные и богатые люди живут. Дойдет очередь и до вас.

Действительно, в последних числах октября с утра к подворью Белова подъехала грузовая машина с установленной в кузове деревянной будкой, окрашенной в желтый цвет. Из будки вслед за выброшенными на землю газовыми трубами, инструментами и различными приспособлениями для резки и сварки выскочили три веселых парня.

— Отец, — с ходу обратился к старику бригадир Сергей, — у вас электричество есть? А удлинитель? А рулетка пятиметровая? У нас-то это все было. Но по точкам, по траншеям мотаемся за копейки, дня и ночи не видим, инструмент и теряется.

— Ребята, обеспечу вас всем необходимым, не беспокойтесь. Вы мне сегодня праздник устроили.

— Какой, батя?

— Какой спрашиваешь? Вы приехали. Вот какой. Я вас с десятого октября жду.

— Да не от нас это зависит, отец. Мы каждый день вкалываем там, куда пошлют.

Сергей быстро расставил своих людей по участкам работы, досадливо вздохнул, осмотрев залитую водой траншею, но замечания по ее состоянию не сделал. В половине пятого вечера бригада собрала инструмент и стала готовиться к отъезду.

— Батя, у нас наряд выписан на два дня. Завтра закончим. Мы часть своих труб и железок на дворе у вас оставим. Не возражаете?

— Оставляйте. А завтра точно будете?

— Приедем. Мы уже с начальством по мобильнику согласовали.

На другой день бригадир, выполнив план, попросил старика расписаться в акте выполненных работ и коротко проинструктировал его:

— Отец, траншею разрешаю закопать, но не полностью. Оставьте два участка открытыми, один рядом со сто десятой трубой, а другой в месте сварки стыка. Приедет лаборатория и просветит специальным аппаратом стык, а потом, когда сделают заключение, можно будет это место тоже засыпать.

— Сергей, а что, есть сомнения?

— Да нет. Сварил на совесть. Но не все от мастера зависит. Тут и материал влияет, и дождь. Конечно, в сухую погоду получается лучше.

Бригада уехала, а Белов, надев рукавицы, взял в руки совковую лопату и комьями смерзшейся земли стал засыпать траншею.

Утром старик, дозвонившись до Сутулова, поблагодарил его за работу бригады и попросил прислать лабораторию.

— Сделаю, товарищ генерал, лаборатория у нас на ходу. Ждите ее в среду. Она частный сектор по средам обслуживает. Да, Иван Григорьевич, неплохо бы вам время выбрать, да как-нибудь ко мне заскочить. Мы же дальше должны дело делать, а для этого требуется договора заключить, да под них деньги проплатить.

— Василий Васильевич, я уж думал, что все заплатил. Знаете, сколько денег ухнул?

— Примерно, знаю. В сто тысяч уложились?

— Нет, не уложился. Сто одиннадцать тысяч уже ушло.

— Ничего, Иван Григорьевич. Я вас предупреждал, что газ — дело нужное, просто жизненно необходимое, но очень хлопотное и не дешевое. Не каждому оно по плечу. Но у вас самые большие расходы позади. Теперь остается мелочевка: врезать вас в линию и пустить газ. Но прежде нужно заключить с нами договоры на монтаж и пуско-наладочные работы отопительного оборудования, на его обслуживание и ремонт, и, наконец, на подачу природного газа.

— Василий, так это сколько еще денег потребует?

— Думаю, что тысяч сорок-пятьдесят набегит. Товарищ генерал, вы чего плохого не подумайте. Мы лишнего не возьмем. В смете расценки из преискуранта «Облгаза». Проверить можете.

Многоопытный Сутулов оказался прав. По договорам, на необходимость заключения которых он указал Ивану Григорьевичу, насчитали почти сорок три тысячи рублей. Расстроенный старик снял со своего счета последние деньги — пятьдесят тысяч, оставленные на черный день.

«Никак нельзя мне сейчас умирать, — грустно думал Белов. — Остался без копейки. Конечно, если умру, ветеранские

организации и Министерство обороны похоронят. Но и на дочку с зятем большая денежная нагрузка ляжет. А они сами едва концы с концами сводят».

В ближайшую среду к дому Белова на автомобиле лаборатории прибыл молодой человек, который с помощью специального аппарата в течение десяти минут просветил стыковочный шов и, заявив, что результат будет письменно сообщен в газовую службу, уехал.

— Не повезло вам, товарищ генерал, — во время очередного телефонного разговора огорчил старика Сутулов, — стык в трубе плохо проварили. Будем переваривать. Серега вроде опытный специалист, а вот на тебе, брак допустил. Мы его уже квартальной премии лишили, хотя понимаем, что и на старуху бывает проруха.

— Плохо. А мне-то, что делать? Когда теперь бригаду пришлете?

— Нынче у нас какое? Четырнадцатое ноября. Вот время летит! Уже Новый год на носу. Иван Григорьевич, я на ту неделю на вторник запланирую. Ждите. Да, товарищ генерал, вы траншею не засыпали?

— Засыпал. Два места оставил открытым. Там, где врезаться в сто десятую трубу, и там, где сварной стык.

— Иван Григорьевич, ну как же так? Кто же это вам разрешил? Ведь трубу надо будет откопать, место сварки поднять над землей, хотя бы на высоту табуретки, стык переварить и только потом заложить в траншею.

— Василий Васильевич, Сергей мне разрешил.

— Товарищ генерал, кто такой Сергей? Обыкновенный рабочий. Нужно было бы вам у меня спросить, ведь каждый день созваниваемся. Ну, ничего. Я этого Сережу заставлю самого трубу раскопать.

За последующие две недели газовики устранили брак и, повторно проверив лабораторией состояние стыка, сделали положительное заключение.

В конце ноября в Подмосковье выпал долгожданный первый снег. Он накрыл белым тонким покрывалом грязную, черную и неприглядную землю. Больше всех наступлению зимы обрадовалась Ласка. Она то носилась по подворью, то играючи перепрыгивала через невысокую ограду и стремительно мчалась по заснеженному полю за воображаемым зверем, а потом, натешившись вдоволь, довольная, возвращалась домой к хозяину. Старик, строго выполняя указания Семена Степановича, аккуратно, два раза в день, топил новую печку.

— Иван Григорьевич, вы завтра на даче будете? — дозвонился до него Сутулов.

— Да. Я вам говорил, Василий, что на даче живу постоянно.

— Зима наступила, товарищ генерал, думаю, может, вы в Москву уехали, в городскую квартиру. Прогноз слышали? В ближайшие дни холода до двадцати градусов обещают. Я вот по какому поводу вас беспокою: не возражаете, если я завтра с утра к вам бригаду пришлю? Они за день врезку сделают и газ пустят.

— Буду ждать, Василий Васильевич. Честно говоря, я уж и надеяться перестал.

— Да, что вы, Иван Григорьевич. Завтра ребята отработают, вы не стесняйтесь, мне позвоните, все ли нормально. А на той неделе я других спецов пришлю. Они газовую плиту включат, котел отладят и отопление пустят. И книжку для оплаты за газ по счетчику привезут. Новый год с новым отоплением будете встречать, я гарантирую.

Утром следующего дня бригада газовиков во главе с Сергеем, ежась от холода, выполнила запланированные работы и тщательно проверила по приборам величину давления в газовой трубе.

— Все нормально, отец, утечки нет. Вы меня за стык простите. Но, если что, то мы еще приедем. Вы только в контору не звоните. А мне напрямую. Вот я мобильник свой записал. — Бригадир протянул листок бумаги с номером телефона.

— До свидания, ребята, — пожал на прощанье каждому из парней руку старик. — Я зла на вас не держу. Будьте здоровы.

Созвонившись с Сутуловым, Белов поблагодарил его за выполненное обещание.

— Ну что, Иван Григорьевич, я запланировал последний аккорд на вторник на пятое декабря. Вводную бригаду пришлю. Желательно, чтобы вы к себе на это время мастера-сантехника пригласили, который вам систему отопления монтировал. Пусть он вместе с моими ребятами отладку проведет. Вы найти его сможете?

— Смогу. Он местный.

Рано утром пятого декабря Белов прогрел «Жигули», посадил рядом с собой Ласку и съездил в деревню Назарово за мастером.

После обеда появилась долгожданная бригада газовиков, состоящая из двух человек.

— Семен Степанович, — засмеялся бригадир, — куда бы мы ни приехали, везде на тебя нарываемся. Ну что, к запуску готов?

— Всегда готов, Петя. А ты меня на работу к себе в штат зачисли, — поддержал шутку газовика умелец, — хотя бы на полставки. Тогда тебе никуда ездить не придется. Будешь сидеть в кабинете да бумажки подписывать, а я дела делать.

— Ну, вперед! — Петр включил водяной насос, прокачивающий воду, поворотом ручки крана подал газ к форсунке и зажигалкой поджег его. Синее пламя с легким шипением устремилось к нагревательным элементам, насыщая их своей энергией.

Газовики после короткого инструктажа собрали акты, подписанные стариком, отказались от предложенного чая, попрощались и уехали.

— Дело очень большое сделали, Сеня. Спасибо тебе. Я думаю, что можно и стол накрывать.

— Иван, дело обыденное. Это моя работа. Обмыть, конечно, нужно. Но лучше, чтобы день не терять, вечерком. А шас я, Григорич, на дачу к одному академику хотел бы сбегать. Тут неподалеку. Камин у него дымит. Пообещал посмотреть. Не я кладку делал, а фирма. А ремонтировать мне придется.

Оставшись один, старик подошел к котлу, сел на табурет и стал наблюдать за его работой. Газ периодически вспыхивал огненным шаром и, погорев непродолжительное время, так же резко угасал. Белов проверил по приборам рабочие параметры и стал готовиться к праздничному ужину. Он спустился в подвал, набрал из ларя для хранения овощей немного среднего размера картошки, положил в него несколько луковиц и головку чеснока. А в пустую хозяйственную сумку поставил закупленные в магазине съестные припасы. Придя домой, раздвинул стол, накрыл его. В половине пятого вечера он поставил на самую маленькую мощность газовый котел и затопил печь.

— Правильно сделал, что печку затопил, — похвалил Белова вошедший Семен Степанович. — Можно картошку, конечно, и на газовой, и на электрической плите сварить, и на чем хочешь. Но самая вкусная вареная картошка получается в печке. Ставь чугун. Ваня, а где мои припасы? Я же тебя просил на стол выставить. Видишь, какой ты непослушный. — Семен выскокчил на веранду, принес оттуда свою сумку и стал выкладывать из нее на свободную часть стола свертки, банки, пакеты.

— Куда ты, Сеня? У меня продуктов на десятерых хватит.

— Умный ты, Ваня, мужик, и образованный, а смысла жизни понять не можешь. Ты зачем в деревню приехал? Почему тебе в городе на всем готовом не живетесь? А? Да, потому, что призвала тебя мать-природа к себе. И чем ближе человек к концу своему подходит, тем больше ему хочется к земле-матушке прислониться. — Философствуя, словоохотливый печник сноровисто раскладывал по мискам и тарелкам соленья: белые грибы и опята, ярко красные, набравшие сок помидоры, ядерные огурцы, сочную квашеную капусту с капельками клюквы. — И питание должно быть в деревне деревенское, натуральное, запашис-

тое, — продолжал он. — Ты сравни мой огурчик с фабричным. Ведь когда фабричные солят, тоже пихают в рассол всякую всячину. А запах противный. А мой возьми. — Семен взял из миски соленый огурец и потянул в себя воздух. — Чем пахнет? — протянул он огурец старику. — Огурцом соленным он пахнет. Грядкой, на которой вырос. Дождем, который его поливал. Солнцем, которое его лучами согревало. Травами, которые рядом с ним жили. Руками Пелагеи Петровны моей, которая от сорняков его сберегла и засолила как следует. А ты, Ваня, далек от этого. Стол накрыл по-городскому. Я тебе не перечу. Ты хозяин. Просто тебя своим продуктом угощу. — Семен, не прекращая рассуждений, разрезал на тонкие ломтики шмат сала, разогрел сковородку и поставил на горячую плиту жарить куски свинины. — Пока поджарится, и Коля подойдет.

— Не будет Николая, Сеня. Перед твоим приходом позвонил он мне, предупредил, чтобы не ждали. У него своих неотложных дел полно.

— Ну что ж, он на службе, не на пенсии. Его понять можно.

Степанович, полностью взяв инициативу на себя, слил из чугунка бурлящую воду, выпарил на краешке плиты ее остатки, и, когда картошка разомлела, поставил парящий чугунок на деревянную подставку в центре стола. Иван Григорьевич достал из холодильника бутылку перцовой водки, скрутил головку и разлил по маленьким стаканчикам. А Семен, положив по несколько картошек в тарелки, прикрыл чугунок чистым вафельным полотенцем.

— Ну, Иван, с праздником тебя, с газом в твоём доме. Будь здоров.

Старики чокнулись и выпили по чуть-чуть. Возраст и состояние здоровья давно приучили их обходиться без спиртного. Они могли обойтись без него и сейчас. Но, соблюдая традиции, подносили к губам стаканчики, создавая видимость употребления.

— Хороший ты мужик, Иван Григорич. Настоящий. И вот я что подумал: горячая вода у тебя теперь в доме есть, а холодной нет. За весну-лето я тебе холодную линию брошу. Насос в колодец поставлю, трубу от колодца до дома в траншею заложу поглубже, чтобы зимой не разморозило. Кран откроешь, насос включится, и воду тебе подаст. А если холодная вода будет, то можно будет и унитаз, и канализацию смонтировать.

— Это было бы неплохо. А сток куда?

— Как куда? В сточный колодец. Выкопать придется кольца на четыре. А из колодца ассенизационная машина раз в год будет нечистоты забирать.

— Будь здоров, Сеня. За твою светлую голову, руки золотые. Старики пригубили водку и продолжили разговор.

— Без тебя, Степаныч, не было бы у меня отопления. Тыщу раз тебе спасибо говорю и в ноги кланяюсь.

— И тебе спасибо, Ваня, за оценку. Только, если бы не я, так другой сделал бы. Незаменимых нет.

— Другой сделал бы. Но за большие деньги. А у меня они уже закончились. И к весне-лету, как ты говоришь, мне деньги ни на насос, ни на трубы, ни на канализационные кольца не найти. Все накопления, которые после смерти Марии Васильевны оставались, за подводку газа заплатил. Гробовые оставлял на всякий крайний случай, и их пришлось потратить. Да в долги еще залез.

— Ваня, а если не секрет, газ тебе во сколько обошелся?

— За все про все двести двадцать четыре тысячи рублей и еще справку купил за десять тысяч долларов.

— Быть не может, Ваня, чтобы так дорого.

— Оказывается, может, Степаныч. — И Иван Григорьевич, сам не зная почему, стал рассказывать печнику свою историю газификации. Семен, переживая, ловил каждое слово, глаза его увлажнились. Он сдерживал себя, сжав пальцы в кулаки. И Белов почувствовал, что этот сухонький мужичок, сидящий напротив, простым человеческим вниманием и сочувствием облегчает его душу от тяжкого бремени переживаний, накопившихся в последнее время.

— Ничего, Ваня, крепись. Ты в Бога веришь?

— Нет.

— Плохо. Но не в этом дело. Господь, помяни мое слово, всех этих сволочей накажет. А тебе я помогу и водопровод, и канализацию наладить. А материалы, которые нужно, для тебя расстараясь, найду. Ваня, а как же с долгом?

— Отдам до Нового года. Сам знаешь, что иметь просроченный долг — плохая примета.

— Вот видишь, Григорич, а говоришь, что в Бога не веришь, а приметы — не что иное, как предупреждение Божье.

— Я неверующий, Семен, но суеверный. И в неписанные законы или в приметы, которые каждой опасной профессии присущи, верю. Например, каждый летчик знает, что тринадцатого числа и в день рождения лучше не летать, что перед полетом нельзя фотографироваться, что на аэродроме женщинам нечего делать.

— Ваня, вот ты Герой, смелый человек. А честно скажи, тебе когда-нибудь страшно было? И, вообще, ты смерти боишься?

— Страх, Сеня, такая штука, что его не избежать. Инстинкт

самосохранения заставляет пугаться опасности. Но мандраж преодолевается усилием воли. А потом, понимаешь, воздушный бой, это не бой рыцарей или воинов один на один, где можно полагаться только на себя, на свои силы и ловкость. Представь себе, что в ограниченном пространстве сходятся десятки мужественных, отлично подготовленных воздушных бойцов. Небо вокруг этого клубка истребителей сверкает от трасс снарядов и пуль. И неминуемы ситуации, в которых не все зависит от тебя. Меня тоже два раза подбивали. Первый раз «Сейбр» крыло моего «МиГа» изрешетил, керосин из бака струей полился. Еле до аэродрома дотянул. На посадке двигатель выключился из-за полной выработки топлива. А второй раз того хуже. Я увернуться не успел, и он рубанул по мне длинной очередью. Разбил фонарь, осколки в лицо попали, поранили, и двигатель повредил так, что он заглох. Я успел развернуться в сторону аэродрома, резко снизился и катапультировался. А он, подлюка, так хотел меня убить, что обстрелял висящего на парашюте. По мне промазал, а купол пулями прожег. От второго захода меня облака спасли. В летной среде на такие поступки только фашисты и американцы способны. С тех пор я американцев ненавижу, как подлых и бесчестных людей. А про смерть? Сейчас я ее не боюсь. Смерть страшна, когда она приносит несчастье близким людям. А теперь-то, что? Я свое пожил. Мне в этом году семьдесят девять стукнуло. И мои близкие понимают, что немного лет мне осталось. Хотя, честно сказать, больших изъяснов в здоровье не чувствую. И когда воевал, я тоже смерти не боялся. Я боялся другого, того, что страшнее смерти, плена. В то время мы летали на больших высотах вблизи тридцать восьмой параллели. Подобьют, ранят, потеряешь сознание и окажешься на территории врага. Никто, конечно, тебя пытать не будет. Но разведка сразу установит, китаец ты или нет.

— Подожди, Иван, я тебя не понял. А при чем здесь китайцы?

— Знаешь, Степаныч, официально в войне на Корейском полуострове Советский Союз участия не принимал. И мы летали там, прикрываясь легендой, что это китайские добровольцы. И, если бы кто-то из нас попался, то создал бы прецедент, международный скандал. Союз, конечно, от этого летчика отрекся бы. А семью этого парня сгноили бы.

— А ты сколько американцев сбил?

— Записаны пятнадцать. А на самом деле больше.

— Как это?

— Понимаешь, Семен, нужно доказать, что сбил. Стреляешь из пушки, включается фотопулемет, который фиксирует

атаку. Стрельбу закончил, и фотопулемет выключился. А фотографий, как горит самолет, как разваливается в воздухе, как правило, нет. Поэтому ищут обломки сбитого самолета на земле, сопоставляют факты и делают вывод, что действительно сбил ты.

Давай, Сеня, помянем моих товарищей, всех тех, кто погиб в бою, умер от ран, скончался от болезней.

Старики поднялись и, помолчав минуту, сделали по небольшому глотку водки. Закусив, печник засобирился домой.

— Куда ты, Сеня? Оставайся, у меня заночуешь. Посидим с тобой, поговорим, чайку попьем. С тобой хорошо. А то я один да один, как бирюк.

— Нет, идти надо. Домой не приду, жена забеспокоится, искать пойдет.

Старики вышли на улицу. Декабрьский морозный воздух, попав в легкие, вызвал у них прилив сил. Лайка, бурно выражая свою радость, стремительно уносила вперед к асфальтированной дороге, освещенной строем фонарей, затем мчалась назад. На половине пути до Назарово Семен Степанович остановился, поблагодарил Белова за угощение и проводы и попросил его возвращаться назад.

«Плохая примета, плохая примета, плохая примета, — пульсировала одна и та же мысль в голове Ивана Григорьевича при возвращении домой. — Нужно отдать долг, оставить мысли о причиненных обидах, не травить себе душу, проводить этот тяжелый год, а Новый год, год восьмидесятилетия начать с чистого листа».

На другой день Белов, приехав на «Жигулях» в Москву, поставил машину на стоянку у дома, зашел в пустую квартиру, попил чаю, переоделся и на метро доехал до станции Смоленская. Поднявшись наверх, он прошел по тротуару Садового кольца, обогнул «Макдональдс» и вышел на Арбат, где во времена безденежья, как и многие другие военные, по сути за копейки, отдавал барыгам добротную военную форму и обувь.

«Каждый кулик свое болото хвалит», — поравнявшись с памятником Окуджавы, подумал о поэте старик. Ничего хорошего и значительного в этой улице, кроме съемной квартиры, где жил Пушкин, Белов не находил. Особенно удручали Ивана Григорьевича торговые палатки, установленные прямо посреди улицы. По замыслу городских властей, ассортимент этих торговых точек должен был удовлетворить спрос иностранных туристов на русские сувениры.

Наконец, Иван Григорьевич вышел к торговой точке, в которой хозяйничала Ганна, плотная, высокая и широкая, как шкаф, хохлушка.

— Ганна, здравствуйте, — поприветствовал ее старик.

— Будьте здоровы. Наверде, лицо мне ваше знакомо. Вы у меня, раз по имени кличете, бывали, наверно? — заговорила продавщица. — А я, вот память стала дырявой, помню вроде вас, а по имени не припомню.

— Иваном Григорьевичем меня зовут.

— А, вспомнила. Вы генерал. Я еще у вас шинельку, да еще мелочишку всякую выкупала. Может, еще чем порадуете? Я хорошо заплачу.

— Нет, Ганна, я по другому вопросу. Слышал, что тут орденами и медалями торгуют.

— Да чем тут только не торгуют. А ордена и я у вас принять могу. И знаки какие. Особенно, если фронтовое, и эмблемы, и погоны. Чем старее, тем лучше.

— Я Звезду хочу продать.

— Фронтовую возьму, а современная не подойдет.

— Ганна, вы меня не совсем поняли. Я не звездочку хочу продать, а Звезду Героя.

— Да вы что? Господь с вами. А чья? Ваша? А вы что, Герой?

— Герой, — серьезно ответил Белов. — И Героем останусь независимо от того, есть у меня Золотая Звезда или нет. И замена для Звезды есть, ее копия, муляж.

— И то правда. Помрете, не дай бог. — Хохлушка истово перекрестилась. — Прости меня, Господи, все мы там будем. А кому Звезда достанется? В музей, небось, заберут. А она больших денег стоит. Такую вещь редкую и дорогую я выкупить не смогу. Но, если хотите, сведу с одним человеком. Может, денюшка через три подойдете, потолкуете с ним? Я его предупрежу.

— А сегодня поговорить нельзя?

— Не знаю. Нынче здесь ли он? Но раз просите, постараюсь отыскать. Иван Григорич, вы в кафе зайдите, отдохните. А где-то через часик ко мне снова подойдете.

Проведя целый час в кафе, Иван Григорьевич оделся и направился к Ганне.

— Ганна, ну, что, нашла?

— Да. Вот он, — указала взглядом женщина на стоящего на тротуаре чернявого и смуглого широкоплечего мужчину средних лет, одетого в щегольскую дубленку с поднятым и закрывающим большую часть лица воротником. Чернявый, увидев старика, подошел к нему и коротко представился. Белов назвал себя.

— Слушайте, Иван Григорьевич, — с заметным акцентом заговорил Мамед, когда узнал суть дела. — Вопрос непростой. Он требует обсуждения. Давайте отойдем в сторону. — Мужчины

медленно двинулись вдоль улицы по направлению к Смоленской площади. — Понимаете, я иду на большой риск, покупая вашу награду. Это действие уголовно наказуемое. Я имею юридическое образование и уголовный кодекс знаю. Но есть вариант: если попадемся, то вы подтвердите, что заняли у меня деньги в долг, заложив Звезду. Хотя, вы сами понимаете, что Звезду я вам уже не возвращу. Если согласны, будем говорить о цене.

— Согласен.

— Иван Григорьевич, а в каком году вы Героя получили, и номер Звезды помните?

— В 1953-м. А номер, честно говоря, нужно посмотреть. Но с собой у меня ее нет. На пиджаке я копию ношу. На ней номер не нанесен. А настоящую храню в надежном месте. А зачем вам?

— Я вам верю, но я же должен с нумизматами проконсультироваться. От вас же справку не потребуешь, что она не поддельная. Сколько вы хотите за Звезду?

— Мамед, я смотрел не так давно телепередачу про награды. Так вот, стоимость Звезды на черном рынке называлась равной пяти тысячам долларов.

— Иван Григорьевич, вы хотите получить пятерку, а мои десять процентов?

— На меньшую сумму я не согласен. Награды имеют вечную ценность, которая год от года увеличивается.

— Хорошо. Но мне нужно несколько дней, чтобы подумать и деньги собрать. Слушайте, давайте условимся так: я вам позволю через неделю, во вторник. По телефону обговорим детали и в среду здесь встретимся. И, последнее. Кроме Ганны, кто-нибудь еще знает о вашей проблеме? Нет? Пообещайте мне, что никому о нашей встрече не расскажете. И будем встречаться только один на один.

Старик пообещал. Но попросил созвониться в понедельник, а предполагаемую встречу перенести на день раньше, на вторник, двенадцатое декабря. Кавказец усмехнулся:

— Слушайте, а что, тринадцатое у русских по приметам плохой день? — Снял с руки перчатку, обнажив на пальцах синюю татуировку, записал номер мобильного телефона и растворился в толпе.

Во второй половине дня в понедельник Мамед позвонил Белову и оговорил с ним детали сделки. Во вторник, собираясь на Арбат, Иван Григорьевич достал из антресоли шкафа заветную красную бархатную коробочку, открыл ее, вынул Звезду Героя и, положив на ладонь, долго рассматривал, будто видел впервые. А затем положил коробочку со Звездой в нагрудный карман меховой куртки. Неприятное предчувствие не давало ему

покою. Присев к столу, он написал записку дочери: «Дорогая доченька, Лидочка! Я поехал на Арбат на деловую встречу. Возвращусь самое позднее к восьми вечера. Будем пить чай. Целую. Папа».

Мамед подждал Ивана Григорьевича у памятника Пушкину и Натали.

— Иван Григорьевич, Звезда с вами?

— Да.

— Хорошо. Я тоже деньги приготовил. Слушайте, давайте, зайдем в подъезд в соседнем доме. Я парня своего на входе поставлю, чтобы нам никто не помешал. Вы деньги пересчитаете, а я Звезду осмотрю.

Мамед открыл обшарпанную подъездную дверь и пропустил старика вперед, а затем вошел за ним сам. Тускло горящая под потолком электрическая лампочка освещала окрашенные темно-зеленой масляной краской стены, испещренные различными рисунками и надписями.

— Вот сюда, около лестницы встаньте, здесь посветлее. Пересчитайте деньги, — протянул пачку покупатель.

Иван Григорьевич тщательно, отделяя одну купюру от другой, пересчитал доллары.

— Да, все правильно, ровно пять тысяч.

— Тогда деньги спрячьте и Звезду давайте.

Белов достал красную коробочку, открыл ее и, не вынимая из нее Звезды, протянул кавказцу. Мамед достал из кармана дубленки лупу и тщательно осмотрел награду.

— Верю, что настоящая, — сквозь приступ кашля, сказал он. — Кто-то сверху идет. Отвернитесь, чтобы наши лица не видели, — шепотом попросил он Ивана Григорьевича. Действительно, на лестнице послышались приближающиеся шаги, и старик повернулся к ней спиной. В следующее мгновение страшный удар в затылок огненной гранатой взорвался в его голове, и он потерял сознание...

«Где я? Что со мной? Как я его пропустил? Сам виноват, не досмотрел, а потом мало дал ноги, не успел уйти скольжением от его пулеметов. А почему такая боль в голове? А, да. Он, эта американская сволочь, добивал меня, висящего на парашюте. Парашют погас. И при падении я ударился затылком о камень. А почему я ничего не вижу? Я ослеп? Нет. Это кровь заливает глаза. Ведь он своим залпом разнес мне вдребезги фонарь, и осколки стекла превратили лицо в месиво. Но меня спасут. Когда я падал, я помню, что успел развернуться на север от параллели. Я на своей территории. Нужно потерпеть, меня спасут, спасут, спасут».

...В реанимационное отделение госпиталя имени Бурденко генерала Белова доставила дежурная бригада «Скорой помощи», вызванная случайным прохожим, который в поисках туалета заглянул в подъезд и обнаружил там двоих кавказцев, склонившихся над беспомощным человеком. Кавказцы, отворачивая лица, заявили, что обнаружили этого гражданина в обморочном состоянии и хотели ему помочь, но, видимо, уже поздно, и выскочили за дверь. Золотую Звезду Героя, висящую на лацкане пиджака, они снять не успели. Следователям, которым поручили вести возбужденное уголовное дело по факту нанесения гражданину тяжких телесных повреждений, потребовалось немного времени, чтобы установить личность пострадавшего.

Генерал умирал тяжело. Чудодейственные лекарства и высококлассная медицинская аппаратура на время усиливали деятельность сердца, легких, почек и других внутренних органов, и Иван Григорьевич выходил из обморочного состояния. Он понял, что с ним случилось и где он находится. Ему не хотелось умирать и хотелось всем сердцем верить лечащим врачам, которые ободряли его и обещали, что обязательно вылечат. Но действие лекарств ослабевало, боль накапливалась стремительно, и он снова проваливался в беспамятство. Кровавая пелена тумана, застилающая его сознание, иногда прояснялась, и в его воображении, воображении умирающего человека, возникали обрывочные образы людей, которых он возненавидел: искаженное злобой лицо американского летчика-истребителя «Сейбра», обрушившего на него, беспомощно повисшего под куполом парашюта, огонь всех своих шести пулеметов, мерзкую усмешку Мамеда, потирающего татуированные пальцы, белобрысого Клюкина, брызгающего слюной: «Не дам ковырять трубу!», лживого Чумейко, выдыхающего изо рта вместе с клубом табачного дыма: «На коллегия», Профессора, протягивающего руку с норковой шапкой: «Герой, положи десять тысяч за справку».

Дочка Лида с зятем Федором и детьми Колей и Верочкой приезжали в госпиталь, и даже однажды начальник отделения разрешил им побыть несколько минут у постели старика. Лидочка не смогла сдержать слез и растрогала Ивана Григорьевича. А другим посетителям, в том числе и старинным друзьям генерала, прослышавшим о его беде, в свидании было отказано. Единственное исключение было сделано медиками для молодой женщины, следователя из милиции. Усилием воли старик выдавливал из себя слова, отвечая на ее вопросы. По знаку врача следователь задала последний вопрос:

— Иван Григорьевич, вы подтверждаете, что Мамед вас убил? Извините, я оговорила, ударил, хотел убить?

— Да, — непослушными губами, еле слышно произнес Белов, — он. — И с трудом добавил: — и система.

— Что? Иван Григорьевич, я не поняла.

— И система убила, — упрямо по слогам повторил умирающий.

Начальник госпиталя, генерал медицинской службы, один из лучших светил мировой медицины, принимая непосредственное участие в лечении пострадавшего от преступника Героя, неоднократно проводил консилиумы, на которых тщательно анализировалось эффективность проведенного оперативного хирургического и медикаментозного лечения. Но выводы, которые делали специалисты, были неутешительными: удар, нанесенный тупым металлическим предметом (предположительно кастетом) в затылочную часть головы причинил больному травму, не совместимую с жизнью. Однако, несмотря на очевидность состояния здоровья больного, врачи ни на минуту не ослабляли своих усилий в борьбе за его жизнь.

В понедельник Иван Григорьевич пришел в себя, и врачи пропустили к нему женщину-следователя, сопровождаемую мужчиной с заметной офицерской выправкой.

— Иван Григорьевич, — обратился к старику мужчина, взявший инициативу по разговору в свои руки, — ваше дело было взято на контроль прокуратурой. Я старший следователь Филимонов Вячеслав Борисович. Я предупрежден, что пока вы чувствуете себя неважно. Но дело идет на поправку. И все мы очень рады этому. Я пришел сообщить вам о том, что мы успели сделать. Преступник, поднявший на вас руку, изобличен и арестован. Это известный нам Гасанов Мухамед Исмаил оглы. Кличка «Мамед». Ранее он дважды отбывал наказание в тюрьме. Будет осужден вместе с сообщником и по закону наказан. Звезду Героя и деньги мы у него изъяли. Пять тысяч долларов, которые вы одолжили у вашего соседа Пулатова, ему возвращены. Вот расписка. Я ее здесь на столике оставлю. А ксерокопию дочери передам. Иван Григорьевич, у меня все. Может быть, у вас претензии к нам со Светланой Михайловной есть?

— Нет, спасибо, — с трудом вымолвил старик.

— Иван Григорьевич, мы желаем вам скорейшего выздоровления. До свидания.

И запахнув полы накинутых на плечи белых халатов, следователи вышли из палаты.

— Вячеслав Борисович, а когда успели Гасанова арестовать? Мне об этом ничего не известно, — недовольным тоном стала

высказывать претензии женщина-следователь своему напарнику. — И потом, даже если мы его найдем, то предъявить ему обвинение в покушении на жизнь генерала Белова, пожалуй, не удастся. Доказательств нет. Ганна, на которую ссылался Иван Григорьевич, факт знакомства Белова с Гасановым не подтверждает. Видеокамеры на Арбате зафиксировали человека, идущего с Беловым, но эксперты по этим фотодокументам сделать однозначное заключение о том, что это именно Гасанов, не смогут.

— Светлана, — зло улыбнулся Филимонов, — так вы говорите, что доказательств нет. Преступление он признает. А доказательную базу, так что комар носа не подточит, я обеспечу. И Ганна свидетельские показания даст, никуда не денется. Мне, Света, не таких колоть приходилось.

— Ну, ладно. Вы их расколете, а вдруг на суде и Гасанов, и Ганна от показаний откажутся? Дело-то развалится.

— Светлана Михайловна, что вы такое говорите? Те дела, которые я веду, развалить еще никому не удавалось. И не удастся. А что касается этого уроды Гасанова, то я кроме уголовного права еще хорошо знаю воровские законы. Генералы преступного мира ему генерала, национального Героя, не простят. И я не прощу. Поэтому, как только мы его арестуем, то дни его будут сочтены. Вряд ли он до суда доживет. А ложь, Света, к вашему сведению, обращенная на благое дело, ложью, по большому счету, не является. Белов не сегодня так завтра скончается. Этого врачи не скрывают. Он военный человек, воин. И ему важно, чтобы отмщение его врагам наступило до смерти. Поэтому, я думаю, что мое известие должно его успокоить. Пусть умирает спокойно. А Гасанова я через осведомителей вычислю и хоть из-под земли, но достану.

— А как же деньги, Вячеслав Борисович?

— Вот с деньгами как раз все нормально. Я встретился с Пулатовым, его соседом. И он расписку написал без разговоров.

— И на него, наверное, надавили?

— Нет, Света, — иронично усмехнулся следователь, — я чувствую обвинительную направленность по отношению ко мне в ваших рассуждениях. И напрасно. Пулатову я дал честное слово офицера, что деньги ему возвращу. А путей три: первый — через Гасанова. Даст адресок, где спрятал, а если не получится, то поможет Ассоциация Героев России, я туда письмо уже отправил. А третий вариант: раз дал слово, то свои отдам.

— Удивительный вы человек, Филимонов.

— Переходите к нам на работу в прокуратуру, — заулыбался довольный похвалой коллеги мужчина. — У нас в прокуратуре

все такие. Даже еще лучше есть. Но если серьезно, Света, то помните, что сказал вам генерал? Я прочитал в протоколе.

— Что?

— Он сказал, что его убил не только Мамед, но и система.

Организм Ивана Григорьевича был переполнен болеутоляющими лекарствами. Но боль не утихала и ежесекундно терзала каждую его клеточку, вызывая ужасные мучения. К физическим мучениям добавлялись моральные в виде чередующихся перед глазами перекошенных и с трудом различимых лиц Мамеда, американца, Клюкина, лысого Чумейко, Профессора и других врагов, которых генерал не мог опознать. В минуту душевной слабости, когда предел терпения оказался далеко позади, понимая, что уже никто и ничто не сможет ему помочь, вдруг, мысленно, генерал обратился к Богу. «Господи, может быть, ты и есть, не знаю. Но, если есть, то помоги мне. Я попал в беду. Я умираю. Умираю от боли. И прошу тебя помочь мне. Я устал от этих противных лиц убийц, негодяев и мерзавцев. Они мучают меня. Я не хочу их больше видеть. И почему я не вижу свою жену, дочь, внуков, товарищей? Всех тех замечательных людей, которые меня всегда окружали? Я хочу быть с ними, хочу, чтобы они были со мной хотя бы в последние часы моей жизни. И еще, дай возможность мне умереть в такой день, который в будущем не омрачит жизнь моим близким. И последнее. Господи. Не забудь про собаку. Про Ласку. Жалко, что она осталась без хозяина. Позаботься о ней. И разве я заслужил такое жестокое наказание? За что ты так меня наказываешь? За убийства? Да, я убивал людей. Но убивал таких же воинов, как и сам, в честном бою. И меня много раз пытались убить. И я не жалею о том, что делал и как жил. А если ты испытываешь меня и посылаешь мне боль, как испытание, то я буду терпеть, пока не умру от нее».

Видимо, все-таки есть Бог. И не всегда делит он людей на верующих и неверующих. Все мы для него твари божьи. И по-разному он к каждому из нас относится. К примеру, бывает так, что человек глубоко верующий и богопослушный, а преследуется ежедневными бедами и несчастиями. И просит он Господа помочь ему, а ответа не получает. А другой, наоборот, возгордится положением, чинит людям притеснения, измывается над ними, калечит и убивает, лба ни разу не перекрестит, а всю жизнь живет себе припеваючи. И понимаем мы, что это несправедливо. И думаем кощунственно, что, может быть, и Бога-то вообще нет. А бывает, и по-иному: обращается человек, доведенный до крайности, к Господу нашему. И Господь оказывает ему милость великую, и спасает от беды. И случается, что наказывает

нехристей, преступающих законы Божьи и человеческие еще при жизни. И расцветает в нашей душе великая любовь к Господу Богу нашему, и укрепляется наша великая вера в него и в торжество справедливости.

Наконец Иван Григорьевич увидел сон, который притупил его боль. Как будто он, в своих летах, в парадной военной форме при всех орденах и медалях со Звездой Героя на груди стоит на берегу неширокой и неглубокой речки в окружении своих родных. Справа его держит за руку дочка Лидочка, слева зять Федор, а рядом с отцом и матерью стоят его внук и внучка. И они что-то говорят ему с грустью, без улыбок. И он отвечает им, и его охватывает печаль оттого, что они его провожают. И он понимает, что ему нужно идти туда, на ту сторону речки по узкому мостику, перекинутому между берегами. А раннее летнее солнышко уже поднялось, но невысоко, и лучи его разогревают землю и поверхность воды. Над водой поднимается легкий туман, который наплывает волнами, то закрывая, то открывая деревянный мостик. Генерал поочередно целуется с родными и ровным шагом направляется по прибрежной тропинке к мостику. Повернув голову назад, видит, что дочка, и внук с внучкой, и зять машут ему руками. А Ласка сидит и смотрит на него, не отрываясь. Он же, махнув рукой, поворачивается к ним спиной. И вдруг сердце его замирает и начинает биться с удвоенной силой: он видит, как волна тумана рассеивается и на той стороне реки прямо напротив мостика стоит его жена — Машенька, такая же красивая, как в молодости. И так негромко говорит ему своим певучим голосом: «Ванечка, где же ты был? Что же ты, забыл про меня? А я жду тебя, жду. А ты все не идешь и не идешь. Иди же ко мне. Ну, что же ты? Иди». И Иван Григорьевич хочет ответить, но от волнения у него перехватывает горло, и тогда он поворачивает голову назад, чтобы убедиться, что его дочь, и зять, и внук с внучкой тоже видят удивительное чудо — воскресшую маму и бабушку. Но туман за его спиной уже закрыл их. И он, улыбаясь, протягивает руки к жене, ступает на зыбкие доски мостика и громко, чтобы она слышала, кричит: «Машенька, я иду, иду...»

Девятнадцатого декабря в пять часов сорок шесть минут генерал Белов умер. Умер во сне. Врачи, присутствующие при последних минутах жизни старика, обратили внимание, что после страшных мучений, искажающих лицо гримасами боли, вдруг лицо его просветлело, и на нем появилась легкая улыбка.

Лидочка с мужем и детьми часто посещают могилу Ивана Григорьевича и Марии Васильевны Беловых. А когда бывает

время, то они всей дружной семьей приезжают отдохнуть на дачу. Тем более, что стараниями Семена Степановича, который за лето по своей инициативе наладил холодное водоснабжение и канализацию, дача превратилась в настоящий загородный дом.

На память о своем друге Семен Степанович выпросил у Лидочки Ласку, которая продолжает тосковать по Ивану Григорьевичу, но откликается на заботливое и теплое отношение нового хозяина.

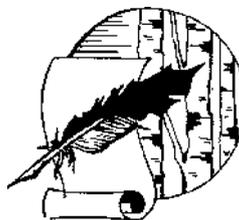
Следователь прокуратуры Филимонов сдержал свое обещание. Пять тысяч долларов он передал Пулатову, не объясняя источника финансирования.

Мамед пережил Ивана Григорьевича на три месяца. В камере предварительного заключения он получил от уголовных авторитетов «черную метку» и, по официальной версии, покончил жизнь самоубийством, вскрыв осколком лезвия безопасной бритвы вены.

Смерть Героя Советского Союза генерал-майора авиации в отставке Белова Ивана Григорьевича влияния на процесс газификации не оказала.

ПОЭЗИЯ

*Редколлегия журнала «Молодая гвардия» сердечно поздравляет
нашего автора Сергея Агальцова с 55-летием.
Желаем поэту прекрасных стихов и новых книг.*

Сергей АГАЛЬЦОВ

ЛУННАЯ РЕКА

* * *

Деревня древняя, глухая
В лесу таится ото всех.
Кружась и медленно порхая,
Ее укутывает снег.

И, вся укутанная снегом,
Под светом звезд она стоит.
Я, озабоченный ночлегом,
Знал: ночевать здесь предстоит.

Вот, зимний вечер коротая,
Сижу я с бабкой у печи.
Печальна речь ее простая,
Как ветра шум глухой в ночи.

Она мне жизнь свою расскажет
Всю по порядку. А потом
Спать на сундук убогий ляжет,
Забудется на время сном.

Но вдруг очнется и, вздыхая,
Глядит в окно на лунный снег.
...Деревня древняя, глухая
В лесу таится ото всех.

* * *

Ночная буря налетела —
В лесу и свист, и гул, и шум.
Живое цепенеет тело,
В смятенье — и душа, и ум.

То что-то вспыхнет над сосною,
То тень взметнется над кустом.
...Лес говорит в ночи со мною
Неясным, смутным языком.

Что за глаголы и реченья
Рождают свист и гул, и шум!
Их смысла темного значенья
Постичь не в силах бедный ум.

* * *

Я не смотрю на все угрюмо.
Минула грусть. Всему я рад.
И безмятежно мои думы
Вновь к светлой родине летят.

И бродят, чудные, далече,
В благословенных тех местах,
Где в этот летний, теплый вечер
Мгла тихо виснет на кустах.

Где догорал закат глубокий,
Где, светозарна и ясна,
Струит свой чистый свет высокий
На землю темную луна;

Где ветерок листву колышет,
Мерцает лунная река...
И это видит всё и слышит
Моя душа издалека.

* * *

Шумит под ветром бор осенний,
Ненастный, темный бор сырой.
Под его сумрачною сенью
Один люблю бродить порой.

Вдыхая грустный запах хвои,
Легко так дышит грудь моя.
И чудится: нас только двое
В огромном мире — бор и я.

Ведет неспешную беседу
Душа с ним, вслушиваясь в шум.
...Я скоро далеко уеду,
И полный чувств, и полный дум.

Но, странник, где бы ни был, — всюду
Я буду помнить темный бор.
И, дальний, все же не забуду
Моей души с ним разговор —

Живой, спокойный и прекрасный
В синеющей осенней мгле.
Не умолкая, — ежечасно
Он будет всё звучать во мне.

п. Ухолово Рязанской обл.

Александр НИКИТУШКИН

ОЖИДАНИЕ

Ю.Д. Каземирову

Приезжайте, мой друг, приезжайте
В нашу глушь, в этот омут степной.
Тормозок кочевой снаряжайте,
Самогон, как обычно, за мной.
Я печурку с утра раскачаю,
Брошу в топку еловых ветвей,
И запахнет дымком и печалью
В обветшалай лачужке моей.
Гулко слива ударится оземь,
Заиграет в трубе ветерок,
И сонливая хмурая осень,
Поворчав, убредет за порог.

Выйду из дому в сумрак вороний,
Стану слушать, укутавшись в плед,
Не скрипит ли на школьном прогоне
Ваш потрепанный велосипед?
Тишина. Только свистнет синица,
Да пугливая тень пробежит.
Одиночество — серая птица
Наш заброшенный рай сторожит.
Мы сюда возвратимся однажды,
Мы сомкнем разомкнувшийся круг.
Утолит первородную жажду
Дух Отечества — яблочный дух.
Мы войдем в родниковое лето,
Пребывать не желая во мгле,
Прослезившись от горнего света,
Принесем покаянье земле.
Приезжайте, мой друг, незаметно
Опадает листва наших дней...
Возвращаться — плохая примета,
Но дурнее — душа без корней.

Богоборного времени дети,
Возрастая под мутной водой,
Мы попали лукавому в сети
Не заметив беды за бедой.
Наши души в беде заблудились,
Чужеродную лжу возлюбя,
Мы Отчизны своей устыдились
И пропали, излаяв себя.
Черный август пришел как расплата,
Полоснул, словно жало стила.
Над державой срамно и пархато
Черный ангел расправил крыла.
В предвкушенье наживы и блуда,
Навалившись шакальим гуртом,
Торопливо прервали иуды
Встречу Красной России с Христом.
Из содомского чрева дракона
Нам явился извилистый тать
И оплел беззаконным законом,
Иссушив на корню благодать.
Больно видеть, мой друг, безотрадно,
Как, коверкая отчий уклад
В обнищавшие села и грады
Заползает ликующий ад,

Как былое величие рушат
Позабывшие имя свое...
Не по их ли продажные души
Вестник мщенья острит копийе?
Нам осталась надежда на чудо.
Был мне голос: «Крепись, не робей!
Пламя гнева не вспыхнет покуда
Не исполнится чаша скорбей.
Претерпите во имя Христово,
Преступите за смертную грань,
Да услышите вещее слово
Воскресения: «Лазарь — восстань!»
Разгоняя бесовскую копоть
Грозный ангел воскликнет: «Паси!»
Выйдет некто нагайкою штопать
По живому лохмотья Руси.
И при нем вознесетесь высоко
Воспарив ото сна своего,
Совершая до скорбного срока
Укрощение мира сего.
Голос матери вторил: «Сыночек,
Человек на земле одинок.
Выплетают бездомные ночи
Отчужденья терновый венок.
Бесприютна безверья дорога,
Безотраднa, как дождь-моросей.
Уповайте всецело на Бога,
А еще на семью и друзей.
В душу Родины страшною хваткой
Впился надолго век-лиходей.
Не живите по волчьим повадкам,
Берегите, жалеите людей.
Быть добру! Не поддайтесь унынию,
Поддержите сомлевших в пути.
По полям, опаленным Полянью,
Принесите надежду в горсти.
Претерпите во имя Христово,
Исповедуйте Русь-Иордань!
Да услышите вещее слово
Воскресения: «Лазарь — восстань!»

Вдруг привиделось четко и ясно:
Шел из храма народ по домам.
Разудалая Красная Пасха
Разлилась по зеленым холмам.

Утопая в вишневой метели,
Под гармонии напев озорной,
Разноцветные тройки летели
Услаждая мой сон неземной.
Там, где раньше былъем и крапивой
Поросло пепелище села,
Полноводно, свежо и бурливо
Долгожданная жизнь потекла...
Замерцало ночное виденье
И растаяло в звездной пыли,
Слезы радости и умиления
На холодных щеках зацвели.
И опять за холмами ныряя,
Поплыла золотая ладья,
И опять окунаюсь из рая
С головой в полынью бытия.
Мутноокое смутное время
Скользким полозом в сердце втекло,
Безысходностью душу берем,
И опять на больное село
Льется вечер студеным потоком,
Пес надрывно скулит на цепи,
И туман, словно призрак потопа,
Придыхая ползет по степи.
Прокричала недобрая птица,
И тревогой смурной обдала:
То ли ангел в окно постучится,
То ли черт забредет с похмела?
Отгоняя осеннюю мереть
У раскрытой калитки стою.
Приезжайте, мой друг, повечерить
В одинокую келью мою.
Жизнь промчится, преспелые души
В поднебесье упав, чрез века
Прорастут под звездой пастушьей,
В Судный день на Земле, а пока
Будем ждать, суету отвергая,
Не потворствуя веку сему.
Будем плыть, берега раздвигая,
Прожигая молитвами тьму.
Пусть опять нам готовят закланье
И раздором терзают сердца,
Но Россия, живя ожиданьем,
Устоит до прихода Творца.

Алла ЛИНЕВА

ЖАЖДА СВЕТА

* * *

Ну, здравствуй, здравствуй, новый день!
Что ты готовишь мне сегодня:
Тоску ли, радость, или лень,
Иль откровение Господне?..
Не зря же вспыхнула заря
И всеми красками играя,
Пролился свет через края —
И нет теперь у света края!..

* * *

Как мало надо: лучик света
Сквозь сизый утренний туман,
И все, что сердцем не допето,
Сойдет с небес в мой тихий храм.
Душа раскроется и примет
Все, что должна она принять,
И вспомнит дом, дорогу, имя,
Отца Небесного и Мать...

* * *

Весна — дуреха! Это точно.
И взгляд бессмысленный такой.
Она то плачет, то хохочет,
То сыплет колкою пургой.
Все разбросала напрочь в клочья...
И в том едва ли не права:
Невестой шла, потупив очи,
А оглянулась — уж вдова.

* * *

Я живу в других просторах —
Не ищи и не зови.
Там качаются в озерах
Облака и журавли.

Там и радуга такая,
Что захватывает дух
И сквозь тучи проникает,
И туда, где свет потух...

РУСЬ

Ты странная. Тебя поймет не каждый.
Холмы могил, разбитости дорог...
Но путник, умирающий от жажды,
Перекрестившись, ступит на порог,
Воды живой студеной из колодца
Напьется из глубокого ковша —
Бездонного. И тихо улыбнется
Твоя простая щедрая душа.

* * *

Валит, валит снегопад
Белый-белый, нежный-нежный,
Чистый-чистый и, конечно,
Кто ему сейчас не рад!
На затоптанную стежку
И на мой жестокий век
Тихий-тихий, осторожный,
Белый-белый валит снег!

Сергей ПЕТРОВ

УРОКИ ПОБЕДЫ

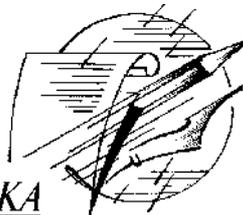
Война в Осетии высветила главную проблему России — отсутствие идеологии.

Уроки бывают не только от поражений. Победа России на Кавказе в августе 2008 года в конфликте с Грузией также преподала урок, который необходимо осмыслить с тем, чтобы за победой не последовала цепь поражений.

Одиночество

Одиночество России, о котором мы и без того догадывались, стало особенно явственно после грузинской войны. Ни союзников, ни друзей. Даже радость победы разделить не с кем, даже в СНГ холодное молчание. Франция, Германия, Италия тактичнее других, но и от них ни одного реверанса в сторону России, а ведь иных адвокатов в Европе у нас пожалуй что и нет. Примеры и аналогии с Косово, с Ираком, с Югославией не действуют на европейцев, что со всей очевидностью свидетельствует — наше место с краю.

Весь мир помогает и сочувствует бедной и несчастной Грузии кто кредитом, кто гуманитарной помощью, но мало кто вспоминает о разрушенной Южной Ос-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

тии; кажется, только голландцы выделили полмиллиона евро. Враждебность к России распространилась и на Южную Осетию.

Однако враждебная среда дала нам повод для прозрения (в который уже раз в нашей истории?) и для весьма откровенных выводов:

1. Со всей очевидностью рухнул миф о возможности сколько-нибудь доверительного партнерства России и Запада, или миф о том, что Запад не пожертвует отношениями с Россией (на что так уповала наша дипломатия) ради крошечной республики. Пожертвует!

2. Также стало очевидно: любой враг России — это друг Запада. И любое ослабление России — победа Запада. Это не наш выбор, такова философия Запада.

3. Холодная война — норма существования цивилизаций, а вовсе не аномалия. При этом, когда одна цивилизация (Запад) чрезмерно усиливается, а другая (Россия) чрезмерно ослабляется, это грозит слабой цивилизации полным уничтожением, и не важно, девятнадцатый ли век на дворе или век двадцать первый.

В принципе вышесказанное известно давно, еще с русско-турецких войн, а то и раньше, просто мы имеем удивительную способность забывать свою историю. Тем не менее имеется один новый фактор, которого в истории России давно не наблюдалось. Этот фактор — почти полное одиночество России на международной арене. Как представляется, это явилось следствием внешней политики России последних пятнадцати лет.

Главная ошибка — это то, что мы согласились с навязанным нам тезисом, будто главным и единственным арбитром, определяющим мировой порядок, является Запад.

Да, мы спорили по отдельным вопросам, иногда вступали в ожесточенную полемику то с одной страной Запада (например с США по ПРО), то с другой, но никогда не подвергали сомнению весьма спорный на самом деле факт, будто цивилизованный мир — это прежде всего Запад. И только он!

В результате оказались в безвыигрышной позиции: добровольно отдав Западу роль арбитра, мы вынуждены были глядеть «западными глазами» и на весь остальной мир, теряя одного потенциального союзника за другим. Нам указывали, кто «изгой», а кто «свой парень», кому ядерная программа во вред, а кому — можно. Опять-таки мы порой бунтовали против односторонней оценки, иногда что-то блокировали в Совете безопасности, но никогда не подвергали сомнению сам принцип деления, ибо Запад убедил нас — в главном он всегда прав.

Сказали нам, что Иран — это изгой, и мы сторонимся его, боимся вооружать, боимся даже достроить АЭС, хотя рядом Пакистан — союзник США и, если вдуматься, куда больший «изгой», чем Иран, притом обладающий ядерным оружием. А ведь Иран на Каспии мог быть нам надежным партнером в блокировании альтернативных (помимо России) маршрутов доставки углеводородов.

Нам указали, что неприлично в цивилизованном сообществе иметь дело с Кубой, Венесуэлой, и мы общаемся с ними если не тайком, то как-то стыдясь самих себя, боясь лишний раз «засветиться» компрометирующими связями, хотя у США, например, в Латинской Америке полно союзников среди почти фашистских режимов. Но им можно!

Совсем иррациональная ситуация с другим нашим союзником — Белоруссией. И опять нам навязали мнение о ней как некоем изгое Европы, хотя в той же Европе существует Албания, Латвия, Эстония, а теперь уже и Косово. Так чего мы хотели от Белоруссии во время Осетинского конфликта?

В итоге Россией оказались потеряны страны третьего мира, хотя для СССР это были самые надежные союзники. Часть стран третьего мира теперь пляшет под дудку США, дипломатия которых вербовала себе союзников среди кого угодно — лишь бы они не препятствовали гегемонистским планам и голосовали в ООН как надо. Другая часть третьего мира во имя своих принципов огрызается на США, но при этом не видит никакой защиты в лице России, ибо Россия за пятнадцать лет с момента развала СССР и вплоть до юго-осетинского конфликта еще никого не защитила. Стоит ли удивляться подобному одиночеству на международной арене?

Кризис идей

Однако то, что сказано выше, — часть проблемы, ибо мало пытаться объединить вокруг себя союзников, надо им взамен что-то предложить.

Политологи, констатируя факт отсутствия у нас союзников, высказывают разнообразные версии — от всемирного заговора против России (патриоты) до ее неразвитости (либералы), — но обходят, как представляется, главную проблему. А она заключается в том, что нынешняя Россия никак не объявила хоть каких-то привлекательных идеологических ценностей, которые могли бы сплотить вокруг нее потенциальных союзников. **Ибо чтобы конкурировать с Западом, надо конкурировать и с западными ценностями.**

А слышали ли мы от наших политиков что-нибудь о своих ценностях? Про западные ценности нам твердят со всех углов (мы сколько угодно можем называть их фальшивыми и ложными, но они в центральных СМИ не перестают оставаться ценностями). Про идеологическую привлекательность СССР как антагониста Запада написаны целые монографии, а что такое нынешняя Россия? Неужели только «суверенная демократия», с адаптированным под Россию либерализмом? А ведь некогда было кое-что посерьезнее: Святая Русь, Третий Рим, первое в мире рабоче-крестьянское государство...

Сами по себе эти наши ценности кого-то в мире раздражали, кого-то пугали, кому-то казались смешными, однако значительную часть мира объединяли вокруг нас. Например, экстравагантные социалистические лозунги привлекали третий мир на нашу сторону хотя бы тем, что мы ассоциировали себя с не-Западом и проповедовали свою уникальность.

А сейчас? Кто-нибудь в мире слышал о ценностях современной России? Едва ли. Повторяются западные либеральные штампы, и на этом фоне мы действительно выглядим недоразвитыми, ибо как бы ни примеривали чужие одежды, всегда в них выглядим нелепо, всегда смотримся отстало.

Ну, пусть бы хоть имперская идея, которую нам приписывают, да мы отрешиваемся, пусть бы хоть противопоставление Западу, я уж не говорю о Православии, но нет — у нас в идеологии пустота. Так чем же мы можем привлечь мир на свою сторону?

В итоге для Запада мы чужие, и кажемся ему больше Востоком, для Востока — слишком безрелигиозны и кажемся отсталой окраиной Запада.

Мы не привлекаем ни сильных, ни слабых, как делал в свое время Советский Союз. Мы даже родственной Украине не можем предложить интересный проект, а потому с разгромным счетом проигрываем Европе в борьбе за «душу» Украины. В этом большая беда России.

А между тем лежат на поверхности те ценности, те идеологические знамена, под которые могла бы стать значительная часть мира. Эти знамена успешно использовала царская Россия, но особенно Советский Союз.

Идея первая: мы — не Запад. Россия позиционирует себя как мощное государство незападного типа. Им она, собственно, и является со времени своего основания. Дело в религии, в менталитете, в культуре — то есть в тех цивилизационных корнях, которые никогда не позволят нам стать Западом.

Мы даже не представляем себе, какое число стран будет искать сближения с Россией на этой почве. Вне сферы нашего

притяжения окажутся только США, Западная Европа, Израиль да с десяток союзников США в Латинской Америке и в исламском мире. Все остальные ныне ощущают себя незащищенными перед «томагавками» и «двойными стандартами», а потому Россия станет для них мощным центром притяжения, источником иного взгляда на мир.

При этом важно, что в отличие от СССР мы не смешиваем идею противопоставления себя Западу (исключительно идеологического) с некоей мессианской идеей-фикс. Нет, достаточно объявить, что мы за иной, справедливый миропорядок, подтвердить это делами, и союзники у нас будут, что подтвердятся первыми визитами в нашу страну после российско-грузинской войны. К нам приехали лидеры именно стран третьего мира: Сирии, Иордании, Турции...

К сожалению, за время президентства Путина слишком многих мы оттолкнули, слишком многим показались ненадежными. Совершенно иррациональный уход с Кубы и из Вьетнама, какое-то стеснительное отношение к Венесуэле и Ирану, будто мы боимся «замазаться» контактами с лидерами этих стран и перестанем выглядеть в глазах Запада уважаемыми. Но, опять-таки, это было хоть как-то понятно: вплоть до грузинской войны мы упорно стремились войти в т.н. «цивилизованное сообщество». Не вошли, не впустили.

Однако нет сомнений, при первых же признаках идейного возрождения, которое должно наступить именно в этот кризисный момент, все указанные страны и еще сотня других — будут с нами.

Идея вторая: **Россия — это империя.** Обвинений в имперскости наши власти боятся больше всего. И зря, ибо ведет себя Россия в последнее время именно как империя. Тут Запад прав, и события августа 2008 года тому подтверждение. **Ибо поступать по принципам вопреки существующему праву — это удел империй.** Из области принципов — наши действия в Грузии.

Вообще-то империи никогда не рекламируют своих имперских замашек, их просто отличает имперское поведение. А именно, если обычное государство в сложной, безвыходной ситуации оглядывается на международное право, даже невыгодное ему в данной конкретной ситуации, то империя либо перекраивает это право под себя, либо игнорирует его. Классический пример — поведение США на международной арене и особенно в Ираке; там тоже провозглашены принципы, пусть и ложные с нашей точки зрения.

Отличие России от прочих империй в том, что она, как бы это странно ни звучало, империя вынужденная, или правильнее сказать: имперскость — единственный способ ее существо-

---

вания в окружающем мире. Если бы мир был другим, то и Россия была бы другой. Поясню эту мысль.

Для начала спросим себя, в какой обстановке существуют ныне бывшие империи Европы — Великобритания, Испания, Франция? Нетрудно убедиться, что вокруг них сложилось комплиментарное окружение схожих по религии и культуре стран. Это окружение никоим образом не угрожает бывшим империям и не раздражает их. Для России ситуация принципиально иная: отнятый у нее кусок становится не дружественным, но враждебным государством.

Примеры — Прибалтика, Молдавия, Грузия, Украина, Азербайджан... Эти страны занимают либо откровенно враждебную, либо выжидательную (пока Россия окончательно не ослабнет) позицию. Поэтому для Русской цивилизации жизненно важно не терять территории, ибо утраченный кусок не только враждебен ей, но еще и способствует дальнейшему ее ослаблению. После Грузии этого не надо доказывать.

Безусловно, сие происходит благодаря деструктивной роли Запада и без него ни Грузия, ни Украина не стали бы нам враждебными никогда. Однако реалии таковы.

Стало быть, единственный способ России во враждебном мире удерживать свои территории и сохранять влияние по периметру границ — имперское поведение. Иного не дано.

В этом плане после Грузии у России нет иной альтернативы, как поставить на место Украину. При этом даже чтобы осмотреться, переждать волну международного осуждения у нас нет времени. Оно упущено.

Последние действия НАТО в Черном море и агрессивная риторика Запада не оставляет сомнений, что со вступлением Украины в НАТО Россия теряет безопасность навсегда. **В этом есть и высший моральный смысл, ибо если в городе русской славы Севастополе, где пролита кровь тысяч наших солдат, будут бродить американские негры-морпехи, то вряд ли Россия как цивилизация, допустившая подобное, заслуживает сожаления и сочувствия, а уж тем более безопасности.**

Как отстоять Украину? Думается, для этого требуется лишь решимость власти. Запад с нами войны из-за Украины не начнет никогда, как бы он ни махал кулаками. С другой стороны, нынешние украинские власти обязательно будут устраивать провокации. Этим и надо воспользоваться. При первой же попытке не пустить в Крым наш флот или же помешать его функционированию (отключить свет, захватить маяки) немедленно отвечать силой, параллельно разорвав договор о Дружбе и предъявив в Международный суд свои права на Севастополь. Дело суда — это дело долгое, а Россия, используя абсолютную лояльность насе-

---

ления, закрепляется в Крыму, пусть и с неясным статусом. В худшем для нас случае — мы только блокируем вступление Украины в НАТО надолго, в лучшем — получаем Крым.

Гибельный же для России вариант — не отвечать на провокации, сглаживать ситуацию, запереть флот в бухте — авось как-то разрешится. Не разрешится! Никто нам даже при «шелковом» поведении не даст базироваться в Крыму до 2017 года.

При решении проблем с Грузией и Украиной уйдут многие проблемы на границах России: во-первых, будет успокоено и ограждено от оранжевых революций все постсоветское пространство, во-вторых, Запад увидит черту, за которую нельзя переходить. Он, уверен, понятливый.

И наконец, третья идея: это идея **объединения русских на просторах бывших советских республик и воссоединения раздробленной на множество государств Русской цивилизации. Уже ясно: иных общих ценностей, кроме Православия и этнических связей, мы для этого не найдем.**

Не стоит ломать голову, придумывая искусственный противовес западным ценностям, — ничего не получится. Западному материализму мы можем противопоставить только духовное; если этого не получится, то не получится ничего.

Совершенно очевидно, что идея воссоединения Православной русской цивилизации если и воплотится, то в далекой-далекой перспективе, однако, несмотря на иллюзорность цели, она (эта идея) должна стоять на повестке по той причине, что **когда нет идеи объединения, действует идея распада.**

Следует также отдавать себе отчет, что этим займутся последующие поколения, а сейчас ни Россия не готова (слишком безрелигиозна), ни другие родственные нам страны (слишком ослеплены западными ценностями). Однако неизбежное ослабление Запада в будущем может прямым образом сказаться на укреплении России, ибо если мы взглянем на всю нашу историю, то со времен Орды лишь Запад был помехой России.

Впрочем, и иллюзий питать не следует — обычно при исчезновении одного препятствия появляется другое, более сложное.

Озвучив вышесказанные ценности и последовательно отстаивая их на международной арене, нынешняя Россия повторит то, что делали до нее Российская империя и Советский Союз, и вернется к своему естественному поведению на международной арене. От этого будет проще не только нашим потенциальным союзникам, но и самой России, ибо сквозь призму твердых убеждений видно гораздо яснее, где друг, а где враг, где национальные интересы, а где конъюнктурные игры в глобализацию.

Аркадий МАЛЕР

ПОВОРОТ ИСТОРИИ

ЛЮБОЕ ТЕРПЕНИЕ ИМЕЕТ ПРЕДЕЛ

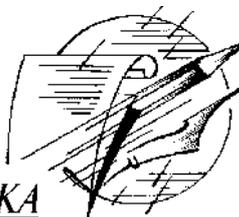
Многие события «постлиберальных» 2000-х годов часто называли «поворотными».

Во многих из них угадывалось восстановление России как полноценного исторического и геополитического субъекта, будь то очередная жесткая речь президента или какая-нибудь международная встреча, явно сбивающая планы наших стратегических противников.

В конце концов сам факт сохранения страны в масштабе бывшего РСФСР уже говорил о том, что Россия никуда не делась, а значит, никуда не делись исторические константы ее внутренней и внешней политики.

Но то, что произошло 26 августа, — это настоящее поворотное событие, причем не только для самой России, но и для всего мира. Конечно, оно не было неожиданностью — это результат очень долгого процесса восстановления российской субъектности, в полной мере активизированного прежним президентом Путиным, и, с другой стороны, столь же длительного терпения российской власти.

Русской государственной традиции совершенно не присущ алармизм, в котором ее обычно пытаются упрекать западные критики. Они не понимают, насколько по-другому выглядел бы мир, если бы

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

России действительно были свойственны какие-то глобалистские амбиции и агрессивный цинизм. В этом плане нельзя сказать, что Россия с самого начала пыталась это решение как можно скорее реализовать. Россия пыталась до конца предоставить самой Грузии определиться с Осетией и Абхазией, но любое терпение имеет предел.

Если проанализировать все возможные причины этого решения, то на поверхности оказываются три. Во-первых, это одностороннее признание многими странами Запада независимости Косова, во-вторых, это неадекватное поведение грузинской власти и, в-третьих, это продвижение НАТО на восток.

Когда 17 февраля 2008 года так называемый парламент Косова провозгласил независимость своей страны и его поддержали ведущие страны Запада — США, Великобритания, Франция, Германия и другие, то это событие положило полный конец всем формальностям международного права пост-ялтинского мира.

Международное сообщество не может жить в шизофрении права, которого уже никто не гарантирует и, прежде всего, не гарантирует то сильнейшее государство на планете, которое до сих пор все время взывало к этому праву.

После 17 февраля человечество вновь вошло в ту эпоху, когда «прав сильнейший», ибо никакое право теперь не заставит любую «сепаратистскую зону» вести себя по правилам. Теперь все зависит от способности любой из этих зон к реальному силовому сопротивлению и желания их возможных покровителей помочь им как политически, так и стратегически.

Если же обращаться к вопросу об ответственности Запада за это событие, то здесь мы вынуждены признать факт его чудовищной наивности — США и большинство стран Евросоюза совершенно недооценивают объективную угрозу полного пересмотра многих государственных границ, ожидаемого теперь в XXI веке.

В этой ситуации делать вид, что ничего не произошло, и продолжать вести себя по отжившим трафаретам совершенно невозможно. И сколько бы нынешняя российская политическая элита ни была далека от «неоконовского» алармизма (который иногда бывает очень полезен), в данном случае моральных прав на отступление уже не было.

При этом, разумеется, прецедент Косова можно только по чисто формальным критериям сравнивать с прецедентом Южной Осетии, поскольку Косово — это историческая территория сербов, а Южная Осетия — это территория самих осетин. Тем более, если США может творить произвол по формально-правовому принципу, то почему по этому же принципу Россия не может творить справедливость?

Однако, на мой взгляд, поскольку резонанс «косовского прецедента» разойдется далеко за пределы Восточной Европы, России неизбежно придется интересоваться самыми разными случаями сепаратистского самоопределения, где вопрос «справедливости» будет весьма дискуссионным.

И мы уже не сможем делать вид, что это не наше дело — мы будем участвовать в новом переделе мирового пространства, где Москве будет отведена одна из самых главных ролей. Вместе с этим также очевидно, что сам по себе «косовский прецедент» становится действенным только тогда, когда кто-то о нем забывает и тем самым провоцирует соответствующие действия — именно это сделали грузинские власти, когда 8 августа напали на Южную Осетию.

ФАШИЗАЦИЯ АГРЕССИВНЫХ КАРЛИКОВ

Что касается самой политики современной Грузии, то, по большому счету, ничего экстраординарного в ней нет. Это поведение маленького, совершенно не уверенного в себе государства, получившего свой суверенитет даром и испытывающего очень сильные комплексы.

Кому-то подобное замечание может показаться излишним, но в действительности речь идет об очень глубоком социально-психологическом факторе, движущем многими «национальными элитами» от Грузии до Эстонии. У этих стран нет своей истории борьбы за независимость, у них нет своего мифа о реконкисте. В итоге все эти страны оказались в очень неудобной, противоречивой ситуации: с одной стороны, они должны строить свой миф на отказе от коммунистического ига, исходящего от России, но с другой стороны, сама Россия сначала отказалась от коммунизма, а потом и подарила им эту независимость.

Националистические элиты в этих странах жаждут исторической сатисфакции, а говоря точнее — просто мести, но эту сатисфакцию некому предъявить и, более того, нельзя даже вспомнить о самом факте национально-освободительной революции — за его полным отсутствием.

Таким образом, нынешняя иррациональная агрессия некоторых из этих стран к России — это компенсация той игры, которую им не удалось сыграть в детстве и которую требуют от них внешние и внутренние провокаторы. Не случайно Саакашвили все время пытается выставить сегодняшнюю Россию идеологическим наследником СССР, предъявляя миру нынешнюю войну как продолжение национально-освободительного движения грузин против «коммунистического ига».

Безусловно, Саакашвили решил совершить свой блицкриг на Южную Осетию в абсолютной надежде на невмешательство российской армии. Кроме того, он был уверен, что ему тут же помогут США. Было ли это следствием личной наивности или обмана со стороны американских властей, что-то обещавших ему на случай поражения, — в любом случае мы оказались свидетелями беспредельной глупости совершенно «комнатного» политика, выращенного для решения одной известной задачи, которую он полностью провалил.

В связи с этим возникает законный вопрос о том, почему американские власти так жестоко ошиблись в своем суждении? Ведь они именно ошиблись, иначе бы сегодня Грузия была в совсем ином положении. Ответ заключается в том, что американская политическая элита ошиблась не просто в Саакашвили — она ошиблась в самой России.

Поведение США и других стран Запада за все 2000-е годы свидетельствует о том, что константа негативного восприятия России никуда не исчезла, что дело вовсе не в «коммунистическом наследии», а в гораздо более глубоких мифах, объединивших почти весь Запад против Российской Империи еще во времена Крымской войны XIX века.

СИЛА РОССИИ — В ЕЕ ОТКРЫТОСТИ

Нужно ли России бороться с этими мифами? Безусловно, нужно, если эти мифы ложны и служат лишь оправданием западной экспансии. При этом следует признать, что далеко не всем представителям западного истеблишмента уютно себя чувствовать в этом противостоянии, потому что оно требует концептуального, идеологического обоснования, а вот именно этого как раз не находится.

В этом случае, кстати, не находится никакого оправдания и продвижению НАТО на восток, точнее говоря, даже на северо-восток. Об этом уже многие говорят прямо — достаточно вспомнить, как президент Чехии, которая до сих пор была одной из самых антироссийских стран, Вацлав Клаус, опроверг сравнение, сделанное Кондолизой Райс, русско-грузинского конфликта с событиями в Праге 1968 года: «Чехословакия в то время не атаковала Подкарпатскую Русь, и вторжение не было ответом на нашу агрессию. Да и Дубчек не был Саакашвили».

И вот здесь я позволю себе высказать одну, по всей видимости «крамольную» для консерватора мысль: как ни странно, но **именно глобализация как процесс формирования единого информационного и миграционного пространства позволит России изменить свой имидж в мировом масштабе.**

Конечно, было бы весьма наивно ссылаться на «новое поколение европейцев», или «новое поколение американцев», или «новое поколение китайцев», которые уже лишены прежних мифов о России и будут относиться к ней лучше, чем их отцы и деды. Инерция национальных и цивилизационных мифологий очень сильна, на ней подчас зиждутся сами эти нации и цивилизации.

Но сегодня для любого американского школьника и тем более политика не составляет особой проблемы узнать для себя Новую Россию через Интернет и другие средства связи, а также просто приехать в нашу страну и открыть для себя не только ее настоящее, но и ее прошлое. И этот фактор «открытого общества» так или иначе даст о себе знать при формировании будущего восприятия России по всему миру.

Уже сейчас никакого единодушия в оценке грузино-осетинского конфликта в западных СМИ нет, и именно потому, что многие имеют реальную возможность узнать, что действительно происходит в Осетии и Грузии. На этом фоне антироссийская политика самой Грузии и других, подобных ей, государств будет открываться в совершенно ином свете. Ведь откровенная фашизация этих государств в открытом информационном конфликте с Россией совершенно неизбежна — они будут вынуждены резко ограничивать свое медиапространство, вводить ужесточенные правила миграции, игнорировать научные исследования своей истории, одним словом, *закрывать* себя для всего мира, истерически реагируя на любую критику.

Поэтому отказ России от сотрудничества с НАТО — это ни в коем случае не «вызов Западу», не «усугубление конфронтации». Это лишь отказ от ущербной модели отношений, когда мы все время должны улыбаться военной организации, существующей для борьбы с нами же самими.

Мы знаем, что культурные, экономические и демографические процессы делают XXI век совершенно непредсказуемым, и неизвестно, какие глобальные конфликты могут развернуться на планете Земля и какую роль в этих конфликтах сыграют США и Россия. Поэтому обеим странам необходимо разойтись на «дистанцию уважения» и трезво проанализировать, каким может быть новый формат отношений. Трудно себе представить, что из-за маленькой и не представляющей уникального стратегического интереса Грузии США готовы будут начать ядерную войну (точнее — ядерный взрыв, потому что ядерной войны не бывает), так же как Россия не будет этого делать из-за Кубы или Венесуэлы. И следовательно, ведя локальные войны на периферии, как это и было в XX веке, нам придется договариваться. Теперь уже, в том числе, и на наших условиях.

Михаил ЛЕМЕШЕВ,
доктор экономических наук, академик РАЕН

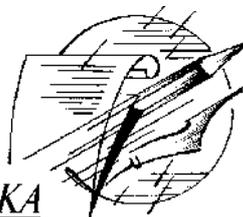
БУДЕТ ЛИ ЖИТЬ МОСКВА?

О! Проклят будь, кто потревожит
Великолепье старины,
Кто на нее печать наложит
Мимоходящей новизны!

Н.М. Языков, 1832 г.

Вопрос, вынесенный в название данного сообщения, сформулирован не сегодня. Так называлась моя статья, опубликованная в январском номере «Московского журнала» за 1991 год, в мою бытность председателем Московского городского общества охраны природы (на общественных началах) и руководителем отдела «Оптимизации природопользования» Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ) АН СССР.

Судьба названного журнала настолько интересна, что об этом имеет смысл сказать несколько слов. Журнал был основан в 1791 году выдающимся русским историком Николаем Михайловичем Карамзиным и издавался в России в течение более 100 лет вплоть до Октябрьского переворота 1917 года. В журнале публиковались не только отечественные и зарубежные литературные произведения, но и содержательная информация по истории Москвы, а также современной экономической, социальной, культурной и политической жизни столицы. С приходом к власти большевиков журнал был закрыт. Опала на журнал продолжалась до 1990 года, пока усилиями активистов Всесоюзного общества ох-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

раны памятников истории и культуры (ВООПИК), Московского городского общества охраны природы и Экологического совета Главного архитектурно-планировочного управления (ГлавАПУ) Москвы его издание было возобновлено. Первый номер возрожденного журнала (январь 1991 г.) открывался статьей автора этих строк с названием «Будет ли жить Москва?»

Основанием для такого названия была тревога за судьбу культурно-исторического облика и природно-экологического состояния Москвы. Беда, в частности, проявлялась в уничтожении жилых и культурно-бытовых объектов застройки усадебного типа, характерной для XVII—XIX веков и, особенно, в строительстве Центра международной торговли на территории уникального парка «Студенец» — памятника героям Отечественной войны 1812 года. Этот парк, построенный знаменитым русским архитектором Дементием Ивановичем Жилярди, на протяжении почти двух веков радовал москвичей и гостей столицы изумрудной зеленью, голубизной водных партеров и целым архипелагом искусственных островов. Возведением указанного Центра этот исторический памятник был почти полностью разрушен. Столь же бедственным для благополучия Москвы было сооружение крупной Северной ТЭЦ на территории в то время единственного в стране национального парка «Лосиный остров». Поводом для строительства этого экологически опасного объекта был лживый аргумент о том, что якобы Москва испытывает дефицит в электроэнергии. В действительности же это был ведомственный произвол чиновников Мосэнерго, поскольку установленные энергопотребности в Москве в то время составляли 8 млн. кВт, а максимальное электропотребление города не превышало 6 млн. кВт. Остальная энергия экспортировалась для погашения ее дефицита в Московскую и соседние области.

Особая опасность для Москвы состояла в том, что ТЭЦ сооружалась на территории, где находятся 6 крупных водохранилищ, 3 из которых на 60% обеспечивают Москву питьевой водой. Загрязнение этих водоемов выбросами ТЭЦ — окислами азота и тяжелыми металлами мною и другими членами государственной экспертизы рассматривалось как тяжкое преступление. Кроме того, зеленый массив «Лосиного острова» является «легкими» многомиллионного города, поскольку при господствующих северо-восточных ветрах он снабжает столицу чистым воздухом. Назревали и другие социально-экономические неблагоприятия.

К сожалению, негативные тенденции того периода за последние 17 так называемых реформенных лет резко обострились. **Ныне Москва пребывает в тяжчайшем социально-экологическом**

кризисе. Автор вполне осознает, что это утверждение вызовет возражение и неприятие у столичных властей предрежащих. Ведь общественности постоянно навязывается информация о выдающихся успехах в динамичном развитии Москвы. И такая оценка отчасти справедлива. Но справедлива она лишь по отношению к экономической составляющей жизни города. Действительно, Москва занимает одно из первых мест в стране по производству ВВП в расчете на душу населения, по обеспечению трудящихся рабочими местами, по величине средней заработной платы и размеру пенсий.

Но дело в том, что экономика является лишь одной, и отнюдь не самой главной частью благополучия общества. В современном мире успехи в жизни города, как и всей страны, должны оцениваться по состоянию единой социо-эколого-экономической метасистемы в целом. Трагедия Москвы состоит в том, что при относительно успешном развитии экономического компонента метасистемы, ее социальные и экологические компоненты находятся не просто в критическом, а в катастрофическом состоянии. Это выражается в резком возрастании загрязнения окружающей природной среды и системном ухудшении здоровья москвичей, особенно детей и молодежи.

К несчастью, в программных мероприятиях правительства Москвы решению социально-экологических задач должного внимания не уделяется. Показательным в этом отношении является пресс-конференция, прошедшая 25 октября 2007 года, на которой обсуждались перспективы развития Москвы на 2008—2010 годы, где заместитель мэра столицы Юрий Росляк, утверждая, что Москва уверенно смотрит в будущее, объявил, что первоочередной задачей является повышение средней заработной платы москвичей и доведение минимальной пенсии до полутора кратного размера пресловутого прожиточного минимума. Характерно, что в перечне задач, которые правительство намерено решать в предстоящие три года, нет даже упоминания о необходимости принятия радикальных мер по защите окружающей среды от загрязнения и улучшению здоровья населения.

Иллюзия благополучия в сфере экологии поддерживается и городским статистическим ведомством. Так, в ежегодных статистических справочниках в разделе «охрана окружающей среды» сообщается, что выбросы загрязняющих веществ от стационарных источников снизились почти в 3 раза. Но ведь очевидно, что этот «успех» достигнут за счет того, что прекращена деятельность большинства промышленных предприятий столицы. В то же время многократно возросло загрязнение атмосферного воздуха, водных объектов и почвы за счет беспредель-

---

ного увеличения автомобильного парка, отравляющего природу и здоровье людей особо опасными загрязнителями — бензопиреном, свинцом, ртутью, цинком, хромом, кадмием, медью, никелем и другими тяжелыми металлами. Суммарный показатель этих особо опасных загрязнителей за последние 8 лет (2000—2007 гг.) возрос в 2,5—3 раза. Это тяжелейший удар по всем жизнесохраняющим системам человеческого организма, который представляет реальную угрозу не только здоровью, но и самой жизни миллионов москвичей. Однако об этом в статистических источниках и в программных документах развития Москвы даже не упоминается.

В связи с затронутой проблемой следует особо сказать о состоянии транспортной инфраструктуры Москвы. Это состояние поистине угрожающее для жизни, здоровья и благополучия москвичей. Такая ситуация сложилась вследствие того, что в последние 17 «реформенных» лет было практически свернуто ранее динамично развивающееся метростроение. Приведу в качестве примера новый район Москвы — Митино, где я проживаю последние 14 лет. Численность жителей этого района приближается к 300 тысячам. Метростанция «Митино» должна была войти в строй в 1996 году. В 1994 году ее сооружение было близко к завершению. Неожиданно окончательные работы прекратились, а прилегающая территория отдана под платную автостоянку. В 2008 году работы по завершению строительства, наконец, возобновлены. Поскольку в районе нет ни трамвайного, ни троллейбусного транспорта, развитие которых заморожено во всей Москве, то на долю митинцев оставлена возможность сообщения с центром и другими районами столицы только автобусным или личным автотранспортом. В результате на трассах, соединяющих Митино с ближайшими станциями метро «Тушинская» или «Планерная» десятки тысяч людей, едущих на автобусах или личных автомобилях, нередко по часу маются в «пробках», вдыхая миазмы автомобильных выбросов, теряя здоровье и драгоценное время. Понятно, что подобная ситуация характерна не только для Митино, но и для других районов и города в целом.

Сохранение порочной практики, ориентирующейся на решение транспортных проблем посредством роста численности личных автомобилей, парк которых уже теперь превысил 3 миллиона единиц, неизбежно завершится не только экологической катастрофой, но и параличом всей созидательной жизни столицы.

Подтверждением этого прогноза может служить такой факт. 13 декабря 2007 года произошел большой пожар в администра-

тивном здании на Смоленской площади, которое полностью выгорело, поскольку пожарные расчеты не могли приблизиться к горящему зданию из-за огромного скопления («пробки») личных автомобилей. И это отнюдь не единичный случай в жизни города. Не менее убедительным свидетельством бездельного положения является и то, что все чаще специализированные автомашины «скорой помощи», не могут из-за «пробок» добраться до больных, находящихся в критическом состоянии.

Да и в повседневной жизни москвичам не легче. Подъезды их домов так забаррикадированы грязными машинами, что жильцу часто бывает трудно пробраться в свой дом не испачкавшись. Я уж не говорю об удручающем впечатлении человека при виде кладбищенских скопищ однообразных «железных коней», среди которых нет даже намека на что-то живое. Поневолле вспоминается фантастическая повесть сорокалетней давности Айзека Азимова о бунте автомашин против людей. Увы, приходится признать, что «бунт» не только состоялся, но и завершился полной победой. Людям в городе не стало места.

Использование личных автомобилей в границах города **недопустимо**. Это не только тупиковый, но и погибельный путь для благополучной жизни Москвы. Ликвидировать кошмарные «пробки» и освободить улицы и дворы Москвы от непроходимых для пешеходов скопищ машин, уродующих облик города, московское чиновничество намеревается путем массового строительства подземных и многоэтажных гаражей. Но это — самообман и далеко не безобидный, поскольку он сулит лишь сохранение и усугубление катастрофической социально-экологической ситуации в столице. Если уж и создавать крупное гаражное хозяйство, то оно должно представлять своеобразный пояс, охватывающий Москву по ее периметру за пределами МКАД. Те из автолюбителей, кто не в силах расстаться со своим «кумиром», могут свободно им воспользоваться для путешествия по Подмосковию и любым другим просторам России, исключая площади, улицы, переулки и дворы столицы. Как к этому подготовиться? Возможно ли «пересадить» миллионы автолюбителей на общественный транспорт? Анализ ситуации подсказывает, что такое решение не только реально, но и целесообразно в интересах самих автовладельцев.

Приведу один пример из недавнего прошлого. В ночь с 12 на 13 ноября 2007 года случился обильный снегопад. На автомагистралях и улицах Москвы образовались многокилометровые «пробки». Движение автотранспорта было полностью парализовано. Однако владельцы автомобилей все-таки добрались к

своим местам назначений. По данным службы учета проезда пассажиров Московского метрополитена 13 ноября метро перевезло на полмиллиона человек больше, чем в предыдущие дни. Можно предположить, что примерно такое же количество автолюбителей добиралось и другими видами общественного городского транспорта. И так, миллион автолюбителей обошелся без своих любимых «Мерседесов» и «Вольво», и это, подчеркнем особо, в условиях недостаточно развитой сети общественного городского транспорта.

Приведенный пример показывает, каким должен быть выход из драматической эколого-социальной ситуации, порожденной несовершенством московской транспортной инфраструктуры. Выход один. Это — **безотлагательная разработка комплексной программы развития общественного транспорта путем интенсивного строительства трамвайных и троллейбусных линий и метрополитена**. Реализация такой программы потребует больших средств. Но такие средства в наличии имеются. Москва — фантастически богатый город! Ее бюджет на 2008 год составит 41 млрд. долларов; для сравнения: годовой бюджет Нью-Йорка — 60 млрд. долларов. Отметим попутно, что в Нью-Йорке численность станций метрополитена превышает 2000, тогда как в Москве их 162. Задача состоит в том, чтобы разумно использовать это богатство Москвы в интересах жизни и благополучия возрастающего населения многомиллионного города. Пока такого осознания у руководящего чиновничества нет. В подтверждение такой оценки можно привести проект строительства бизнес-центра «Москва-Сити», где намечено соорудить самый большой в Европе небоскреб «Россия», высотой 612 метров, и в окружении его еще 20 небоскребов.

Трудно понять, каков смысл реализации этого грандиозного проекта. Зачем нам «Москва-Сити»? Не лучше ли в качестве идеала иметь проект «Москва — город-сад». Экономистам и проектировщикам предстоит срочно обосновать решение о переориентации ресурсов, выделяемых для строительства бизнес-центра, на совершенствование транспортной инфраструктуры и строительство доступного жилья для молодых, особенно многодетных семей, офицеров российской армии, работников науки, образования, здравоохранения и культуры.

Для ограничения пользования личным автомобильным транспортом могут быть использованы не только административные (запретительные) методы, но и экономические. В частности, было бы целесообразно введение специального налога на пользование личным транспортом в границах города. Ориентировочно месячный размер такого налога должен состав-

---

лять как минимум 2—2,5 тысячи рублей в месяц, что вдвое выше стоимости единого месячного проездного билета (1300 рублей). Такой подход будет экономически стимулировать преимущественно пользование общественным транспортом и одновременно формировать крупный целевой фонд для ускоренного строительства метрополитена, трамвайных и троллейбусных линий.

В случае, если даже половина автовладельцев сохранит за собой право пользования личным транспортом в границах города, то и тогда в указанный целевой фонд может поступить (1,5 млн. х 2,5 тыс.) 3,75 млрд. рублей в месяц или 45 млрд. рублей в год. Напомним, что стоимость строительства 1 км метрополитена составляет 1 млрд. рублей. Если половину из средств целевого фонда направлять на метростроение, то это позволит сооружать свыше 20 км метролиний в год. В настоящее время их протяженность составляет 260 км. Вторая половина целевого фонда могла бы быть использована на развитие трамвайного, троллейбусного и велотранспорта.

В заключение, следует обратить внимание на необходимость решения еще одной неотложной задачи спасения Москвы. Это — недопущение точечного строительства, так называемого элитного жилья и торгово-развлекательных центров за счет сноса ветшающего, но исторически ценного жилого и культурного фонда и захвата еще сохраняющихся зеленых островков среди агрессивной урбанизации, в том числе детских и спортивных площадок, предусмотренных проектами строительства, свободных пространств, отводимых под газоны, цветники и другие виды декоративного благоустройства.

Недопустимо пренебрегать ценным историческим опытом строительства Москвы. В середине XIX века город разделялся на 88 кварталов, имел 131 улицу, 471 переулок, 9 соборов, 24 монастыря, более 400 церквей, 9151 каменный и деревянный дом. При многих из них имелись сады и огороды размерами до 10—12 соток, а их общая площадь превышала 1100 га.

Живописную панораму представляла в то время Москва. Над невысокими башнями, хорами, небольшими домами и особняками, отличающимися изяществом и красотой, над массивами сосновых, березовых и дубовых лесов, над многочисленными речками и обширными прудами сверкали золотые купола церквей, залитые ярким солнцем. Многочисленные путешественники, посещавшие Москву, неизменно отмечали ее уникальную красоту. Приведем для примера высказывание французского композитора Гектора Берлиоза (1803—1869 гг.). «Ничто меня так не поразило в жизни, как памятник древнерусского

зодчества в селе Коломенском. Много я видел, многим любовался, многое поражало меня, но время, древнее время России, которое оставило свой памятник в этом селе, было для меня чудом из чудес... Во мне все дрогнуло. Это была таинственная тишина, гармония красоты законченных форм... Я видел стремление ввысь, и я долго стоял ошеломленный». Столь же восторженно о Москве высказывался Александр Дюма и многие другие представители культуры.

Эта же неповторимая красота Москвы вызывала жгучую ненависть у врагов России. Претендент на мировое господство Наполеон Бонапарт приказал взорвать Кремль — колокольню Ивана Великого, Спасскую башню, соборы Новодевичьего монастыря. К счастью, эти шедевры при взрывах устояли. В 1941 году Гитлер отдал приказ своим войскам после захвата Москвы провести парад на Красной площади, а затем навсегда затопить город водами специально сооруженного гигантского водохранилища.

Нереализованные замыслы внешних врагов России в значительной мере были осуществлены внутренними ненавистниками славной истории Москвы. В частности, разрушение исторического облика столицы проводилось путем реализации Генерального плана реконструкции Москвы 1935 года. Авторами этого плана были архитекторы Иофан, Алабян, Шуко, Гельфрейх, Бархин, Семенов и другие. В своем письме на имя Сталина 11 июля 1935 года они писали: «Всеми миру известна история старой Москвы, оплота царского самодержавия, капиталистического угнетения и произвола, ее облик узких и кривых улиц, ветхих домов с крайней скученностью, облик глубочайшей нужды и жалкого прозябания сотен тысяч трудящихся. Это была Москва — центр темной некультурной России».

В результате реализации указанного Генерального плана Москва лишилась многих высокохудожественных ансамблей. К сожалению, эти разрушительные тенденции сохраняются и в современном Генеральном плане города Москвы до 2025 года. Трудно отказаться от впечатления, что на территории в прошлом прекраснейшего в мире города в мире Москвы ныне водится «мертвый город», в котором нет места физически здоровому, нравственно и эстетически развитому человеку, где в современном обустройстве столичной жизни человек рассматривается лишь как собственник и потребитель.

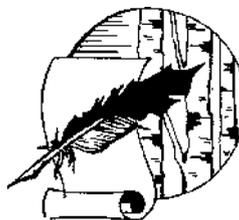
Чтобы покончить с этой порочной практикой, необходимо безотлагательное принятие специального закона о сохранении культурно-исторического наследия Москвы и организация действенного общественного контроля за его соблюдением. Береж-

---

но удаляя все обветшавшее, не имеющее художественной ценности жилье, производственные, бытовые постройки, многочисленные захламленные и бездействующие промзоны, имеется возможность освободить большие пространства. Именно на них следует возводить современные красивые дома, разбивать сады и скверы. Тогда органически сольются старый и новый город, а наши дети и внуки получат от современников прекрасную Москву.

Предлагаемый поворот в стратегии развития Москвы — дело непростое, его жизненная необходимость далеко не сразу может быть понята и принята к реализации. Однако другого выхода из критической ситуации не видно. И вопрос «Будет ли жить Москва?», поставленный автором этих строк два десятка лет назад, остается не только актуальным, но и еще более злободневным.

*СТИХИ ПОЭТОВ
РОССИИ*

Валерий САВОСТЬЯНОВ

ЗАСАДНЫЙ ПОЛК

Ордынцы знали в сраженьях толк
И победить могли, —
Когда б не русский засадный полк,
Выросший из-под земли.

Расстреляны стрелы, тупы мечи,
Изрублен княжеский стяг.
И вдруг — свирепые бородачи
На свирепых конях!

Орда стусевалась: кто падал ниц,
Кто прочь уже гнал коня.
Откуда?! Откуда они взялись
Почти на исходе дня?

Да просто в дубраве, совсем не видны,
Стояли с ночи, таясь,
Стояли и видели все!

И, бледны,
Ждали, ждали свой час!..

В минуту славы твоей, Пересвет,
Руки к мечам рвались,
Но нам сказал воевода: «Нет!
Не время! Охолонись!..

Напьется крови ордынский волк,
Не чуя свою беду, —

Тогда и встанет засадный полк —
Тогда вас и поведу!..»

Россия, слышишь своих куликов,
Шепот ковыльных трав
И нетерпенье засадных полков
Твоих Зеленых Дубрав?..

г. Тула

Юрий ПОЗДНЯКОВ

* * *

Мне хорошо в родном краю,
Я на земле отцов стою,
Деревню старую свою
Не предаю.
Я с нею связан до конца
От той калитки у крыльца
До той дороги
Что во ржи
Бежит.
Куда ни кину я свой взор,
Все мне знакомо
С детских пор,
Все душу радует мою
И я пою.
Мне хорошо в моей глуши
И пусть живу я на гроши.
Деревню старую свою —
Не продаю!

* * *

Пахнет пирогами вкусными,
Огурцами, чесноком.
Кот глядит глазами грустными
На махотку с молоком.

Ничего-то кроме этого
Не желал он на веку!
Подойти б, да палка дедова
Не пускает к молоку!

Калужская обл.

Валерий АКПЕРОВ

* * *

Это было давно уже, в сорок втором
И они это помнят едва ли:
Как магистр на восток указал топором
Как тевтоны по льду наступали,

И как после метель заносила окрест
Бедных мальчиков с Рейна останки
На холодной груди черный рыцарский крест
И Манштейна сгоревшие танки.

Нам не могут простить, что мы прямо глядим.
Нас улыбками злыми встречают.
Нам не могут простить ни Париж, ни Берлин,
И Гагарина нам не прощают.

Вновь, я чую, военное время грядет.
Формируется зондеркоманда.
Но мы псов этих снова отправим под лед,
Выполняя наказ Александра.

Даже если потом мы возлюбим врагов,
Им уже не вернуться из ада:
Из-под чуждого льда, из московских снегов,
От пылающих стен Сталинграда.

г. Москва

Валерий ЧЕРКЕСОВ

* * *

Дотлевет закат, как в потушем костре головешки:
ветер дунет — и вспыхнут всего на мгновение. Потом
вдруг проклянутся звезды, как будто бы хлебные крошки
порассыпал Господь в темноте над рекой и селом.

Мне дарована ночь, может быть, что одна из последних.
Посижу. Погляжу. Подышу.. Ничего, ничего:
в тех далеких краях, в тех приветных местах заповедных,
посчастливится если, я встречу однажды Его.

ПОЛОВИЦЫ

Высветлила половицы...
В дом сынок войдет —
Улыбнется, удивится:
Желтые, как мед,
Доски пахнут пряно, сочно
Свежестью, весной.
А еще — дальневосточной
Смоляной сосной.

Потемнели половицы...
Горе — на порог..

Поклониться, повиниться
Не успел сынок.

* * *

Диане Кан

Луч ко лбу прикоснулся, как будто ладонь
чья-то добрая, — сразу душа потеплела,
взликовала, синицей в просторы взлетела,
где гривастое солнце — полуденный конь
в облаках белопенных трясет удилами,
высекает подковами искры. Уже
не страшны никакие невзгоды душе,
переполненной светом, слезами, словами.

г. Белгород

Владимир ЛЕОНОВ

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Снег не пришелся ко двору
И утром весь растаял.
Он озорную детвору
Собой не позабавил.

Не обогрел своим теплом
Застуженное поле
И лишь в овраге за селом
Залег,
как зверь в неволе.

ДЕТСКИЙ ДОМ

Детский дом, но живут здесь не дети, —
Это просто маленькие взрослые.
Самые несчастные на свете
С самыми недетскими вопросами.

Маленькие жалкие воробышки,
Как один, с подрезанными крыльями.
Хоть чуть-чуть погреться б им на солнышке,
Чтоб сердца навеки не застыли бы.

И когда пройдете вы по улице,
Где над домом боль всю ночь колышется,
Надо просто посильней зажмуриться,
И сквозь стены всхлипы будут слышаться.

* * *

Опять зима! Какое, к черту, чудо
Для старика в брезентовом плаще.
Ему теперь наградой лучшей будет
Оставленная дочкой миска шей,
Да свежая центральная газета,
Добытая в киоске на заре.
И мысленный приказ: «Дожить до лета»,
Чтоб посидеть с друзьями во дворе.

г. Москва

Эмма МЕНЬШИКОВА

* * *

Автобус рейсовый —
Машина времени.
Час турбулентности —
И века нет.
Над захудалыми
Местами древними —
Курчавой дымкою
На небе след.

В избе бревенчатой
Бабуля молится
На покосившийся
Иконостас.
А за околицей —
Такая вольница!
И одиночество,
Как отродясь...

К оконцам-клеточкам
Снежинки лепятся,
Слезами вечности
Стекая вниз.
В углу за печкою
Козленок греется —
И бабке кажется,
Что длится жизнь...

Луна рассеянна —
И над деревнею
Едва колышется
Неясный свет...
Час турбулентности
В машине времени —
И света не было,
И века нет...

г. Липецк

Михаил КУЛИЖНИКОВ

У РЕСТОРАНА

Отчаянья слезы скрывая
и улыбаясь даже,
несмело и неумело
она
свое
тело
выставила
на продажу.
На всю катушку
оркестр играет.
Сверкают бликами
двери стеклянные.
Богатый люд
страну пропивает.
Заходят степенные,
выходят пьяные,
сопят,
оглядывая ножки стройные.
Змеятся в воздухе
пары алкогольные.
Юнцы похотливые,
в любви неискушенные,
косятся на груди
полуобнаженные.
Стоит она
ни жива, ни мертва,
сквозь слезы смотрит
куда-то прямо.
Все слышатся ей
дочки слова —
«Кушать хочу,
мама...»

* * *

Вечереет. Тени тают.
У раскрытого окна
дед сидит, стихи читает —
вот те на!

Он устался в газету,
водит пальцем по строке.
За окном сгорает лето,
ребятня спешит к реке.
Крышу веткой клен погладил,
зашумел густой листвою.
Со стихами дед не сладил
и качает головой.
За забором у соседки
кто-то матом заорал.
Дед кусочек от газетки
аккуратно оторвал.
На носу очки поправил,
рот прикрыл рукой, зевнул,
смачно пальцы послонявив,
самокруточку свернул.

г. Белгород

Валерий СУХАРЕВ

* * *

Деревня, деревенька, деревушка...
Ты вся в воспоминаньях о былом,
А над тобою детской погремущкой
Поигрывает, теша душу, гром.

Ты знала кнут, цветя на почве скудной.
Под треск лучины расшивая холст,
Дарила райский сад, где пели чудно
В сиренях — Сирина, в розах — Алконоста.

Детей растила под могучим дубом
И пела им былины, словно мать,
И силу ощущал в себе Поддубный
И шел Европу силой изумлять...

— Ещё других пушу, таких же ладных, —
Сулила ты.

Скорее плюнь и дунь!
Пошли не те, и дышишь ты на ладан,
Как будто порчу напустил колдун...

Деревня, деревенька, деревушка,
Стоишь ты на опасном рубеже.
И гром всю грохочет погремушкой,
Лишь грач с поклоном ходит по меже...

ЛИДИЯ РУСЛАНОВА

Ах, война, ты разорвись и тресни!
Горе... а кому и мать родна.
Много, много мастериц от песни,
Лидия Русланова — одна.

Выплыла в мордовском сарафане
С орденом, что Жуков ей вручил,
Маршал сам играл ей на баяне,
А комкор, любя, глаза лучил.

Валенки... А уж донос написан...
Колыма, начальник трубкой — пых:
— Нам, чекистам, спойте...—
Ненавистен
Ей холуй в погонах золотых!

Посмотрела — придавила в кресле,
Повела плечом, смотря в окно.
— Подарю я заключенным песни,
Да и вам, полковник, заодно...

Вновь на сцене Лидия Русланова,
Вскинула платочек, руку — в бок.
Праведно она жила, бесславно ли?
Не судите, люди, Судит Бог!

г. Рязань

Алексей ЕВДОНОВ

РОМАНС

Высоко над рекой, где впервые любовь пригубил,
Где в стихах столько весен ее окликать не устанешь,
Теплый ветер вздыхает: «Я светлым, я облаком был! —
Легким ветром весенним ты тоже когда-нибудь станешь...»

...Этой ночью морозной любимую к сердцу прижмешь:
Ты судьбою зовешь, ты желанной ее называешь! —
Но однажды весною ты с талой водой уплывешь, —
И не взглянешь! Иль мимо пройдешь... — и ее не узнаешь!

Может, завтра тебя по весенним лугам — без следа! —
Вдаль умчат белогривые красные кони рассвета!..
...Если нынче слукавишь... — мечта отзвонит навсегда! —
Только знай: ты судьбою, ты жизнью заплатишь за это!

Тонкий месяц блеснет над крестами забытых могил,
Томный луч проскользит, и душа заскучает по чуду.
Легкий ветер вздохнет: «Я влюбленным, я мальчиком был, —
А теперь корабли и метели раскачивать буду».

* * *

Но сквозь слезы чужими ночами!.. —
Видишь, милая! — стынет звезда...
Я тянусь к тебе зимними снами —
Зыбким светом по трещинкам льда...

ОЛЕ

Я дивной музыкой разбужен был,
Она и в сон мой радостный проникла! —
Прибрежный там песок... — он не остыл! —
Где ты — счастливая! — смеясь, ко мне приникла
Устами влажными... — и я разбужен был
В слезах от счастья!

* * *

Как во сне...

То ли былъ, то ли небыль!..

Только помню: взглянул на тебя —

На мгновенье вознесся на небо... —

И навеки погиб — для себя!

* * *

Памяти Б. Примерова

Руки раскинул...

В неведомых мирах

Ты окликаешь кого-то!

Страха оковы...

разорваны

в прах!

Гибельной жадой полета!

г. Москва

Александр СТЕПАШКИН

* * *

Спят деревья. Мертвой стынью

Облепил их острый иней,

С виду — царственный наряд,

А коснешься — белый ад.

Тучи серые, как мыши,

Мчатся стаями над крышей,

Так ночные поезда

Улетают в никуда.

Под карнизами поветей

Стонет ветер, сипнет ветер,

Словно злобный домовый

Хлещет в окна бородой.

Дмитрий КУВЫЧКА

КОРШУН

РАССКАЗ

В то лето я отдыхал на Деркуле, неподалеку от впадения его в Донец. Спокойное, почти незаметное течение. Чистая вода кажется неподвижной и гладкой, словно зеркало, защищенная крутыми берегами и высокими стенами леса, она даже в непогоду редко теряет свой обычный покой. Берега Деркула густо поросли камышами и кустарниками, которые за многие годы наслоили на песке жирный пласт почвы и сделали дно илистым. И только там, где из года в год рыбаки и бахчевики протаптывали тропки к воде, сохранился песчаный пяточок, где можно искупаться и позагорать. Но особенно покоряет, прямо-таки завораживает тишина на Деркуле. Такая тишина, что, кажется, чихни или заговори в полный голос — и тебя услышит весь мир.

Однажды мне вздумалось поохотиться на перепелов. Перепелка в каше — сущий клад. Выбравшись из леса, я пошел по скошенной луговине к жнивью. В поле не гудели тракторы, не стрекотали жнейки. Было безлюдно. Далеко впереди, сливаясь с мутным небосклоном, возвышался подернутый серой дымкой гористый правый берег Донца, кое-где обнажаясь белым меловым оскалом. Я прошел несколько километров жнивья, но нигде не только перепелов, но даже дикого голубя не увидел. Уже вечер-

ПРОЗА

ло. Над головой роилась тучка назойливых мошек. Я возвращался пашней напрямик, время от времени спугивая кобчика, который когтил какую-то добычу. При моем приближении он срывался вверх, отлетал вперед и снова садился на перевернутый пласт земли, дерзко поглядывая на меня зорким глазом. Захотелось проучить его, а заодно посмотреть его жертву. Но осторожная птица не подпускала на выстрел. Тогда я прибег к обману. Отвернувшись, будто занят чем-то другим, а он, кобчик, меня вовсе не интересуется, я направился немного наискосок. Однако ружье наготове. А отклонение в обход рассчитано на незаметное сближение. Вот он уже почти позади меня, нас разделяет всего полсотни шагов. На ходу поворачиваюсь — и бах! Кобчик отчаянно вскакивает, но тут же падает.

Когда я подошел, он сидел в борозде, опутив окровавленное крыло. Глаза сверкали такой ненавистью и злобой, что мне стало жаль напрасно загубленной смелой и красивой птицы. Я решил осмотреть его раны. Но он не хотел так просто покориться. Глаза искрились, тело и когти напряглись для прыжка, раскрытый клюв шипел по-змеиному и готов был злобно рвать все, что ему угрожало. Стоило протянуть к нему руку, как он в кровь ободрал палец. Пришлось прижать его ружьем, чтобы вернуть в платок. Сила сопротивления обрадовала меня — может, выживет, и я осторожно уложил его в фуражку. Настроение было испорчено чувством бессмысленного выстрела.

На бахчу уже легли длинные тени, когда я подошел к шалашу. Повесив на сучок ружье, бережно выложил свою злополучную добычу. Старик возился на костерище, подвешивая к треноге ведро. Он негромко окликнул меня и поманил пальцем.

— Здесь ко мне босяки приبلудились, — заговорил он шепотом, — целая шайка... Спецовка вся в крови, деньжищ — во сколько! Видать, не одна тыща. Я пошел за курень помочиться, гляжу, а главарь ихний, Коршуном зовут, под кустом считает вот такую пачку, и все сотенные... Тебе бы лучше уехать, пока они на речке...

— А что они мне сделают?

— Мало ли что, — убеждал старик, — они хоть и сопляки, но видать, отчаянные, чертяки... Ножами так и играют. Меня все пужали, да главарь на них цыкнул. Ночевать тут собираются. Милицию бы сюда...

Я подумал, что старик прав: надо сообщить в город. С речки донеслись голоса, и на тропинке показались подростки лет по пятнадцати. Среди них худощавый молодой мужчина в кепке с коротким козырьком, которая блином сидела на его стриженной голове. Пират поднялся, неохотно зарычал, но, посмотрев на сторожа, успокоился.

— Это хозяин? — небрежно кивнул в мою сторону старший, подходя к шалашу.

— Зять, — ответил старик, — в отпуску здесь, чтобы мне веселей и ему покой.

— А-а...

Подростки держались шумливо, развязно. Один, повесив мокрую спечовку на куст, полез в шалаш и принялся там шарить. Дед заглянул и недовольно прикрикнул:

— Чего тут хозяйничаешь? Ишь, хлюст! А то, итить твою в тарелку, живо спроважу!

Главарь был настроен совсем мирно. Он выгнал из шалаша огрызнувшегося мальчишку и, внимательно посмотрев на меня, успокоил старика:

— Не сердись, пахан, они хлопцы послушные, только здорово проголодались.

— Так попроси по-людски, а не басурманствуй... Вон каша скоро поспеет. Дров бы лучше натаскали. Ночь, вона, вся впереди, от комарей не отобьешься.

Коршун отозвал двоих, поговорил о чем-то, и они ушли к дороге. Остальных отправил за сушняком. Потом подошел и опять изучающе оглядел меня, пошарил в карманах:

— Курить есть?

— Не курю.

Дед предложил оставленные кем-то из гостей сигареты. Молча, не поблагодарив, он закурил. И опять тот же пристальный взгляд из-под опущенных бровей.

— Значит, отдохнуть, говорите? Сегодня из города?

— Да нет, третью неделю уже. Сегодня как раз собираюсь в город.

Он несколько оживился:

— А почему уезжаете: отпуск кончился или так, надоело?

— Дела есть.

Он метнул недоверчивый взгляд.

— Может, оставите сегодня, переночуем вместе?

Бойтся, догадывается. Чувствует, что я уже успел кое-что узнать.

— Нет, надо ехать. Пора заказывать билет на московский поезд. А вам и с дедом не скучно будет.

— Зато не совсем спокойно.

— Вот как? Не понял...

Злые искорки в глазах и брезгливая улыбка.

— Бросьте наигрывать... Но могу и объяснить. Нас там ищут, — кивнул он в сторону станции. — Мы ночью в миллеровском поезде очистили одного дядю. Бухой был. Ну, мы и трянули его в тамбуре. А проводница подняла шухер. Пацаны ее и колупнули, но она успела сорвать стоп-кран. Теперь вот замечаем следы...

— Ясно. Только я здесь при чем? Боитесь, что заявлю?

— Мы не из трусливых. Боитесь, видать, вы, — хмыкнул он. — Только зря. Никто вас не тронет. Мы ночь не спали, целый день болтались по лесу, надо отдохнуть спокойно. А хотите — мотайте в город, найдем другое место. Нам бы подрубать чего у сторожа. Мы заплотим, слышь, старина?

— Да будя тебе: запло-отим! — Старик, видно, не хотел нечистых денег. — Пушай жрать.

Меня удивила уступчивость вора. Будто в ответ на мое недоумение он словно встряхнулся и оживленно заговорил:

— Вы думаете, почему я с вами так открыто? Я ж вас знаю, когда-то учился у вас. И теперь сразу узнал. Почти не изменились. А меня не узнали? — Он назвался.

Известие ошеломило меня. Теперь я улавливал в лице собеседника что-то знакомое, но давно забытое, оно всплывало, витало аморфно, никак не принимая отчетливых форм.

— Конечно, забыли, — прервал Коршун затянувшуюся паузу. — Разве один я был... Да и сколько лет прошло. Помните, еще подозревали, что я бросил чернильницу в математичку, а бросил Сухарев. Его потом исключили.

Теперь мне живо вспомнился этот класс, самый трудный в школе, отчаянные ребята и их дерзкие проделки. Вспомнилось, как однажды после очередной выходки с математичкой, молодой и красивой учительницей, которую они почему-то не любили, я захожу в класс. Никто и не подумал встать. Будто не замечая меня, все в один голос негромко мычат. Мысль лихорадочно ищет выхода. Гаркнуть, вызвать одного, другого, отправить к директору? Нет, не то... Решение приходит неожиданно: я включаюсь в общий гул. Затем мой голос усиливается, выделяется, мое мычание перекрывает их «м-м-м»... и вдруг раздается общий хохот. «Здравствуйте, ребята!» — обычным приветствием начинаю урок. Отвечают вразнобой. «Так... Понятно. Словами уже разучились? Ну-ка, еще раз! Здравствуйте, ребята!» И уже дружный ответ. «Вот теперь правильно. Ну, пошутили, пора и за дело».

Потом ребята долго еще с какой-то гордостью говорили о том, как им не удалось проучить меня, что я не обиделся и даже не искал зачинщиков, хотя и был строг, как обычно молодые неопытные учителя.

И вот теперь, спустя многие годы один из них, который был несколько не хуже других, теперь преступник...

Он снова достал сигарету. Я тоже машинально протянул руку к пачке.

— А говорили — не курите... Что ж не спросите, как дошел до жизни такой?

— Да-да, — говорю, — почему так случилось? Ведь ты был неплохим пареньком, по-моему, честным, моряком, кажется, мечтал стать...

— Все было. Мечты одно, а жизнь другое, — медленно, ища подходящие слова, заговорил он. Ему, привыкшему к блатной «фене», видимо трудно было изъясняться обычной речью. Но ни в голосе, ни во взгляде не чувствовалось и нотки раскаяния по поводу своей беспутной жизни. И все же очень хотелось этой загрубевшей душе рассказать о себе, словно оправдаться. — Не зря говорят — от сумы да от тюрьмы не зарекайся. Я ведь после ремесленного в заводе работал. Ничего так работал. Влюбился, женился, об моряках уже не думал. Обзаводился помаленьку. А потом с гвоздями погорел...

— ?

— Ну таскал иногда с завода помаленьку то инструмент, то металл, взял однажды гвоздей да краски, подрабатывал — помогал соседу строиться. Как будто я один брал!

— Вот так и получается — ты кило взял, другой — два, эдак все растащить можно!

— Конвейер, что у нас на заводском дворе валялся, новенький, дороже всех гвоздей и красок стоил. Но никого не судили, когда его ржа съела.

— Ну, это уже другая тема.

— Нет, все та же. Ну, так вот, значит. Прихватили меня на проходной однажды. Настучали, конечно. Я даже знал, кто. Был там у нас один. Сволочь. Ну да это дело прошлое, он свое уже получил. Жена его, помню, все в месткоме заправляла, каждый год по бесплатным путевкам в санатории ездила. А на ней возы возить было можно! Ну, это так, к слову. В общем, пригвоздили мне за эти паршивые гвозди два года. Плохо мне тогда было! Как услышал приговор, ничего вокруг себя не слышал и не видел. А потом злость взяла. И такой я был яростный, что убил бы того паразита не задумываясь, его счастье, что не мог я тогда его достать...

Отсидел я, вернулся. Жена не зажала. Как в басне: «Пришел, а там уже другой бобер» Сука! Напился я, помню, тогда ужасно. Всыпал ей, что надо, вся черная от синяков ходила. А потом того стукача подкараулил. И дружки помогли, у нас в таком деле без отказа. Избили так, что уже не жена его, а он сам поехал в санаторий поправлять пошатнувшееся здоровье. Ну, опять получил срок. Вышел по амнистии. На завод этот не мог больше идти. В другие места не брали — две судимости. Те, кто на миллиарды воровал, чистенькие. А я за эти копейки — вор, уголовник... Ну, в общем, друзья у меня теперь были новые, научили кое-чему. Сколотилась веселая компания, трясем раз-

жиревших бизнесменов. Многие, правда, уже снова в тюрьме, а я пока срываюсь с крючка...

— Скажи, а ты не задумывался, чем кончится эта непутевая жизнь? — Я, наконец, обрел дар речи и сказал первое, что пришло в голову. — Не мучила совесть? Только начистоту.

Лица не видно, но в голосе чувствуется снисходительная улыбка.

— Совесть... Честная жизнь... Да они только в кино и в газетах бывают. Думаете, честным трудом заработал эти тысячи, — Коршун похлопал себя по карману, — тот жирный хряк, которого мы тряхнули в поезде? Спекуляцией! На нас же! Раньше за спекуляцию статья была, судили, а теперь это называется благородным словом «бизнес». И остается пацанам взять свое силой...

— Ничего себе! Ну и что теперь — с топором под мост? Единственный выход? С такой философией...

— А что нам предлагают в этой жизни? — запальчиво прервал меня Коршун. — Работать на миллиардеров, которые обобрали страну, присвоили ее богатства и не знают уже, какую яхту купить? На этого Прохорова, который вагонами возит за собой красоток и покупает целые дворцы? Если власть не может отнять награбленное, так мы сами отнимем!

— Тоже мне, Робин Гуд выискался... — неуверенно пробормотал я. Что молодежь видит по телевидению? Мордобой, стрельбу, бандитские разборки. Романтику преступной жизни. Роскошные виллы и дорогие автомобили богачей. И душу рвет протест. — Тоже мне, все кругом виноваты, везде нечестность... Нечестно поступала бедняга-проводница, которую, выражаясь вашим языком, «колупнули» за то, что она выполняла свой долг?

— Нехай не шухарит. Ей и так повезло, только покрасили. Хотя, если честно, таких-то не надо, они и так бедные. А этих Абрамовичей я без жалости душил бы собственными руками...

Из леса вернулись все четверо подростков, и беседа наша прервалась. Я обещал остаться. От вечернего купанья Коршун отказался и занялся подстреленной птицей, которую ребята безуспешно пытались кормить пойманными кузнечиками.

— Загубили птицу.. Жалко.

— Тебе вот кобчика жалко, а человека — пырнул... Чудно получается, — прищурился дед.

— То, пахан, птица безобидная, жалко ее. Я птиц люблю, особенно голубей...

А я подумал: «Пропали хлопцы... Им бы учиться повсю...»

— Правда, сними-то что будет? — кивнула в сторону мальчишек.

— А чо? Они сами ко мне прилепились, — ухмыльнулся Коршун. — Безотцовщина! Всем не до них, за великими делами перестройки...

Дед вытащил свой сундучок — «ларек», как он его называл, достал оттуда сало, стал заправлять кашу. Раздал миски, долго молча смотрел, как мальчишки, обжигаясь, жадно ели.

Я взял ружье и пошел по тропинке вокруг бахчи. Мысль о Коршуне, о сбитых им с пути четверых подростках не оставляла меня. Оказавшись один на берегу реки без полотенца, я понял, что шел больше затем, чтобы собраться с мыслями. А в них был полный хаос. Какое-то противное чувство точило меня, словно в случившемся была и моя вина. Но может быть, и была? Почему я ушел из школы? Из-за денег? В основном да. Но не только. Отчасти от бессилия: видел, что не могу справиться с влиянием новых веяний, шквалом накрывших юную поросль, с культивированием и безоговорочным восприятием западных нравов с их акцентом на удовольствия и отсутствием запретов. И, в конце концов, я капитулировал. Устал. Мне давали понять мою несовременность, я был как «ненужный гость среди новых поколений, докучный гость, и лишний и чужой», выражаясь словами Пушкина. И я махнул рукой. Впоследствии мне довелось прочитать в одной из газет цитаты из программы по разложению российского общества, созданной Даллесом, в которой документально подтверждалось то, что бродило во мне смутным предположением: это делалось направленно...

Мысли сбивались, путались. То я пугался, что долго отсутствую и вызову подозрения, а расстаться с Коршуном, не окончив разговора, не хотел; то лихорадочно соображал — как сообщить в милицию; то вдруг пришло в голову — что делать в случае облавы? Но потом успокоился: кто станет ловить шайку в лесу ночью? В угрозыске люди опытные, знают, что преступникам здесь делать нечего, особенно с крупными деньгами. Все равно где-нибудь выйдут к поезду.

На берегу появился с ведром рыжий из шайки — видно проследить, не подался ли я в город.

— Опять за водой? У нас же родниковая есть...

Рыжий улыбается:

— За свежей послали. А ты чо не купаешься? Луны ждешь?

— Передумал. А таким ребятам приличнее обращаться к старшим на «вы».

— Это можно, — невозмутимо соглашается он и, зачерпнув полведра из речки, поднимается за мной на берег.

Уже стемнело, когда мы всей компанией прикончили ведро каши. Прогрохотал вдалеке по мосту вечерний поезд. Над черной зубчатой стеной леса повисло серебряное блюдо луны. В воздухе разносился тысячеголосый перезвон кузнечиков. Притухший костер опять ожил, полыхнув красными языками по сухим сучьям, весело постреливая раскаленными угольками. И мы снова разговорились с Коршуном.

— Помнишь Васю Толпекина?

— Ваську? Помню. По математике здорово соображал...

— Летчиком стал. Приезжал на вечер выпускников. Рассказывал — где только не побывал! Я даже грешным делом позавидовал: вот, думаю, сижу на месте, ничего не вижу, а на свете столько интересного! А Санька Шевченко — начальник цеха, шишка! Такой шустрый, маленький — никогда не подумаешь... А Лёня...

Коршун понял, к чему я веду, и молча махнул рукой, как бы говоря, что другой дороги у него уже нет.

— А ты все же заходи ко мне, если случится быть в моих краях. Может, чем-нибудь помогу..

Мы разговаривали почти до рассвета. Старик наш давно храпел на своем тюфяке, босяки тоже спали тревожным сном. Когда Пират с лаем кидался в другой конец бахчи, они поднимали головы, напряженно прислушиваясь. Коршун тоже настораживался, но я объяснил, что собака, по-видимому, чует зайца.

Утром я проснулся поздно, когда на бахче уже никого не было. Старик сказал, что Коршун спросил и даже записал мой адрес, сулил еще заглянуть на бахчу. Кобчик мой лежал у шалаша без признаков жизни. Весь день я скучал с удочкой на Деркуле. Под вечер, захватив полмешка арбузов, я уехал в город. Уже в поезде, на станции Ольховой я узнал о печальном конце Коршуна, в вагонах только об этом и говорили.

Оказывается, вору в расчете на то, что их могут ожидать на ближайшей станции — в Ново-Ильенко, направились лесом на юг и появились у Ольховой. Здесь во время посадки их и взяли по одному переодетые работники угрозыска. На станции было мало людей, и ускользнуть было трудно. Однако Коршун решился. Улучив момент, он метнулся к зданию вокзала, одним взмахом свалил бросившегося ему навстречу оперативника и помчался к лознякам, пригибаясь и петляя по безлюдной дорожке. Ему уже почти удалось оторваться. Два предупредительных выстрела не остановили его, и только после третьего он стал спотыкаться, на секунду остановился и упал навзничь. Стрелявший не рассчитал, ранение оказалось смертельным. Несмотря на запоздавшую медицинскую помощь, к вечеру угасла его никому не нужная жизнь.

Так ли уж ненужная? Я знал о ней больше, чем другие. Кругом говорили — туда и дорога. Мне же было грустно. Почему? Разве не стало одним жуликом меньше?

Глеб САХАРОВ

ДВА РАССКАЗА

СИСТЕМА СТАНИСЛАВСКОГО

Леонид Суровягин, артист областного драматического театра, посмотрел на часы и увидел картину поистине трагическую: 21 час 20 минут. А жены нет дома! Позднее возвращение после репетиций — не редкость, такова работа в театре, но не до такой же степени! 20 минут десятого! Нет, уже все 30!

...Особую, специфическую трагичность ожиданию придавал голод: он опускал планку трагедии до грубой бытовой физиологии. Но в этом было своеобразие эффекта: он, голод, конкретизировал чувства, делал их резче, формировал в виде протеста, это был бунт организма мыслящего, творческого человека.

«Да, видимо, такова судьба русского провинциального актера, — невесело размышлял Леонид, — драма на сцене, драма в жизни (да, как истый трагик он ощущал *«трагическую подоснову мира»!*)... Ибо для меня жизнь — это сцена, а сцена — жизнь: я неразделим...»

И единственной опорой, путеводной звездой в этой драматической судьбе было учение великого реформатора театра — система Станиславского...

«Сейчас она репетирует, — разжигал трагик свое воображение, — эту

ПРОЗА

мерзкую сцену, где ее целует противный Веприков (начинающий и, по мнению Суровягина, посредственный актер, талантами которого были смазливая физиономия и хороший рост). И хотя бы играли хорошо... А то — так грубо... И неудивительно, что режиссер, он же главреж и худрук Артемий Игнатьевич Посконский, как Станиславский, им не верит и заставляет повторять сцену: «У вас слишком натурально, как в жизни. А в жизни поцелуй — акт неэстетичный. На сцене он должен быть красивым, театральным, а не реальным. Дайте мне романтический поцелуй!»... А они и рады стараться... В чем дело? — недоумевает Леонид, — ну потренировалась бы со мной... Впрочем, мы давно не целовались... А зря... — Тут откуда-то сбоку заглянула, как будто открыла без стука дверь, незванная мысль: А что, если у Глафиры с этим типом получается как раз натуральный, т.е. пошлый, как в жизни, поцелуй, а не показательный, возвышенный, артистический... ну какой там еще... И Посконский учит их этому искусству...»

В 21 час 45 минут Леонид почувствовал, что при всей суровости его природы (стойки!) в нем могут таиться с трудом обуздываемые страсти, а сам он — дремлющий вулкан.

«Артистическая натура, — объяснялся с собой Леонид, — яркая, противоречивая, сильная... — И обратился за утешением к любимой классике: — А ведь трагедии Отелло и Арбенина, в сущности, те же бытовые драмы на почве спровоцированной, причем примитивно, ревности — потерянный платок, браслет... Поистине: *«Все ясно ревности, — а доказательств нет!»*...»

Еще через пять минут появилась другая мысль, страшно рассерженная на первую, нет, — возмущенная, и погнала ее из головы Леонида: «Кто? Веприков? Сопляк, мальчишка! Как ты мог так опустить Глафиру — достойнейшую женщину и жену! Стыдись!»

И Леонид устыдился. И даже позволил себе сыронизировать: «Действительно, сопляк, мальчишка! Даже целоваться не умеет!»

Но нашлась и третья мысль — лукавая, со своим утешительным резонансом, но двусмысленным: «Скажи еще спасибо, что партнер у нее Веприков, а не Самсонов!»

Самсонов — красавец-мужчина! Закрепив этот имидж после исполнения заглавной роли в спектакле Посконского, он стал любимцем города, особенно женщин, а женщины всегда составляли большую часть публики. На этот эффект и рассчитывал режиссер. И не ошибся.

«Но, к сожалению, — опять же с иронией подумал Леонид, — Самсонов староват для этой роли. — И посочувствовал Глафире: — А жаль».

Вторая мысль оказалась настойчивой и снова возмутилась: «Леонид, как ты можешь так думать о Глафире, достойной... — Ну, и т.д. — Твоя ирония неуместна и глупа!»

Не успел Леонид еще раз устыдиться, как первая и третья мысли, выразившие, видимо, теневую сторону его сознания, объединились и в своей хамской манере заявили: «И вообще, хорошо еще, что Глафира задействована в этой невинной сцене с поцелуем, и то театральным, романтическим...»

...Посконский всегда держал нос по театральному ветру и не мог оставаться в стороне от общего прогресса в театре и искусстве: оперативно поставил скандальную (именно поэтому и поставил) пьесу молодого модного автора. Автор был беспощадно честен (по молодости он еще не стал ханжой и лицемером) со зрителем и мужественно перенес на сцену саму жизнь со всеми ее реалиями.

— Ах, Ленчик, дорогой, — раздалось из прихожей, — беденький, заждался, голодает без меня... Сейчас я тебя покормлю.

Она не давала вставить мужу ни слова в свой возбужденный, нервный монолог и через пару минут уже хлопотала на кухне.

«Хорошо отрепетировано, — комментировал про себя Суровягин, — муж доведен до отупения голодом и ожиданием, а на столе горячий ужин. Какие уж тут вопросы...»

А Глафира продолжала уже за столом:

— Кстати, анекдот. Посконский попросил Веприкова отрастить усики, — у его героя должны быть усики щеточкой, такая щетинка. Выходим из театра, навстречу какой-то его приятель, под мухой, давно видимо не встречались, полез к Веприкову целоваться, рассмотрел его и говорит: «Ты забыл усики отклеить!» И стал их отдирать. Веприков заорал, чуть не в драку, вот было смеху...

В наступившей тишине, особенно резкой после анекдота об усиках Веприкова, Суровягин направил указующий перст на Глафиру и грозно сказал — по завету великого учителя:

— Не верю!

...В комнате сгущалась тягостная тишина...

...Через несколько дней Суровягин заявился домой поздним вечером, да еще слегка под градусом, но совсем слегка, не как в жизни, а — театрально, эстетически, лирически, по Посконскому, и стал что-то объяснять, склоняя фамилию главрежа. Глафира терпеливо дождалась паузы, и в наступившей тишине прозвучал ее хорошо поставленный (еще бы — мхатовская школа!) голос, сопровождаемый указующим жестом:

— Не верю!

Такие сцены с переменной ролей происходили регулярно, семья вползала в кризис доверия. Чуткий Посконский уловил неладное, пригласил супругов в свой кабинет и, разобравшись в ситуации, сказал:

— Друзья мои, дело в том, что оба вы, как верные ученики Станиславского, предъявляете к своему творчеству высокие, иногда, возможно, чрезмерные требования. И это правильно! Но отсюда и недовольство собой, да и партнерами... И это тоже правильно!

Поэтому, когда Глафира Евгеньевна говорит, что задержалась на репетиции, — ну что ж, и такое не исключается, — а Леонид Павлович заявляет: «Не верю!», то, опять же по Станиславскому, это не значит, что он не верит своей жене, ее версии опоздания, верит, разумеется, но он не верит исполнительской манере, не верит как зритель, а по большому счету и как артист артисту. А это, наверно, еще хуже!

Точно так же, если Леонид Павлович... ему не хватило мастерства, он не подготовился, не отрепетировал, не убедил ее, она почувствовала фальшь, а женщины так чувствительны к ней! — вот и результат: «Не верю!». Надо только хорошо исполнить свою роль! Так совершенствуйте свою игру, друзья мои, ищите новые краски, выразительные средства, даже для старого, много раз сыгранного сюжета!... Если вы всегда одинаковы, если во всем вашем облике ничего нового, если вы долдоните одно и то же, например: «...этот тип Посконский, диктатор и т.д.», а я этого не отрицаю, — то вы плохой актер, вы неинтересны — и как актер и как человек.

А причины опоздания не важны, они могут быть самыми экзотическими. Да хоть прием у английской королевы или нашего президента! Приведите подробности, бытовые мелочи, детали, вложите в рассказ все мастерство... И тогда вы поймете, какая это огромная работа, с затратой всех ваших сил, знаний, умения!

А главное, дорогие мои, это же прекрасная практика! Таким самодеятельным репетициям по случаю цены нет! Так разыгрывайте самые разные сценки и сюжеты, импровизируйте, учитесь друг у друга, у жизни, развивайте фантазию! В этом и состоит творчество — реализация таланта во всех формах...

...Посконский поднялся, подошел к окну, молча постоял с минуту. Суровягины переглянулись... Посконский, кажется, стал как-то крупнее... на нем, как они только что разглядели, стильный фирменный костюм, хорошо подогнанный по стройной ладной фигуре. Он повернулся, его лицо посвежело, он словно помолодел. И улыбка... незнакомая... легкая, улыбка для себя, как от приятного воспоминания, сам человек такую улыбку не ощущает:

— Больше всего на приеме у Елизаветы II мне запомнилось... ну совсем как у Маршака:

*Где была ты, киска?
При дворе королевы английской!
Что ты видела при дворе?
Видела мышку на ковре!..*

...ах, вы не знаете, и неудивительно, я не распространяюсь об этом, наград и званий мне и без того хватает... — Он просительно поднял руки, как бы защищаясь от вопросов. — Много лет тому назад я, тогда молодой режиссер и актер, был признан Королевским шекспировским обществом лучшим исполнителем роли Полония и был пожалован на прием к английской королеве для получения почетного знака и грамоты. И вот, когда группа приглашенных проходила анфиладу парадных комнат Букингемского дворца, направляясь в зал приемов, я услышал над самым ухом: «Sir, I beg your pardon, but your handkerchief is not seen out of pocket. Permit to help you». Это сказал идущий рядом дворецкий. Но как? Не раскрывая рта! Он не говорил, а чревоуещал — чтобы не нарушить регламент! И тут же ловко вытянул из моего нагрудного кармашка вложенный туда платочек — ровно на полтора сантиметра наружу.. Об этом требовании протокола и о том, что служителям не положено разговаривать с гостями, я узнал позже...

— Как, вы знаете английский? И что же он сказал?

— Хороший вопрос... Я ставил «Гамлета» на английском в Англии, в Лондоне! А сказал он, что мой платочек почти не виден из нагрудного кармана, и его надо поправить.

Посконский вернулся на место, свежий, светлый, даже проседь в волосах теперь его молодила, подчеркивая молодость лица (или его молодое выражение?).

— Ну а с президентом проще, — продолжил он, — это уже ближе к нашим реалиям... Кажется, в позапрошлом году во время визита президента в нашу область, сверх программы состоялась встреча президента с творческой интеллигенцией у губернатора. Меня взяли с репетиции, именно взяли и привезли. Встреча затянулась. И вот — ваша ситуация: отчитываюсь жене Анне Сергеевне и вижу — что-то не то, не верит! Помог, как всегда, пустяк, деталь. Выручил Травкин, наш областной министр культуры. Когда президент поднял бокал шампанского за культуру, Травкин заявил:

— Я не пью...

Отреагировал президент мгновенно:

— И правильно, я бы на месте министра культуры тоже не пил, но как президент, к сожалению, обязан пить, — по протоколу! А что вы пьете?

— Чай, — простодушно признается Травкин.

— Вам с лимоном? — спросил президент и пригласил его к накрытому столу под общий смех и аплодисменты. Этот эпизод, похоже, убедил жену.

Посконский посмотрел на часы и встал. И сразу — как будто опустил занавес:

— И на прощанье. Есть три счастья на земле — молодость, любовь, творчество. У вас — и то, и другое, и третье... Первое счастье быстро проходит, второе — в ваших руках, а третьему торжественно обещаю и впредь всемерно содействовать. Желательно с вашим участием и помощью...

Суровягиным показалось, что Посконский хотел еще что-то сказать, но пауза затянулась и они поняли, что беседа закончена.

...Оставшись один, Посконский с облегчением вздохнул и как будто выдохнул из себя всю энергию: расслабился, осел, лицо посерело, стало сухим, усталым, он словно снял грим и вместе с ним налет молодости! И даже пожевал губами — почти по-стариковски...

...Когда спустя неделю Леонид Суровягин явился домой после одиннадцати вечера, Глафира радостно встретила его в прихожей.

— Глаша, милая, ты не поверишь... — начал неуверенно Суровягин.

«Странно, он никогда так не начинал», — подумала Глафира и сказала, улыбаясь:

— Ну почему же не поверю, очень даже поверю!

«Странно, она никогда меня так не встречала», — подумал Суровягин и еще больше растерялся:

— Тогда поверь, что я — бездарь и не могу придумать даже простенький сюжет..

— И очень хорошо, милый, приемы у монархов и президентов — так утомительны, да и кормят там, вероятно, скудно. Как правило, микроскопические бутерброды, а у королевы Англии, например, — одна спаржа!

БЕСКРЫЛЫЕ ЛЮДИ

Еду с работы домой, из Москвы в Зеленоград — на автобусе № 400 от метро «Речной вокзал». Это около часа езды, если без пробок... Мой ежедневный маршрут.

И как закон: как только автобус трогается, пассажиры извлекают мобильники, и начинаются переговоры.

И что характерно: прежде всего все сообщают о своем местонахождении. Вот слышу с разных сторон: «Сел в 400-й, только что отъехал от Речного...», «Еду на 400-м, проехали мост...», «Проезжаем Химки...» и т.д. То есть голая фиксация фактов... плоский объективизм, даже «бесплодная дикость материализма», как сказал философ! Или, еще хлеще, почти все хором, как по команде: «Торчим в пробке у Фирсановки!».

Вот оно, стадное-то чувство!

Слушаю и думаю: «Какой узкий, унылый взгляд на окружающий мир, убогость восприятия: что вижу, то и говорю! Никакой фантазии, самовыражения, честное слово! А где, извините, личность, где, я спрашиваю, индивидуальность? Свое видение, какие-то новые краски, мысли? Где все это, простите? Я уже не говорю о юморе. Дорога долгая, скучная, и — ни единой улыбки, шутки, розыгрыша, если уж на то пошло. Просто смешно, ей-богу...»

...Бескрылые люди!

Достаю мобильник, звоню жене, она сейчас дома, ждет меня к ужину.

— Не удивляйся, — говорю, — дома все объясню... Короче, я сейчас... еду из аэропорта Ле Бурже, проезжаю... пригород Парижа, да, узнаю, это Иври...

Она переспрашивает:

— Что? Париж? Иври? Ну-ну, и ври дальше!

А что, грубо, но остроумно. Ну что ж, придется растолковать:

— Ну, ты эти места должна знать, я тебе по карте Парижа показывал. — И чтобы ее сориентировать, называю общеизвестные достопримечательности: — Это на правой стороне Сены. Здесь площадь Согласия, Конкорд по-французски, Лувр, Елисейские Поля, ну и площадь де Голля с твоей любимой Триумфальной аркой.

Она перебивает:

— Как ты там оказался? Ты же на службу поехал...

Вот она, бескрылость-то! Ты меня о Париже расспроси, — нет, задает дурацкие вопросы. А ведь я считал ее романтиком, мечтательницей... Потому и женился...

— Не спрашивай, разговор по мобилу отсюда очень дорог.

— Ну, ладно, — жена начинает врубаться. — Тогда передавай привет общим знакомым: Мирей Матье, Патриции, как ее? (Каас — подсказываю) и особенно моему любимцу Бельмондо!

Нет, недаром все же она стала моей женой.

— Не уверен, — отвечаю честно. — У меня буквально 2—3 часа. Я хочу приобрести антиквариат.

Тут, кажется, она растерялась и замолчала. Я ей популярно объясняю:

— Париж — лучшее место для выбора антиквариата. А для нас это актуально, куда деньги девать? А вложения в антиквариат — самые выгодные, он бешено дорожает со временем! — Трубка онемела, понятно, жена напряглась, думает. А я тем временем дожимаю: — Самое густое скопление антикварных галерей — это престижная улица Фобур-Сент-Оноре и квартал Сен-Жермен. Но нельзя не заглянуть в Сент-Уэн... — это я специально показываю эрудицию: не какой-то лох, сующий деньги незнамо куда, абы что хапнуть, а специалист! Такой уж если делает бизнес, то сверхприбыльный!

— Не жалею денег, — почувствовала наконец выгодное дельце жена, — раз уж случай подвернулся, а то я тебя знаю, каждый рубль считаешь...

Это верно, человек я экономный... ну а тут такое дело...

— Не волнуйся, — отвечаю, — это я тебе гарантирую!

Только я подумал, — хорошо, когда у супругов взаимопонимание, как она вдруг спрашивает:

— Боренька, ты мне скажи лучше: к ужину тебя ждать?

Ну вот, так хорошо развивался разговор, — и на тебе! Какие они все-таки, женщины... приземленные что ли, ну нет у них полета, я не знаю...

— А что у нас на ужин? — спросил я и тут же пожалел, с языка сорвалось.

— Блины с семгой! — как-то, по-моему, приземленно вроде, отвечает она, грубовато, мне кажется, резковато, на мой взгляд. Зачем так педалировать? А она гнет свое: — Позавчера семгу с тобой разделявали, и я ее засолила.

Ну, как с такой разговаривать! И тут я блеснул историческим французским остроумием (короля Генриха IV, кто историю знает, тот поймет) — ну не мог удержаться:

— Нет уж. Париж стоит мессы! — и объясняю, что месса — это что-то вроде нашей обедни, в смысле, что Париж дороже нашего ужина, хоть он и с семгой.

И довольный своим остроумием и эрудицией, даю отбой и еду себе дальше в комфортабельном автобусе, разглядываю живописные кварталы парижского предместья Иври. И думаю: «Как это здорово иметь живое, знаете ли, воображение, свое, представьте, видение мира, какой-то кураж, в конце концов! Насколько где-то ярче, как-то богаче, содержательнее что ли, становится жизнь!

Звонок, ну ясно, жена, будет приставать со своей семгой.

— Боренька, позвонила Марина, приглашает на пафосную тусовку, в ресторан «Хлопок», будут звезды, — она перечислила

с десятков громких имен, — по случаю какой-то закрытой кинопремьеры. Пока ты в Париже антиквариат выбираешь, я, пожалуй, съезжу, тем более, что Марина подвезет меня на своей «Мазде», она уже выехала. Ты не возражаешь? Да, чуть не забыла, твою любимую «Кедровую» купила...

Какая Марина? Какая тусовка?

Минут через 20 очухался, звоню жене и докладываю ей честно, как на духу:

— Слушай, короче... Парижское предместье Иври, это на правом берегу Сены, проехали... а сейчас... где это я?... подъезжаю к Зеленограду, да. Московский проспект. Так что... буду через полчаса...

— Ну вот, а я на тусовке, тут так здорово! Ах, извини, дорогой, меня приглашает на танец Леонтьев, он такой милый, больше говорить не могу, перезвоню.

...Врываюсь в квартиру — и успокоился: блинный аромат с нотками семги, и еще что-то чувствуется сладкое, фруктово-ягодное, ну, понятно, это варенья, жена на даче наготовила.

— Ну вот, — говорю, — успел, а ты не верила!

— Я тоже успела, — отвечает жена. — Пришлось отказать Леонтьеву в танце.

И я уже не жалел, что поездка в Париж не состоялась. Такие блины печет только моя жена! А главное, они же еще — и с икрой, представьте, и с семгой, вы меня извините, а затем — с медом, я вас умоляю, с вареньями клубничным, это нечто, а где-то даже крыжовенным, если честно, с брусникой, наконец, ну и — как бы с красной смородиной, если хотите. Но это только в том случае, если хотите...

Михаил АНТОНОВ

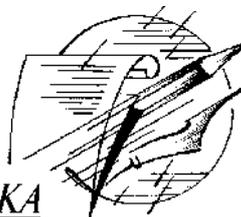
РОССИЯ XXI ВЕКА: ПУТЬ К МИРОВОМУ ЛИДЕРСТВУ

(ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ СТРАНЫ НА
БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ)

Глава 14. ОТ ЭКОНОМИКИ КРОХОБОРОВ — К ТЕОРИИ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Паразитам приходит конец

Приближаясь к концу данной работы, я с сожалением должен отметить: судя по тому, что говорят и пишут политики, аналитики, ученые и простые обыватели, в нашем обществе пока еще отсутствует понимание истинного положения страны и задач тех сил, которые должны выводить ее из кризиса. Иногда можно услышать или прочесть, что Россия — жертва агрессии со стороны Запада, его криптоколония (то есть скрытая колония), но из этого не делается, например, вывода, что для освобождения России наших дней нужна новая Священная война. Даже слова Владимира Путина о том, что «нам всем объявлена война», а «товарищ волк кушает и никого не слушает», не были восприняты как манифест об объявлении нам войны. И мы продолжаем жить, как ни в чем не бывало, народ кайфует, смотря концерты смехачей и попрыгунчиков. Можно ли себе представить, что в трагические дни Вели-

---

Продолжение. Начало в №5-6 за 2007 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

кой Отечественной войны советские люди чувствовали себя так же комфортно, а по радио (телевидения в каждом доме тогда еще не было) с утра до вечера звучали бы шутки и анекдоты?

А ведь война идет, против России выступило все мировое быдло, все силы реакции на планете, и это опаснее, чем интервенция 14 держав в 1918 — 1922 годах. Но современная война необычная, она сетевая, когда дело еще не дошло до пуска ракет. Враги наступают на нас на всех фронтах — идеологическом, финансовом, образовательном и др. Они наступают силами тысяч колонн, организаций и агентов влияния, действующих без видимого командного центра, но по общему плану и в одном направлении. К такой войне Россия оказалась совершенно не готова, она может оказаться разгромленной до того, как выстрелит первое вражеское орудие. И если дело не дошло пока до «горячей войны» (которую враг намерен вести бесконтактно, ракетами, когда его солдаты на нашу землю не вступят до обеспечения их полной безопасности), то лишь потому, что люди на Западе очень боятся смерти. И их правители не желают подвергать свои страны и армии риску оказаться мишенью для наших стратегических ядерных сил. Потому-то они спешат окружить Россию кольцом звеньев своей системы противоракетной обороны (которые могут служить оружием не только обороны, но и наступления), чтобы иметь возможность гарантированно нанести первый удар и не получить ответа, который мог бы причинить им «неприемлемый ущерб».

Как говорил дедушка Крылов, «Баснь эту можно бы и более пояснить; Да чтоб гусей не раздражить».

Как ни велики наши территориальные и экономические потери, все же наибольший урон нашей стране в ходе «перестройки» и последовавшей за ней «демократической» вакханалии был нанесен в области идеологии и морали. Остановлюсь лишь на одном проявлении этой идеологической войны.

Вот уже более двадцати лет (то есть на протяжении жизни целого поколения) русский народ развращают, насаждая идеологию паразитизма, особенно культ больших легких денег. По телевидению идет игра «Как стать миллионером», где можно получить миллион рублей без труда, просто угадав какое-то слово. Это те же наперсточники, только действующие во всероссийском масштабе и с позволения власти. И никто не разъяснит людям, что если кто-то получил деньги, которых не заработал, это значит, что кто-то другой, заработав деньги, их не получил. Что удачливый делец может «сделать деньги из воздуха», но целый народ не может разбогатеть таким способом. А ведь выросло целое поколение, уверенное в том, что труд — это удел

неудачников, а настоящее дело — это стать богатым, неважно каким способом.

Это преступная идеология паразита, который уже перестал быть человеком, возможно, еще и не став им, это клоп, питающийся кровью народа. Когда Маяковский писал свою пьесу «Клоп», он полагал, что борется с пережитками капитализма в сознании советских людей. Кто мог бы тогда предположить, что эта пьеса — о не столь уж отдаленном будущем, о нашем времени?

Но одно дело — когда к паразитизму склонен отдельный человек, и совсем другое — если духом паразитизма пронизана целая отрасль науки, причем претендующая быть путеводительницей в современном мире, стержнем общественной жизни в век, который многие исследователи (особенно русский мыслитель, экономист и богослов С.Н. Булгаков) именовали «веком экономизма».

Что такое «экономика» («От Ромула до наших дней»)

О том, что в экономическом отношении наша планета устроена неудовлетворительно, а экономическая наука (в разных ее ипостасях), которой руководствуется современный мир, совершенно не отвечает задачам, стоящим ныне перед человечеством, мне уже приходилось писать на страницах нашего журнала. Повторять ранее сказанное нет смысла, но подвести ему краткий итог необходимо для того, чтобы было понятно, как же жить дальше и как выходить из этого тупика.

Экономическая наука создавалась собственниками и их идеологами как средство борьбы за укрепление или перераспределение собственности и власти. Те классы, в руках которых находилась власть, занимали в вопросах теоретической экономики консервативные позиции. Те классы, которые стремились усовершенствовать общественные отношения в сторону большей социальной справедливости, создавали революционные экономические теории. Наконец, те силы, которые желали бы повернуть ход истории вспять, придерживались реакционных взглядов в экономике.

Само слово «экономика» (от «ойкос» — дом, хозяйство и «номос» — правило, закон) возникло в Древней Греции. Мыслитель Ксенофонт дал название «Экономия» своему сочинению, в котором излагались основы науки о том, как свободному гражданину вести (в основном руками рабов) хозяйство, чтобы он был обеспечен продуктами собственного производства и мог

предаваться достойным его положения занятиям — гимнастике, музыке, философии, политике, участвовать в работе Народного собрания и пр. Физический труд в том обществе прези­рался и считался уделом рабов. И все же еще К.Маркс отмечал, что древние авторы произведений по экономике никогда не сравнивали разные способы ведения хозяйства по тому, сколько тот или иной способ приносит прибыли (хотя толк в деньгах они знали). Их всегда интересовало, какой способ хозяйствования воспитывает государству лучших граждан. Древнеримский политик Катон Старший считал наиболее достойным для римского гражданина занятием земледелие — и потому, что оно «прибыльно», и потому, что сельскохозяйственный труд сам по себе несет большую радость. Катон — рачительный и рассудительный хозяин, а трудолюбие и хозяйственная предприимчивость обязательны для идеального римлянина.

Итак, с самого начала (или, лучше сказать, в замысле) экономика была в каком-то отношении наукой о совершенном человеке.

Но многим людям присуща такая страсть, как жадность, особенно жажда богатства или, как говорили в старину, сребролюбие. Погоня за деньгами тоже породила науку о богатстве, которую великий мыслитель Древней Греции Аристотель назвал «хрематистикой» (от «хрема» — имение, имущество). Она оправдывала и ростовщичество, и спекуляцию, и пиратство. И хотя Аристотель считал экономику естественным, а хрематистику — противоестественным способом хозяйствования, он видел, как часто у его соотечественников из экономики вырастает хрематистика.

В Средние века в пределах бывшей Римской империи духовно господствовала христианская Церковь, которая считала предоставление денег займа под проценты (ростовщичество, а значит, и банковское дело и пр.) грехом. Это несколько умеряло аппетиты жаждущих разбогатеть (впрочем, это не смущало деловых людей — нехристиан, которым их вера заниматься ростовщичеством не запрещала, и потому они исторически заняли в банковской и вообще финансовой сфере ведущие позиции).

Но вот в Западной Европе наступила так называемая эпоха первоначального накопления капитала. Например, в Англии тогда происходило «огораживание»: помещики стогнали крестьян с земли и обращали ее в пастбища для овец, дававших шерсть — сырье для мануфактур по выработке сукна (как тогда говорили, «овцы съедали людей»). Производство сукна давало несравненно больше прибыли, чем земледелие. А согнанных с земли крестьян на основе суровых законов о борьбе с бродяжничеством загоняли в работные дома и на мануфактуры с чрез-

---

вычайно тяжелыми условиями труда, уклоняющихся от этой участи вешали. Англия превращалась в фабрику сукна и других промышленных товаров для всего мира, она стала владычицей морей, создала громадную колониальную империю, ее правящие классы получали за счет нещадной эксплуатации своих рабочих и жителей колоний несметные богатства. Жажда богатства овладела множеством людей, и в моде снова оказалась наука об обогащении, по существу — любыми средствами (англичане промышляли и пиратством, и ростовщицеством, и работорговлей). Только, по иронии судьбы, ее назвали не хрематистикой, какой она была на самом деле, а экономикой, точнее даже — политической экономией. То есть, это была как бы наука о способах разумного ведения хозяйства в целом государстве. (Слово «политика» часто производят от древнегреческого слова «полис» — город-государство, хотя в действительности оно происходит от слов «поли» — много и «тикос» — интерес, и означает умение вести дело в интересах многих, всего государства, а не одних только собственных.) Первым сочинением, давшим название новой науке, был «Трактат политической экономии» Антуана Монкретьена де Ваттевиля, вышедший в Руане в 1615 году. В 1621 году Монкретьен стал одним из руководителей восстания французских протестантов (гугенотов) против короля и католической Церкви и погиб в бою.

Монкретьен указывал, как обеспечить процветание не только своего дома (как это было у Ксенофонта), а хозяйства как государственной, национальной общности. Он принадлежал к числу меркантилистов, которые считали источником богатства государства внешнюю торговлю, поставленную так, чтобы вывоз был больше ввоза, и, следовательно, чтобы в стране накапливались золото и серебро. До конца XVII века и в Англии господствовали идеи меркантилизма. Вывоз сырья (особенно шерсти) власть запрещала, вывоз готовых изделий поощряла, доступ иностранных товаров ограничивала высокими ввозными пошлинами, чтобы содействовать отечественному производству. Во Франции министр финансов Людовика XIV Кольбер насаждал мануфактуры, но не столько ради развития национальной промышленности, сколько для укрепления абсолютизма, для обеспечения доходов расточительного королевского двора. В Германии меркантилисты (их там называли камералистами) господствовали в экономической науке.

Но уже в следующем столетии положение в Англии изменилось. Купцы настаивали на свободе вывоза денег, на которые за границей покупали товары, чтобы продать их дороже. Частный интерес нарождающейся буржуазии все больше брал верх над го-

сударственным. Это изменило и содержание экономической науки. Отцом классической политической экономии стал шотландец Адам Смит, опубликовавший в 1776 году книгу «Исследование о природе и причинах богатства народов». Он считал, что главным мотивом хозяйственной деятельности человека является своекорыстный интерес. Но преследовать свой интерес человек может, только оказывая услуги другим людям, предлагая в обмен свой труд или продукты труда. Так совместная деятельность эгоистов, каждый из которых печется только о своей выгоде, ведет, по Смицу, к процветанию общества. Отсюда его требование к государству не вмешиваться в хозяйственную жизнь, а лишь установить законы и следить за их исполнением, все остальное сделает «невидимая рука рынка». Политическая экономия в труде Смита стала наукой о богатстве, об обогащении любыми дозволенными законом средствами. В ее основе лежало примитивное представление об «экономическом человеке» (*homo oeconomicus*), мотивы всех действий которого могут быть сведены к стремлению обогащаться. (Если бы в то время жил Аристотель, он, скорее всего, назвал бы такого человека *homo chrematisticus*).

Вообще-то такое понимание экономики присуще лишь европейской (и производных от нее — американской и др.) цивилизации, да и то не всей. Наиболее рьяно его придерживаются ангlosаксы. В китайской цивилизации основополагающим принципом служит борьба и взаимодействие женского и мужского начала «инь» и «ян», там господствует циклическое мышление, «золотой век» — не впереди, а позади, в далеком прошлом. В исламе взимание процентов запрещено Кораном, и банковское дело основано на других принципах, нежели в мире, называющем себя христианским.

Политическая экономия проникала, особенно в начале XIX века, и в Россию и находила здесь своих приверженцев. Большим ее поклонником был император Александр I, который рекомендовал своим офицерам изучать труды Смита и особенно Бентама, учившего, что критерий нравственности — польза (то есть прибыль). От императора мода на политэкономия пошла в светские салоны. Вспомним, с какой иронией Пушкин повествует о том, как «...иная дама Толкует Сэя и Бентама». Не отстает от нее и главный герой пушкинского романа Евгений Онегин, который

*Бранил Гомера, Феокрита,
Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконоом,
То есть умел судить о том,*

---

*Чем государство богатеет,
И как живет, и почему
Не надо золота ему,
Когда **простой продукт** имеет.*

Но на Руси такие эрудиты, воспитанные на западных экономических теориях, долго не находили понимания даже у своих родных и близких. Вот и Онегин оказался в таком положении: «Отец понять его не мог И земли отдавал в залог».

Известный русский мыслитель, друг Пушкина И.В. Киреевский писал, что если бы человеку Древней Руси изложили учение политической экономии, он бы его не понял. И вовсе не из-за сложности предмета (он-то как раз часто оказывается примитивным), а по двум существенным причинам. Во-первых, он не принял бы отделение выгоды от правды и справедливости, а во-вторых, не согласился бы с тем, что нужно всемерно раздуть свои потребности, а потом трудиться до изнеможения, чтобы эти искусственно раздутые потребности удовлетворять. Другой видный славянофил, тоже друг Пушкина князь В.Ф. Одоевский создал гениальные сатирические произведения, разоблачающие вдохновенные эгоизмом и корыстолюбием идеи Смита, Бентама и Мальтуса. В России многие лучшие ее умы, да часто и простой народ, цели экономики и способы разумного хозяйствования понимали во многом иначе и более разумно, чем на Западе и в среде отечественных интеллектуалов, некритически воспринявших западные экономические теории.

Но русская интеллигенция до революции в целом находилась под влиянием западных экономических теорий. Реакционеры и консерваторы больше почитывали классиков, революционеры либо пытались «усовершенствовать» теории Джона Стюарта Милля, либо приспособливали к российским условиям учение Маркса.

Можно сказать, что в царской России в XIX — начале XX века не было ни своей экономики, ни собственной экономической теории, хотя идеи, позволявшие создать полноценное экономическое учение, существовали, но не были востребованы властью. Александр I видел миссию России в становлении и укреплении Священного Союза, то есть в служении Европе, и в связи с этим отменил таможенные барьеры, защищавшие еще слабую отечественную промышленность. Барьеры скоро пришлось восстановить, а Николай I их укрепил и вообще содействовал индустриализации страны, которая осуществлялась преимущественно купцами: «*Русская промышленность создавалась не казенными усилиями и, за редким исключением, не руками*

лиц дворянского сословия. Русские фабрики были построены и оборудованы русским купечеством. *Промышленность в России вышла из торговли*» (Бурьшкин П.А. Москва купеческая. М., 1990. С. 21). И, хотя в России были казенные заводы, обслуживавшие преимущественно нужды армии, русская промышленность того времени оставалась главным образом «ситцевой».

Александр II осуществлял индустриализацию и развернул широкое железнодорожное строительство, привлекая иностранный капитал, перед которым широко открыл все двери. Строились в основном предприятия, дополняющие экономику Запада. В этот период процесс превращения России в криптоколонию Запада принял необратимый характер. Александр III пытался ослабить эту зависимость России от Запада, но необходимость заставила его добиваться получения новых займов от Франции, что привело и к военному союзу — Антанте. Николай II, правой рукой которого стал С.Ю. Витте, вновь сделал ставку на иностранный капитал. К тому же он, по совету того же Витте, тесно связанного с западными финансовыми кругами, стал одним из главных учредителей секретного банковского союза (предтечи современного Международного валютного фонда), надеясь занять в нем руководящую роль. Ради этой химерической идеи он отправил большие партии русского золота в банки Англии, Франции и США. В общем, российские императоры вели себя как Дон Кихоты, только Дульцинея Тобосская у каждого из них была своя. О какой независимой экономике России и самостоятельной экономической теории можно было говорить в этих условиях? А заимствованная экономическая наука оправдывала существование эксплуататорского строя, что с блеском показали в своих произведениях Чернышевский и Некрасов, Глеб Успенский и Салтыков-Щедрин, Лев Толстой и Чехов.

До начала XX века экономика во всем мире, в том числе и в России, оставалась частнопредпринимательской, даже предприятия государственного сектора работали, руководствуясь теми же критериями эффективности, что и частные. А кто такой частник? Это принципиальный пенкосниматель. Он никогда не возьмется за осуществление проекта, требующего больших вложений капитала, если срок окупаемости этих средств велик. Частники совместными усилиями заставляют государство развивать инфраструктуру экономики, то есть тратить государственные (общенародные) средства на работы, невыгодные для отдельного частника. В этом смысле частник всегда остается крохобором и паразитом (я не касаюсь области благотворительности — это особая тема). И экономическая наука, обслуживаю-

---

шая частнопредпринимательскую экономику, оставалась крохоборческой и паразитической.

После Октябрьской революции 1917 года положение изменилось в главном: в Советской России был провозглашен переход к плановой системе хозяйства, что должно было нанести мировой системе империализма смертельный удар. И действительно, на Западе становилось все больше критиков экономической науки с ее устарелыми догмами. Там осознали, что чем далее уходил мир от времен Смита, тем менее адекватной оказывалась экономическая наука современному положению человечества. Англо-американский философ и экономист А.Уайтхед еще в 1920-е годы признал: абстракция «экономический человек» несостоятельна. На самом деле люди слишком сложны, чтобы руководствоваться простыми мотивами в принятии решений. Что же сказать о человеке Запада наших дней, прошедшем через опыт «государства всеобщего благосостояния», или о советском человеке, перед которым Советская власть открыла двери к высотам культуры? Разве их можно подвести под категории теории, исходящей из установки на «экономического человека»?

Еще более нелепыми оказывались выводы теории эффективности капиталовложений, основанной на исчислении сложных процентов, то есть исходившей из установки, будто деньги сами рождают деньги (на чем настаивал один из столпов американской экономической теории Бенджамин Франклин). Еще Маркс высмеивал одного из таких теоретиков, который показал, что один пенни, отданный в рост при рождении Христа из расчета, кажется, 5 процентов годовых, к 1880-м годам превратился бы в такое количество золота, из которого можно было бы сделать множество земных шаров. (Желающие проверить эти выкладки могут сами возвести величину 1,05 в 1880-ю степень.)

Член-корреспондент АН СССР С.Алексеев отметил, что главный принцип экономической системы «...означает присутствие в экономике «жаждущего» потребителя, который вынужден почти немедленно возвращать свои высокие доходы обратно в экономику. При этом потребительские нужды и страсти даже при товарном изобилии не позволяют удовлетвориться достигнутым, а требуют все более нового вложения сил в дальнейший рост потребления...»

К тому же экономические показатели маскируют тот факт, что «...безудержно развивающаяся товарно-рыночная экономика западных стран существует отнюдь не только за счет их внутренних ресурсов, она еще и продукт выгодного для этих стран международного разделения труда и доходов, когда большинство насе-

---

ления мира барахтается в трясине долгов и обездоленности. Взятая сама по себе, эта экономика служит человеку как вечно жаждущему, неутолимому потребителю и в конечном итоге делает его таковым. Человек становится заложником и жертвой ненасытного рыночного Левиафана. Галопирующая, невесть куда мчащаяся экономика ведет человечество к неразрешимым конфликтам, в сущности, в тупик» («ЛГ», 1990. №14).

Несмотря на это, принципы экономической науки в существенном не менялись. И это в основном произошло потому, что не были реально воплощены в жизнь идеи планирования народного хозяйства в СССР. Немалую роль в этом сыграло то, что Ленин, революционер-большевик в политике, в сфере культуры и экономики оставался буржуазным реформатором, меньшевиком. Уже в 1921 году он добился одобрения партией «новой экономической политики», которая предполагала, по его же собственному признанию, перевод советских предприятий на капиталистические рельсы. (А «План ГОЭЛРО» Ленину был нужен, чтобы отвлечь внимание партии от необходимости продолжать дело революции внутри страны, переключить сознание победителей в Гражданской войне с революционных задач на хозяйственные и создать почву для принятия нэпа).

Фактическое становление плановой системы хозяйства в СССР началось лишь через пять лет после смерти Ленина и проходило в сложнейшей обстановке. Сталин нэп свернул. Начались сталинские пятилетки, невозможные без плана, без балансового метода планирования. Но необходимость форсированной индустриализации страны в условиях, когда ленинцы потратили все ресурсы на «мировую революцию», заставила использовать все возможности для экспорта (от хлеба до художественных ценностей), необходимого для получения иностранной валюты. Затем все силы страны были брошены на создание базы для отпора врагу в предвидении неминуемого нападения на СССР. В Великую Отечественную войну все было отдано фронту — вот когда весь мир мог увидеть (но не увидел), что такое настоящее народное хозяйство (об этом кратко будет сказано ниже), и этот опыт по-настоящему не был обобщен. После войны СССР почти до смерти Сталина был занят восстановлением разрушенного хозяйства. Новая разруха была учинена Хрущевым и усугублена либеральной реформой Либермана—Косыгина. В этих условиях в советской экономической науке пришлось во многом отступить даже от тех теоретических завоеваний, которые были достигнуты в предвоенный период. А далее — уже сознательное вредительство со стороны клики Горбачева и откровенная распродажа и разграбление страны

кликлой Ельцина. Эту разруху мы по-настоящему еще не начали преодолевать. Современной экономики в РФ нет, нет и необходимой для ее создания экономической теории.

А ведь под все эти вредительские акты ученые-экономисты подвели теоретические обоснования, разрабатывали концепции рынка, который якобы должен привести страну к скорому процветанию. Отечественная экономическая наука должна нести свою долю ответственности за разрушении страны, ее корифеи, ныне пребывающие в звании академиков, в действительности оказались шарлатанами и пособниками, а часто и вдохновителями вредителей-политиков. В этом состоянии экономическая наука в России пребывает и по сей день, оставаясь прибежищем невежд и скрытых врагов Родины.

Так, важнейшим показателем уровня развития страны, на который наука ориентирует руководство государства, считают показатель валового внутреннего продукта (ВВП), хотя он не учитывает оскудения недр по мере роста добычи полезных ископаемых, состояния человеческих ресурсов и т.д. В итоге нередко складывается такое положение, когда ВВП растет, и власть считает, что состояние страны благополучное, а на деле государство оказывается на грани краха и стремительно движется к гибели.

В предыдущей главе было показано, что все основные понятия и категории этой науки толкают на безудержный рост производства и потребления, не учитывая экологических ограничений, а это грозит самому существованию человечества. Разработанный мировым финансовым капиталом экономический механизм позволяет сильным странам в мгновение ока обрушивать экономики слабых стран, наживая на этом баснословные прибыли. Создается «экономика финансовых пузырей», в которой громадные деньги делаются «из воздуха», и триллионы долларов, не обеспеченных ничем, кочуют с одной биржи на другую. Идущая ныне в мире глобализация по-американски означает конец даже существующего неразумного хозяйственного строя и замену его новым рабовладением, гораздо более страшным и бесчеловечным, чем древнее.

Уже цитировавшийся С.Алексеев приходит к выводу: *«Человечество стоит перед выбором: либо идеология неудержимой, ничем не ограниченной экономической и либеральной стихии; либо развитие идеалов свободы и на этой основе — гармонизация жизни людей, обновление и возрождение социалистической идеи, ее гуманного, демократического существа»*

Я бы конкретизировал этот вывод ученого так: **либо мы отбросим эту схоластическую экономическую науку о хозяйствен-**

ной деятельности человека-эгоиста и создадим взамен ее науку о ведении народного хозяйства на разумной и нравственной основе, либо человечество в скором времени погибнет, уничтожив свою среду обитания и само себя.

Что такое народное хозяйство? (От Листа и Форда до Сталина и Путина)

Термин «народное хозяйство» употреблялся с давних пор, хотя реального содержания он в условиях частнособственнической экономики не имел. Им обозначали всю совокупность государственных, смешанных государственно-частных и частных предприятий, а также индивидуальных (преимущественно крестьянских) хозяйств. В какой-то мере это могло характеризовать экономический потенциал страны, но никак не представляло собой подлинный народнохозяйственный комплекс.

Правда, еще до Октябрьской революции и на Западе, и в России делались в теории, а в ограниченной степени и на практике попытки выйти за пределы частнособственнической экономики и перейти к плановому хозяйству. В Германии экономист Фридрих Лист окрестил систему политэкономии Смита космополитической, не учитывающей национальных особенностей хозяйственного развития отдельных стран. Не учитывала она и то, что между индивидом и человечеством стоит нация. А потому задача состоит в развитии производительных сил нации и удовлетворении нужд народа в целом. Немецкий исследователь Вернер Зомбарт различал нации торгашей и нации героев, у которых, конечно, разные взгляды на цели экономики. Немецкий мыслитель Освальд Шпенглер разрабатывал идею служения государству и понимал труд не как товар, а как долг. Но наибольшее значение на Западе имела производственная практика американского автомобильного короля Генри Форда, которую внимательно проанализировал доктор экономических наук, профессор Виктор Сигов. Привожу отрывок из его статьи «Маркс и Форд: поучительные сравнения»:

«Форд превратил прибыль из цели производства в средство достижения общей пользы, что предопределило принципиальное изменение отношения к наемным работникам. Оказалось, что успеха добивается тот, кто рассматривает кадры не с точки зрения издержек производства, а как его главный ресурс. Форд одним из первых осознал важность разносторонней положительной стимуляции труда: «Мы опрокинули старый обычай, скверный обычай платить рабочему ровно столько, сколько он согласен был взять».

Он ввел 8-часовой рабочий день, установил на своих предприятиях самую высокую в промышленности США почасовую ставку оплаты труда и неукоснительно стремился к облегчению труда рабочих и улучшению его условий. И все это произошло еще до социалистической революции в России.

Автомобильное производство Форда сыграло роль катализатора в индустриализации США, создав промышленность, финансируемую массовым покупателем. Постоянно расширявшиеся масштабы потребления фордовским делом металлов и угля обеспечивали стабильность их сбыта, в результате чего вся промышленность страны незаметно оказалась в зависимости не от банков, а от внутреннего рынка, емкость которого росла по мере снижения цен на автомобили. Благодаря Форду автомобиль из предмета роскоши стал массовым средством передвижения, доступным средней американской семье. Это, в свою очередь, вызвало бум в строительстве автодорог.

Жизнь и достижения Форда опрокинули теорию Маркса, по которой промышленный предприниматель выступает паразитом, присваивающим неоплаченный труд рабочего. Дав впечатляющую картину наемного рабства в современной ему английской промышленности, Маркс не смог увидеть того, что промышленный предприниматель не только эксплуататор наемного труда, но и организатор производства, выполняющий важные общественные функции. Его теория привела к искусственному противопоставлению управленцев, служащих и рабочих. Поэтому в Советской России попытки рабочего самоуправления закончились привлечением «буржуазных» спецов, без которых обойтись не удалось. Форд на деле доказал, что частная форма собственности на средства производства способна обеспечивать реализацию общественных интересов. Практика социалистического строительства показала, что общественная по форме собственность может использоваться в чьих-то частных интересах вопреки интересам общества. Первостепенное значение имеет качество управления.

Пора, наконец, сказать правду о том, что индустриализация СССР в гораздо большей степени обязана идеям Форда, чем Маркса. В 1924 году книга «Моя жизнь, мои достижения» была издана в России. В 1926 году, выступая перед ленинградскими рабочими, Сталин, отвергнув возможности развития отечественной промышленности за счет иностранных кредитов («российский путь»), военных захватов («германский путь») и неэквивалентной торговли с колониями («английский путь»), указал на американский путь, суть которого в ориентации на внутренний рынок. Промышленность может нормально развиваться, если все, что она произ-

---

водит, будет скупаться на внутреннем рынке. Емкость внутреннего рынка определяется покупательной способностью населения и растет на базе систематического снижения цен. Снижение цен обеспечивается снижением издержек производства вследствие научно-технического прогресса....

В СССР нашла практическое воплощение мечта Форда о плане, охватывающем всю национальную экономику...»

Форд считал желательным, «чтобы каждая нация научилась, насколько возможно, сама удовлетворять свои потребности... создала свою собственную промышленность и собственную культуру, покоящуюся на твердом основании».

Конечно, мечты Форда о плановом хозяйстве в масштабе всей страны остались мечтой, однако они оказали большое влияние и на советский опыт, и на политику президента США Франклина Рузвельта, который прислушивался к советам английского экономиста Джона Мейнарда Кейнса (1883 — 1946), в свою очередь, немало поучившегося у советских теоретиков планирования. Хотя основной труд Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» вышел только в 1936 году, его важнейшие идеи поддержания «эффективного спроса» и поддержание «полной занятости» высказывались им раньше. Кейнс советовал для преодоления экономического кризиса всемерно увеличивать государственные расходы, расширять общественные работы, увеличивать количество денег в обращении и пр., словом, как раз противоположное тому, что ныне делают российские министры-монетаристы по рекомендациям либеральной экономической науки.

Революционным шагом стало заявление Рузвельта: «... Ни один бизнес, существующий за счет выплаты рабочим зарплаты ниже прожиточного уровня, не имеет права на существование в нашей стране». Под прожиточным минимумом, разумеется, всюду (кроме нашей страны) понимается не пресловутая «корзина» из немногих продуктов, которая только позволяет не уметь с голоду.

Экономическая наука прошла мимо того факта, что даже там, где частная собственность формально существует, она в большой мере уже поставлена под контроль государства. Видный деятель российского оборонного комплекса Анатолий Долголаптев заметил: «Джон Кеннет Гэлбрейт раскрыл, как на самом деле работает «планирующая система», которая является ядром постиндустриальной капиталистической экономики. Высмеял сказки о свободной конкуренции. Например, крупнейшие корпорации американского ВПК, по Гэлбрейту, лишь по вывеске являются частными. Весь оборотный капитал им предоставляет государ-

ство». Администрация США стратегически распоряжается активами высокотехнологичной промышленности, благословляя слияние одних корпораций и запрещая унию других, которая не впрок государству («НГ». 17.09.98).

Сильнейший удар по «экономике финансовых пузырей» нанес выдающийся американский мыслитель, экономист и политический деятель Линдон Ларуш. Он наметил путь для перехода от финансовой экономики — к физической экономике.

Ларуш обратил внимание на то, что, по данным официальной статистики, производство в США растет, тогда как в физическом выражении оно давно уже сокращается. Между тем, по его убеждению, *«экономика по сути своей является физической экономикой, и никогда более деньги не должны быть чем-то большим, чем средством для стимулирования производства и физического распределения вновь созданных реальных товаров... Настоятельная необходимость истинного экономического возрождения побуждает нас с самого начала исходить из принципов физической экономики, полностью подчиняя им финансовую и монетарную практику»*, тогда как в современной жизни финансисты подчинили себе реальных производителей.

Решив отыскать корни такого несоответствия здравому смыслу и Божественным законам, как они формулируются во всех традиционных религиях, Ларуш установил, что с давних пор в мире идет борьба двух основных направлений в экономической теории.

Идейное обоснование физической экономике дал Платон, его последователями были Николай Кузанский, Леонардо да Винчи. Как науку, ее основал Готфрид Лейбниц. Его линию продолжали Кольбер во Франции, Бенджамин Франклин, Александр Гамильтон, сын и отец Кэрри в США, Фридрих Лист в Германии, в послевоенное время — де Голль во Франции и Аденауэр в Германии.

Этой линии противостоит другая, монетаристская, идущая от Аристотеля и венецианских купцов и развивавшаяся Декартом, Локком, Кэнэ, Юмом, Смитом, Риккардо, Мальтусом, Марксом, «Римским клубом» вплоть до авторов концепций современного «постиндустриального общества». Как политическая экономия она служит выражением интересов британской плутократии. Их выразитель граф Шелбурн во время прогулки в карете проинструктировал Адама Смита относительно программы по одновременному проведению разорительной экономической политики как во Франции, так и в английских колониях в Северной Америке. Основные положения этой программы впоследствии стали тезисами главной книги Смита «Исследование природы и причин богатства народов».

Монетаристы видят смысл экономической науки лишь в стремлении «купить подешевле и продать подороже». А в наши дни они не останавливаются перед такими решениями, которые оплачиваются жизнью и страданиями миллионов людей, а в оправдание своей преступной политики сочиняют теории глобального потепления, экологической катастрофы, пределов роста и пр. А физическая экономия делает акцент на производстве, основанном на непрерывном технологическом прогрессе и на развитии экономики как составной части эволюции научного знания в целом, включая естественные и технические науки. Человечество спасет только экономическая политика быстрого роста на базе науки как двигателя экономики. И критерий эффективности экономики — вовсе не денежный.

В данной главе я поясню лишь главную мысль физической экономики Ларуша — Римана.

Когда первые колонисты высадились в Северной Америке, они застали там туземцев — охотников и собирателей. Тогда для прокорма и обеспечения жизни одного человека требовалась громадная территория. Если бы не существовало роста экономики труда, население Земли составляло бы не более 10 миллионов человек, живших в полной нищете. Рост господства человека над природой (а значит, и технологический уровень общества) легко измерить через уменьшение площади обитаемых земель, необходимых для поддержки существования одного среднего человека. Эта мера применима ко всем экономическим формациям, безо всяких упоминаний о больших различиях и их культурах и структурах общества в целом.

Исходя из показателя плотности населения (с учетом различий в плодородии, с учетом незаселенных пространств и пр.), Ларуш создает целую систему показателей физической экономики, которые позволяют объективно оценить уровень и динамику развития народного хозяйства любой страны. О них будет рассказано в следующей главе.

Большим шагом вперед в экономике Запада стало появление корпоративных государств, в которых частная собственность на средства производства не отменялась, но предприниматели обязаны были вести свое дело в соответствии с установками государства. Опыту таких государств была посвящена моя работа, печатавшаяся в нашем журнале. Но все же и в корпоративном государстве частный собственник стремился соблюсти прежде всего свою выгоду, и от него часто приходилось откупаться повышенной платой за его продукцию.

В полной мере преимущества народного хозяйства СССР перед любыми другими типами экономики проявились в пери-

---

од Великой Отечественной войны. Невиданное по масштабам перемещение производительных сил в первый период войны из западных районов СССР на восток было бы немыслимо в условиях частнособственнической экономики, не говоря уж о том, что оно проходило под непрерывными бомбардировками и городов, где находились заводы, и железных дорог, по которым осуществлялась эвакуация. Благодаря единому народнохозяйственному комплексу СССР, производя первоначально меньше стали, чем нацистская Германия, выпускал значительно больше танков, самолетов и прочего вооружения. А когда потребовалось срочно построить железную дорогу, ведущую к Сталинграду, где решалась судьба войны, и в стране не оказалось нужных для этого рельсов, было принято решение разобрать недавно построенные участки Байкало-Амурской магистрали и направить эти рельсы на новую стройку. И это — ни с кем не согласовывая, не спрашивая ничего согласия, не торгуясь по поводу размеров денежной компенсации, что было бы неизбежно при частной собственности. Когда Сталин, подводя итоги войны, отмечал, что победил в ней не только советский общественный и государственный, но и хозяйственный строй, он был совершенно прав. Более того, именно народнохозяйственный комплекс, создаваемый на основе геополитических соображений, стал средством укрепления государства. Как признавал сам Сталин, этот комплекс и создавался с таким расчетом, чтобы ни одна из союзных республик не могла выйти из состава СССР, не оказавшись с неполноценной экономикой. Это предупреждение было забыто политиками, которые так легкомысленно разрушили СССР.

Сталин говорил о преимуществах социализма перед капитализмом. Но дело не просто в социализме. В ведущих странах Западной Европы сейчас уже воцарился социализм, в смысле материальной обеспеченности трудящихся часто превосходящий тот уровень, который был достигнут в СССР. А народного хозяйства там по-прежнему нет, ибо перешагнуть через принцип «священной и неприкосновенной частной собственности» на Западе невозможно, даже если от этого принципа остается одна видимость. Значит, дело не вообще в социализме, а именно в Советском строе, который есть величайшее наше завоевание всемирно-исторического значения.

Это не означает, что в СССР был создан идеальный хозяйственный строй. Сама практика планирования страдала большими недостатками. С одной стороны, балансов по отдельным видам продукции составлялось недостаточно, а с другой — централизованно планировалось все — от количества выпускаемых канцелярских резинок до числа подлежащих похоронам покойников.

Экономика СССР никогда не была ориентирована на удовлетворение потребностей рядовых граждан. Даже деятельность Министерства легкой промышленности была подчинена не удовлетворению конкретных потребностей населения, а выполнению плана «по валу», заданий государственного бюджета, интересам самого ведомства. Советская оборонная промышленность творила чудеса, создавала непревзойденные образцы чудооружия, но продукция, производимая для населения, была страшно далека от мировых стандартов и требований моды. Иметь одежду, обувь и другие потребительские товары высокого качества могли в основном те, кто мог выезжать за рубеж, что крайне отрицательно сказывалось на идеологическом состоянии общества.

Да и настоящей теории народного хозяйства в СССР не было — и не могло быть по очень простой причине. В стране складывались основы Русской цивилизации, а руководство государства, основываясь на догмах марксистско-ленинской науки — «единственно верного учения», было уверено (и уверяло народ) в том, что у нас строится коммунизм.

Тем более не подходит для строительства теории народного хозяйства опыт функционирования экономики в постсоветской России, которая совершила громадный шаг назад в социальном отношении. Особенно сильный удар по экономике нанесла приватизация. Не говоря уж о том, что эта приватизация была жульнической, она и при продаже предприятий по справедливым ценам все равно была бы актом регресса. Ведь при приватизации цельные производственные комплексы раздроблялись, из них вырывались отдельные лакомые куски, а прочие звенья бросались на произвол судьбы. Но и вырванные куски вне комплекса часто оказывались неэффективными. Вот один пример, взятый из опыта приватизации, его уже в то время привел глава Раменского района Московской области Владимир Демин: *«Вот есть у нас в районе комбикормовый завод. Еще мы имеем птицефабрику и свиноплекс. Но куры не получают комбикорм, свиньи его тоже не видят. Хоть сам завод до краев затарился продукцией. Но он не желает поступиться принципами и снизить на нее цену. Потому как приватизирован и ему никто не указ. А был бы государственным — поросята бы наши были с комбикормом, а район — со свининой. Внутри района решить проблему не удастся»* («МК». 31.08.98).

Один из самых вдумчивых исследователей современной экономики, побывавший в ведущих странах Запада, профессор Владимир Персианов отмечает: ни у нас, ни на Западе нет теорий экономики, адекватных современным условиям. Повсюду

экономика движется без руля и без ветрил, несмотря на потоги различных центров, претендующих на управление мировыми процессами. Либерализм, основанный на конкуренции, вовсе не нацеливает производство на достижение высокого качества продукции. Вопреки распространенным представлениям о царящей в делах честности, на самом деле всюду сталкиваешься с обманом. Частная собственность предопределяет раздробленность хозяйственного комплекса страны, а каждый стык между звеньями комплекса — это источник потерь. В эти стыки внедряются всякого рода паразиты-посредники, которым и достаются основные прибыли. В общем, рыночная экономика — самая неэффективная. А нужно такое устройство хозяйства, при котором достигается явление резонанса, гармонии всех звеньев.

В последние два года президентства Владимира Путина были сделаны некоторые шаги по возрождению в России народнохозяйственного комплекса. В частности, начато создание государственных корпораций, представляющих собой некоторое подобие сталинских министерств. Однако эти островки государственного хозяйства пока еще тонут в океане частных фирм — от гигантских нефтедобывающих корпораций до индивидуальных предприятий с единственным хозяином и работником. Путин еще в начале своей государственной деятельности поставил задачу проведения инвентаризации всего, что имеет страна, но решить ее оказалось невозможно: частники прикрывают свои грешки «коммерческой тайной» и часто даже не пускают государственных контролеров на свои предприятия. Частники стремятся стать монополистами на рынке своего товара и получить возможность максимально вздуть цены на него. Им всегда выгоднее продать меньше, но дороже, чем больше и дешевле. Поэтому борьба с бедностью, кампании по сдерживанию роста цен при господстве частников обречены на провал.

Поэтому сегодня речь должна идти не просто о восстановлении советской теории и практики развития народного хозяйства, а о достижении качественно нового, более высокого и современного его уровня.

В чем же будут отличительные особенности этого нового учения о народном хозяйстве в условиях становления Русской цивилизации?

Начну с нового соотношения экономики, политики, нравственности, экологии и других составляющих данной проблемы.

Экономика и политика

У нас часто говорят и пишут, ссылаясь обычно на Ленина, что политика — это концентрированное выражение экономи-

---

ки, то есть политика как бы является чем-то производным от экономики. Но Ленин же писал, что политика не может не иметь первенства перед экономикой. Так когда же он был прав? Не складывается ли тут ситуация, которую он сам же высмеивал: «Иван больше Петра, а Петр больше Ивана»?

То, что экономика и политика тесно взаимосвязаны, это очевидно. Но роль их в разных обществах различна.

Западное общество воспитало у своей власти чувство раба. Оно считает, что государство существует для того, чтобы установить законы и следить за их исполнением, или, как говорили прежде, выполнять роль «ночного сторожа», а все остальное сделает «невидимая рука рынка». Права человека (собственника) — это все, и государство нужно для того, чтобы обеспечить их незыблемость. Но в высокоорганизованном обществе связь политики и экономики иная, в большей мере диалектическая. Здесь политика представляет собой ведущее звено, а экономика — ведомое. Государство планирует развитие страны, задавая социальные цели, которые должны быть достигнуты, ставя задачу укрепления обороноспособности страны и пр. А затем определяется, какие экономические ресурсы для этого потребуются. Часто имеющихся ресурсов оказывается недостаточно. И вот тут открывается поприще для экономики: как создать те ресурсы, каких недостает? Как правильно распределить их между отраслями хозяйства, объектами, а также во времени? И т.д., и т.п.

Если говорить о современной России, то **первой задачей, нашей национальной идеей должна стать ликвидация остатков колониального статуса страны и обеспечение ее подлинного суверенитета. Это и есть наша русская, национальная идея современности, и никакой другой у нас сейчас быть не может.** Когда один известный публицист пишет, будто Россия **сейчас** призвана сказать миру новое слово, то отдает ли он себе отчет в том, что страна, находящаяся на положении колонии, может лишь показать другим странам, как не надо строить свою жизнь?

На современном этапе в России только политические задачи стоят на первом плане, а роль экономики — подчиненная им.

Можно ли, например, провозглашать, что приоритет ныне должен быть отдан малому бизнесу, что до 70 процентов самодельного населения в ближайшие годы будут заняты в этой сфере деятельности? Очевидно, это свидетельствует о полном непонимании задач страны. У нас разрушена тяжелая промышленность — основа экономики, стержень, без которого не может быть ни современного производства, ни оборонно-промышленного комплекса, способного производить новейшие виды

вооружений. Предприниматели малого бизнеса — это мелкая буржуазия, разве она может стать опорным классом государства, выбивающегося из положения колонии? Не говоря уж о том, что малый бизнес — это самая коррумпированная сфера экономики, отличающаяся и самой жестокой эксплуатацией наемных работников. Чем крупнее производство, тем выше там уровень социальных гарантий, весомее роль профсоюзов.

Апологеты развития малого бизнеса любят ссылаться на зарубежный опыт. Дескать, в ведущих странах Запада в малом бизнесе заняты две трети населения, они-то и образуют «средний класс» — опору политического строя и залог стабильности в обществе. Миллиардер Андрей Вавилов, бывший заместитель министра финансов РФ, пока избежавший наказания за свои художества на поприще экономики, добавляет: «...основным источником новых рабочих мест, да и вообще основным двигателем быстро растущих экономик в странах Центральной Европы и Балтии являются новые предприятия с числом занятых не более 50 человек».

Но на Западе малый бизнес — это средство предотвращения массовой безработицы, особенно в условиях постиндустриального общества (и, соответственно, вывода промышленности в слаборазвитые страны), а в восточноевропейских странах ЕС — свидетельство разрушения национальных экономик и замены их мелкотоварным производством.

Сторонник создания в России новой промышленной олигархии, член правительства Москвы Андрей Ушаков, явно противореча официальной установке федеральной власти, утверждает: *«Делать конкурентоспособным любой социально значимый продукт в нынешней мировой экономической ситуации мелким фирмам просто-напросто невозможно. Никакое малое или даже среднее предприятие не в состоянии конкурировать с крупным. У нас иногда провозглашают приоритет малого и среднего бизнеса. С кем он будет состязаться? С гигантскими корпоративными площадками? Но это просто невозможно, несуразно, а зачастую глупо...»* («ЛГ», 2007, №12—13).

Конечно, в России нужен достаточный уровень развития малого бизнеса, чтобы он был в состоянии обеспечить обслуживание бытовых потребностей населения. И особенно желательно развитие малых фирм, занятых инновационной деятельностью, но творцов нового всегда немного. Поэтому в малом бизнесе в лучшем случае может быть занято до 20 процентов населения, и его развитие — вовсе не магистральный путь развития экономики. И таких примеров несоответствия планов власти объективным потребностям и первоочередным задачам

страны множество. А неправильная постановка политических задач всегда больно ударяет по экономике.

Но главное — то, что неизменно подчеркивали патристически настроенные деятели России: «...экономическая деятельность общества — всего лишь условие для реализации каждым человеком своего духовного и физического потенциала».

Экономика и нравственность

Моя деятельность публициста началась со статьи «Нравственность экономики», напечатанной в 1981 году. Замечу, что это был первое в СССР выступление на эту тему (оно и понятно: со времен Ленина считалось нравственным все то, что способствует победе коммунизма). С того времени я неизменно отстаивал ту мысль, что развитие экономики должно быть подчинено нравственным началам, без этого экономика превратится в теорию и практику разорения страны (что, увы, не раз подтверждалось опытом хозяйственного строительства в СССР).

Воцарившаяся в РФ убудочная рыночная экономика и началась с безнравственных деяний — контрреволюционного государственного переворота и воровской приватизации, и продолжает функционировать, пренебрегая всеми нормами нравственности. И все же времена меняются, и все чаще раздаются голоса, требующие нравственного подхода к экономическим явлениям.

На редкость сильную статью о пагубных последствиях отрыва экономики от нравственности написал ученый-психолог Александр Юрьев. Отмечая массовые проявления безнравственности в нашей жизни, связанные, по его убеждению, с пороками экономической теории и практики, он задается вопросом: *«Следует ли рассчитывать на то, что здоровая экономика породит нравственное поведение? А может быть, нравственное поведение — условие появления сильной экономики?..»*

Социологи и политологи основательно исследовали жизненные ценности, которые сегодня представляются нашему народу более или менее актуальными. В этот список входят: семья, безопасность, достаток, закон и т.д. Предполагается, что они могут быть обреты путем интенсивного применения инструментов власти и денег. Однако на практике такой образ действия лишь ухудшал жизнь людей.

В том-то и дело, что в действительности жизненные ценности вторичны по отношению к первичным, высшим человеческим ценностям».

Ученый констатировал неопровержимый факт: американцы создали свой, американский образ жизни: «США стали законодателями мировых мод на дороги, компьютеры, небоскребы, кинофильмы. Американцы потратили огромные усилия на создание комфорта, быстрого обслуживания, доступного транспорта, удобной одежды, дежурной улыбки. Все это пришлось принять нашей стране вместе с массовой автомобилизацией, памперсами, прокладками, аэробикой и многим другим — пришлось принять, потому что наши стандарты не выдержали конкуренции с американскими». А ведь «за образом жизни стоит высшая ценность, которая дает силы делать невозможное...».

Пренебрежение нравственными сторонами экономики может, по мнению ученого, обернуться угрозой гибели государства: «У России есть альтернатива: или выживать за счет эффективного использования своих ископаемых ресурсов, или жить на свои человеческие ресурсы. Правда, для этого последние должны быть конкурентоспособны с человеческими ресурсами других стран... Нет необходимости изобретать список нравственных ценностей, которые формируют современный образ жизни. И если в России этим никто не будет заниматься, то нам придется или довольствоваться хаосом в поведении сограждан, или заимствовать чужой образ жизни. Очевидно, что перед Россией стоит проблема собственных нравственных стандартов образа жизни».

Изменение государственного строя и способа производства должно порождать «новые модели трудовой мотивации. Именно в этом основа подавляющего преимущества западных производителей над Россией, эксплуатирующей устаревшую модель мотивации к труду без всяких изменений уже много лет. Нашим работникам до сих пор предлагают такую же мотивацию к труду, какая существовала при Иване Грозном и при Сталине, в лучшем случае — систему Тэйлора, изобретенную в США в конце XIX века. И работают они — соответственно».

Таким образом, перед страной, если она намеревается сохранить свое положение в мире, стоит задача разработать новую систему побуждения к труду... Вывозить сырье и деньги за рубеж оказалось много проще, чем ломать голову над нравственными механизмами трудовой деятельности. Но сохранить свой человеческий облик народ может только в процессе производительного труда. Незанятость страшна не только тем, что у людей нет средств к существованию, но и тем, что без труда разрушаются высшие психические функции, которые делают человека человеком. Эту нравственно-политическую проблему предстоит решить лидерам нашей страны».

Трудно отрицать, что в стране отмечаются многочисленные случаи вандализма, но с ними борются административными

мерами, не вникая в нравственные корни этого явления. А по убеждению А.Юрьева, «причиной всех видов вандализма является утрата веры в существование и значимость высших нравственных ценностей. Массы людей в России не верят никому и ничему, они считают, что весь мир враждебен им, что им в этом мире ничего не принадлежит. Поэтому они и разрушают все вокруг себя. Ни сила, ни деньги не могут быть эффективны в управлении этой частью общества. Поэтому основные усилия общества и государства должны быть сосредоточены на возвращение людям веры, сила которой многократно превосходит власть денег и оружия...

Никогда ранее Россия не была так бедна на философские разговоры, которые побуждают к служению обществу на поле боя, в труде, в науке...

Из-за этого гуманитарного вакуума, вакуума в области фундаментальных основ жизни, в обществе распространяется понимание счастья как чувства высшего довольства чем-либо. Поэтому усилия множества людей, огромные средства и силы тратятся на поиск плотских наслаждений. Гуманитарный вакуум необходимо преодолеть, а для этого — распространить представление о том, что счастье есть переживание полноты бытия, связанное с самоосуществлением. Это должно понимать государство, задача которого — раскрепостить граждан и дать им возможность раскрыть свои лучшие качества» («НГ». 05.04.2000).

В предыдущей главе говорилось о связи экономики и современных острейших экологических проблем. Видный деятель экологического движения в России Святослав Забелин отмечает нравственную (точнее было бы сказать — безнравственную) сторону этой связи, обесчеловечивающей нашу жизнь: «Сегодняшняя экономическая парадигма, или сегодняшний позыв существования человечества, вообще говоря, не предназначен для воспроизводства человеческой жизни. Что сегодня имеет стоимость? Вообще говоря, две вещи — товар и труд. Человеческая жизнь и здоровье никак и никем не оценены. Экономика, естественно, производит товары и сегодня заинтересована в том, чтобы производить как можно больше товаров, которые рано или поздно становятся отходами и загрязнителями окружающей среды... Развитие человечества ориентировано на это. Эта экономика заинтересована в том, чтобы как можно меньше платить за труд, как можно меньше привлекать его, что совершенно неизбежно порождает безработицу и неприкаянность гигантских масс человечества. Эта экономика порождает колоссальный парадокс: каждый трудящийся как производитель материальных благ (а это большинство человечества) одновременно является загрязнителем, и зарплату он получает за то, что загрязняет окружающую среду...

Задача в том, чтобы заставить экономику работать на воспроизводство человеческой жизни...»

Экономист О. Пчелинцев в статье под говорящим само за себя заглавием «Пожиная плоды вздорных теорий» («НГ-политэкономия», 1998, №7) утверждал: *«...необходим серьезный пересмотр самих основ экономической науки: вместо противопоставления экономических ценностей социальным и нравственным упор должен делаться на их взаимодополняемость. Лозунгом дня должен стать союз экономики и этики».*

Но он не ограничился только этой декларацией, а переводил разговор о связи экономики и нравственности в практическую плоскость. Прежде всего, он отметил изменение капитализма в сторону все большего паразитизма: *«...сам капитализм сегодня сильно изменился. Отношения на мировом рынке все больше напоямируют сейчас ту пору раннего капитализма, когда в экономике доминировал не промышленный, а торгово-ростовщический капитал. Объем спекулятивных операций на финансовых рынках в десятки раз превышает объем операций по обслуживанию реального сектора. Поэтому именно спекулятивный (фиктивный) капитал определяет сегодня динамику мировой экономики».*

Другие идеи О.Пчелинцева будут рассмотрены в следующей главе.

Политолог Александр Дугин связывал нравственные и социальные начала экономической деятельности: *«Социализм изначально по своей структуре и во всех своих разновидностях отказывался признавать имманентную логику развития экономических факторов высшим нравственным критерием. Такие неэкономические понятия, как «справедливость», «равенство», «солидарность», «коллективность», «общественное бытие», лежат в самой основе социалистического мышления. И процесс экономического роста, эффективность хозяйственных механизмов играет здесь важнейшую, но всегда вспомогательную роль. Эта сторона жизни призвана лишь служить инструментом для достижения нехозяйственных, нравственных задач. Поэтому само сопоставление чисто экономического эффекта либеральной и социалистической модели заведомо бессмысленно. Социализм для его сторонников лучше не потому, что он эффективней, но потому, что он справедливее, нравственней, идеальней».*

О необходимость нравственных основ экономической деятельности говорят и представители Русской Православной Церкви. Выступая на открытии VII Всемирного Русского Народного Собора в Москве, посвященного теме «Вера и труд: духовно-культурные традиции и экономическое будущее России», патриарх Московский и всея Руси Алексей II выразил убеждение,

---

что «будущее — за идеалами справедливого и высоконравственно-го общества...». В выступлениях на соборе и в его итоговых документах подчеркивалась необходимость нравственных основ во взаимоотношениях труда, капитала и государства.

Все это дает основание полагать, что с устранением власти либералов идея о необходимости построения экономики на нравственных основаниях станет общепризнанной, общество уже к этому выводу подготовлено.

Момент истины для российской власти

Не бывать бы счастью, да несчастье помогло. Неизвестно, сколько времени российская власть еще пробавлялась бы либеральными иллюзиями, если бы не нападение Грузии на Южную Осетию в августе 2008 года. События еще у всех в памяти, так что напоминать их нет смысла, но обращаю внимание читателей на один момент, о котором никто ни разу даже не упомянул. На мой взгляд, нашу власть поразило то, что Запад молчал, пока грузины уничтожали поселения осетин. И лишь когда Российская армия дала отпор грузинским головорезам, там поднялись крики негодования и посыпались угрозы всяческих санкций против нашей страны. И ни одна страна в мире в то время не поддержала Россию. На горизонте замаячила угроза международных санкций против России, которые могла бы ввести ООН.

Вот тут-то, видимо, нашу власть поразило шок. В обычной обстановке мы могли бы не бояться блокады, сейчас не 1918 год, в мире, кроме Запада, есть и другие центры силы. Есть Китай, Индия, Бразилия и много других стран, которые не послушают диктата НАТО и с удовольствием и выгодой продадут нам любой товар. Но в случае введения международных санкций с нами не будет вести торговлю никакая страна — член ООН (незаконные поставки не в счет, ими большую страну не обеспечишь). И что же мы имели бы в таком случае?

Современной промышленности у нас нет, даже электронную начинку для наших самых совершенных видов оружия мы вынуждены приобретать на Западе. Наша армия воевала в Грузии устаревшим оружием, и производить новейшее вооружение мы пока в состоянии преимущественно в виде опытных образцов.

Наше сельское хозяйство полностью развалено, половину (а в крупных городах — и больше) продовольствия мы получаем по импорту, в случае прекращения которого в стране начнется голод.

Уничтожена отечественная фармацевтическая промышленность, и блокада означала бы прекращение поступления ле-

---

карств, а следовательно, рост числа больных, возможность появления эпидемий, массовую смертность.

Наши финансы расстроены, и их резервы размещены в ценных бумагах США, которые власть этой страны очень легко может заморозить или конфисковать.

К тому же не секрет, что деньги значительной части нашей правящей элиты хранятся в западных банках, и виллы наших олигархов и коррумпированных чиновников расположены в самых благоприятных для жизни местах стран Запада. Могут ли эти люди служить интересам Родины в критический момент нашей истории?

И таких неприятных для власти сюрпризов оказалось более чем достаточно.

Наверное, впервые за всю постсоветскую историю России ее власть, увидев подлинное состояние страны, почувствовала проистекающую из этого опасность для самой власти. И приходится ей срочно распрощаться с теми химерами, которыми кормили ее либералы.

Началось переосмысление ситуации с политической сферы. Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии, тем самым бросив вызов Западу, что может обернуться непредсказуемыми последствиями. Усилилась международная напряженность, стали вероятными вооруженные конфликты разного масштаба, а значит, надо укреплять Вооруженные силы страны (которые в нынешнем своем состоянии, по мнению некоторых журналистов, правильнее называть Разоруженными силами РФ), увеличивать оборонные расходы, сокращая, по возможности, прочие.

По счастью, изоляции России не получилось. Первым одобрил действия России в Южной Осетии президент Сирии, которая нуждается в российском оружии и вообще в укреплении связей с нашей страны. Саммит Шанхайской организации сотрудничества в Душанбе подтвердил приверженность принципу неизблемости территориальной целостности государств, что понятно. В каждом из государств — членов ШОС есть свои сепаратисты. Китай не признает отделение Тайваня, борется с сепаратистами в Тибете и в Синьцзяне. В Казахстане северные районы населены преимущественно русскими, и что делать, если они тоже захотят отделиться и присоединиться к России? Ну, а о других государствах Центральной Азии и говорить нечего, там борьба с сепаратистами часто принимает форму военных операций. Казалось бы, признание со стороны ШОС принципа территориальной целостности играет на руку Грузии, однако саммит нашел гибкую формулировку, одобряющую действия России. Следовательно, России на данном этапе изоляция не грозит.

Но ведь ситуация в мире после признания Россией независимости Абхазии и Южной Осетии изменилась необратимо, и господству либералов в российской власти пришел конец.

А значит, дело скоро дойдет и до экономики, до состояния ее теории и практики. Естественно, возникнут вопросы: кто развалил экономику страны, ее отдельные отрасли и важнейшие предприятия, кто грабил общественное достояние. И виновных назовут по именам. Ждать осталось недолго.

Автаркия или открытость?

СССР значительную часть своей истории провел, находясь в блокаде. Его внешнеторговые связи часто оказывались необходимыми для выживания страны, но невыгодными для нее, кабальными. Все это породило у многих советских граждан (ныне россиян старшего возраста) стремление к автаркии. Пока она была вынужденной, с ней приходилось мириться. Но когда она продолжалась по инерции, это причинило стране огромный вред.

Чем большевики привлекли на свою сторону крестьянство в 20-е годы? «Лампочкой Ильича» — высшим достижением современных технологий, власть дала его простому человеку.

А в 30-е годы — чем она удивляла народ? «Лестницей-чудесницей московского метро», которая свидетельствовала о силе нового строя, его достижениях на ниве потребления.

Человек должен почувствовать, что он — на соответствующем его положению уровне — может пользоваться услугами мировой индустрии потребления.

Самодостаточность экономики страны не должна выливаться в полную закрытость от мира. А стремление во всем опираться на собственные силы, создавать убогие суррогаты необходимых людям вещей заводило страну в тупик.

Люди всегда были потребителями — и в нэп, и при Столыпине, и во времена Бориса Годунова и последовавшей за этим Смуты. «Все бо боярствоваху в то время», — писал Авраамий Палицын, когда каждому, имеющему деньги, стало доступно все, и посадский ходил в расшитом золотом одеянии, будто он боярин.

Почему рухнула «идеальная» советская система? Одна из причин — в том, что пытались все делать сами, «догнать и перегнать!» по всем направлениям. Мы не участвовали полноценно в международном разделении труда, а создали «свой глобус», на котором существовала только одна страна — СССР.

Запад, конечно, всегда был враждебен России, но выгоды от торговли с ней понимал и возможностью получать прибыль не

пренебрегал. Но принятая большевиками химера построения коммунизма сделала всегдашнюю вражду Запада к нашей стране особенно острой. Не будь этой «добавки» — Запад завалил бы нас дешевым ширпотребом. А мы, в свою очередь, нацелили бы на Запад не одни свои ракеты, а весь арсенал технических и культурных достижений.

Когда-то на Западе была в ходу идея, идущая, кажется, от маркиза де Кюстина: «Русские ничего не изобрели, но все взятое в Европе усовершенствовали». Этим европейцы хотели нас унижить, а нечаянно признали наше неизмеримое превосходство. Только тот, кто умнее и талантливее, может усовершенствовать самые высокие достижения Запада. Талантливый человек может усовершенствовать самую хитрую вещь даже не потому, что ему это нужно или принесет выгоду, а просто из любопытства или озорства. И в этом, между прочим, заключается и историческая миссия советской цивилизации. Не изобретать, а усовершенствовать все самое лучшее и распространить на все сферы жизни и максимально большее пространство. Вот чего больше всего боятся наши конкуренты!

Мы, если захотим, можем обеспечить всю Землю благами высшего качества, тогда как ТНК и вообще Запад, ориентирующиеся не на потребности людей, а на платежеспособный спрос, в состоянии удовлетворить лишь требования элиты. Мы ведь и Россию вытянули из аграрной цивилизации в индустриальную, и прежде отсталые союзные и автономные республики подтянули до своего уровня.

Мировым лидером станет тот, кто первым выработает новую идеологию, а для этого ему надо первым увидеть будущее, стать первым человеком XXI века.

Миссия России — в том, чтобы, взяв все достижения — свои и чужие, употребить их на пользу всему человечеству на основе справедливости. Ясно, что Запад даже и подумать не может о подобной миссии!

Еще Сократ говорил: *«Управлять могут только те, кто думает о благе всего полиса, а не о личном благе»*. Остается распространить этот принцип с полиса на планету — и вот почему только Россия сможет стать мировым лидером в XXI веке.

Но для этого нам нужна обезоруживающая мощь великой державы.

Начало правления Ельцина в РФ ознаменовалось беспрецедентной открытостью страны для капитала, жуликов и разведчиков Запада. Иностранцы скупали за бесценок российские предприятия, агенты ЦРУ США беспрепятственно посещали любые объекты, в том числе и оборонные, вывозили секретные

наши технологии, создавали у нас на будущее шпионские и идеологически враждебные нам центры. Отмена таможенных пошлин привела к тому, что иностранный капитал захватил не только внешние, но и внутренний рынок России, что привело к гибели российской промышленности и сельского хозяйства, засилью низкопробных произведений западной массовой культуры в сфере нашей духовной жизни.

Так какое же должно быть народное хозяйство Новой России, должно оно основываться на принципе автаркии или открытости?

Начнем с того, что автаркии сейчас у нас не получится физически. После распада СССР за пределами России остались крупнейшие месторождения марганца, урана, хрома, молибдена и многих других полезных ископаемых, а также важнейшие промышленные предприятия (такие, как днепропетровский «Южмаш»).

Да и не нужно все делать самим, но и не надо скатываться до индустриальной монокультуры (как Швейцария — развитая страна, а производит только отличные часы, отменный сыр и надежные банковские услуги). России необходимо иметь собственное производство стержня индустрии — первоклассные металлургию и машиностроение, современные информационные технологии и нанотехнологии, агропромышленный комплекс, обеспечивающий собственные потребности в основных видах продовольствия и пр., а то, что производить у нас на мировом уровне не получается, лучше закупать за границей. А где критерий — что получается, а что нет?

Русским удастся то, что служит глобальным задачам, но мы всегда были и, видимо, останемся слабы в том, что касается потребностей частной жизни, когда они ставятся выше общественных.

Наши грузовые автомобили («КамАЗы» и пр.) были вполне конкурентоспособны на мировом рынке, а легковые никогда мирового уровня не достигали (если не брать машины, создававшиеся для членов Политбюро, — там деньги не считали). Во всем мире возникла мода на русское, когда СССР добивался великих достижений общечеловеческого значения. Полетел Гагарин в космос — и на всей планете большим спросом пользовались майки с портретом первого космонавта или с изображением серпа и молота. Но Россия никогда не была законодательницей моды — в одежде, обуви, косметике и т.п., на это сетовал еще современник Петра I Иван Тихонович Посошков.

Нельзя быть сильным во всем. Надо делать свое дело, занимать свою нишу в мировом производстве, а недостающее заку-

---

пать за рубежом, но зорко следить при этом за тем, чтобы основа экономики была у нас собственная и находилась на должной высоте.

Человеческий фактор народного хозяйства

Не следует думать, что народное хозяйство любого типа можно построить в любой стране. Оно должно соответствовать духу и менталитету народа.

Выше говорилось, что для создания экономики западного типа требовался определенный тип человека — «экономический человек», «homo oeconomicus». Но русский человек никогда не был (и, надеюсь, не станет) «экономическим человеком». Великорусская народность зародилась, когда славяне с плодородных почв юга Киевской Руси пришли на подзолы Суздальской земли. Здесь им пришлось вести подсечное земледелие, переходя с участка, утратившего плодородие, на другой, то есть вести полуоседлый образ жизни. Вскоре им пришлось вплотную столкнуться с кочевниками Орды, Владимиро-Суздальская Русь стала улусом величайшей в мировой истории империи Чингисхана. Первый же великий князь Владимирский, получивший ярлык на княжение от Батые, а вскоре ставший его побратимом, Ярослав Всеволодович, участвовал в курултае в Каракоруме, избиравшем великого хана, для чего ему пришлось проехать многие тысячи километров. Русских людей, повидавших полсвета, невозможно было привязать к своему огороду. Русские стали народом-первопроходцем. Вот как об этом говорит ученый геолог и политик, академик РАЕН Владимир Полеванов, сумевший увидеть героизм как нашу народную черту, изучая невиданный по темпам освоения пассивный порыв русских в их «собрании земель» и движении «встреч солнцу».

Русские, начав освоение Сибири походом Ермака, уже через 58 лет достигли берега Тихого океана, пройдя более десяти тысяч километров в невероятно сложных природных и иных условиях. *«А за три с половиной века, минувших с тех пор, русские стали нацией первопроходцев и навсегда выработали это мироощущение. Мы приобрели уникальные качества. Это универсализм и цельность, изобретательность, неприхотливость, глобализм свершений, сплоченность в минуты опасности, открытость, терпимость и необычайная широта характера. Мы по праву стали великим народом.»*

Именно потому, что мы — нация первопроходцев с великой культурой, историей, великим народом с неистраченным еще духов-

---

ным, научным, образовательным потенциалами, нам по мироощущению претит монотонная, нетворческая, конвейерная работа. Здесь незаменимы японцы и западноевропейцы. Не случайно конвейер изобретен на Западе, а у нас изобретена ракета...

Для великого народа нужны великая цель и великие дела!..»

Именно те качества, которые русский народ проявил в этом многотысячекилометровом марше, не только позволили ему создать великую империю, но и предопределили первостепенную роль, какую ему предстоит сыграть в будущем: *«Мир вплотную подошел к изменению парадигмы развития. Планета Земля уже не может выдержать нагрузку в шесть миллиардов людей. Человечество должно либо резко сократить свою численность (что невозможно), либо изменить характер цивилизации. И здесь на повестку дня встает проблема освоения и колонизации космического пространства. Проблема эта как будто специально создана для русской нации с ее мироощущением первопроходцев и набором уникальных человеческих качеств... Эта уникальная, «неконвейерная» работа особенно близка русским... В обстановке космических станций как никогда кстати пригодятся коллективизм и общинные привычки русских...»*

Колонизация и освоение космоса является непосредственным продолжением первопроходческих традиций русского народа, к которым он подготовлен всей своей историей».

Даже такой русофоб и антисоветчик, как Александр Янов, признает: *«Русский народ — один из самых талантливых в мире, если не самый талантливый».*

Если есть какая-то идея и ее нужно претворить в жизнь, тут с англосаксами никто не идет в сравнение. Если нужно реализовать идею на высоком технологическом уровне, то немцы вне конкуренции. Но если речь идет о том, чтобы нечто изобрести, то это, конечно, русские. Вот вам разница между тремя культурами».

Мир сейчас вступил в постиндустриальную эру, когда талант становится важнее усидчивости, пуританского трудолюбия, в котором мы не можем соперничать с немцами или японцами. Но сейчас настает наша эра. Если бы удалось поставить на ноги Россию, то она будет иметь все шансы выйти вперед и стать не просто великой державой, а державой, которая опережает других» («Россия», 1992, №26).

Еще Михаил Пришвин высказывал подобную же мысль, а молдавский писатель Ион Друцэ называл русских специалистами по невозможному.

Вот с каким человеческим материалом можно приступать к созданию подлинного народного хозяйства.

Однако надо иметь в виду, что наш народ, проживший почти четверть века в обстановке разрушения страны, тотального воровства и пропаганды паразитического строя жизни, во многом утратил эти свои генетические качества. Вот лишь одно свидетельство тому — суждения профессора Никиты Покровского, который изучал такое явление, как «челночество», индивидуальную внешнюю торговлю: *«Мечты о свободе обрели реальность. Никто никому не подчиняется. Это настоящая русская вольница — безналоговая, анархическая, хмельная, с «матерком», а где и с «пером». Да, разумеется, не все в народе торгуют. Но именно «челночество» стало современной формулой экономического производства на Руси...»*

Да, это воля, свобода — великолепно. Но как поведут себя эти «челноки», когда потребуются впрягаться в общую упряжку, чтобы восстанавливать народное хозяйство страны? Профессор смотрит на эту часть народа пессимистически:

«Переход из рабочих и крестьян в «челноки» более чем облегчен... Переход в обратном направлении практически невозможен. Вследствие многих причин «челнок», законное дитя анархической стихии, теряет способность к дисциплинарному труду — теряет навсегда. Наступает почти наркотическая привязанность к разудалой и рискованной жизни, из которой нет пути к цивилизованному производительному труду» («НГ-сценарии», 1997, №13).

А ведь «челночество» — это еще не самое опасное проявление деградации трудовых ресурсов. Тут еще и потеря квалификации за годы вынужденных занятий работой не по специальности ради выживания, и алкоголизм, и наркомания, и многое другое. Отчасти тут может выручить такая черта русской «служилой психологии», как относительное равнодушие к области труда: нам где бы ни работать, лишь бы труд шел на пользу Отечества. И все же нельзя закрывать глаза и на эту трудность.

Первоочередные меры по восстановлению народного хозяйства

Все это хорошо — теория, идеология... Но вот либералы свергнуты, экономика разрушена, страна окружена врагами. Как же конкретно приступить к восстановлению народного хозяйства. С чего, с каких мер начать эту немислимо тяжелую работу?

Это зависит от того, при каких обстоятельствах будут устранены либералы, будет ли это эволюционный процесс вытеснения их из власти или же оно произойдет взрывом.

Если процесс будет эволюционным, то он будет сопровождаться постепенной советизацией нашей жизни. Значит, поэтапно будут восстанавливаться элементы народнохозяйствен-

ной инфраструктуры. За созданием государственных корпораций последует образование частными фирмами вертикально интегрированных холдингов, охватывающих все стадии производства, всю технологическую цепочку — от добычи сырья до реализации готового продукта. Пока в России перешли к формированию государственного бюджета на три года, исходя из необходимости решения поставленных социальных задач. Затем делаются прикидки на десять лет, а это уже делает необходимым восстановление планирования производства. И так, шаг за шагом, еще в недрах нынешнего строя, в течение переходного периода будут создаваться и другие предпосылки для восстановления народного хозяйства, и оно будет происходить в ша- дящем режиме.

Но если либералы будут до последнего цепляться за власть, их свержение произойдет путем взрыва и победители застанут одни лишь руины экономики, то месть разрушителям будет страшной, а для восстановления народного хозяйства потребуются весьма жесткие меры.

Эти соображения, по-настоящему, надо рассматривать лишь как введение к капитальному труду...

Ну, что ж, мне, кажется, можно, перефразируя Пушкина, сказать: «Я классицизму отдал честь: Хоть поздно, а введение есть».

Но я вовсе не собираюсь ограничиться этим введением. Следующую главу данной работы я начну как раз с рассмотрения конкретных мер по восстановлению народного хозяйства при обоих указанных сценариях развития политических событий в нашей стране.

Продолжение следует

Олег ПЛАТОНОВ

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ГРЯДУЩЕМУ АНТИХРИСТУ

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И ДНЕВНИКОВ)

Организация погрома русских людей. — Методы провокации. — Первые убийства. — Ловушка в Останкине. — Бойня в Белом Доме. — Две тысячи русских мучеников. — Торжество антирусских сил. — «Кровь наша на вас и детях ваших»

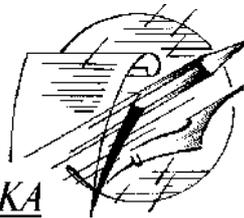
Я лично участвовал во многих горячих событиях 2—4 октября. Поэтому расскажу о них все, что отложилось в моей памяти и о чем свидетельствовали мои товарищи и знакомые.

В субботу и воскресенье 2—3 октября на улицы Москвы вышли сотни тысяч человек. Подавляющая часть русских людей мирными средствами требовала отставки Ельцина. Бывшего президента в те дни поддерживали преимущественно «новые русские», криминальные группы и связанные с ними лица, большая часть евреев и кавказцев и, конечно, интеллигенция малого народа, традиционно призывавшая Ельцина к погрому русских людей. Еврейские финансовые кланы, обогатившиеся на ограблении национального достояния русского народа, выделили большие деньги и своих боевиков на подавление народного сопротивления преступному, антиконституционному режиму. Достоверно известно, что в расстре-

---

Продолжение. Начало в №1-2 за 2007 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ле русских людей в Останкине и у Белого Дома принимали участие бандформирования, организованные на деньги «Группы Мост» Гусинского и банка «Менатеп» Ходорковского. Значительную помощь в подавлении русского сопротивления Ельцину оказали правительства США, Великобритании, Германии и Израиля в виде опытных инструкторов и специальной техники. По секретным данным ФСБ, в октябрьских событиях были задействованы тысячи агентов ЦРУ, израильских спецслужб и еврейской военно-террористической погромной организации «Бейтар»*.

2 октября в загородной резиденции Ельцина Завидово собралось тайное совещание главных руководителей заговора. Кроме Ельцина, Черномырдина, Гайдара, Шумейко и Филатова, на совещании присутствовали начальник охраны Ельцина А.В. Коржаков, комендант Кремля (фактический министр безопасности) М.И. Барсуков, министр обороны П.С. Грачев, министр внутренних дел В.Ф. Ерин, министр иностранных А.В. Козырев, мэр Москвы Ю.М. Лужков, помощник Ельцина Ю.М. Батурин, директор информационного центра М.Н. Полторанин и генерал армии К.И. Кобец, ответственный за вовлечение в государственный переворот армии.

Заговорщики приняли решение штурмовать Белый Дом утром 4 октября. План провокации, которая послужила бы предлогом для штурма, Барсуков поручил разработать командующему внутренними войсками МВД генералу А.С. Куликову, в помощь которому были переданы диверсионные спецгруппы, подготовленные в Израиле. Особая роль отводилась «Бейтару», который курировал доверенный сотрудник мэра Москвы Лужкова Боксер. Планировалось, что «Бейтар» должен был войти в здание Белого Дома сразу же после его взятия частями внутренних войск и армии и произвести в нем «зачистку» двумя террористическими группами. Основные задачи — ликвидация наиболее известных организаторов русского сопротивления, захват документов, позволявших «вычислить» боевое ядро сопротивления, командиров, предпринимателей, поддерживающих борьбу против криминально-космополитического режима.

Одному из главных технических организаторов переворота А.В. Коржакову было выделено несколько десятков «иностранных специалистов», на которых он получил со складов военно-

---

* По данным моих источников, из ФСБ, с середины 1992 года по весну 1993-го в Израиле в учебных центрах «Моссада» и морской разведки проходила диверсионную подготовку большая группа бывших граждан СССР; некоторых из них наша контрразведка видела в октябре 1993 года возле Белого Дома.

технического имущества 50 снайперских винтовок. Этих иностранных специалистов Коржаков разместил на крышах домов возле Белого Дома и по улице Королева в Останкине. «Иностранные специалисты», расставленные Коржаковым на крышах, стрельбой из снайперских винтовок на поражение должны были создать панику среди демонстрантов и защитников Белого Дома*.

3 октября я пришел в район Дома Советов около часа дня. Много фотографировал. Поражало огромное количество милиции и военных, в несколько рядов «прикрывавших» территорию в несколько километров. По моим примерным подсчетам, против защитников законности было задействовано не менее 30—50 тысяч милиционеров и омоновцев не только из Москвы, но и из других городов России. Одних только машин в окрестностях стояло не менее 1000. Имея задачу собрать материал для серии статей о государственном перевороте 21 сентября, я несколько раз пытался поговорить с работниками милиции, предъявляя им свои документы и прося их предъявить свои. Но ни один из них своих документов не показал, как будто состоял в какой-то тайной организации, а не в органах милиции. Разговаривая с ними, я заметил, что от большей части милицейских офицеров сильно пахло водкой. Некоторые вели себя вызывающе нагло. Поняв, что к Белому Дому мне не попасть, я пешком со своим товарищем отправился в сторону Октябрьской площади (я был без машины, а наземный общественный транспорт уже не ходил).

В 14 часов на Октябрьской площади должен был состояться общемосковский митинг в поддержку Верховного Совета и Съезда, разрешенный Моссоветом. К началу митинга площадь была блокирована подразделениями МВД. На митинг собралось несколько десятков тысяч человек. Провокаторам — одетым в гражданское сотрудникам МВД, руководимым, по-видимому, «иностранными специалистами», удалось направить толпу численностью 1000—1500 человек на прорыв умышленно ослабленного оцепления, стоявшего на Крымском мосту. Толпа, увлекая за собой основную массу манифестантов, двинулась по Садовому кольцу. Эту массу демонстрантов я встретил уже на Смоленской площади. Здесь также были сосредоточены большие силы милиции и ОМОНа, построенные в несколько плотных шеренг. Садовое кольцо перегораживали сомкнутые ряды автобусов и тяжелых грузовиков.

---

* По свидетельству источника из ФСБ, эти иностранные специалисты после 5 октября выехали из Москвы по израильским паспортам поездами на Берлин, Бухарест, Вильнюс и Варшаву.

Очевидно, здесь была установлена одна из главных линий обороны от демонстрантов, двигавшихся с Октябрьской площади. Однако, как я понял уже через несколько минут, руководители милиции и ОМОНа не предприняли попыток остановить здесь демонстрацию, а, напротив, как я видел сам, специально заманивали демонстрантов в ловушку. Так как до приближения колонн демонстрантов я стоял на той стороне, где заняли оборону милиция и ОМОН, я лично слышал, как по милицейской рации неоднократно раздавался приказ: «Снимайте посты, отходите в переулки». И я видел, как милиция и ОМОН организованно снимали оцепление и уходили.

Здесь я присоединился к демонстрантам и вместе с ними беспрепятственно дошел до здания мэрии (уже не охраняемое милицией). Только в отдельных случаях какие-то личности курочки не успевшие уехать милицейские машины. Попытки устроить самосуд над подвернувшимися милиционерами сразу же пресекались демонстрантами, в абсолютном большинстве своем настроенными мирно и желавшими только справедливости в восстановлении законного правопорядка в стране.

Около 15.30 от здания мэрии и высотного дома напротив по демонстрантам началась стрельба из автоматов, а также открыли огонь снайперы Коржакова. Обстрел безоружных демонстрантов, по замыслу Куликова, должен был стать поводом для захвата Белого Дома: от мэрии на безоружных людей пошли в атаку автоматчики МВД. Мы увидели первых убитых и раненых (как впоследствии было установлено, возле мэрии было убито 7, ранено 34 человека).

К этому времени на московские улицы в окрестностях Белого Дома собралось, по разным оценкам, от 300 до 500 тысяч человек. Чувствовался высокий духовный подъем и вера в правоту и справедливость своего дела. В плотной людской массе своих потерь мы еще не ощущали. Многими руководило какое-то особое чувство — во что бы то ни стало завершить начатое дело. На это психологическое чувство, видимо, и рассчитывали руководители заговора, консультируемые «иностранными специалистами».

Милиция и ОМОН открыли проход к Белому Дому, организованно сняв оцепление и отведя его, судя по всему, на заранее подготовленные позиции.

Колонны демонстрантов беспрепятственно подошли к Белому Дому, где начался митинг, на котором преобладали ликующие нотки победы.

Когда демонстранты разблокировали Белый Дом и соединились с его защитниками, многие плакали от радости и счастья, целовали и поздравляли друг друга. Большинству казалось, что пришла по-

---

беда и что в столице установится новая власть, отвечающая интересам русского народа. Священники устроили торжественный молебен. Православные истово молились, стоя на коленях.

Призыв Руцкого идти на захват мэрии был поддержан большинством присутствующих, уверенных, что власть в стране вырвана из рук заговорщиков и передана в законные руки.

Примерно в 16.30 толпы демонстрантов, многие тысячи безоружных людей, двинулись к мэрии. Настроены они были мирно и великодушно, скандируя в сторону милиции и ОМОНа: «Переходите к нам!» — и некоторые действительно переходили. Со слезами на глазах демонстранты братались с солдатами. Запомнились взволнованные слова одного из них: «Пусть он будет проклят, этот Ельцин, превративший мою семью в нищих».

Засевшие в мэрии вооруженные люди, одетые в незнакомую для нас форму, то ли боевики Гусинского, то ли «бейтаровцы», обстреляли демонстрантов и бежали через задние двери. Охрану здания от мародеров установил отряд Баркашова. В ответ на попытки провокаторов бить стекла в мэрии демонстранты кричали: «Немедленно прекратите, это же наше!» Как и в предыдущих случаях, милиция и ОМОН организованно отошли. «Взять» мэрию, демонстранты с ликованием вернулись к Белому Дому, где продолжался митинг.

Отошедший от мэрии ОМОН оставил там несколько грузовиков для перевозки личного состава с заполненными бензобаками, а главное — с ключами от зажигания. В автобусе омоновцы «забыли» гранатомет. Позднее выяснилось, что эта забывчивость была запланирована генералом Куликовым и его «иностранными специалистами», чтобы спровоцировать перемещение части манифестантов к телецентру «Останкино». Невольно подыгрывая, Руцкой призвал молодежь «брать Останкино». Я был свидетелем этого призыва, и он меня очень удивил. В первую машину сели генерал Макашов и десять человек, вооруженных автоматами с укороченными стволами, взяли с собой и «забытый» омоновцами гранатомет. Больше вооруженных людей не было. В кузов машин взбирались просто люди из толпы, безоружные. В основном молодые мужчины, но видел я и бородатых стариков, и даже несколько девушек. Одна в «трофейной» милицейской фуражке, явно кокетничала. В некоторые машины залезли даже иностранцы с фотоаппаратурой, возможно, журналисты. В одну из машин забрался и я с товарищем. Машина была забита до отказа. Некоторые сидели друг у друга на коленях. Но все были довольны. Ликовали.

Пока ехали, я еще раз убедился в миролюбии тех, кто собрался «брать Останкино». Около меня — несколько молодых пар-

---

ней, бородатый мужчина (кандидат технических наук), рабочий-слесарь, сотрудник какой-то редакции. Кто-то раздавал домашние бутерброды и пирожки. Разговор был о будущем: «Народное правительстве. Лужкова, Гайдара, Бурбулиса под суд. Создать комиссию по расследованию деятельности бывших ельцинских министров».

Мужчина средних лет, инженер, говорил: «Стою за будущее детей. Не хочу, чтобы мой сын был прислужником, а дочь наложницей у иностранцев». Девушка в милицейской фуражке: «Сегодня программу «Итоги» будет вести не противный Киселев, а Невзоров». Бородатый кандидат наук: «Когда нас соберется много, они сами откроют нам двери». Никто из них не хотел проливать кровь. Колонна машин беспрепятственно прошла по всей Москве. Со стороны милиции не было сделано ни одной попытки ее остановить.

Возле Останкина толпились люди, но было их сравнительно немного, думаю, не более 1000—1500 человек, среди них десятки разных корреспондентов, а еще больше просто зевак, молодежи и детей.

Прибыв в Останкино, мы не знали, что оно еще с утра было занято частями МВД. Незадолго до прибытия первых манифестантов к этим частям присоединилось и заняло огневые позиции спецподразделение «Витязь» под командованием подполковника С.И. Лысюка, ставшее основным исполнителем карательной акции.

Против демонстрантов, прибывших в Останкино с требованием предоставления слова членам Верховного Совета, заговорщики собрали целый полк (480 человек) профессиональных головорезов, вооруженных, как потом выяснила специальная комиссия, 320 автоматами, 12 гранатометами, сотнями пистолетов и шестью БТР с тяжелыми пулеметами.

Люди кучками стояли возле здания телецентра. Обсуждали новости о снятии блокады с Белого Дома. Большинство искренне считали, что преступной власти Ельцина и его «уголовно-еврейскому» окружению пришел конец. Кто-то рассказывал, что Ельцина видели в аэропорту «Шереметьево», откуда самолеты летят в США. «Туда ему и дорога», — крикнули в толпе, и все с радостным облегчением рассмеялись. Среди демонстрантов встречались молодые парочки. Одна из них и мне запомнилась, потому что хорошенькая длинноволосая девушка рядом с рослым парнем была похожа на мою подружку студенческих лет. Стоим возле входа в телецентр, идет оживленная беседа, парочки целуются, генерал Макашов и руководство нашего отряда пытаются вести переговоры. Вход в телецентр закрыт. Та-

---

кое ощущение, что внутри никого нет, полная темнота. Милиции не видно. Макашов пытается дозвониться до начальника телецентра. Полное молчание. Прождав полчаса, Макашов приказывает сломать дверь. Делают это с помощью того самого грузовика, на котором мы приехали. Несколько попыток ничего не дали. Мешает козырек. Иностранцы начинают фотографировать живописную картину. Уже стемнело. Машины включили фары. И тут мы увидели сквозь стеклянные стены, что телецентр полон вооруженных людей в бронежилетах и касках.

Я стоял у входа в телецентр рядом с машиной, которой пытались выбить дверь. Вдруг раздались выстрелы, недалеко от меня упал сраженный наповал молодой безоружный парень, а через несколько минут в машине грохнул взрыв. Ударной волной меня бросило на асфальт. Сильно оглушенный, я стал отползать в сторону. Началась стрельба. Одна из пуль чиркнула меня по волосам, я еще сильнее вжался в асфальт. Автоматные очереди из здания телецентра трассирующими пулями били по безоружной толпе, свистели над головами, многие кинулись на землю, стали отползать, падали убитые и раненые. «Что делают, подонки, народ расстреливают!» — слышу громкий женский возглас рядом. Оглядываюсь — вижу пожилую женщину в очках, прижимающую к себе плакатик с надписью «Останкино — империя лжи».

На асфальте лежали десятки убитых и раненых. На моих глазах ранили девушку с длинными волосами; ее парень, пытавшийся ей помочь, приподнялся и тут же упал рядом с ней на асфальт. Стреляли только со стороны телецентра. Трассирующие, светящиеся пули хорошо видны в темном небе. Ползком и перебежками достигаю безопасного места. Отсюда хорошо видно, что площадь усеяна телами убитых и раненых. Большинство демонстрантов рассеиваются в прилегающем парке и ждут. Через мегафон идут призывы не уходить, постоянно повторяется: «Не уходите, не уходите, от вашего присутствия многое зависит».

Некоторое время ждем поддержки, несмотря на обстрел, народа в окрестностях телецентра становится больше.

Вдруг вижу, как в сторону телецентра направляются несколько БТРов. Многие принимают их за «свои», раздается «ура!». Но БТРы разворачивают пулеметы в сторону демонстрантов и начинают их расстреливать, снова падают убитые и раненые.

Только по официальным данным, в Останкине погибло 68 и госпитализировано с огневыми ранениями 486 чело-

век. На самом деле число убитых и раненых было больше. Боевики «Витязя» отличались особой жестокостью и садизмом. Раненых безоружных людей, находившихся в беспомощном состоянии, они просто добивали. У многих жертв перерезаны вены рук и ног. Среди погибших у телецентра были раненые, раздавленные БТРами. Это подтверждает судмедэкспертиза, есть тому и живые свидетели. Зафиксированы случаи смерти от применения боеприпасов с отравляющими веществами.

Известны случаи пыток и истязаний. Так, мне рассказывали, 3 октября около 21.30 от телецентра в 111-е отделение милиции на Локомотивном проезде была доставлена 19-летняя девушка, студентка 3-го курса Государственного технологического университета с огнестрельным ранением в ногу. Вероятно, это была та самая девушка, на которую я обратил внимание. Судебно-медицинская экспертиза установила, что смерть ее наступила мгновенно около 6 утра 4 октября от пулевого ранения в затылок, при этом на груди — 4 пулевых ранения от плеча до плеча, выбиты зубы, все лицо в ссадинах и кровоподтеках, отрезаны красивые длинные волосы. По описанию в морге, она числилась как женщина 45 лет с седыми волосами. И волосы у нее действительно не могли не стать седыми после такой смерти в 111-м отделении милиции, где как раз и находился штаб спецназа «Витязь».

Поддерживавшие заговорщиков средства массовой информации живо представили события в Останкине как вопиющий акт вандализма и насилия со стороны... защитников Конституции и повод для штурма Парламента. Особенно зловещую роль в распространении этой лжи и нагнетании антипарламентской истерии сыграли председатель ГТРК «Останкино» В.И. Брагин, председатель ВГТРК О. М. Попцов, М.Н. Полторанин, В.Ф. Шумейко, дикторы Н.Сванидзе, С.Сорокина, Т.Худобина, А.Шашков, В.Виноградов, С.Возианов, А.Нехорошев, Т.Миткова, Е.Киселев, а также Г.Явлинский, адвокат А.Макаров, артисты Л.Ахеджакова, Г.Хазанов и другие участники антиконституционного заговора.

Почти всю ночь с 3-го на 4 октября возбужденные кровью представители криминально-космополитического режима и еврейской интеллигенции призывали с телеэкрана к расправе над русскими людьми. Вернувшись около 1 часа ночи из Останкина, я видел, как еврейские политики Гайдар, Явлинский, Немцов с перекошенными от ненависти и страха лицами, похожие на бесов, требовали беспощадно уничтожить защитников Белого Дома.

Тем временем в министерствах внутренних дел и обороны и Генеральном штабе обсуждались последние детали военной части заговора*.

Со стороны МВД руководителями заговора были В.Ф. Ерин (министр), В.И. Панкратов (начальник ГУВД Москвы), А.Н. Куликов (командующий внутренними войсками), П.В. Голубец (зам. командующего внутренними войсками), С.И. Лысюк (командир отряда спецназа «Витязь»), а также генералы МВД В.А. Огородников, Шкирко, А.Баскаев, В.И. Коваленко, В.А. Дурбанеев и др.

Со стороны Министерства обороны и Генштаба в заговоре участвовали генералы П.В. Грачев (министр обороны), К.И. Кобец (зам. министра обороны), Г.Г. Кондратьев, А.П. Ситников, В.Т. Чуранов, Барынькин, Л.В. Кузнецов.

Общая численность войск, участвовавших в государственном перевороте, составляла 67 тыс. человек, в том числе 40 тыс. военнослужащих внутренних войск и МВД, 18 тыс. военнослужащих Главного управления охраны президента РФ, 9 тыс. военнослужащих Министерства обороны. Им были приданы 10 танков, 80 БТР, 20 БПМ, 12 БРДМ, свыше 60 БМД.

На расправу с русскими людьми, защищавшими государственный порядок и законность, заговорщики бросили элитные подразделения Московского военного округа — 2-ю гвардейскую мотострелковую (Таманскую) дивизию (командир В.Г. Евневич), 4-ю гвардейскую танковую (Кантемировскую) дивизию (командир Б.Н. Поляков), 27-ю отдельную мотострелковую бригаду (командир А.Н. Денисов), 106-ю воздушно-десантную дивизию (командир Е.Ю. Савилов), 16-ю бригаду спецназа (командир Е.В. Тишин), 218-й отдельный батальон спецназа (командир В.Д. Кольгин). Кроме армейских частей на расправу с русскими людьми были брошены отряды «Бейтара». Начальник ГУВД Москвы Панкратов по распоряжению Лужкова предоставил «Бейтару» часть БТРов спецназа, деятельностью которого в этих событиях руководил В.Боксер. Конечно, главными военными преступниками в этом деле, кроме Ельцина, были Лужков, Гайдар и Бурбулис. Вели они себя как непримиримые экстремисты.

Их злобная кровожадность пугала даже ближайших сотрудников. Один из свидетелей рассказывал мне, что «в эти дни они выглядели как настоящие параноики».

---

* Многие офицеры и генералы, не желая запятнать честь русской армии, отказались участвовать в заговоре и ушли в отставку. Как мне рассказывал бывший полковник Генштаба: «Согласились участвовать в расстрелах подлейшие из подлых генералов и офицеров. Их купили крупными суммами денег, квартирами и дачами. Некоторые из генералов назначали цену своей подлости сами. Чтобы утолить жадность этих негодяев, Ельцин попросил помощи у еврейских банкиров».

Расстрел Белого Дома, в котором находились, по данным Руцкого, около десяти тысяч человек, в том числе женщины и дети, начался внезапно, без каких-либо предупреждений или переговоров. Никаких предложений сдать или вывести из здания женщин и детей не делалось, никаких ультиматумов о капитуляции парламенту не выдвигалось. Как свидетельствовал генеральный прокурор РФ А. Казанник, «допросив тысячу военнослужащих, мы получили следующие доказательства: никаких мирных переговоров в промежуток времени между событиями 3 и 4 октября не велось — был отдан приказ штурмовать немедленно... В паузе между случившимся третьего и тем, что произошло четвертого октября, никто не предупреждал людей, оставшихся в Белом Доме, о начале обстрела и штурма, то есть доказательства ведения каких-либо переговоров нет. Следовательно, события 4 октября надо квалифицировать как преступление, совершенное на почве мести».

Расправа над безоружными русскими людьми началась с атаки БТРов, укомплектованных экипажами еврейской воентеррористической организации «Бейтар». Первыми очередями из бейтаровских БТРов было убито около сорока безоружных людей, ночевавших в палатках возле Белого Дома. Бронированные машины наезжали на палатки, давили там не только спящих мужчин, но и женщин и детей (ибо немало русских людей приехали на защиту Белого Дома с семьями). Случайно оставшихся в живых расстреливали из пулеметов. Бейтаровские БТРы разметали огнем и походную часовенку с молящимися женщинами и убили священника.

Затем вся огромная огневая мощь обрушилась на здание Белого Дома. Офицеры Кантемировской дивизии составили добровольческие экипажи для танкового обстрела (среди них В. В. Брулевич, И. А. Петраков, П. К. Рудой, А. В. Ермолин, В. Б. Серебряков, А. И. Маслеников). Замарав офицерскую честь за большие деньги, они нанялись обстреливать Белый Дом боевыми снарядами кумулятивного действия. Возникшая при разрыве этих снарядов внутри здания ударная волна была столь сильной, что жертвы разрывались на части.

На крышах ближайших домов заговорщики и связанные с ними западные спецслужбы разместили своих снайперов, которые обстреливали не столько защитников Белого Дома, сколько мирных москвичей, пытаясь создать впечатление того, что стрельба по ним идет из парламента. Особенно сильный снайперский обстрел велся с крыши посольства США, что свидетельствовало о непосредственном участии правительства США в государственном заговоре против законной российской власти. Как затем сообщали сотрудники Министерства безопасности, «особо выделили обнаглевших снайперов с крыши посоль-

ства США и советовали не подставлять им спину, поскольку те никому из наших (заговорщиков. — **О.П.**) не подчиняются».

Вооруженные силы заговорщиков устроили настоящую бойню безоружных людей. На весь Белый Дом имелось несколько десятков автоматов, но и их приказом Рущкого не разрешалось использовать против наступающих путчистов. Рущкой категорически запретил открывать огонь за пределами Белого Дома и по целям вне здания. Как и 3 октября, действовал приказ огня не открывать. Оружие разрешено было применять только внутри здания и то лишь в случае проникновения в него штурмующих частей. Этот приказ постоянно повторялся по внутренней сети радиооповещения Белого Дома и рациям. Зато путчисты обстреливали Белый Дом из всех видов оружия, танков и БТРов постоянно до 5 часов 30 минут 5 октября. Стрельба была прекращена на два — два с половиной часа, когда боевые подразделения «Альфа» и «Вымпел» выводили депутатов, журналистов, женщин*. Сразу же после этого бойня возобновилась. Солдаты и спецназовцы, многие пьяные, шли по коридорам Дома, убивая всех живых, добывая раненых — «действовал приказ Ерина и Куликова (МВД), Грачева (МО) и Барсукова (ГУО): уничтожить находившихся в Белом Доме». Приказы о поголовном уничтожении и стрельбе на поражение открыто передавали по рациям командиры заговорщиков. Барсуков официально приказал «Альфе» уничтожать находящихся в Белом Доме, Грачев — танкистам, Тульской и Таманской дивизиям, Ерин — ОМОНу и Дзержинской дивизии. Тела расстрелянных были тайно вывезены и уничтожены в крематориях. Доказательством того, что приказ Ельцина был выполнен, является то, что, по официальным данным, ни одного раненого и ни одного трупа в здании парламента не было обнаружено (!!!). Официально объявлены в качестве погибших только убитые на улице. Всего войсками заговорщиков было убито в Белом Доме и возле него не менее полутора тысяч безоружных людей. Всего же в массовых погромах русских людей в начале октября было убито и «умучено» около 2 тысяч, а ранено не менее 6 тысяч людей. У меня в глазах до конца жизни останется умирающий в корчах мужчина лет сорока, лежащий на площадке у телецентра и обращающийся в сторону стрелявших с библейскими словами: «Кровь наша на вас и детях ваших. Вам отомстят».

Офицеры и солдаты подразделений, участвовавших в заговоре, получили баснословные денежные вознаграждения, а многие офицеры — квартиры и дачи из «фонда президента».

Утром 4 октября я от метро «Арбатская» направился пешком к Белому Дому. Он был полностью оцеплен войсками. Прямой

---

* В отличие от всех перечисленных выше подразделений бойцы «Альфы» и «Вымпела» вели себя достойно и не позволили расправиться с депутатами, как того хотели заговорщики, получившие от Ельцина инструкции уничтожить всех.

наводкой из танков стреляли по Белому Дому. Возле моста стояла толпа арбатской черни — лавочники, официанты, бармены, проститутки и другой обслуживающий люд злачных заведений Арбата, узнаваемый по их людоедской лексике. Они дружно хлопали после каждого выстрела по Дому Советов. Рядом с ними дружно радовалась группа еврейской молодежи.

Через несколько часов после окончания бойни ее «духовные вдохновители», хасиды, на крови павших исполнили возле Белого Дома ритуальную пляску «Суккота». Враги русского народа, прежде всего еврейско-космополитическая интеллигенция (в том числе Б.Ахмадулина, Г.Бакланов, А.Нуйкин, Б.Окуджава, А.Приставкин, Л.Разгон и т.п.), требовали от руководителей государственного переворота кровавой расправы над русскими патриотами, запрещения всех оппозиционных партий и органов печати. А самый крупный представитель «малого народа» А.И. Солженицын по поводу зверского расстрела Белого Дома с удовлетворением заявил: «В Москве, к счастью, сделан шаг к освобождению от коммунизма».

Подстрекаемый еврейско-космополитической интеллигенцией, Ельцин собирался физически уничтожить всех арестованных заговорщиками народных депутатов. Главный руководитель заговора отдал приказ генеральному прокурору РФ А.Казаннику «подвести» захваченных патриотов «под расстрел». Казанник категорически отказался выполнить злодейский приказ. Впоследствии Казанник вспоминал: «Президентское окружение давило на нас очень сильно. К примеру, сразу после октябрьских событий из администрации президента в прокуратуру пришли рекомендации о том, как нужно провести расследование. Написано там было примерно следующее. Не проводить никаких политических процессов. Следственную бригаду не создавать, а выделить всего пять-шесть следователей. Октябрьские события расследовать за 3—4 дня, предъявить всем обвинения по статьям 102 и 17, то есть за соучастие в убийстве, и передать дела в военную коллегия по уголовным делам. Процесс должен длиться два-три дня, и всех надобно приговорить к смертной казни. Документы эти были без подписей. Но, представьте, что на моем месте был бы другой прокурор, который бы сказал: надо же, как все это просто. Я этого не допустил». Отказавшись подчиниться преступному указанию Ельцина, генеральный прокурор А.Казанник был уволен, однако заговорщикам уже не удалось исполнить свой злодейский план.

Продолжение следует

Геннадий ШИМАНОВ

ПОЧЕМУ НАША ВЕРА САМАЯ ПРАВИЛЬНАЯ

Представление о Боге — это самая важная часть религии. От него зависит правильное представление о человеке и обществе, правильное представление о смысле мироздания.

Христианство — единственная из всех религий, учащая, что «Бог есть любовь» (1-е Иоанна, 4, 8). И любовь такая высокая, что даже почитающие ее высшей ценностью имеют о ней лишь слабое представление.

Зачем верить в Бога, если Он зол?.. Зачем верить в Него, если Он равнодушен к своим творениям?.. Да и Бог ли это в таком случае?..

Магометане говорят, что их Бог милосерд и справедлив. Но милосердие и справедливость это не высшие качества. Справедливыми могут быть даже простые люди. А милосердие есть уже начаток любви, но только начаток, а не ее полнота. Если же неполнота, то и несовершенство. Верить в несовершенного Бога значит иметь о Нем ложное представление.

Критерием истинной любви является самопожертвование. Самопожертвование очень ценится во многих религиях и даже нередко людьми неверующими. Но ни в одной религии, кроме христианской, Бог не жертвует Собою ради Своего творения. Лишь

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

христиане верят в Бога, Который ради людей сошел на землю и породнился с ними. Открыл им высшие нормы жизни и дал им, обезумевшим от грехов, оплевать и распять Себя. Чтобы они познали, что есть истинная любовь и Кто есть истинный Бог.

Совершенная любовь невозможна без совершенной свободы и совершенного творчества. Но о свободе чуть ниже, а о творчестве нельзя не сказать, что оно есть проявление любви. Нельзя любить и не творить для того, кого любишь. Вот причина создания мира Богом и последующей Его заботы о нем.

Но Бог не был бы любовью, если бы Его единство не сочеталось с различием в Нем любящих Друг Друга Лиц. Любовь, направленная на себя самого, есть уродство. Поэтому откровение о Боге как о Любви связано внутренне с откровением о Нем как о Лицах Пресвятой Троицы.

Учение о Боге как о Существе едином и только, не раскрывает истинной природы Божества, а потому и несовершенно. Значит, и с этой стороны христианское вероучение о Боге правильнее, чем все остальные.

К сказанному добавлю еще одну важную подробность. Если бы творение Божие не заслуживало Его любви, то зачем было его создавать? И что это был бы за творец — создатель мира, не заслуживающего его любви?.. Лишь в христианской религии Творец это действительно Творец, а не какое-то подобие графомана.

А теперь о свободе. Совершенная любовь невозможна без совершенной свободы. Поэтому Бог допустил грехопадение Адама. Если бы Он сделал его грехопадение невозможным, то отказал бы людям в свободе их выбора. А свобода выбора это начало человеческой свободы, из которого должна вырасти свобода высшего типа. Уже не свобода выбора, а свобода стояния в истине. Свобода любви к Истине.

О том, что произойдет грехопадение, Бог знал по Его всеведению еще до сотворения мира. Как знал и то, что не оставит падшего человека, но вырвет его из пасти смерти ценою самопожертвования.

Но, спрашивается, может ли Бог пожертвовать Собою, не перестав быть при этом Богом? Чем же Он жертвует, если не утрачивает ни Своей жизни, ни даже полноты ее блаженства?

Вот довод против того, что Бог есть совершенная любовь. Или, скорее, довод в пользу того, что наше представление о Боге не может быть до конца логичным.

А каким же оно должно быть?.. Оно должно быть сверхлогичным. Или, точнее, должно сочетать в себе логику с тем, что

выше ее. И в силу этого обстоятельства должно быть внутренне противоречивым или, как говорят философы, антиномичным. По той причине, что если бы мы понимали Бога полностью, значило бы, что наше представление о Нем ложно.

Ибо человек, при всем его богоподобии, не равен Богу, как не равна картина написавшему ее художнику. Если бы мы понимали Бога вполне, то это значило бы, что наш разум равен разуму Творца. А он не равен, но только подобен ему.

Мы перед Богом, как малые дети перед родителями. В чем-то главным дети понимают своих родителей, но в то же время многого не понимают и потому просто верят им и повинуются им. «Если... не будете как дети, то не войдете в Царство Небесное», — сказал Иисус Христос (Мф. 18, 3).

Итак, к полному богоподобию человек только призван. В наличном же его состоянии он подобен Богу только в той мере, в какой близок к Нему. Или в той мере, в какой еще не утратил окончательно способности к Нему приближаться. Богоподобие человека возрастает или, наоборот, сокращается в меру его святости или удаления от нее.

Однако вернемся к тому, что говорилось выше о самопожертвовании Бога. Так ли оно недоступно нашему пониманию?.. Если мы можем понять, что наши представления о мире с увеличением нашей духовной зоркости становятся антиномичными, то, значит, начаток понимания тайны самопожертвования Христа мы уже имеем. И этого достаточно для нашей веры в Творца. А дальше этого начатка мы пойдем в том случае, если Сам Бог откроет нам нечто непостижимое нашим обычным эвклидовым умом: что полнота блаженства Бога может не улажаться полнотой Его страдания.

Размышляя о Боге, один человек сказал: «Я любим Богом, поэтому я существую».

Я понимаю эти слова таким образом. Если меня никто не любит, то зачем мне жить?.. И если я сам не люблю никого, то, опять-таки, зачем жить?.. Но как можно любить меня?.. И как можно любить кого-то?.. Человеческая любовь — это слишком слабое состояние, чтобы основывать на нем дело своей жизни. Такой основой может быть только любовь Творца к Его созданию. Любовь, превосходящая наше человеческое понимание, но, вместе с тем, дающая нам отраду жизни. И только на этой основе возможна наша ответная любовь к Богу. И ее разветвление на ближних, а затем и на дальних. А затем и на весь Божий мир.

Любовь — это такая же непостижимая для нас вещь, как и сама Божественная жизнь. Что и естественно. Но, не постигая

их глубину, мы все-таки их знаем, хотя бы в самой небольшой степени. И этим знанием только и живы. Нет любви — и мы увядаем и умираем. Но оживаем, если почувствуем ее веянье.

Однако вот какие сомнения одолевают меня. Я допускаю, что Бог способен любить меня и еще десятки людей. Ну, пусть даже тысячи. Но как Он может любить миллионы и миллиарды?.. А их плодится все больше и больше. И Его любовь к ним не укладывается в моей голове.

Кроме того, я не могу понять, как можно любить совсем недостойных людей, не вызывающих у меня ничего, кроме омерзения. Как можно любить, например педерастов? Или как можно любить Иуду Искарюта, Гитлера и начальников синагоги? Я не способен на такую любовь и потому не понимаю Бога. А если не понимаю, то и отхожу от Него в растерянности.

Правда, не понимая Его по этой части, я все-таки понимаю, что я не Бог и потому не могу навязывать Ему свою меру вещей. Мало ли чего я не понимаю. И мало ли чего я не могу. Я не умею любить по-настоящему даже тех, кого я люблю. Да и другие люди тоже едва ли на это способны. И потому не нам диктовать Богу свои нормы.

Но если это недоумение, в принципе, одолимо моим умом, то как одолеть другое недоумение, гораздо более сильное?.. Если Бог действительно есть Любовь, то как Он мог приказать ветхозаветным иудеям уничтожить не только взрослое население соседнего с ними народа, извратившего свою человеческую природу, но даже младенцев?.. Младенцы-то в чем виноваты?..

Одно дело **попускать** зло в этом мире, чтобы не лишить людей их свободы. И совсем другое дело **требовать** от них совершения зла. А в Ветхом Завете Бог даже наказывает евреев за то, что они не выполнили полностью Его чудовищное требование.

Как это может быть, что у превосходящего нас Своей любовью Бога не оказалось жалости к невинным младенцам, а у нас, грешных людей, эта жалость есть?.. И что нам ответить противникам Христианства, указывающим на это кричащее противоречие?.. Как нам оправдать своего Бога?..

Если допустить, что Его требование не было чудовищным, то все наши христианские представления о добре и зле начинают корчиться в недоумениях. И все наше Христианство оказывается под вопросом.

Но мало того. Это главное недоумение подпирается еще и другими недоумениями. Почему нечестивые возвышаются, а благочестивые унижены? Почему одни достигают старости, а другие умирают в детстве? Почему одним красота и сила, а другим безобразия и бессилие?

Увы и увы. Нет в Твоем мире, Господи, даже простейшей справедливости. А уж о любви что говорить.

И ветхозаветные пророки, и праведный Иов, и Екклезиаст, и христианские аскеты-пустынники задавали Богу такие же скорбные вопросы. А Бог им отвечал:

«Как небо выше земли, так пути мои выше путей ваших, и мысли мои выше мыслей ваших» (Исайя, 55, 9).

Вот тут и думай: что делать?.. Либо поверить Богу, что мы еще не доросли до понимания Его ответа на наши вопросы. Либо не поверить Ему и положиться на свой собственный разум, как это сделали некогда Адам и Ева.

В первом случае наши недоумения, оставаясь недоумениями, будут согласованы с правильной мыслью, уже прозвучавшей ранее. С мыслью о том, что мы еще далеки от понимания замысла Творца во всем его объеме. А если не можем его понять, то и не должны заикливаться на этой теме. Мы должны быть верными Богу и правильно строить свою личную и общую жизнь на той основе, которая нам дана Богом и которая нам понятна. Созидать правильно себя самих и свою семью, свою национальную общину и свой народ. А дальше — семью христианских народов или, по меньшей мере, союз народов в их общем сопротивлении их разрушителям.

А что будет с нами во втором случае? Если мы заиклимся на непосильных для нас вопросах, то они нас разрушат. Или, во всяком случае, они обессилят нас. Отпавший от Бога ум сохранит в этом случае только видимость ума, и мы проживем свою жизнь впустую, среди химер, порождаемых нашим ущербным умом. И не совершим ничего полезного ни для Бога, ни для людей.

К высотам, на которых тайны бытия будут все более постигаться нами, можно приближаться лишь постепенно. Мы должны поставить перед собою одну правильную задачу и правильно ее решить. И лишь после этого станем способными правильно поставить другую задачу, более сложную. А затем, по ее решению, еще более сложную. По мере решения этих задач наши горизонты будут расширяться, позволяя нам увидеть то, чего мы не видели ранее. Вот правильный путь к ответам на наши скорбные вопрошания.

Требовать же от Бога понятных ответов, не пошевелив при этом даже пальцем для того, чтобы сделать себя способными понять эти ответы, как-то нелепо. Это примерно то же самое, как если бы школьник, еще не успевший освоить таблицу умножения, стал требовать от учителя, чтобы тот объяснил ему геометрию Лобачевского.

И еще один вид неразумия я подметил в людях. Мы бросаем Богу упреки, которые имели бы смысл только в том случае, если бы жизнь человеческая заканчивалась могилой. Но ведь Бог не создавал людей для того, чтобы они, пожив на земле какое-то время, исчезли затем навсегда. Смысл их временной жизни может быть понят только в контексте вечной их жизни. А этого контекста мы как раз и не знаем. Вырванная же из него временная жизнь делается бессмыслицей не столько потому, что наполняется каким-то плохим содержанием, сколько по самому ее существу. Т.е. независимо от того, чем она наполняется от рождения до могилы.

«Все это, может быть, и так, — скажут мне противники Христианства. — Но есть в твоих рассуждениях изъян. Он заключается в том, что твои рассуждения обходят факт величайшей важности. Факт деградации христианского мира. Если бы христианское представление о Боге было правильным, то оно и организовывало бы христиан правильно. А если этого нет, то оно ложно в очень существенной части».

«Некогда у христиан, — скажут мне, — было какое-то подобие христианского мира. Оно было создано их императорами и королями. Но оно обнаружило со временем свою несостоятельность и саморазрушилось. Его не разрушал никто извне. Христианский мир сгнил от своей собственной гнили. И на его месте воцарилось безбожие со всеми его миазмами. Да вы только посмотрите на себя, христиане. Вы же нравственные уроды. Вы разрозненны даже в ваших храмах. Вы годами видите в них друг друга и не здороваетесь друг с другом. А о чем-то большем и речи нет. Где же ваша любовь?.. Вы чужие друг другу. Поэтому Бог и наказывает вас вырождением, убирая вас, как мусор, из истории».

Так или приблизительно так говорят и думают многие противники Христианства. И в их словах, надо признать, много правды. Но самое главное в них неправильно.

В них правильно отмечается низкая степень самоорганизации позднейших христиан, уже перешедшая сегодня в разрозненность. Но причина этого порока определена неправильно. Она заключается не в ложности их представления о Боге, а в самой высоте этого представления.

Высота эта есть не порок, а достоинство Христианства. Но высокие идеи — это опасные идеи. От них кружится голова. Высокие идеи постигаются людьми с куда большим трудом, нежели идеи простые. А осуществляются на практике еще труднее. Вот в чем причина нараставшего в истории кризиса христианского мира.

Высота христианского идеала не только правильно ориентирует христиан в главном, но и сбивает их с толку в делах более или менее земных. Как сочетать высочайший идеал с грубой действительностью? Каким образом изменять эту грубую действительность в лучшую сторону? И можно ли ее изменить?.. Созидание подлинно христианского мира — это самая трудная задача из всех задач на земле.

Поэтому и ее решение было практически невозможно без разногласий среди христиан, без их разделений и взаимной борьбы. А борьба ожесточает сердца и доводит их нередко до ослепляющей ненависти.

В результате стремление к высшей цели должно было тонуть, в силу человеческой косности, в обычной для язычников борьбе за власть и удобства, связанные с властью. И оно тонуло в христианской истории, где еще не преодоленное язычество христиан незаметно подмешивалось в, казалось бы, чисто христианские дела.

Этот пройденный путь созидания христианского мира (путь, на котором людям открывались все новые истины, а старые забывались или уступали место новым) был попушен Богом, видимо, для того, чтобы христиане поняли после постигшей их катастрофы логику саморазрушения этого прежнего их мира. Поняли и сумели оценить трезво как его достоинства, так и его пороки, ставшие причиной его крушения. И, наученные этим историческим опытом, стали способны созидать христианский мир заново с учетом допущенных в прошлом ошибок. Созидать в новой его силе.

Итак, правильность представления людей о Боге сказывается на духовном их состоянии и на духовном состоянии их общества. Но сказывается далеко не полностью, а лишь в той мере, в какой христиане действительно просвещены истинами христианской веры. При малой же их просвещенности христианский мир оказывается миром двусмысленным — христианским скорее по своей внешности, нежели по своей сути. Или, во всяком случае, подлинно христианские его черты соседствуют в нем с не христианскими чертами.

Кроме того, надо учитывать, что характер всякого общества зависит не только от религиозных его представлений, но и от самых разных иных обстоятельств. Политических, экономических, военных, культурных и т.д.

И эти обстоятельства могут быть иногда такими серьезными, что под их влиянием искажается, слабеет или даже вымирает традиционная религия народа. Так, например, вымерла под влиянием завоевателей-магометан христианская религия населения

Северной Африки и Ближнего Востока. Нечто подобное возможно и при внутреннем завоевании христианского мира носителями чуждого ему духа — духа маммоны, т.е. капитализма.

Добавлю к сказанному такую еще мысль. Более сложные организмы созревают обычно медленнее простых организмов и до какого-то уровня своего развития бывают уязвимее их. Сравните годовалого ребенка с годовалой крысой или с годовалым волком. Кто из них более приспособлен к жизни? И кто сильнее? Сильнее крысы и волки. Но это не значит, что идея, заложенная в их организацию, более совершенна, чем у ребенка. Пройдет какое-то время, и он вырастет в сильного человека, которому животные будут уже не страшны.

Конечно, всякое сравнение хромает. И в данном случае было бы несправедливо уподоблять полностью нехристианские общества животным организмам. Это человеческие общества, но с более простыми организующими их идеями. Однако, делая эту оговорку, надо признать, что заключенный в нашем сравнении контраст между ребенком и детенышами животными помогает лучше понять самую суть дела. А потому и сравнение наше вполне законно. Иначе пришлось бы запретить все сравнения вообще на том основании, что они все хромают.

Правда, мне могут возразить, сказав, что Христианству уже 2000 лет, а это совсем не младенческий возраст.

Но кто знает замысел Бога о мире? И кто определит, сколько человечеству жить до Второго пришествия?.. И что ждет впереди Христианство?.. Возможно ли его возрождение в новой силе?.. Или оно исчерпало свои возможности и может теперь лишь прозябать в своем нынешнем виде до прихода антихриста?

Мы не знаем, живем ли мы в самом конце человеческой истории или в ее начале. Или где-то, может быть, посередине. Хотя мне представляется, что правильнее считать, что история не имеет фатального характера. Ее продолжительность зависит не только от всегда благого Бога, но и от настроенности людей.

Смирятся ли они с господствующим сегодня на Западе и в России миром маммоны?.. Или не смирятся?.. От этого зависит судьба мира. А не от какого-то фатума, которым морочат себе головы многие современные христиане.

Подлинной защитой от антихриста может быть не берлога в глухом лесу и не отказ христиан от ИНН, а правильная их организация, обеспечивающее их единство и, следовательно, их силу. Кто отвлекает их от этого дела, тот служит на самом деле антихристу, понимает он это или не понимает.

Если причиной крушения прежнего христианского мира было отсутствие у христиан развитого учения об обществе, то

способом возрождения христианского мира должно стать создание такого учения. И его воплощение в самой жизни.

Высшие истины, как известно, не доказываются, они зревают. И остаются недоказанными для тех, кто их не узрел. Не исключено, что я заблуждаюсь во многом или в чем-то существенном. Но для того, чтобы мы могли сообща приближаться к истине, ее надо излагать каждому так, как он ее понимает. В этом случае и ему самому будет с чем возвращаться для все более глубокого продумывания своих мыслей. И для его собеседников будет, с чем соглашаться или не соглашаться. А если не будет предмета обсуждения — не будет и работы нашей мысли. А там, где вера не сочетается с постоянно работающей личной и коллективной религиозной мыслью, она оказывается бессильной. Она не может ни грамотно защитить себя, ни правильно организовать ее сторонников, ни привлечь на свою сторону все новых ее приверженцев.

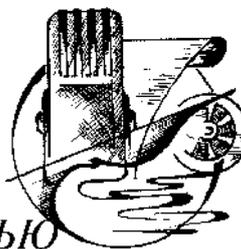
Валерий ШАМБАРОВ

ПОКУШЕНИЕ НА ЛЕНИНА — АВТОРЫ ИЗВЕСТНЫ

— Валерий Евгеньевич, 90 лет назад прозвучали выстрелы на заводе Михельсона, ранившие Ленина. До сих пор в этом покушении многое окутано тайной. Насколько известно, Вы первый выдвинули версию, что за покушением на Ленина стоял Свердлов?

— Первый или нет — не знаю, приоритетов я не фиксировал и не гонюсь за ними. Но к обстоятельствам покушения на Ленина мне приходилось возвращаться неоднократно, и получалось, что, каждый раз на другом уровне, открывались какие-то новые факты, позволяющие уточнить это дело, взглянуть на него под иным углом. Так, при работе над книгой «Белогвардейщина» бросилось в глаза, что официальные данные о выстрелах Каплан и террористической организации эсеров явно подтасованы и содержат множество неувязок. А в 1999—2000 гг., при написании книги «Государство и революции», как раз и подобрались факты, что самый вероятный организатор покушения — Свердлов. Но глубинные мотивы в тот момент оставались для меня неясными, я предположил, что Свердловым руководили соображения личной карьеры.

— Сохранили ли Вы сейчас уверенность, что виновником был Свердлов?

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

— Не только сохранил, но и нашел этому новые доказательства, только причины были более сложными. Когда работал над книгой про Якова Михайловича «Оккультные корни Октябрьской революции», вскрылись факты, что он был махровым оккультистом, адептом тайных магических учений, и, ко всему прочему, был связан с зарубежными антироссийскими кругами. А в книгах «Нашествие чужих» и «Антисоветчина», мне удалось дополнить картину, что сама революция в России инициировалась «мировой закулисой» — банкирами и правительствами западных держав, в первую очередь США и Англии. А их главными эмиссарами в советской верхушке являлись Свердлов и Троцкий.

— И какими же были истинные причины покушения?

— Их надо искать не во внутренней, а во внешней политике большевиков. Как известно, шла мировая война. И в советском руководстве существовали как «прогерманская», так и «антантовская» партии. «Антантовскую» возглавлял Троцкий. Еще во время пребывания в Америке он был завербован резидентом британской разведки МИ-6 Вильямом Вайсманом (который одновременно работал на спецслужбы США). Зимой 1917/18 г. в Советской России были сформированы неофициальные представительства стран Антанты: американское во главе с полковником Робинсом, британское — с Локкартом, французское — его возглавил капитан Садуль. Все они тесно контактировали со Львом Давидовичем, помогали ему, через него шло финансирование революции американскими банкирами. А личным представителем Вайсмана в России стал Соломон Розенблюм, он же Сидней Рейли, прекрасно знавший Троцкого — до службы в британской разведке он являлся сотрудником дядюшки Льва Давидовича, банкира Животовского.

— А Ленин возглавлял «прогерманскую» партию?

— Не совсем. Поначалу он считал, что сможет балансировать между воюющими сторонами, играть на их противоречиях. Кончилось это плохо. Немцы и австрийцы захватили Украину, Белоруссию, Прибалтику, румыны — Молдавию, турки — Закавказье. Чтобы противостоять им, по инициативе Троцкого советское правительство обратилось к странам Антанты, в Мурманске высадились англичане и американцы. Вовсе не для свержения большевиков, а по их официальному приглашению. Но западные державы требовали большего. Запустить их в Сибирь, Туркестан, отдать под контроль Транссибирскую магистраль, бакинскую нефть. Этого добиться Лев Давидович не смог. Впервые, угнездившись на Севере, интервенты вели себя там как хозяева, уже считали этот край своей колонией. Конечно, это

не понравилось Ленину. Во-вторых, на большевиков давили немцы. Послу в Москве Мирбаху германское правительство выделило огромные средства, 40 млн. марок для подкупа сторонников, создания агентуры. Но если большевики продолжат уступки странам Антанты, Германия грозила двинуть войска и свергнуть их. Поэтому дальнейшие предложения Троцкого Ленин отверг. 1 мая 1918 г. Вильям Вайсман писал в шифровке советнику президента США Хаусу: «Если мы решим, что Троцкий не хочет или не может пригласить нас, то мы можем призвать Керенского и других деятелей первоначальной республиканской революции побудить их образовать правительственный комитет... и делать то, чего Троцкий не пожелал или не смог бы сделать». Так и случилось.

— Но Керенского, вроде бы, никто не призывал.

— Керенского — нет, он был отработанной фигурой. Но была разыграна карта чехословацкого корпуса. Через 10 дней после упомянутой шифровки в Лондоне в резиденции Ллойд Джорджа состоялось секретное заседание правительственного комитета, на котором было решено: «Рекомендовать правительствам стран Антанты не вывозить чехов из России», а снабдить их оружием, выделить опытных генералов и использовать «в качестве интервенционистских войск союзников в России». Троцкий тут же подыграл. Через две недели после этого совещания он издал провокационный приказ разоружать чехов и загонять в концлагеря. Корпус взбунтовался. А американцы, англичане, французы получили повод взять чехов «под защиту» и ввести войска в Сибирь. Во главе сибирского правительства был поставлен Авксентьев, бывший помощник Керенского. Как видим, все по сценарию Вайсмана—Хауса.

— А какую позицию в этих играх занимал Свердлов?

— Он, в отличие от Троцкого, не демонстрировал англо-американских симпатий, во всех вопросах безоговорочно поддерживал Владимира Ильича, завоевав репутацию «твердого ленинца». Но он был связан с теми же силами, что Лев Давидович. Зафиксированы его контакты с высокопоставленным масоном и одним из крупнейших банкиров США Яковом Шиффом. Брат Свердлова Вениамин долгое время жил в Америке, имел банковскую контору в Нью-Йорке, через которую под видом переводов поступали деньги большевикам. После революции он вернулся в Россию, Яков Михайлович устроил его в правительство заместителем наркома. А закадычным другом Вениамина был Сидней Рейли, в Нью-Йорке их конторы располагались по одному адресу, Бродвей-120, в соседних кабинетах. Стоит ли удивляться, что Свердлов, демонстрируя верность Ленину,

вовсю подыгрывал спецслужбам Англии и США? 6 июля 1918 г. доверенное лицо Троцкого, Блюмкин, убил германского посла Мирбаха — чтобы он не мешал махинациям стран Антанты и чтобы посорить большевиков с немцами. Свердлов являлся одним из организаторов этой провокации, разыграв так называемый «левоэсеровский мятеж» (которого не было). А расследовать убийство посла он назначил Виктора Кингисеппа — это была личная креатура Якова Михайловича, которого он использовал в самых темных и грязных делах. И тот, конечно же, благополучно скрыл истину.

— Но мы отошли от причин покушения на Ленина.

— Наоборот, как раз подходим к ним. В ситуации, сложившейся после чешского мятежа и убийства Мирбаха, Ленин все же не склонился на уступки Антанте, а наоборот, пошел на дальнейшее сближение с Германией. Он исходил из чисто практических соображений. Во-первых, немцы, отхватив весь запад бывшей империи, не претендовали на остальное (остальную Россию они надеялись подчинить экономическим путем). А страны Антанты норовили оторвать под свою власть дополнительно огромные территории. Во-вторых, как рассчитывал Ленин, Германия должна будет проиграть войну, и договоры с ней можно будет разорвать. А если на шею сядут англичане с американцами, попробуй от них избавиться. В-третьих, в Германии назревала революция. А после нее, как верилось Ленину, немцы станут вообще друзьями и братьями. И в августе 1918 г. был подписан секретный договор «Брест-2». Германия получала огромные экономические выгоды, ей отправлялось продовольствие, золото, и большевики заключили с ней военный союз против Антанты.

— И из-за этого потребовалось убрать Ленина?

— Совершенно верно. Данные о подготовке покушения стали поступать в ВЧК задолго до 30 августа. На след Рейли вышла контрразведка Красного флота во главе с лейтенантом Абрамовичем, а Дзержинский сумел внедрить в сеть Локкарта—Рейли нескольких своих агентов. Сеть эта была обширная, имела связи в различных советских организациях. Причем, если внимательно почитать документы о заговоре Локкарта, можно отметить: о свержении советской власти речь не шла, свергать ее западные державы вовсе не собирались. Говорилось лишь об убийстве Ленина и «замене правительства». То есть о верхушечном перевороте. 24 августа в генконсульстве США в Москве состоялось секретное совещание с участием генконсулов Америки, Англии и Франции — Пуля, Локкарта и Гренара. А через 6 дней раздались выстрелы на заводе Михельсона.

— Ленин был выведен из строя, но переворота почему-то не последовало?

— Потому что Дзержинский нанес немедленный контрудар. Как я уже отмечал, он собрал обширную информацию о сети Локкарта—Рейли, но пока не трогал ее, держал «под колпаком», хотел выявить дополнительные связи. Однако после покушения решил безотлагательно брать. В ночь на 1 сентября ВЧК произвела аресты по выявленным адресам. Была разгромлена вся сеть в Москве и Питере, захвачено больше сотни агентов и связанных с ними лиц. Только в одном здании, принадлежавшем британскому посольству, было арестовано около 40 заговорщиков, собравшихся там. Британский и французский генконсулы, Локкарт и Гренар, обладали дипломатической неприкосновенностью, но их задержали — как бы для дачи показаний. Шпионам, осуществлявшим непосредственное руководство операцией, Рейли и Вертимону, удалось бежать. Таким образом заговор был обезглавлен и на время парализован.

— Но ведь в литературе покушение на Ленина и заговор Локкарта рассматриваются как два совершенно разных дела?

— Тут уж постарался Свердлов. Накануне выстрелов в Ленина Дзержинский выехал в Питер, расследовать убийство Урицкого. А Яков Михайлович после ранения вождя сразу же захватил власть главы партии и правительства. Дзержинскому он приказал остаться в Питере. Опираясь на своего доверенного человека Петерса, заместителя председателя ВЧК, Свердлов поднял под себя следствие о покушении на Ленина. Случайно задержанную Фанни Каплан даже увезли с Лубянки в Кремль — и как раз там она дала требуемые признания. Впрочем, что она говорила на самом деле, ее ли подпись стоит под протоколами, неизвестно. Ее не опознал никто, не проводилось ни одной очной ставки. Объявив о признании, ее поспешили расстрелять и даже сожгли труп. Очевидно, чтобы было невозможно проверить, была ли эта женщина во дворе завода Михельсона.

— Выходит, что Дзержинского отстранили от расследования?

— Совершенно верно. Сперва Свердлов распорядился, чтобы он занимался только Урицким, а потом вообще отправил его в отпуск — в Швейцарию. Отправил принудительно, якобы он переутомился и «плохо выглядел». Без него, с помощью Петерса, дела о покушении и заговоре Локкарта были оторваны друг от друга. Хотя вел оба дела один человек. Все тот же «следователь по особо грязным делам» Виктор Кингисепп. Он был членом коллегии ВЧК, но как член ВЦИК и следователь Верховного трибунала ВЦИК подчинялся непосредственно Свер-

---

длову. К расследованию Яков Михайлович подключил еще одного своего близкого подручного, царевубийцу Юровского. И они всё отрегулировали как надо. Покушение свалили персонально на Каплан. А дело Локкарта, по сути, замяли.

— Как же замяли? Оно рассматривалось Верховным трибуналом, был громкий процесс.

— Громкий, но пустой. Из сотни с лишним арестованных большинство освободили еще в ходе следствия. Локкарта и Гренара отпустили на родину. На скамью подсудимых попало лишь 20 человек. Все — мелкая сошка. В показаниях агентов ВЧК и подсудимых несколько раз всплывала подготовка убийства Ленина, но Верховный Ревтрибунал (орган ВЦИК, подконтрольный Свердлову) на этом внимания не заострял, обходил стороной. Ни разу не прозвучали фамилии Троцкого, братьев Бонч-Бруевичей, Вениамина Свердлова и других видных большевиков, взаимодействовавших с агентурой Локкарта—Рейли. И хотя для обвиняемых хватало других улик, по крайней мере, в шпионаже, 9 были оправданы, 9 получили небольшие сроки заключения, двоих приговорили к расстрелу, но тут же была подана апелляция во ВЦИК, приостановившая исполнение приговора. Через год их отпустили. Не был казнен ни один! И это в период «красного террора», когда десятки тысяч людей расстреливали вообще без всякой вины.

— Есть ли какие-то другие доказательства, что истина пряталась преднамеренно?

— Есть. Без Дзержинского Петерс и Свердлов провели реорганизацию ВЧК, «вычистив» многих сотрудников. Причем удалены были именно те, кто участвовал в расследовании дела Локкарта. А кроме того, Петерс вдруг раскрыл еще один «заговор». В контрразведке Красного флота. Арестовали лейтенанта Абрамовича. Того самого, который сумел сесть на хвост Рейли и вскрыть его связи! Его и еще ряд контрразведчиков обвинили в «контрреволюции». Были многочисленные ходатайства моряков, адвокатов. Так же, как на суде по делу Локкарта, подавалась апелляция во ВЦИК. Но на эту апелляцию, в отличие от шпионов, последовал отказ. Абрамович и его сотрудники были расстреляны. Как видим, факты весьма красноречивые.

— Почему попытка убить Ленина не повторилась?

— У зарубежных заказчиков отпала нужда в этом. Ведь Ленин на время выбыл из игры. А когда он начал поправляться (17 сентября появился на заседании Совнаркома), Свердлов о его здоровье тоже «позаботился». Подключил врачей и провел через ЦК решение — отправить вождя на месяц отдыхать в Горки. Таким образом военный союз большевиков и немцев остался

только на бумаге. А к концу октября, когда Ленин вернулся к делам, международная ситуация изменилась. Германия и Австро-Венгрия проиграли сражения во Франции и на Балканах, рушились от начавшихся революций. При таком раскладе было выгоднее, чтобы Советская Россия считалась союзницей немцев — и ее по окончании войны можно было пустить в раздел вместе с побежденными.

— И правда о том, что в теракте на заводе Михельсона участвовали ближайшие соратники Ленина, осталась похороненной?

— Нет. Она все же просачивалась. Так, в марте 1938 г. на процессе над врагами народа обвинение в соучастии в покушении на Ленина было предъявлено Бухарину. Это обычно считают «фантастикой». Но почему? Уничтожить Бухарина можно было и без этого обвинения, вполне хватало других. Покушение не инкриминировалось никому, кроме него — ни Каменеву, ни Зиновьеву, ни Тухачевскому. Зачем понадобилось бы придумывать «небылицы» для одного Бухарина? Но он являлся таким же эмиссаром «мировой закулисы», как Троцкий и Свердлов. А Сталин к данному моменту уже многое знал из показаний других эмиссаров, Радека и Раковского, купивших жизни ценой исчерпывающих признаний. Очевидно, узнал он и тайну выстрелов 30 августа. Но для широких масс эти тайны и впрямь остались скрытыми. Ведь обнародовать их — означало бы признать, какие силы стояли за Октябрьской революцией, подорвать авторитет советской власти и партии. И Сталин, уничтожая самих эмиссаров Запада, раскрыть их грязные дела не решился.

Беседовал Дмитрий Якунин

Владимир ЮДИН,
профессор Тверского университета

ПИСАТЕЛЬ-ПРОРОК

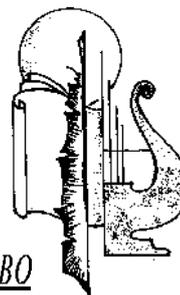
Памяти Г.П. Климова

Из Нью-Йорка пришла печальная весть. 10 декабря 2007 г. на 90-м году жизни скончался известный русский писатель, автор книг «Князь мира сего», «Протоколы советских мудрецов», «Красная каббала», «Божий народ» и др. Климов Григорий Петрович (Калмыков Игорь Борисович).

Он жил одиноко, до конца дней сохранял ясность ума, ежедневно читал большую корреспонденцию. Почтальон, заметив, что вчерашняя почта осталась нетронутой, поднялся в квартиру, которую Григорий Петрович никогда не закрывал на ключ, когда в ней находился. Писатель умер за рабочим столом, обхватив голову руками.

Можно по-разному относиться к тому, чем занимался Климов, и что вылилось в те лекции, а потом и книги, которые не перестают вызывать как полнейшее одобрение, так и самые яростные споры, вплоть до попыток запретить, а перед этим отправить на костер все их тиражи, а они много-миллионные.

«Книги Климова читали, читают, и будут читать, я в этом совершенно уверен. А если это так, то мы стали свидетелями кончины классика, память о котором переживет его самого, — писал в своем прощальном слове кри-

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ИСКУССТВО

тик А.Белояр. — В сообщении указано, что Климов скончался в одиночестве. Но что для такого человека одиночество, если десятки тысяч людей в прямом смысле этого слова проснулись, когда впервые прочитали его «Божий народ», «Протоколы советских мудрецов» или другие труды?»

Пусть читатель останется несогласным, пусть найдет ошибки или выдвинет свою альтернативную теорию, в данном случае это совершенно не играет никакой роли. Важно то, что в далекой Америке на закате своих дней жил и трудился настоящий Человек. Человек трудолюбивый и отзывчивый, бесконечно преданный своему Делу. Вечная память.

Имя Григория Петровича Климова в советской России долгое время было под жестоким запретом и малоизвестно, книги его не издавались и распространению не подлежали. Между тем на Западе его знают миллионы, там его произведения выдержали огромные тиражи, в русской эмигрантской среде его числят в ряду лучших художников слова русской эмиграции второй волны.

Впрочем, очень скоро Запад стал к нему относиться сначала подозрительно, а потом отнюдь не милостиво, ибо писатель принялся разоблачать прелести буржуазного мира с такой же неистовостью, как и партийно-коммунистическую номенклатуру Советского Союза...

Г.П. Климов — сын известного врача, родился в 1918 г. в Новочеркасске. Окончил школу с золотой медалью, учился в Новочеркасском индустриальном институте, стал инженером-электриком. После учебы в аспирантуре Московского энерготехнического института и Московского института иностранных языков был призван на фронт, откуда его отозвали в Военно-дипломатическую Академию. Служил в Советской Военной Администрации в оккупированном Берлине. После демобилизации из армии решил перейти в Западную Германию. До конца своих дней проживал в США, в Нью-Йорке.

В 1949—1950 годах Г. Климов работал в Гарвардском проекте в Мюнхене, занимавшемся психологической войной против СССР. Затем, в 1951—1955 годах был председателем Центрального объединения послевоенных эмигрантов из СССР (ЦОПЭ) и главным редактором их журнала «Свобода».

Военный период своей жизни вплоть до перехода в Западную Германию Г.Климов описал в широко известном романе «Берлинский Кремль», выпущенном семнадцатимиллионным тиражом в американском издательстве «Ридеос дейджест» осенью 1953 года.

Прежде чем безоглядно клеймить Климова «отступником», «предателем», «антисоветчиком» и т.п., давайте попробуем ра-

зобратся, что же побудило весьма перспективного советского юношу, перед которым открывалась в родной стране завидная карьера, перейти на Запад?

«1947 год стал этапным в его судьбе, — писал историк из г. Новочеркасска М.Астапенко. — Игорь Калмыков видел, какие мрачные сумерки тоталитаризма сгущаются над Россией, что великий ее народ, ценой колоссальных потерь и лишений одержавший величайшую в мировой истории победу, живет в нищете. Он решает не возвращаться на родину и, демобилизовавшись из армии, переходит в Западный Берлин. Здесь-то уроженец Новочеркасска и стал гражданином США, избрав себе новое имя — Григорий Климов» (Астапенко А. Как определить человека с нечистой совестью. — Донская речь, 1993, 25 июня, с. 7).

А вот как художественно препарировал эту переломную веху в жизни Г.Климова писатель Э.Лимонов в своем рассказе «Первое интервью», где под именем майора Тихонова выведен Калмыков-Климов:

«Молодым офицером, в 1947 году, Вы попросили политического убежища в американском секторе Берлина. Предположим, Вам пришлось бы принимать это решение сегодня. Сделали бы Вы то же самое?»

«О нет! — воскликнул он и снял руки с подлокотников кресла. — С моим сегодняшним опытом я бы скорее запулил бы в них межконтинентальную баллистическую ракету с ядерной боеголовкой».

«Вы серьезно?»

«Молодой человек, через полгода мне стукнет шестьдесят. Мне терять нечего... Я пришел к ним молодым, талантливым парнем. Я свободно говорил на двух иностранных языках, немецком и английском, что в те годы было еще более редким феноменом в Советской Армии, чем сейчас. В тридцать лет я был уже майором. Меня ожидало блестящее будущее. Я пришел к ним и попросил убежища не потому, что искал лучшей жизни или «мани», но побуждаемый импульсами высшего порядка, идеалистическими. Тот майор Тихонов видел, что коммунизм — дикий зверь, и верил в то, что на Западе люди живут по другим, человеческим законам. И я хотел помочь им в борьбе против коммунизма. Пришел, рискуя своей шкурой. ...И эти суки трепаные, погань научная из СиАйЭй засадили меня в бункер на два с половиной года!.. Подумай внимательно... два с половиной года допрашивали ежедневно. Они, видите ли, получили сведения о том, что советцы заслали к ним двойного агента, и они вычислили, что это должен быть я... Им казалось неправдоподобным, что офицер с такой военной биографией, с двумя иностранными языками, заочник академии, поступил вдруг так невыгодно, так нелогично, с их точки зрения. Потому что они сами,

---

калькуляторы, так бы не поступили, они бы высчитали до цента, сколько дохода они будут иметь... Два с половиной года в одиночной камере, в бункере! А! Иногда по несколько допросов в день... Я потерял счет времени... Я ожидал, что у меня появятся крылья, что я полечу. Но я не полетел, я упал. В подземелье, в бункер» (Лимонов Э.В. Первое интервью. — Подъем, 1991, №1, с. 60).

Однако выдающиеся способности Г.Климова-лингвиста и психолога, его огромная воля и крепчайшие нервы все же были по достоинству оценены американцами. Они писали о нем, когда признали за «своего», как о человеке, обладающем редким феноменом читать мысли других людей, называли его «мозги» лучшими среди послевоенных эмигрантов.

В Мюнхене в годы «холодной» войны проводились обширные психологические и социологические исследования новой эмиграции из СССР. Раскрывая сущность ведущихся здесь в 1949—1951 годах работ, профессор современной русской литературы Стратфордского университета С.П. Новиков (он же биограф Г.Климова) писал: «В Гарвардском проекте главную роль играл профессор Натан Лейтес, автор книги «Московские процессы 1935—1937 годов», те самые странные процессы, где поголовно уничтожили всю ленинскую гвардию, называя их бешеными собаками... В кругах русской эмиграции Гарвардский проект пользовался дурной славой. Люди качали головами: «Эх, хотя спасти матушку-Россию от большевиков — при помощи трюкстиков и меньшевиков?!» (Новиков С.П. Запретный плод. — В кн.: Климов Г. Князь мира сего. М., 1992, с. 7).

С. Новиков пишет о Климове как о блестящем руководителе одного из самых засекреченных спецпроектов разведки США и заслуженном асе американской психологической войны, к которому именно поэтому пристально присмотрелся КГБ.

Отдав много сил активной борьбе с коммунистическим тоталитаризмом в СССР, одновременно немало разочаровавшись в идеалах западного мира, Г. Климов, по его словам, «плюнул на все и пошел работать инженером», перебравшись в 1955 году в США.

С 1965 г. он сотрудничает с американской радиостанцией «Свобода», поддерживая тесную связь с руководителем нью-йоркского отделения Народно-трудового союза Самариним. К этому времени он все больше и больше увлекается писанием книг, в которых явно ощущается его богатый опыт в области психологической войны. Выходит целый ряд произведений Г. Климова: «Гитлер и его Политбюро», «Имя его — Легион», «Дело № 69», «Князь мира сего», «Красная каббала». Их магистральная линия — выяснение загадочных процессов духовно-

---

нравственного и физического вырождения «сильных мира сего». Сам писатель называет это лекцией по высшей социологии.

Как отмечал журнал «Кубань», «по существу, рассмотрение выстроено по принципу противостояния зла добру, с точки зрения религиозной философии — на контрасте Бога и дьявола. На эту тему писали много. Но вся соль заключается в том, что Климов подходит к библейскому дьяволу с точки зрения диалектического материализма, и вдруг этот дьявол, «Князь мира сего», то есть тот, «имя которому Легион», вдруг этот таинственный дьявол оживает и становится объективной реальностью. И в результате получились весьма необычные книги, а самого Климова в западной прессе окрестили «профессором сатановедения» (см.: Кубань, 1993, №3; 7-8, с. 46).

В одной из таких необычных «лекций» — «Идеальная невеста» читаем объяснение этому феномену, данное автором: «Очень многих людей интересует, почему я занялся такой важной темой, как высшая социология или дегенератология, т.е. наука о дегенерации, что уже в Библии называется дьяволом или одновременно Князем мира сего. Богом века сего и Князем тьмы? ...Я заинтересовался этой темой впервые потому, что, говоря попросту, столкнулся с дегенераткой, которая была моей невестой. Казалось бы, моя невеста — это мое личное дело, но за этим скрываются загадки психологической войны, которая активно ведется с 1950 года и по сей день. По тем же самым принципам. По линии комплекса латентной педерастии... И для меня это было в определенной мере шоком, потому что в Советском Союзе эта тема была абсолютно запретной, и понятно почему запретной...» (Климов Г. Идеальная невеста. — Кубань, 1993, №7-8, с. 46—47).

«Высшая социология» Г. Климова лишена субъективных домыслов и всецело базируется на достижениях передовых научных знаний как материалистического, так и идеалистического порядка.

«Я всматриваюсь в проблему с точки зрения высшей социологии, — говорит Г.Климов. — Тут оба правы. И ЦРУ, и КГБ. Они действовали по законам высшей социологии. Они знали, что Октябрьскую революцию сделали психически ненормальные люди, которые всегда лезут во все революции. И это важно знать сегодня, в период перестройки. Потому что сегодня в Советском Союзе происходит тихая революция сверху, но там очень активны те же самые силы. И это нужно знать» (там же, с. 48).

Как известно, все тайное рано или поздно становится явным. Ныне уже хорошо известно, что в 1950-е годы — годы ожесточенной «холодной войны» — велась беспощадная психоло-

---

гическая схватка между Западом и Востоком, своеобразная подготовка к будущей третьей мировой войне. Судя по американской прессе, появился целый ряд организаций, занятых стратегической разработкой ведения такой войны. Специальные проекты финансировались американской Центральной Разведкой СИА. Г. Климов отвечает и на другой вопрос: а что же делала советская тайная разведка в этой области? «И американская, и советская разведки работают в этой области по совершенно одинаковым научным принципам. Каждому известно, что тайные службы или, как говорят, «хитрые органы» внимательно изучают психологию тех субъектов, которые их интересуют, — пишет С.Новиков. — Примером тому Гарвардский проект. Но не каждому известно, что современная психология, в особенности те темные области, которыми преимущественно и интересуются всякие «хитрые органы», базируются в основном на фрейдовском психоанализе» (Новиков С.П. Указ. соч., с. 10).

Роман «Князь мира сего» приоткрывает завесу над страшными тайнами, связанными с психологической войной: почему, например, избравший свободу Кравченко в конце концов кончает самоубийством, последовавшие вслед за ним «к свободе» Косенкина и ее коллега Самарин оказались в сумасшедших домах США. А советское правительство поступает аналогичным образом со «свободолюбивыми» писателями, сажая их в сумасшедшие дома и концлагеря. Рядом с трагедийным зачастую присутствует комическое: вспомним анекдотическое бегство в Америку дочери Сталина Светланы, ставшей миллионершей... «Князь мира сего» — это, по библейскому писанию, дьявол, еще его называют «ангелом смерти», он же «лжец и отец лжи», получивший второе дыхание в наше время и ставший объективной реальностью.

«Князь» обнаруживает удивительное свойство, действуя на людей, как лакмусовая бумажка для лабораторных анализов. Одни с большим интересом читают «Князя», познавая мир и человека, а другие кривятся и морщатся, как черт от ладана. Но именно потому «Князь» и стал запретным плодом, что этот легион не хочет, боится, чтобы его видели таким, какой он есть — антигуманным, омерзительным, опасным...

Библейский дьявол, имя которому Легион, — это сложная, комплексная социальная болезнь, передающаяся по наследству и растягивающаяся на несколько поколений, имеющая несколько стадий, своего рода членов, кандидатов, попутчиков и сочувствующих этого легиона. «Сколько же этих легионеров? — задается вопросом С.П. Новиков. — Американская статистика доктора Кинси говорит, что среди американского населения,

то есть в хорошем культурном обществе, таких легионеров, кандидатов, попутчиков и сочувствующих — 37 %. ...Среди интеллигенции таких легионеров, кандидатов, попутчиков и сочувствующих будет уже 50 %. А среди писателей и вообще литераторов — 75 %. И сразу получается абсурд. Ведь это же правящая партия?! Да, потому в Библии и говорится — князь мира сего. Но этот князь всегда будет пытаться доказать, что он не существует. Потому «Князь» Климова и попал в положение антипартийной литературы» (там же, с. 18).

«Князь мира сего» в научно-публицистической форме, сочетаемой с художественными образами, основанными на реальной, жизненной основе, обнаружил сверхтайну «мировой закулисы» (выражение И.А. Ильина), т.е. целенаправленную, активную «научную» работу по уничтожению противника, что велась спецслужбами США и СССР друг против друга и человечества в целом. Ее цель — путем всеуничтожающего психологического зомбирования превратить человечество в послушных, бездумных роботов, покорно и безропотно выполняющих волю управляющей «элиты». Автор вскрыл связь экстремистских левых течений в политике с людьми с извращенными сексуальными и прочими наклонностями, показал, как темные законы социальной психологии служат разработке приемов тайной психологической войны. Для этого дается установка на определенные психологические комплексы человека, подверженного психопатологии: манию величия, болезненную озлобленность, неудержимую жажду власти, наживы и т.п. Эти ущербные комплексы, по сути, определяют собой вырождение личности и в конечном счете дегенерацию и нравственную деградацию общества.

Известно, что еще отец научной криминологии, знаменитый психиатр профессор Ломброзо, собирая свои наблюдения над обитателями сумасшедших домов, которыми он заведовал, в книге «Политические преступления и преступники» на основании богатейшего фактического материала доказал, что большинство политических заговорщиков и революционеров, если они выигрывают борьбу, становятся фанатиками-вождями, диктаторами-тиранами, премьерами или президентами с очевидной или тайной нарушенной психикой, т.е. князьями мира сего. Все они, как правило, люди душевнобольные, вырожденцы, дегенераты и маньяки, перед которыми пресмыкается темная толпа обывателей и приспособленцев. Двигает ими, увы, не любовь к свободе, о чем они всегда кричат, а бешеная жажда власти, доходящая до исступления, характерная для определенной категории маньяков и психически ненормальных извращенцев...

Ученик Ломброзо, доктор Нордау-Зюдфельд в весьма нашумевшей книге «Вырождение» «разобрал по косточкам» всех известных ему извергов-властелинов человеческих душ XIX века («извергами» их именовал Нордау-Зюдфельд): Ницше, Шопенгауэра, Л. Толстого, Золя, Флобера, Бодлера, Ибсена и др. — и пришел к печальному выводу: с точки зрения медицины — все они страдали серьезными психологическими отклонениями. Наконец, знаменитый доктор Фрейд, отец психоанализа, доказал, что психический аномальный комплекс, как правило, связан с половыми извращениями, и наоборот. А потому, зная одно, можно судить о другом. «Иначе говоря, — рассуждает с присущей ему вульгарностью герой романа «Князь мира сего» комиссар НКВД Максим Руднев, — гениальный Фрейд утверждал, что дьявол дегенерации прячется в двух местах — в голове и в штанах человека. Но в голову человека так просто не заглянешь. А заглянуть ему в штаны гораздо проще. И тогда можно судить, что происходит у него в голове. Но это было как раз то, что и требовалось специалистам 13-го Отдела НКВД. Ведь так можно переловить всех политических преступников. А ну-ка, дядя, снимай-ка штаны! Просто — до гениального» (Климов Г. Князь мира сего. — Слово, 1991, №11, с. 71—72 (далее цитирую это издание с указанием номера журнала и страниц в тексте).

Не будем абсолютизировать умозаключение Фрейда и его сторонников — противников у них не меньше, но немалая доля истины в них, как показал опыт истории, пожалуй, есть. Тоталитарно-тиранические режимы традиционно мыслятся нами как нещадная диктатура, осуществляемая кровавыми властителями в окружении преданных им, столь же маниакальных царедворцов-властолюбцев. Это мы в истории уже проходили. Но тоталитаризм умеет мимикрировать под «демократию», менять маски. Те люди, что еще вчера олицетворяли собой, к примеру, коммунистическую унитарную систему, подавляющую любые ростки национального возрождения и развития, нынче могут успешно рядиться в тоги доблестных деятелей якобы противоположной, демократической системы, но подавлять дух национального всплеска с еще большей злобой и жесточенностью... Как говорит Максим Руднев, змея меняет кожу, но сама от этого не меняется.

Эволюция мировоззрения «Князя тьмы», т.е. маршала государственной безопасности СССР, доктора философии и профессора социологии, мракобеса и обскуранта, Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда, советского доктора Фауста — Максима Руднева, быстро прошла основные этапы: когда он был ребенком, *«а это было еще до революции, перед*

сном мать заставляла его молиться Богу. Максим безразлично боролся под нос «Отче наш», а потом обращался к Господу с личной просьбой:

— Боженька, пожалуйста, сделай меня большим и сильным. А то вчера Федька Косой опять поймал меня на соседнем дворе и побил. Сделай так, чтобы я мог побить всех. Так, чтобы одной левой рукой, одним мизинчиком... Если хочешь, Боженька, то за это укороти мне немножко жизнь...» (№6, с. 73).

Профессорская карьера, о которой поначалу мечтал Максим, не состоялась, но вскоре «вступил в партию и даже выдвинулся в секретари факультетской парторганизации», а потом был направлен в органы ГПУ — а туда «кого зря не направляли».

Приобщение молодого, честолюбивого, способного упорно моченного НКВД Максима Руднева к магии, «тайнам души» началось с освоения им «Истории древних религиозных культов и магии», «Исследования о черной магии и пактах с дьяволом, включая обряды и мистерии готской теургии, колдовства и inferнальной некромании» Артура Вайта, «Анналов колдовства, демонологии и астрологии в Западной Европе» и прочих специальных сочинений о спиритизме, средневековой мистике, медиумах и общения с потусторонним миром.

В пророческом философском романе «Бесы» Ф. Достоевский предсказал трагическую будущность России, которую сотворят сатанисты, бесы в облике человека, поправшие Бога и душу. Анализируя причины кровавой революционной бури в России, великий философ И.А. Ильин писал: «Большевизм есть не что иное, как последовательно проведенная революция: ничем не сдержанный и все сметающий дух безбожия, дух поругания святынь, дух зависти и мести, дух восстания низшего на высшее, дух отрицания и разложения, дух грабежа и террора. Революция есть массовое духовное заболевание: ослабление и распадение духовных устоев» (Ильин И.А. За национальную Россию. — Слово, 1991, №6, с. 81).

О жестоких тиранах революционного бесовства, в одночасье заливших страну морем крови ни в чем не повинных людей, с тревогой и огромной душевной болью поведали И. Бунин («Окаянные дни»), М. Булгаков («Дьяволиада» и «Мастер и Маргарита»), А. Ахматова («Реквием»), В. Шаламов («Колымские рассказы»), В. Серж («Дело Тулаева»), Н. Нароков («Мнимые величия»). Этот список можно продолжить такими произведениями, как «Погорельщина» Н. Клюева, «Россия в концлагере» И. Солоневича, «Неугасимая лампада» Б. Ширяева, «Погружение во тьму» О. Волкова, «Враг народа» В. Юрасова... В этих произведениях трагического звучания мы видим конкретных исполнителей дьявольских законов сатанинских сил, современных бесов, порожденных социально-политическими катаклизмами.

Роман «Князь мира сего» — это своеобразная антиутопия, обильно насыщенная реальными, историческими и мифическими, фантастическими ситуациями. Аллегии его порой столь прозрачны, персонажи столь узнаваемы, что кажется, будто автор рисовал их с натуры, за ними легко угадываются ныне здравствующие «князья», обуреваемые, как их предшественники, неумной жадной власти, наживы, крови, физические и нравственные уродцы, охваченные патологической жадной сотворить окружающий мир по образу и подобию своему — ущербным, ненавистным, мертвым.

Как же реализует себя на практике бесовско-сатанинский комплекс антигероев Г.Климова? «Революционеры после революции — это пауки в банке. Они будут грызться за власть, пока не пережрут друг друга. Ведь если почитать архивы охранки, то ясно видно, что в подготовке революции самыми активными были эсеры. А после революции они первые же попали под расстрел. А потом большевики сожрали меньшевиков. А теперь большевики ликвидируют друг друга. То же самое было с якобинцами и жирондистами. А кто привел к власти Гитлера? Штурмовики. А где эти штурмовики сейчас? Гитлер их всех перестрелял. В результате всегда остается один большой паук — Наполеон, Гитлер или Ленин. Это историческая закономерность. В свое время Ленин требовал, чтобы его партия была «партией профессиональных революционеров». Но весь секрет в том, что настоящие революционеры, профессиональные революционеры — это непростые люди. Это специальные люди. С особыми комплексами. Это то самое, что когда-то называли бесами. Если в человеке появляется комплекс, то этот человек сам превращается в беса. Одно из самых опасных проявлений бесовской одержимости — это неудержимая, болезненная жажда власти. Это специальный комплекс власти. Потому одержимые этим комплексом люди ради власти идут на все... на любое преступление (№7, с. 68–69).

«Князя мира сего» мы называем историческим романом с некоторой долей условности, как особую разновидность этого жанра в литературе Русского зарубежья, поскольку, повествуя о событиях относительно недавних, писатель обращается к их первоисточкам, дает ретроспективное освещение связи времен, актуализируя историю, придавая ей жгучий нравственно-этический, поучительный смысл. Это роман-предупреждение, помогающий честным людям распознать тайну опасных сатанинских влечений, дойти до сути трагических потрясений истории и современности.

Когда появился «Князь мира сего», литературные критики писали: «А почему Климов назвал его романом? Ведь это ж су-

шая правда! Действительно, чтобы написать все это, сначала нужно самому покрутиться в этой чертовой карусели» (Жариков С. Клиника и политика. — Молодая гвардия, 1991, №3, с. 199).

Мы имеем дело с таким романом, в котором художественные картины и образы обретают силу документа, некоего обличительно-разоблачительного нравственно-судебного протокола. Характерный эпизод в этой связи приводит биограф Г.Климова С.Новиков: *«Когда «Князь» впервые печатался в отрывках, у русских наборщиков, которые сами пережили потерянный рай революции, чистилища сталинских чисток и ад Второй мировой войны, у этих закаленных людей иногда так дрожали руки, что они путали набор, а корректоры от волнения лепили на гранках ошибки, бегали к редактору и спрашивали:*

— *Послушайте, неужели это правда?..*

В значительной мере «Князь» касается работы советской тайной полиции — на высшем, так сказать, научно-идеологическом уровне — и описывает все это с поразительной точностью. Поэтому одни говорят, что автор получил в свое распоряжение самые секретные архивы советской тайной полиции. А другие говорят наоборот — что это архивы какой-то американской сверхразведки. А некоторые уверяют, что это и то, и другое. Вокруг «Князя» сразу пошла масса всяких легенд. Одни говорят, что эту книгу написал не Климов, а целая ученая коллегия иезуитов. Настолько глубоко здесь знание того, что называется Богом и дьяволом. А другие говорят наоборот — что этот «Князь» вполне заслуживает того, чтобы попасть на «Индекс прохибиторум», то есть в список книг, запрещенных Ватиканом» (Новиков С.П. Указ. соч., с. 15).

Вместе с тем ошибочно, на наш взгляд, сводить многообразное символическое содержание романа только к политико-идеологической тематике, оно значительно шире некоей конъюнктурной заданности. Хотя это произведение о советской действительности, тщательно скрытой от постороннего взгляда, оберегаемой от гласности, его ключевой конфликт развивается не по линии коммунизм—капитализм, а гораздо глубже — по линии непримиримого, ожесточенного противостояния добра и зла, которое, с точки зрения религиозно-нравственных постулатов, называют борьбой Бога с дьяволом.

Сегодня миру открываются все новые и новые зловещие тайны, направленные «князьями мира сего» против человечества в глобальных масштабах. «Соединенные Штаты разрабатывают невидимое оружие порабощения человечества. Опыты ставятся в области гипноза, наркогипноза, электронной стимуляции мозга, изучаются влияние ультразвука, микроволн и низкой частоты на поведение личности и различные терапевтические

способы его изменения, — писал еще в 1984 году американский публицист У. Боуарт. — Фактически нельзя назвать ни одного аспекта контролирования человеческого поведения, который не подвергся бы широким исследованиям с целью выявления методов управления памятью и волей как отдельных лиц, так и широких масс людей. Располагая подобными средствами, теперь можно развязать войну качественно нового типа, войну, которая велась бы незримо, превратив в поле боя человеческий мозг» (У.Боуарт. Операция «Управляемый разум». — Лит. газ. 1984, 11 янв., с. 14).

Процеируя данное высказывание на творчество Г. Климова, «Князя мира сего» можно смело назвать романом-пророчеством, своевременно предупреждающим мир о реально грозящих, глобальных катастрофах, исходящих из человеческих, точнее, дьявольских рук.

В России роман «Князь мира сего» стал доступен массовому читателю в начале 1990-х годов, сначала будучи опубликованным в журнале «Слово» (1991, №5—12; 1992, №1—6), а затем выпущенным отдельным изданием в 1992 г.

И за рубежом, и в России читательский успех его огромен. Но литературно-критических отзывов и литературоведческих исследований роман собрал не так уж много. Очевидно, все еще срабатывает некий заговор молчания вокруг этого смелого неординарного произведения, что подтверждают ниже приведенные отзывы и суждения: «Отзывы о правде, которую он (Г.Климов. — В.Ю.) писал в «Крыльях холопа» и теперь пишет в романе «Князь мира сего», ставят Г.П. Климова в ряды выдающихся писателей не только русского зарубежья, так как он уже приобрел мировое имя» («Русская жизнь», Сан-Франциско); «Книга страшная и не для слабонервных. Климов затронул в ней такие вопросы, на которые наложено табу... Еще раз напомню, что это книга не для всех!» («Русское дело», Нью-Йорк); «Это не роман, который легко читается и на другой день забывается. Его нужно читать не глазами, а разумом» («Наша батьковщина», Нью-Йорк); «Писатели и журналисты избегают этой скользкой темы, а редакторы ставят ее под запрет. И вот сейчас, впервые в истории нашей цивилизации, появилась книга, автор которой дает интереснейшие ответы на эти запретные вопросы. Это книга Григория Климова «Князь мира сего» («Россия», Нью-Йорк).

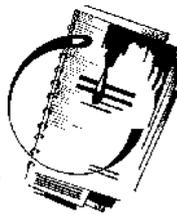
Марат КАЛАНДАРОВ

ВИЗА В ПУЧИНУ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ОЧЕРК

От автора. 28 сентября 1994 года мир потрясло трагическое сообщение — в Балтийском море затонул паром «Эстония». Морская пучина стала кладбищем для 852 пассажиров, следовавших рейсом из Таллина в Стокгольм. Официальная версия правительственной комиссии Швеции: «...паром утонул по причине внезапного открытия носовых ворот (визирь) и поступления в салоны забортной воды». Этому вердикту многие не поверили. Представители прессы, юристы, морские специалисты и автор этих строк провели собственное расследование. Докатазительства, собранные энтузиастами разных стран, наводят на чудовищную мысль — на гражданском судне везли секретный военный груз. Новые факты заставили глубоко задуматься даже парламентских депутатов Швеции. И не только этой страны. Когда повесть готовилась к печати, бывший министр внутренних дел Эстонии, а ныне депутат парламента Маркус Лейво официально заявил: затонувший паром неоднократно посещали военные специалисты и есть видеозаписи, подтверждающие этот факт.

Что искали военные? Почему истинная причина катастрофы так старательно скрывается от общественности? Спецслужбы каких стран замешаны в трагедии? По какой причине до сих пор корабль не поднимают со дна морского? И,

ДОСЬЕ "МГ"

наконец, куда исчезли двенадцать членов команды парома «Эстония», спасенных и благополучно доставленных на берег в день катастрофы?

Рискну ответить на эти вопросы и изложить свою версию гибели парома, расследованием которой я занимался целых четырнадцать лет. Версию, которая опровергает выводы правительственной комиссии Швеции.

НЕВОЛЬНИЧИЙ РЫНОК

Жара стояла несносная. Солнечные лучи пробивались сквозь листву, дробились на тысячи бликов, искрящихся, как рыба чешуя, и горячих, как угольки. Я шел по аллее парка, смахивая с лица ручейки пота, и глазами выискивал свободную скамейку под густым зеленым пологом. В древнем монастырском комплексе «Бревновски кластер» таких мест было предостаточно. На этой земле, почти в центре Праги, росли вековые деревья с пышными кронами, окаймляя берег живописного пруда. За древней кладкой стены, сплетаясь в различные архитектурные формы, возвышался изыск средневекового зодчества — величественный замок. Европейское бюро моей газеты располагалось недалеко, и я часто заходил сюда насладиться духом старины. Вот и сегодня я назначил свидание немецкой коллеге в теннисной аллее монастырского парка.

В просвете кустарника мелькнул знакомый «Мерседес». Эльза вышла из кабины, осуждающе посмотрела на знойное небо и, прильнув губами к бутылочке с минеральной водой, зашагала в мою сторону. В легком элегантном платье, высокая, стройная, с приятным светлым лицом — вся она излучала какую-то детскую непосредственность. Ее большие зеленоватые глаза источали сплошное доброжелательство, и она казалась флегматичным человеком. Но только на первый взгляд. Я провел с ней пару журналистских расследований и убедился в обманчивости ее благосклонной внешности, которая сбивала с толку и представителей криминального мира, и чиновников разного уровня. В реальности Эльза Вольф — журналистка до мозга костей, ступок ума и энергии, дипломатического такта и женского шарма, а в прозорливости не уступала легендарной англичанке миссис Марпл.

— Духотище, — проговорила Эльза на сносном русском языке, — так и хочется в пруд бултыхнуться.

— Ну и что мешает воплотить замысел в жизнь? — улыбнулся я.

— Был бы с собой купальный костюм, я бы на твои вопросы из холодного омута отвечала.

— Ты как-то говорила мне, — я приступил к деловой части разговора, из-за которого назначил свидание, — что в Праге существует нелегальный рынок труда, которым заправляет русская мафия.

— Почему только в Праге? — усмехнулась она, — и в Брно, и в Братиславе, да во многих европейских городах... Тайные операции с гастарбайтерами приносят приличную прибыль криминальному миру.

— Я хочу посетить этот рынок и предложить себя работорговцам. Словом, на своей шкуре испытать горькую участь гастарбайтера и рассказать о ней читателям своей газеты.

— Опасная задумка, — медленно произнесла Эльза. — Вербовщики — настоящие гангстеры, им ликвидировать нелегала — раз плюнуть. Сегодня русскоязычные бандиты прямо в центре Праги бесцеремонно грабят своих соотечественников. Вот почитай, — она протянула мне туристический проспект.

Я бегло ознакомился с инструкцией, в которой излагалось, как вести себя гостю из Восточной Европы в случае, если на него нападут русскоязычные бандиты. Туристическая фирма, приглашавшая посетить Чехию и Словакию, не несла ответственности за грабеж ее клиентов среди бела дня. Я мысленно посочувствовал бывшим соотечественникам и, взглянув на собеседницу, решительно произнес:

— Ради интригующего газетного материала стоит рискнуть. Ты знаешь, где в Праге располагается подобный рынок?

— Он нелегально функционирует у Выставочного комплекса. Это место пражане называют «посткоммунистическим вербовочным пунктом».

— Во сколько пункт начинает работу?

— С пяти утра. Именно в это время приезжают охотники за гастарбайтерами. Дам тебе совет: не бери с собой паспорт. Притворись, что у тебя украли документы, — она достала сигарету, чиркнула зажигалкой, глубоко затянулась и продолжала. — Нелегальные рынки наемного труда существуют во всех странах некогда социалистической коммуналки. Туда стекаются бывшие советские граждане, которые бегут от нищеты и безработицы в собственном отечестве. Они, конечно же, рискуют, ибо работать без соответствующих документов в цивилизованных странах запрещено — можно и в тюрьму угодить.

— Знают ли об этом сами гастарбайтеры?

— Конечно же, знают. И, тем не менее, идут на риск. Управляет теневыми рынками русская мафия, которая, подобно раковой опухоли, пустила метастазы по всей Европе. Преступные группировки зарабатывают на торговле рабочей силой огромные деньги, а сами нелегалы довольствуются мизером...

— И много таких нелегалов в Чехии?
— Я прочитала во вчерашней экономической газете — в стране более ста тысяч иностранцев работают нелегально.
И чем больше я слушал коллегу, тем тревожнее становилось на сердце. Это уловила моя собеседница, внимательно посмотрела на меня и дрогнувшим голосом произнесла:
— Может, оставишь эту затею? С бандитами шутки плохи.
— Надеюсь, со мной ничего не случится.
— Тогда желаю удачи, — на ее лице появилась натянутая улыбка, а в глазах клубилась тревога.
— Выпьем чашечку кофе? — я кивнул в сторону отеля «Адалберт», крутая крыша которого возвышалась над монастырской стеной.
— Не могу. У меня важная встреча. Пока.
Она погасила сигарету и торопливо зашагала к машине.

Ночью я почти не спал и вертелся у зеркала, подбирая соответствующий наряд для зоны повышенной опасности. Вечером позвонила Эльза и предупредила, что представителей полиции и журналистов там вычисляют мгновенно. Поэтому все из облика уважаемого журналиста-международника пришлось отложить до лучших времен. У знакомого истопника я одолжил пропитанные угольной пылью кеды и ссохшийся парусиновый ком, некогда служивший курткой. Облачившись в мерзко нелепый наряд, я с тоской поглядывал в зеркало, где маячил жалкий забулдыга.

Так проходили минута за минутой, и, казалось, темнота летней ночи сгушалась не в квадрате окна, а в моей груди. Ночь, словно петля, стягивалась вокруг шеи, сбивая дыхание. И когда, наконец, паутина рассвета вползла в квартиру, и на асфальте очертился силуэт такси, я спустился вниз и своим видом явно напугал знакомого водителя.

— Извините, пан журналист, — удивился он, — но я поначалу вас не узнал в этом... — он мысленно подбирал подходящее слово.

— Бросовом хламе, — подсказал я.

— Вот именно. Куда вы в таком наряде? Для маскарада вроде бы время неподходящее.

— На работу, мой друг. Решил студенческие годы вспомнить и вагон с углем разгрузить.

Автомобиль ринулся по пустынной улице, на которой изредка встречались поливочные машины. Мокрый асфальт дымился, словно парное молоко. Таксист уловил мое внутреннее напряжение и не докучал расспросами.

Ровно в четыре сорок пять машина притормозила у Выставочного комплекса, и я смешался с пестрой толпой нелегалов. В воздухе витал полусшепот русских, украинских, белорусских и молдавских фраз. Испуганно озираясь по сторонам, люди с надеждой ждали вербовщиков.

День обещал быть знойным. Да, вкалывать в такую жару будет нелегко, но тревожная мысль не поколебала намерения продолжить журналистское расследование. Я изучал лица вокруг, стараясь разгадать их житейские проблемы. Они, эти лица, кружились рядом, озабоченные и жесткие, некрасивые и растерянные, кружились до тех пор, пока из толпы не выделилось одно — сухошавое, с мелкими, но выразительными чертами, и с синяком под глазом. Я придвинулся к нему:

— Откуда, приятель?

Тот настороженно посмотрел на меня и пробубнил:

— Из Таллина. Слышал о таком городе?

— Выходит, мы соседи. Я из Риги.

Сморщенное лицо разгладилось, дряблый рот улыбочиво открылся, обнажая белые зубы с желтыми крапинками золотых коронок.

— Почти земляк! — прохрипел он и хотел еще что-то сказать, но тут появились вербовщики. Молодые крепкие ребята подъезжали на добротных машинах. Всех их роднила спортивная выправка, жесткость в глазах и русская речь с примесью блатного жаргона. Представители бандитских группировок явно вольготно чувствовали себя в этой хлебосольной стране. Вот и сейчас они деловито осматривали «живой товар», забирали паспорта и уводили к своим автомобилям. Лишившись документа, человек становился собственностью работаровца.

Высокий детина со шрамом на лбу окинул меня оценивающим взглядом. Я внутренне напрягся — судьба уже манила меня кое-какими посулами, но незримый карточный домик надежды рассыпался, когда я ошарашил вербовщика отсутствием паспорта. Он посмотрел на меня, как на прокаженного, и тут же потерял ко мне всякий интерес. Другие претенденты безропотно протягивали документ, их увозили в неизвестном направлении.

Эстонцу тоже не везло. То ли синяк под глазом отпугивал, то ли неряшливая одежда, но, окинув парня пытливым взглядом, работодатель проходил мимо. Эстонец лишь тяжело вздыхал вслед.

— Не переживай, земляк, — я пытался его успокоить. — Подберут и тебя.

— Кому нужен такой ободранный! — тоскливо заметил он. — Приехал в Прагу на пару дней, а кукую тут уже с неделю...

— А что случилось?

— Русский стандарт, — он криво усмехнулся. — Напоили, обобрали... Очухался уже на окраине Праги с вывернутыми карманами. Наши соотечественники поработали... Помню, девушка смазливая ко мне подкатилась в кафе и щебетала с хохляцким акцентом... Сидели, коньячок попивали, а потом красавица предложила к ней поехать, — он тяжело вздохнул и продолжил: — У меня пунктик есть... Как перепью сверх нормы, мозг отключается, и ничего не соображаю... Последнее, что помню, в машину сел... Чемодан свой я в камере хранения на железнодорожном вокзале оставил. И его умыкнули. Слава богу, паспорт в кармане оставили.

И с отчаянием в голосе добавил:

— Брожу, как бездомная собака, по чужому городу. Где взять деньги на обратный путь, если в Чехии у меня нет знакомых? Украинский бродяга подсказал, что здесь можно найти работу... Вот и приехал. Одна радость — в пражском метро нет турникетов и контролеров, можно бесплатно прокатиться...

— Контролеры есть, — пояснил я. — Только в такую рань они спят.

— И слава богу. Я по утрам в вагоне метро отсыпаюсь.

— Мой тебе совет: спрячь паспорт и забудь о нем.

— Тут вы правы, — раздумчиво произнес он. — Так и сделаю.

— Мы почти земляки, давайте хоть морально поддерживать друг друга, — ободряюще предложил я.

В глазах новоиспеченного знакомого блеснули искорки надежды.

— Согласен. А как вы здесь очутились?

— Аналогичная история, только был я абсолютно трезв. — Я стал рассказывать припасенную легенду. — В центре города портфель из рук вырвали, а в нем — и деньги, и документы...

Толпа быстро редела. Разобрали почти всех. Остались лишь я и бедолага из Таллина. Видимо, решил я, затея с журналистским расследованием рухнула и придется возвращаться ни с чем. Но вдруг появился запоздавший вербовщик. А так как нас осталось всего двое, он заспешил в нашу сторону. Изучающе оглядев меня, потребовал паспорт. Я, естественно, сказал, что его у меня нет, чем крайне озадачил мафиози. Однако выбора у него не было. Связавшись с кем-то по мобильнику, он долго чередовал нормальные слова с отборным русским матом, объясняя ситуацию. Парень из Таллина смотрел на него взглядом преданной собаки. Колючие зрачки вербовщика, как блохи, перескакивали от эстонца ко мне. Наконец он поклялся по телефону собеседнику, что с рабочих глаз не спустит, и, поманив паль-

---

цем, зашагал к автомобилю. Мы безропотно сели позади водителя, который повел машину по трассе, ведущей в Карловы Вары.

— Условия такие, — сухо изрек «благодетель», — я обеспечиваю вас работой, ночлегом в отеле и крышей.

— Если есть отель, — прикинулся я бестолковым, — для чего нужна еще одна крыша?

— Лапоть, — презрительно ухмыльнулся бандит. — Крыша — это я, твоя защита. Гарантирую, тебя не тронет ни чешский чиновник, ни наш бандюга.

— И даже местная полиция! — в моем голосе смешались удивление и восторг.

— Даже полиция, — самодовольно протянул он и жестко добавил. — Вы за это будете отстегивать лично мне тридцать процентов от дневного заработка. Я рискую, предлагая вас хозяину без документов. А за риск надо платить.

В знак утрашения он похлопал по внутреннему карману, где я уловил нечто похожее на контуры пистолета. Мне ничего не оставалось, как кивнуть головой.

Так мы оказался на одиноком хуторе, что между Прагой и знаменитым курортом. Вербовщик подвел нас к невысокому, богатырского сложения пану, с залысинами и пышными пепельными усами. Переговорив с поставщиком, фермер вытащил бумажник и отсчитал банкноты. Тот благодарно закивал головой и заискивающе проговорил:

— По вашему звонку, пан Иржи, я буду здесь, как штык.

— На ночлег отвезешь туда же, — распорядился хозяин.

Вербовщик кивнул, подошел к нам, и его тупой, украшенный прыщами подбородок угрожающе дрогнул.

— Попытайтесь бежать — из-под земли достану и пристрелю!

Он вперился колючими зрачками почему-то именно в меня и прошипел:

— Все понял?

Я с трудом выдержал его пронизывающий взгляд и молча кивнул в ответ. На лице эстонца царило безразличие.

— То-то! — губы бандита изогнулись в змеиной улыбке.

Он засеменил к машине. Фермер подошел ко мне, показал глазами на коровник и на хорошем русском языке приказал:

— Вывезешь навоз, помоешь коров. Чтоб все блестело, как в операционной.

— Вы хорошо говорите на русском, — заметил я.

— Я когда-то в молодости очень любил Советский Союз и был старательным партийцем. Меня за это послали учиться в

Москву. Но пришел шестьдесят восьмой, и я возненавидел вашу страну, — он хотел еще что-то сказать, но осекся и уже повелительным голосом предупредил. — Извольте хорошенько запомнить — рабочие в моем хозяйстве лишние вопросы не задают.

Он повернулся к эстонцу и поманил толстым, как сарделька, пальцем.

— Приступай к разгрузке, — хозяин кивнул на объемистую фуру. — Мешки с цементом складывать в сарае. Приедет клиент — загружай не мешкая... Будете работать с энтузиазмом, — подытожил он, — заплачу нормально.

— А нормально — это сколько? — деловито спросил я.

— Триста крон в день.

— Сколько часов мы работаем? — не унимался я.

— Десять часов с коротким перерывом на обед, — пан бросил на меня осуждающий взгляд и процедил. — У русских есть поговорка: язык мой — враг мой. Меньше слов — больше работы. Приступайте, то-ва-ри-ши.

Он взглянул на часы и зашагал к усадьбе.

Я вооружился лопатой и стал сгребать навоз. Ферма была запущенной, пришлось изрядно повозиться с тачкой и шлангом, прежде чем полы засверкали чистотой. Потом принялся мыть коров, поглядывая в узкое оконце. У фуры пыхтел балтийский земляк. Каждый мешок цемента ему давался с большим трудом. Он сгибался под тяжестью все ниже и ниже и, наконец, рухнул на землю вместе с ношей. Сквозь стены коровника просочился стон. Я отложил шланг, выключил воду и направился к нему.

— Больше не могу, — задыхаясь, проговорил он. — Это самая настоящая каторга...

— Сколько мешков отгрузил?

— Двадцать, — устало выдохнул парень, размазывая по лицу струйки пота. — Я не бурлак, а музыкант. Мои пальцы привыкли скользить по клавиатуре...

— В свое время мне приходилось за четыре часа перенести... — я мысленно произвел несложные математические подсчеты и оглушил эстонца весомой цифрой, — 1440 мешков с цементом.

После изрядной паузы тот недоверчиво покачал головой.

— Такого не может быть.

— Может, — заверил я и опустил якорь в глубину своей памяти.

Рижский морской порт.. Многокилометровые причалы с пришвартованными судами под разными флагами. Радары и мачты на фоне голубого неба, клювы порталых кранов, опускавших тяжелые стеллажи с цементом в темные пасти трюмов...

Я, студент первого курса факультета журналистики университета, пришел сюда узнать, как достается человеку соленый рубль, и заодно испытать себя на прочность.

— В студенческие годы, — пояснил я, — пришлось вкалывать докером в порту. Семь потов сойдет, пока суда загружали цементом... Площадку с мешками стрела крана опускала по центру трюма. И мы, грузчики, хватали их и торопливо разносили по всем углам судна... Иногда мешок с цементом приходилось метров десять тащить... Так за смену на каждого докера набиралось по вагону. А вместимость пульмана — 72 тонны. Вот и раздели это число на вес мешка с цементом, то есть на пятьдесят килограммов. Получишь цифру, которую тебе назвал...

— Рассказывайте кому-нибудь, кто живет далеко от моря. А Таллин — город портовый, я не раз бывал на причалах и видел, как по трюмам катаются погрузочные машины... Докеры лишь управляют ими...

— Это сейчас там техника. А в семидесятые годы не было такой механизации, трюмы загружались мокрыми спинами докеров...

Я подхватил мешок, уложил его на левую руку и, придерживая правой ладонью за торец, сноровисто внес в сарай и аккуратно положил на пол.

— Надо быстро передвигаться с тяжестью, — подсказывал я, — чтобы нагрузка на ноги была поменьше.

Эстонец с интересом наблюдал за моими манипуляциями, все больше и больше удивляясь.

— Верю, теперь верю, — проговорил он. — Ловко вы с мешками управляетесь...

Внешне, возможно, выглядело лихо. На самом деле силы мои были на исходе — ноги дрожали, вены на руках взбухли, в глазах мельтешили круги.

— Финиш! Попробуем кое-что механизировать, — бросил я и побрел к коровнику за тачкой.

Работать стало легче. Мы с двух сторон брали мешки и укладывали их в тачку. Но тут появился пан Иржи, поманил меня пальцем и повел за собой.

— Крыша в свинарнике требует ремонта, — по пути объяснял он. — Твоя задача: снять старый шифер и положить вместо него железные листы.

Он показал мне, где лежат лестница, пленка, гвозди и штабель с гофрированным металлом. Я прикинул, как буду взбираться по шаткой лестнице с широким металлическим листом, и заметил хозяину:

— Одному трудно поднимать.

— Помощников нет, — оборвал он меня, — управись сам.
Пан Иржи сел за штурвал трактора и укатил. Я вскарабкался на крышу и под тревожное хрюканье многочисленного свиного семейства стал отдира́ть шифер.

Солнце жарило нещадно. Термометр наверняка показывал за тридцать. Я сбросил рубашку, но все равно обливался потом — усталость давала о себе знать.

Через пару часов напряженной работы я с трудом разогнул плечи, на которые, казалось, напялили свинцовые латы. Кружилась голова, в горле пересохло, и я решил спуститься за водой.

Набрав полведра воды и завернув за угол, увидел странную картину. Эстонец вез мешки с цементом. Тачка в его ладонях словно оживала, переваливаясь с боку на бок, и парень почти всем телом повисал на металлических ручках, громко выплевывая отборный мат. Будто реагируя на грубость, тачка перевернулась, и мешки полетели на землю. Эстонец с трудом поднял мешок, другой, и ноги его надломились. Он рухнул рядом и лежал не шевелясь. Я заспешил к нему — парень посерел, будто погас.

— Водички хочешь? — с тревогой в голосе предложил я.

Он с трудом разлепил веки, сплюнул скрипевшую на зубах цементную пыль и процедил:

— Хочу, только рукой пошевелить не могу. Окажите, пожалуйста, услугу, протяните к губам ковши́к.

Я черпнул воду и направил тоненькую струю между затянутыми цементной пленкой губами. Утолив жажду, он тусклыми глазами уставился в бездонное небо, схваченное от горизонта до горизонта голубой накипью, и тихо заговорил:

— Все. С меня хватит. Надо сматываться отсюда. У ворот автомобиль стоит. Давайте на нем умчимся?

— Во-первых, машина заперта...

— Я ее открою за пару секунд, — оживился он.

— Во-вторых, — пропуская мимо ушей его фразу, продолжал я, — чешская полиция работает отменно. Так что далеко не уедешь. Выбрось это из головы.

Он долго смотрел на небо, потом повернулся ко мне.

— Наверное, вы правы...

Хотел еще что-то сказать, но тут мы оба заметили, как со стороны сада, от белой яблоне́вой кипени плыла в нашу сторону девичья фигурка с черной косой, перекинутой спереди на блузку. Туго стянутая коса напоминала змею, пригревшуюся на пышной груди. Девушка шла, опустив голову, будто искала что-то под ногами. В метрах пяти от нас остановилась и с украинским акцентом произнесла:

— Вас приглашают на обед.

Небольшая стеклянная веранда, примкнувшая к усадьбе, служила столовой для obsługi. Рядом валялся водопроводный шланг. Мы с наслаждением стояли под холодной струей. Хозяин ткнул пальцем в счетчик:

— Вода стоит денег. За все будет высчитано.

Я торопливо завернул кран, утерся куском белой тряпки и направился к дощатому столу, вдоль которого тянулись грубо сколоченные скамейки.

— Ваша соотечественница Оксана с Ужгорода, — складывая губы в улыбку, проговорил хозяин, — приготовила прекрасный обед.

На столе дымилось варево из капусты и гороха, приправленное небольшими кусками мяса. Едва я потянулся за ложкой, как хозяин остановил мой порыв неуместным вопросом:

— Знаешь ли ты о чешских событиях в шестьдесят восьмом?

— Кое-что слышал, — бросил я.

— После этих событий сто тридцать тысяч чехов и словаков оказались в трудовых колониях, семнадцать из которых были концентрационными лагерями, где узников заставляли работать на урановых рудниках. Мой отец там отдал богу душу, — фермер перекрестился. — Он был хорошим учителем и любил свою родину. И очень не хотел жить под диктовку коммунистического режима. Вашего режима...

— Бывшего нашего, — уточнил я. — Теперь я живу в другой стране — Латвии. А он, — я кивнул на соседа, — приехал сюда из Эстонии. Прибалтам тоже нелегко пришлось в социалистическом муравейнике.

— Согласен, — в глазах пана Иржи мелькнуло что-то похожее на сочувствие. — Всех нас угнетал старший брат — век бы его не видеть. — Он опять перекрестился.

— Значит, вы из Прибалтики?.. Это хорошо. Мне не надо волноваться, что в моем хозяйстве что-то сопрут. Так, кажется, выражаются русские.

Он задумчиво смотрел в окно, как бы собираясь с мыслями, а потом начал рассказывать об ужасах на урановых рудниках.

— Мой отец уродовался в концлагере, который охраняли советские чекисты... Не чешские солдаты, а ваши красноармейцы. Каждый грамм урана строго контролировался Москвой. Руду увозили в Россию, обогащали и продавали по всему свету, зарабатывая на этом миллиарды долларов. А мы, чехи, получали кукиш.

— Пан Иржи, — осмелел я, — сейчас не шестьдесят восьмой год, но мы весь день вкалываем, как в концлагере.

— Так ведь я плачу! — возмутился хозяин. — А моему отцу ничего не платили.

Он посмотрел на часы и закончил монолог властной фразой:

— Через пятнадцать минут вы должны быть на своих рабочих местах.

Крышу я разобрал быстро. Окончательно измучился, поднимая по шаткой лестнице широкие металлические листы. Периодически приходилось идти на помощь эстонцу, который несколько раз падал и лежал неподвижно, как мертвец. Я приводил его в чувство, и каторжный марафон продолжался.

Над хутором садилось солнце, и лучи его зажигали охрой окна усадьбы, верхушки яблонь. Стекла старинного хутора становились красными, как глаза моего нового друга, — то ли от слез, то ли от перенапряжения.

Пан Иржи появился в двадцать два часа, поманил меня пальцем, вытащил бумажник и протянул банкноты. Каторжный труд был оценен в триста крон, что составляло около восьми американских долларов*.

Эстонец, совершенно обессиленный, сидел на траве. Он не в состоянии был подняться, когда грузная фигура хозяина выросла около него. Лишь протянул ладонь, которая была красной с белыми лохмотьями лопнувших мозолей.

— Это тебе, — пан Иржи положил на израненную ладонь кроны и попытался подмигнуть, дескать, труд нелегкий, но зарплата того стоит.

Потухшие глаза эстонца подернулись иронической поволокой.

— Спасибо, пан Иржи, — скрипя на зубах цементными песчинками, процедил он. — Эти мешки я запомню на всю оставшуюся жизнь.

— Цемент — это хороший бизнес, — доверительно сообщил фермер. — Мне его из Украины доставляют по бросовой цене. А я его продаю по местным расценкам минус десять процентов. Завтра, — он снисходительно тронул плечо эстонца, — тебе будет легче. А послезавтра — еще легче. Опыт — вот что из новичка делает настоящего мужчину. Потом ты будешь носить эти мешки с наслаждением.

И явно довольный собой, пан Иржи удалился.

— С меня хватит, — с тихим бешенством выдавил эстонец. — Баста!

— Но ведь для тебя это единственный способ заработать деньги на обратную дорогу, — заметил я.

---

*По курсу августа 1994 года

Он молча стал подниматься и заковылял к ведру с водой. Из-за угла вынырнула знакомая машины. Работорговец мягко подкатил к хозяину, притормозил и выскочил из салона. Они о чем-то переговорили, пан Иржи достал бумажник, отсчитал банкноты и протянул их поставщику. Тот, растягивая губы в елеиную улыбку, долго раскланивался. Сколько заработала мафия на наших мозолях — для меня осталось тайной. Думаю, очень прилично. Хозяин махнул рукой и пошел к усадьбе. Мафиози упругими шагами направился к нам.

— Гоните бабки, джентльмены. — В его голосе сквозил металл. — Как договорились, тридцать процентов от дневного заработка.

Я отдал ему сотенную. Эстонец последовал моему примеру.

Вербовщик вез нас в отель. Даль источалась бордовым маревом. Заходящее солнце кроваво изливалось над пшеничным полем пана Иржи, а потом начался многокилометровый лесной массив. Когда мохнатая стена оборвалась, открылось озеро, издавая запах водорослей. На пустынном берегу белело приземистое здание.

— Ваш отель, — хмыкнул мафиози.

Судя по волейбольной площадке и турнику, тут когда-то размещалась спортивная база. Теперь она служила пристанищем нелегальным эмигрантам. В просторной комнате возвышались двухъярусные койки. Повсюду стоял неистребимый запах грязной одежды, дешевого пива и немых тел. Душ, стиральная машина, телевизор и другие элементарные блага цивилизации, которые есть даже в здешних тюрьмах, для гастарбайтера — большая роскошь.

В комнате оказалось восемь человек. Здесь, в замкнутом круге, вырванные из людской массы жадной заработать валюту, они, эти бедолаги, предстали передо мной как отдельные маленькие миры, сокрытые за семью печатями неведомых мне страстей и стремлений. Держались замкнуто, с недоверием поглядывая друг на друга. Картина преобразилась лишь в воскресенье, когда появился вербовщик и стал собирать деньги.

— А ты что? — уставился он на меня колючими зрачками. — Я ведь на продукты и спиртное собираю. Люди едят и пьют, не покидая этих мест...

Я внес свою долю. Торговая точка, как я понял, находилась в нескольких километрах отсюда, и добираться туда без документов было делом рискованным. Нелегалам создавали жесткие условия — даже за доставку продуктов приходилось бандиту платить.

Вербовщик вернулся с несколькими ящиками дешевого вина, водки и чешского пива. Компания попалась разношерстная:

искатели счастья, апологеты дальних странствий, просто бегущие от неурядиц в собственном отечестве и мечтавшие бросить якорь на хлебосольной чужбине.

Откровенный разговор начался после затянувшегося застолья. Сосед по нижней койке, с блинообразным ликом в россыпи крупных веснушек, протянул широкую ладонь и представился:

— Николай. Из Западной Украины. Приехал на заработки.

— Ну и как они? — поинтересовался я.

— Третий месяц горбачусь, — с горечью поведал он. — Трудно, но в доме осталось шесть ртов — кормить детей надо, а с работой в наших краях туговато. — Он залпом осушил стакан вина и продолжал: — Приехал сюда как турист и остался на заработки. А как же иначе, если по чешским законам каждый въезжающий в страну обязан иметь при себе, как минимум, триста долларов. Откуда возьмешь такие деньги! Вот и придумал ход: через туризм в каторжники. Дома начитался рекламы, где пишут, что в Чехии за неквалифицированный труд предлагают четыреста долларов в месяц. Брехня все это. За такие деньги и чех пашет с удовольствием. А нам в лучшем случае перепадает всего пара сотен «зелени». Правда, по украинским меркам сумма приличная. Поэтому мы согласны пахать нелегально, без страховок, пенсионных сборов и налогов, что для работодателя очень выгодно. Однако и хозяин рискует — полиция здесь оборотистая. Но и с ней договариваются. И хотя в стране существует проблема безработицы, далеко не каждый чех станет батрачить за такие гроши. Ему удобнее получить пособие по безработице и не заниматься унижительным трудом — это дело русских, украинцев, белорусов и прочих иностранцев.

— По чешским законам, — возразил я, — можно официально получить право на работу и вид на жительство.

— Можно. Но кандидатуру иностранца утверждает местное бюро трудоустройства и только в том случае, если на вакантное место не претендуют чехи. К тому же для получения разрешения на жительство и работу надо принести справку из банка о том, что ты имеешь прожиточный минимум, который измеряется 1300 долларами. Люди с такими деньгами возиться с навозом не станут!

Он опять потянулся к спиртному, наполнил до краев стакан, влил жидкость в гортань, закусил лучком и вернулся к своим размышлениям.

— Нелегалу трудно и нерадостно. По выходным дням запираемся в своей конуре. Без паспорта в людном месте не явись — опасно! С одной стороны нас преследует полиция, а с другой — свои же бандиты. Чехи поражаются тому, как рус-

---

ские преступники проникли сюда. Нынешние мафиози стали психологами — знают, как и кого «вычислить». Бывшего советского гражданина-нелегала на улице узнать легко — поношенная одежда, бегающий взгляд, вынужденная немота из опасения выдать себя родным языком. Как правило, весь свой заработок рабочий с востока носит с собой — в общаге могут украть. К ним и подкатывается мафия, требуя по-братски «поделиться» с ближним. Могут жестоко проучить строптивного — избить до полусмерти, зная — нелегал в полицию не обратится. Его бесправие и вдохновляет бандитов на легкий заработок.

Невысокий рыжий белорус с квадратными плечами, устремив в окно искристые голубые глаза, вдруг встрепенулся и прохрипел:

— Можно податься и дальше, например, в Германию, Австрию, где заработаешь больше, но ведь и полиция там работает зорче. Хорошо, если только вышибут из страны. А то, гляди, и в тюрьме заграничной очутишься. В бывших странах социализма все-таки проще...

Спиртная вакханалия стремительно раскручивалась. Я сослался на больную печень и категорически отказался от выпивки. И чтобы не мозолить мутные глаза собутыльников, вышел на берег озера и увидел одиноко сидящего на траве молодого человека лет тридцати, с темными, как агат, глазами.

— Только что выкупался, — приветливо произнес он. — Водичка — прелесть.

— В застолье не участвуете?

— Нет. Я ведь учитель истории по образованию. При моей профессии пить нельзя. Да и не тянет.

Он помолчал, вздохнул и задумчиво продолжил:

— Гастарбайтеров тоже можно понять. Они ведь пьют горькую не от радости. Хотят поскорее оглушить себя спиртным, забыться, дать себе полную волю. Захмелеют — песни заводят, даже пляшут... Потом, устав от крика и хохота, они, разморенные, затихают... Но так происходит лишь в выходные дни. В рабочую неделю каплю спиртного в рот не берут...

— А вас что привело сюда?

— Квартиру хочу купить. Жить под одной крышей с тещей...

Он не договорил и махнул рукой.

— Понятно, — сочувственно улыбнулся я.

Мы купались, загорали и беседовали часа два. На четвереньках приполз к озеру украинец с блинообразным лицом. Педагог, увидев его, торопливо оделся и пошел в сторону леса. Я вернулся в общагу. Эстонец заметно накачался и пел приятным тенорком на английском языке. Потом вдруг громко зарыдал, размазывая слезы по покрасневшему лицу.

— Одна надежда на полковника Кристаповича, — скосив в мою сторону осоловелые глаза, пробормотал он. — Как с ним связаться? Тут ведь нет телефона.

— Это твой шеф?

— Кристапович? Да-а-а... Я — музыкант. Но на музыке много не зарабатываешь. Поэтому я освоил другую профессию — угонщика автомобилей, — он многозначительно посмотрел на меня. — Любую легковушку могу угнать...

Эстонец схватил бутылку и прилип к горлышку непослушными губами. Струйки вина сбегали по подбородку.

— С тебя хватит. — Я вырвал у него бутылку.

Эстонец покорно кивнул и после паузы, заикаясь, поведал:

— Как-то заприметил я новенький «мерс»... Вскрыл дверцу салона, попытался завести... Тут меня и скрутили. Сижу, значит, в ментовке и морально готовлюсь загудеть на судебную скамью. И тут мне улыбнулась удача. Мужчина в штатском вытащил из участка, подвел к черной «Волге», открыл дверцу и глазами показал на заднее сиденье, а сам удалился. Там сидел человек, он внимательно рассмотрел меня и стал задавать вопросы: «Впервые попался?». — «Да, — отвечаю, — раньше бог миловал». — «Не повезло тебе, — устрасил он. — От трех до пяти гарантировано»... Потом поинтересовался, откуда знаю английский. Я тогда пел в кабаке. Большинство модных шлягеров исполнялось на английском. И чтобы не вызывать у иностранцев осуждающих улыбок, я решил основательно изучить английский. Кое-что мне удалось... Важный собеседник пояснил: мол, он знаком с владельцем «Мерседеса» и может уговорить того забрать жалобу, тогда я окажусь на свободе. Так товарищ Кристапович помог мне избежать тюрьмы. И в знак благодарности я стал работать на него.

— Кем же был этот загадочный человек?

— Кристапович? Он работал заместителем начальника отдела по борьбе с контрабандой КГБ Эстонской ССР.

Голова музыканта качнулась и упала на грудь. Он с трудом поднял ее и, еле ворочая языком, проговорил:

— Лучше быть стукачом на свободе, чем незапятнанным уголовником за решеткой. У меня не было выбора.

Он натужно растягивал слова, порой проглатывая окончания.

— Рухнули Советы, разогнали КГБ, мой шеф перешел на службу в местную таможню, а я продолжаю исправно гнуть спину на него... Ведь из сети КГБ по собственному желанию вырваться невозможно. Коллеги пробовали, но их находили то ли с пробитым черепом, то ли с пулей в груди. Потомки Дзержинского никогда не отпускали своих информаторов на свободу по их собственному желан...

Он не договорил, рухнул со стула — и отключился. Мне пришлось оттащить размякшее тело к кровати.

С известным шведским историком и публицистом Кнудом Карлквистом я встретился в Стокгольмском международном институте исследований проблем мира, что на улице Ситгна-листгатан, 9, и задал ему несколько вопросов.

— Господин Карлквист, вы не поверили официальной версии парламентской комиссии, которая утверждает, что трагедия случилась по причине внезапного открытия носовых ворот корабля, так называемого визиря, и продолжаете собственное расследование...

— Не только я, но и многие специалисты, журналисты, юристы, судовые конструкторы, проживающие в разных точках мира, сочли вывод комиссии ошибочным. Создается впечатление, что комиссия приняла решение под диктовку важных, очень важных персон, которые пытаются любой ценой скрыть истинные причины гибели парома «Эстония».

— И все же, почему вы усомнились заключению компетентных лиц, входящих в эту комиссию?

— Главная причина, которую она указывает, неправдоподобна. Визирь оторвался не раньше того момента, когда паром накренился. Показания свидетелей — трех моряков команды — опровергают вывод комиссии. Они утверждают, что после крена парома на автомобильной палубе все было нормально и ничего не повреждено. Все это фиксировалось на телеэкране. Значит, ворота оставались на месте. Значит, сильный крен, при котором люди, багаж и все остальное катилось и падало, произошел не оттого, что вода залила автомобильный отсек, а по другой причине, которую так тщательно пытаются скрыть сильные мира сего.

— Визирь, по-вашему, тут ни при чем?

— Разумеется. Кстати, визирь подозрительно долго искали с помощью эхолота, пеленгуя дно моря. Он весит пятьдесят пять тонн и огромный, как дом. Как же можно так долго искать такую машину, лежащую всего лишь в полутора километрах от парома? Достаточно было увидеть светлое пятно на мониторе. Возникает вопрос: почему же шведские и финские военные, располагая самым современным поисковым оборудованием, искали визирь целых три недели!? Я думаю, они искали что-то другое...

ТАЛЛИН. АВГУСТ 1994 ГОДА. Игорь КРИСТАПОВИЧ

Было около десяти вечера, когда зазвонил телефон. Голос бывшего коллеги из Питера он узнал сразу. Где было забыть ему

ту смертельно опасную ночь на причалах Таллинского порта, когда представители КГБ Ленинграда и эстонской столицы проводили совместную операцию по обезвреживанию контрабандистов.

В памяти всплыла картина холодной февральской ночи. Он, Игорь Кристапович, осторожно крался вдоль длинного складского помещения. Вот и тусклое, задернутое изнутри шторой окошко каптерки, где, по сведению наблюдателя, находились преступники. С другой стороны склада сюда направлялась группа коллег из Ленинграда, возглавляемая майором.

Эта ночь впечаталась в память, как татуировка. Он помнил ее во всех деталях. Зимняя темь матерела, круто сгущая холодный воздух. Возможно, стужа притупила его бдительность. Он осторожно крался, и все для него в эту минуту сосредоточилось в этом окошке, которое блекло мерцало в кирпичном проеме.

Все произошло так стремительно, что Игорь поначалу ничего не понял. Где-то грянул выстрел... Потом в разбуженную тишину ворвалось глухое чмокание падающего тела. Он резко обернулся и остолбенел — в метре от него на асфальте корчилась громоздкая фигура бандита, а в скрученных пальцах зловеще блестело лезвие ножа. И то, что он увидел, резануло его под самое сердце: вот она, судьба-то! Точный выстрел майора спас его от смерти.

Сейчас, едва вспомнив злосчастную операцию, Кристапович с дрожью повел плечами, будто заново пережил всю стылую промозглость той ночи.

Потом время и события надолго разлучили их. Игорь не видел своего спасителя со времен последней эстонской революции и только слышал, что тот сегодня занимал какой-то пост в российской ФСБ.

И вот неожиданный звонок.

— Узнал коллегу? — хохотнул знакомый баритон.

— А как же! — обрадовался Игорь.

— Я в этом и не сомневался. Давай завтра ближе к вечеру скажем, часиков в шесть встретимся. Буду ждать тебя в кемпинге, где мы в добрые советские времена бурно проводили время. Надеюсь, адрес не забыл.

— Нет. Буду, как договорились.

После работы Игорь, не заезжая домой, направился к кемпингу, который располагался на окраине Таллина. Ленточка шоссе уходила вверх, огибая коттеджи и мохнатые ряды деревьев. Хвойная стена оборвалась, и перед его взором блеснула морская гладь, на которой, как гигантский лебедь, белело суд-

---

но. Игорь как бывший таможенник точно знал, что это паром «Эстония» покинул морской вокзал и взял курс на Стокгольм. А навстречу кораблю, обрубив горизонт, неслось грифельное месиво. Оно раздраженно клубилось и разбухало, проглатывая силуэты судов, яхт, рыбацких баркасов, военных катеров.

Вот-вот грянет ливень, беспокойно подумал он и прибавил скорость.

Брюхатая туча стремительно приближалась и вот уже всей грудью навалилась на кроны ближних сосен... И в эту секунду зигзаг молнии с треском распорол небо...

Дробно застучал ливень.

Под шумный перехлест дождя Игорю почудился в нахлынувшем ненастье какой-то божественный знак. Почему возникла подобная мысль — объяснить не мог.

«Дворники» с трудом разрывали водную пелену, и он почти носом прильнул к ветровому стеклу, напряженно вглядываясь в размытый асфальт, едва успевая сбрасывать скорость на крутых поворотах.

А ведь майор неспроста оказался в Таллине, зябко передернуло его, что-то очень серьезное привело сюда. Что?.. И свидание назначил на окраине города в полупустом осенью кемпинге. Наверняка под чужим именем оказался тут. Разве даст консульство Эстонии визу представителю ФСБ России?!

Громовые раскаты словно что-то всколыхнули в нем, заполняя тело неосознанным беспокойством. Последние километры машина, казалось, плыла сквозь водяную завесу, в которой призрачно растекались изогнутые контуры домов и деревьев. Наконец, сквозь сетку дождя, в сосновом перелеске смутно проявились ворота кемпинга. Миновав вигвамы, он подрулил к зданию ресторана. На стоянке мокла одинокая машина. Игорь припарковался рядом. Перед тем как шагнуть в дождь, он скосил глаз на БМВ с российскими номерами. Попытался найти зонтик, потом махнул рукой, выскочил из салона и побежал к широкой витрине, за которой искривленные водными полосами маячили столы и стулья.

Майор сидел в углу пустынного зала и читал газету. Казалось, он никого вокруг себя не замечал. Игорь топтался у входа, внимательно разглядывая бывшего коллегу. Широкоплечий, невысокого росточка, с симпатичным лицом, на котором особенно выделялся утонченный нос с чуть заметной горбинкой, а золотистая оправа очков придавала ему интеллигентность...

Игорь неторопливо направился к столику.

— Подгребай, приятель, — не отрываясь от газеты, проговорил гость. — Уважь своим присутствием незадачливого инженера с Псковщины...

Игорь все понял и, широко улыбаясь, опустился на стул. Майор отложил газету и поднял глаза на бывшего коллегу.

— Ты по-прежнему работаешь в таможне? — Он без церемоний приступил к делу.

— Был в таможне, — замялся Игорь. — Меня, как бывшего сотрудника КГБ, новая власть «попросила» уволиться по собственному желанию. Такие сегодня времена и такие нравы...

— И где же ты сейчас трудишься?

— В охранной фирме.

— На хлеб хватает? — В голосе майора сквозила ирония.

Игорь неопределенно пожал плечами.

— Ты не обижайся, коллега, — примирительно произнес майор. — Нашего брата из некогда могущественной организации сегодня повсюду выгоняют и платят мизер. Я приехал предложить дельце, которое, возможно, обеспечит тебе беззаботную жизнь. Надеюсь, контакты в таможне у тебя сохранились?

— Людям нашей профессии без контактов скучно жить и творить, — усмехнулся Игорь. — Чекист до гробовой доски останется чекистом.

— Это точно, — улыбнулся майор, но улыбка тут же соскользнула с его лица. — Ты, видимо, догадался, что я сюда не для дегустации местных блюд явился. Дело к тебе есть очень, подчеркиваю, очень важное. Чтобы ты понял суть, выложу тебе факты прямым текстом...

В полумраке пустынного зала голос майора звучал спокойно, а некоторые слова он произносил чеканно, как бы вбивая их в голову собеседника.

— Генералы из войск российской ПВО решили продать за рубеж новейшую отечественную установку. Эту секретную аппаратуру они умудрились снять с боевого дежурства и тайно переправить в войсковую часть, которая базируется недалеко от эстонской границы.

Майор прервал рассказ, задержав пристальный взгляд на собеседнике, насквозь прошивая его своими льдисто-голубыми зрачками.

— Мне известно место, — продолжил он после паузы, — где сегодня спрятана установка. Вот-вот её повезут покупателю.

— Похоже, очень богатому, — заметил Игорь.

— Ты прав. Тут миллионы баксов прокручиваются, — уточнил майор и опять прервал рассказ. Появилась официантка с блокнотиком в руках и привычно зашебетала:

— Господа уже выбрали горячее? Предлагаю фирменное блюдо — лосось, запеченный в тесте с...

— Позже, — оборвал ее майор. — Я дам знать...

— Буду ждать вашего сигнала, — расплылась в улыбке девушка и грациозно отошла к бару.

Майор недовольно вздохнул, разлил коньяк и залпом осушил рюмку. Игорь медленно поцеживал спиртное, напряженно ожидая продолжения рассказа.

— Вернемся к нашим баранам, — лицо майора опять стало озабоченным. — Предполагаемый маршрут следования драгоценного груза таков: Ленинградская область — Таллин — Стокгольм. Далее — не знаю.

— Почему Стокгольм?

— Есть информация о том, что таможенникам таллинского терминала запретили проверять фуры с военным грузом, следующие в Швецию и Финляндию.

Гость говорил и цепким взглядом прошупывал настроение собеседника. Внешне Игорь не выдавал своего волнения. В голове пронеслось множество вопросов, и один из них он задал сразу:

— Какова моя миссия в этой операции?

Тот будто не расслышал и продолжал:

— Наши армейские чины сегодня продают за валюту все, что могут продать. Российская армия, как и вся страна, к великому сожалению, разваливается... Там хаос и беззаконие. Генералы никого не боятся и творят все что хотят...

— А твоя контора знает об этом?

— Знает, — безразлично бросил майор и тут же другим тоном добавил. — Конкретно об этом случае знаю только я и моя команда. Нам удалось получить информацию об этой сделке. Кое-что любопытное собрала моя агентура, кое-что удалось подслушать, словом, детали операции стали мне ясны. Подчеркиваю, только мне одному. И пока я не собираюсь докладывать вышестоящему начальству.

— Почему? — удивился Игорь.

— Отвечу открытым текстом: хочу заработать на этой сделке. Если генералы получают мешок денег и собираются жить припеваючи, то мне, представителю службы безопасности, негоже существовать на государственную пенсию... На нее и орешков-то сегодня не купишь... Как говорил Форд, если людям платить на орешки, то они будут работать, как обезьяны... Я, ты и все мои люди, которым я доверяю и которые участвуют в этой операции, заработают приличные деньги... Пойми, Игорь, такого шанса нельзя упускать.

Кристапович слушал коллегу, а в голове по-прежнему вертелось множество вопросов. Например, как коллега получит свою долю? От генералов? Вряд ли они поделятся!.. Их шантажировать бесполезно... От покупателя? Возможно.

Майор словно угадал потаенные мысли Игоря и прошептал:

— Мы перехватим груз там, в море... И переправим другому покупателю. Моему покупателю.

— Догадываюсь, — натянуто произнес Игорь, — в трюме парома перегрузите на другую машину, которая в Швеции исчезнет в неизвестном направлении...

— Приблизительно, — бросил майор.

Представитель ФСБ смотрел на собеседника, а тот отвел глаза и задумчиво уставился в витрину. Сквозь ржавую хвою листвы хмуро просвечивало разбухшее небо. Распластанные облака вяло волочили вихрастые космы. Игорь оторвал взгляд от окна и прервал молчание:

— А как же идеалы, ради которых офицеры КГБ шли на смерть? Или безропотно выполняли самую грязную работу — убивали во имя Родины?

— Идеалы улетучились в тот самый день, когда металлическая фигура Дзержинского напротив нашей главной конторы рухнула с пьедестала на мостовую. Матушка Россия уже в ином наряде... Другая страна, дорогой мой, и другие ценности... Сегодня, к великому сожалению, не идеалы, а финансы решают все.

— Выходит, — с хрипотцой протянул Игорь, — служащие твоей конторы повернулись лицом к капитализму?.. Нам преподносили этот капитализм как загнивающий. А он заронил гниль в чекистские души.

— Если ты меня имеешь в виду, — криво улыбнулся майор, — то я давно понял, что финансы решают все. В нашей конторе сегодня персонал тоже перестроился. Правда, не весь, но большая часть. Раньше киллер КГБ получал задание и безропотно выполнял его ради идеи или от страха. Сегодня офицер отдела убийств требует заплатить за ликвидацию неугодного очень даже приличную сумму... Какие тут идеи?! Все решает цена!..

— Я слышал, Ельцин ликвидировал отдел убийств в нашем ведомстве.

— Было такое. В 1991 году отдел разогнали. Профессиональные киллеры ушли в коммерческие структуры. А через три года он вновь возродился, став уже управлением. Для квалифицированных людей, какими мы являемся, работы прибавилось... Вокруг — сплошная стрельба и куча трупов.

Он влил в себя очередную порцию коньяка и размягченным голосом проговорил:

— Да ладно, мы отвлеклись. Вернемся к операции под условным названием «Паром»... Твоя задача — наладить контакты с таможенной службой. Как мне стало известно от агента, внедренного нами в силовые структуры Эстонии, машины с секретным грузом пройдут на борт парома без таможенного контроля. Соображаешь, и твое правительство работает на покупателя!

— А кто он?

— Американцы, — не задумываясь ответил майор и продолжил: — Тут нарушаются все международные нормы. Везти военный груз на гражданском судне — преступление!.. Но это на совести эстонского правительства!.. И шведского тоже. Большие финансы тут ворочаются. Они затмили разум силовиков государства, в котором ты обитаешь! Согласен, в России бардак! Но чем Эстония, считающая себя цивилизованным государством, лучше России? Да все они заискивают перед Дядей Сэмом!.. Впрочем, это не мое дело. Мое дело — урвать кусок пирога, обильно напичканного «зеленью»!

— Твой покупатель откуда?.. Да ладно, прости за глупый вопрос...

— На сей раз прощаю, — заверил майор. И хотя лицо его оставалось бесстрастным, все же чувствовалось, что разговор дался ему не легко. Глаза его то возбужденно блестели, то заволакивались пустотой.

— Твоя задача, — устало продолжил он, — договориться с надежным таможенником — мы ему прилично заплатим. Он должен заглянуть в фуру, везущую военную аппаратуру, и подтвердить, что там контрабандный груз. Номера машин я тебе сообщу... Вот почему я здесь и встречаюсь с тобой.

Игорь ответил не сразу. Он долго смотрел, как дождь сечет стекло, растекаясь мутными полосами. Потом озадаченно произнес:

— Взвалил ты на мои плечи тяжеленную ношу. В этом опасном деле замешаны, как я понимаю, силовые структуры трех стран.

— Четырех, — поправил собеседник. — Прибавь сюда Швецию. Ведь в порт этой страны придет паром. Я уверен, что главный заказчик — США. Остальные страны лишь посредники, выполняющие установку заокеанского босса. Американцы в этой военной области заметно отстали от россиян. Вот и решили «подтянуть спадающие штаны», играя на алчности наших генералов. Ведь создать установку, имея перед собой образец, — значит сэкономить время и огромные деньги! Такую великолепную возможность им и подкинули наши генералы.

Игорь мысленно добавил к ним и своего собеседника.

— Операция, прямо скажем, масштабная, — завершал свой монолог майор. — Если тебе она не по нутру, то разойдемся, как в луже два окурка, и забудем об этом разговоре.

— Придется поучаствовать, — без особого энтузиазма согласился Кристапович.

— Вот и хорошо, — повеселел майор. — Вот и договорились. А теперь поиграем в вопросы и ответы и обмоем нашу задумку.

Они еще долго обсуждали детали операции.

Когда Игорь возвращался домой, непогода продолжала буйствовать. Местами над дорогой клубились полосы тумана, и ему казалось, что автомобиль не ехал, а плыл в студеной бездне.

— Итак, подведем итог неожиданного randevу? — вслух размышлял Кристапович. — Генералы сегодня продают все, что можно продать. Об этом твердят думские депутаты в России, об этом пишет пресса. Но трудно предположить торговлю секретной военной техникой! Впрочем, если такой процесс начался — о предупреждающих грифах «секретно» забывают. Докатились, как говорится, до ручки!.. А вот позиция майора мне не совсем ясна. Возможно, он, прикрываясь алчностью, выполняет задание правительства?.. Всякое может быть. В любом случае ты, Игорь, угодил под опасный пресс... Очень опасный!.. Тут задействованы мощные силы, настолько мощные, что под их дудку пляшут секретные службы нескольких стран...

Припарковав машину у своего дома, он мрачно подумал, что у этой ночи было свое таинственное дыхание, от которого холодило душу. Она — эта ночь — была вязка и беспросветна.

Передо мной Леннарт Хенриксон, бывший начальник таможенной службы Стокгольмского порта, ныне пенсионер.

— Вы недавно выступили по шведскому телевидению в передаче «Расследование» с сенсационным признанием, приоткрыв тем самым служебную тайну?

— Было такое.

— Так что же везли в трюме парома «Эстония»?

— На пассажирском судне в Швецию доставлялся секретный военный груз. Четырнадцатого сентября 1994 года меня вызвал шеф и предупредил, что на пароме «Эстония» в Стокгольм прибудет автомобиль, который нельзя осматривать. Это была «вольво-745». Водитель представился Гансом Ларсеном. Документы у него были явно фальшивыми. Несмотря на запрет, я все же заглянул в салон и багажник машины и там увидел электронные приборы явно военного назначения...

— Почему вы об этом молчали целых шесть лет?

— Мне надо было доработать до пенсии.

ИНЦИДЕНТ

Неожиданная развязка моего журналистского расследования произошла на пятый день. Утром приехала фура с прицепом,

наполненная все теми же злосчастными мешками цемента, и пан Иржи приказал срочно ее разгрузить, подключив и меня к этой работе. Мы до того устали, что во время обеда еда застревала в припорошенных цементной пылью глотках и казалась безвкусной. Цементный бизнес хозяина процветал, и он, беспокойно поглядывая на часы, торопил нас:

— Надо все делать в темпе. Уже клиенты ждут.

— Мы, в конце концов, не каторжане, — зло бросил я. — За такой адский труд следует платить намного больше...

— У нас договор с фирмой-поставщиком, — сухо проговорил хозяин. — Там ясно сказано: вы выполняете любую работу при фиксированной оплате...

— Фирма-поставщик, — заводился я, — это русская мафия?

Пан Иржи изменился в лице, сцепил губы, пробуравил меня злобыным взглядом, но тут же взял себя в руки и попытался улыбнуться.

— За работу, друзья! — бодро произнес он. — Выяснить отношения будем вечером.

У амбара стояли два пикапа. Когда мы их загрузили, показалась телега, которую тянул короткохвостый битюг. Эстонец посмотрел на свои дрожащие и кровоточащие ладони и прохрипел:

— С меня хватит.

Он устало побрел к липовой аллее, привалился спиной к стволу и, низко опустив голову, замер. Хозяин подбежал к нему и что-то говорил, размахивая руками. Потом вернулся к амбару.

— Загрузи телегу, — обратился он ко мне. — Больше клиентов сегодня не будет. Я тебе добавлю пятьдесят крон к дневному заработку. Это большие деньги!

Исполнять роль штрейкбрехера мне не хотелось, да и сил больше не было. Я мотнул головой и направился к напарнику. Так мы сидели в густой тени, каждый занятый своими мыслями. Издали я видел, как хозяин сам таскал мешки. Вдруг он оторвался от работы, торопливыми шагами направился в нашу сторону и, задыхаясь, запричитал:

— Я очень прошу помочь! Очень! — Лицо его посерело от пыли, губы дрожали.

Я посмотрел на напарника. В его согбенной фигуре было столько усталости и безразличия, что, кажется, рухни сейчас небо — он не вздрогнет, не шевельнется.

— Нет, хозяин, — выдохнул я. — На сегодня хватит.

— Тогда пеняйте на себя, — зло прошипел фермер, судорожными движениями вытащил мобильный телефон и, набрав номер, коротко бросил: — Твои люди отказываются работать. Приезжай и наведи порядок.

Он досадливо сплюнул, резко повернулся и зашагал к амбару.

Я лежал на траве и бездумно глядел туда, где вырисовывались цементные мешки. Эстонца вдруг прорвало, и транспортер рубленых фраз разорвал затянувшееся молчание. Едва ли этот бесвязный словесный поток мог вызвать во мне сочувствие. Но какая-то смутная боль закралась в сердце, вызывая в душе томительное раздражение. Чтобы отряхнуться, отделаться от возникшего тревожного чувства, я поднялся и посмотрел в сторону пруда, который осколком зеркала блестел между деревьями.

— Пошли искупаемся, — предложил я. — И на свежую голову подумаем, что делать дальше.

Мы отдыхали на пустынном берегу пруда. Надо было что-то предпринимать, и я пытался заговорить об этом с эстонцем. Но тот вел себя вяло. Его безразличие передавалось и мне, хотя я понимал, что вот-вот грянет беда. Однако ничего не хотелось предпринимать.

Скрип тормозов за камышовой стеной вывел меня из оцепенения. Плотная фигура вербовщика быстро направилось в нашу сторону. Мы торопливо поднялись.

— Ну что, братки, — ледяным тоном произнес он, — бастуете?.. Негоже, негоже.

Вербовщик старался говорить спокойно, но было заметно, как злоба душила его. Крохотные глазки, похожие на семечки, впивались то в меня, то в моего напарника со звериной ненавистью. Я взглянул на эстонца — тот презрительно усмехался. И то, что совсем недавно его только слегка злило, сейчас вдруг обожгло бешенством.

— Пошел ты, шестерка мерзкая, — брезгливо процедил он, — куда подальше.

Бандит поначалу опешил от неслыханной дерзости, потом, в прыжке, наотмашь ударил эстонца. У того от губы к подбородку потянулась алая струйка. Далее произошло неожиданное. Незаметным движением эстонец уложил бандита на землю и мощным ударом ногой в затылок отправил его в глубокий нокаут. Развернув обмякшее тело, эстонец извлек из куртки мобильный телефон и набрал номер.

— Попросите господина Кристаповича... Да-да! Господина Кристаповича.

— Куда ты запропастился? — донесся недовольный голос. — Ты мне нужен, как воздух...

— Я застрял в Праге. У меня украли деньги. Сижу с пустыми карманами и не могу выехать домой. Выручайте, шеф.

После заметной паузы голос приказал:

— Перезвони мне через тридцать минут.

Я поразился удивительной метаморфозе напарника — труд-

но было предположить, что в такой квашне на костях таится ловкость мастера рукопашного боя.

— Где ты таких приемов нахватался? — удивился я.

— Есть одна контора, — неопределенно ответил он, — там учат делать больно плохому человеку.

Он опять склонился над бандитом, вытащил из кармана автомобильные ключи, бумажник и пистолет. Попытался сунуть оружие в карман, но раздумал и зашвырнул его в пруд. В бумажнике оказались всего лишь две чешские сотенные купюры.

— Не повезло, — с досадой проворчал эстонец. — Я надеялся украденное вернуть, — он протянул мне банкноту. — Половина суммы ваша.

— Нет, — решительно произнес я. — Мне эти деньги не нужны.

— Как хотите. Я сегодня же исчезаю из Праги... До города доедем на бандитской машине.

Уловив мою растерянность, наставительно пояснил:

— Фермер и этот, — он кивнул на водителя, — будут молчать. Нелегальная торговля рабочей силой в любой стране наказывается... И за контрабандный цемент могут к ответу призвать.

В его словах проскальзывала истина. Надо было пользоваться моментом, иначе не выбраться из этой липкой паутины.

— Правда, нас начнет искать мафия, — продолжал эстонец. — Но меня тут уже не будет. И вам советую удирать из страны.

Он направился к машине, я последовал за ним. Эстонец завел двигатель и развернул автомобиль.

Удаляясь, я увидел в просвете камышовой стены перекошенное лицо вербовщика.

Едва мы выехали на трассу, ведущую в Прагу, ожил мобильный телефон.

— Суки! — захлебывался голос в эфире. — Верните машину. Я вас из-под земли достану. Вы трупы!.. Трупы!

— И ты тоже труп, — ехидно парировал эстонец. — Я сообщу твоему боссу о промашке. В твоём мобильнике — вся ваша бандитская сеть засвечена! Я его в полицию передам...

Эстонец выключил телефон. Через пару минут раздался сигнал.

— Послушайте, ребята, — дрожал голос вербовщика. — Не делайте этого. Предлагаю штуку баксов. Давайте договоримся...

— Давайте, — подмигнул мне эстонец. — Через три часа на Центральном вокзале у табло. Там народу много, и ты пакости не сделаешь... Вези две штуки баксов — получишь мобильник. И машину тоже.

Помолчав, бандит глухо произнес:

— Годится.

Я внимательно посмотрел на эстонца и спросил:

— Зачем тебе такие игры?

— А я и не собираюсь появляться там. Я хочу время выиграть. Бандит не станет сообщать хозяину о пропаже мобильника. Он попытается самостоятельно утрясти проблему.

— Ты думаешь, он клюнет на твою уловку?

— У него — пара извилин в мозгу. Он уцепится за этот шанс.

Дальше мы ехали молча. Я печально размышлял о том, что на моих глазах произошло самое настоящее преступление, в котором я частично замешан. Но тут же успокоил себя. В криминальной зоне свои законы, неподвластные цивилизованному миру. Ведь на кону была наша жизнь — пистолет-то бандит носил не для украшения, — и нам ничего не оставалось, как постоять за себя. С волками следует поступать по-волчьи.

Эстонец взглянул на часы и стал по телефону с кем-то связываться.

— Через два часа, — слышался голос, — тебе надо быть на пражском аэровокзале. У билетной кассы «Пулково» будет ждать светловолосый, худощавый человек в серых шортах и белой рубашке. Он купит тебе билет и посадит на самолет.

— Спасибо, шеф, — обрадованно поблагодарил эстонец.

Глаза его искрились. Он опять подмигнул мне и восхищенно проговорил:

— У моего шефа контакты по всему миру. О-о-чень серьезная контора...

Я догадывался, о какой конторе шла речь. Вряд ли он помнил о своей пьяной исповеди. Сейчас я еще раз убедился в том, что эстонец работает на спецслужбе.

Когда за ветровым стеклом вытянулась панорама небольшого городка Хостивице, я попросил притормозить у отеля.

— Машину надо оставить здесь, — я кивнул на стоянку. — Дальше добираться на общественном транспорте. Наверное, представители мафии караулят этот автомобиль на всех дорогах у въезда в Прагу.

— Нет, — возразил эстонец. — Вербовщику нет резона поднимать панику. Ведь он проштрафился.

— А если он уже доложил боссу? И с нами затеял игру? В конце концов, бережёного бог бережет.

Он тяжело вздохнул, почесал затылок и раздумчиво произнес:

— Возможно, вы и правы. А как мне добраться отсюда до аэропорта? На такси?

— На такси не советую. Отсюда туда идет местный автобус. Он колесит по проселочным дорогам, поэтому ехать не опасно. Конечная остановка — напротив главного терминала аэропор-

---

та «Рузине». На всякий случай сойди на предпоследней остановке и пешочком доберись до аэровокзала.

— А вы куда?

— В Прагу. Я на местном бусике доеду до остановки метро «Зличин».

Его автобус пришел первым. Прощаясь, он грустным голосом проговорил:

— Мы вместе прошли тяжелый путь. Поэтому нет смысла скрывать свое настоящее имя. Меня зовут Сергеем.

Я назвал свое имя. Сергей поднял с асфальта брошенный автобусный билет и на обороте нацарапал цифры.

— Это номер моего домашнего телефона. Дайте знать о себе.

Он нырнул в автобус и махнул мне рукой. Я долго смотрел вслед уходящему автобусу и в ту минуту вряд ли мог предположить, что вскоре эстонец опять появится на моем горизонте. В уже другом журналистском расследовании.

Факт и комментарий

Беседую с Ларсом Боргнесом, тележурналистом.

— Коллега, вы встречались с бывшим начальником таможенной службы Стокгольмского порта Леннардом Хендриксоном?

— Мы провели телепередачу, в которой он участвовал. После его сенсационного заявления я провел серьезное расследование. Выяснилось, что в этом деле замешано предприятие ERICSSON, в автомобиле которого провозилась российская военная электроника.

— Этот автомобиль прибыл четырнадцатого сентября. Есть сведения, что ровно через семь дней в Стокгольм паромом благополучно добралась еще одна машина с секретным военным грузом?

— Совершенно верно. И эта машина, по просьбе крупных чинов министерства обороны Швеции, беспрепятственно прошла таможенный контроль.

— Значит, вопреки общепринятым международным нормам на гражданском судне тайно перевозился военный груз? Но ведь это же преступление!

— Еще какое! Преступление под контролем правительства. И вот результат этой кошунственной акции — смерть 852 невинных граждан. Кто за это ответит?

Продолжение следует

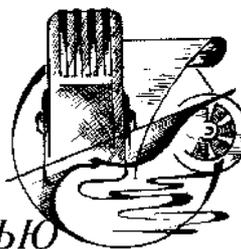

Валерий ХАТЮШИН,
Владимир ЮДИН

СВЕТ ИСТИНЫ В БОРЬБЕ ЗА РОССИЮ

Владимир Юдин. Валерий Васильевич, читая в течение ряда десятилетий ваши поэтические, литературно-критические и публицистические книги, убеждаешься в безоглядной смелости и жесткой убедительности, с которыми вы открываете людям глаза на сущность подлинного, реалистического искусства, на его яркое отличие от космополитического, лишённого национально-патриотического стержня псевдоискусства и развенчиваете ложные либеральные химеры. На зримых жизненных примерах вы показывали преступность горбачевско-ельцинского правления, трагические последствия которого еще и сегодня сказываются. Одним из первых среди современных публицистов — в августе 1991 года в газете «Русский Вестник» — вы назвали демократию самой бесчеловечной диктатурой и «финансовым фашизмом». Что побудило вас, яркого художника слова, обратиться к общественно-политической публицистике?

Валерий Хатюшин. Причин много. Главная же — многострадальная судьба нашего Отечества и еще более мрачные перспективы, если каждый из нас не образумится, не займет свое место в

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

окопе для борьбы с русоненавистниками. Вдумайтесь: за последние 20 лет война с Россией и русским народом не прекращалась ни на один день, приобретая все более изощренные и все более безжалостные формы. За эти годы Россия потеряла — с учетом оставшихся за ее пределами — не менее 40 миллионов русских. И кровь наших соотечественников, в том числе детей и стариков, продолжает литься каждодневным потоком. Своей публицистикой я выношу приговор нашим врагам.

В.Ю. Итогом большой мыслительной и духовной работы стала ваша уникальная по фактологии книга публицистики «Черные годы. История нашей борьбы» («Голос», 2001), охватившая 15-летний период «перестройки» и «демократических реформ». И в то же время ваши стихотворные сборники: «Деревья собираются в дорогу» (1987), «Вечерний свет» (1989), «Год польни» (1990), «Избранные стихотворения» (1998), «Разлука» (2000) и другие пронизаны тонким лиризмом и проникновенной философичностью. Наравне с поэтическим творчеством вас увлекла и проза. Свидетельство тому — роман «Поле битвы» (2001 г.) и совсем новая книга прозы «Не изменяй себе», вышедшая в прошлом году к вашему юбилею в издательстве «Советский писатель». А вот совсем недавно я обнаружил новую, пока еще мало кому известную ипостась вашей творческой деятельности — литературно-исследовательскую. Вашими усилиями возвращаются в русскую литературу поэты Белой гвардии, несправедливо вычеркнутые из нашей памяти чистильщиками «классовой борьбы» и их наследниками — либералами-русоненавистниками. Скажите несколько слов о них.

В.Х. Наш долг восстановить справедливость и вернуть в духовную жизнь замечательных русских поэтов: Арсения Несмелова, Николая Туроверова, Сергея Бехтеева, Ивана Савина, Марианну Колосову и других, исторгнутых из российской словесности на волне классовой вражды. Пора заговорить о них в полный голос. И если в русской литературе уже давно восстановлены погубленные большевиками Н. Клюев, С. Клычков, П. Васильев, то отчего же так надолго забыли про не менее значимых для нас выразителей русской души, не менее талантливых певцов России? Да, они были белогвардейцами и воевали против новой власти за иначе понимаемую свободу. И очень долгие годы их называли врагами. Но в их груди билось русское сердце, искренне любящее Родину, и в их венах текла родная русская кровь, помнящая

подвиги наших великих предков. Их поэтическое слово должно быть также дорого русской литературе, тем более что художественные образы, созданные в свое время этими великолепными поэтами, для нас, нынешних читателей, — это совершенно новое, неожиданное, а для кого-то потрясающее открытие.

В.Ю. Так в чем же, на ваш взгляд, причина столь затяжного и трудного возвращения в лоно русской словесности поэзии Белого движения? Казалось бы, нынче ничто не должно мешать восстановлению полной, объективной исторической правды.

В.Х. До объективности и полной исторической правды нам еще очень далеко. До сих пор господствует некая выборочная, кастрированная «правда», то есть полуправда. А полуправда, как известно, страшнее лжи. Разговоры о толерантности, плюрализме мнений — чистейший блеф! Нешадная гражданская война в области идеологии, культуры, эстетики продолжается. Ключевой её лейтмотив — неистовая русофобия, стремление уничтожить какие бы то ни было ростки русского национального самосознания. И поэзия Белого движения очень понятна и близка по духу нынешнему времени. Ведь к 1917 году народ России по Конституции уже был уравнен в правах, а деление людей на «непримиримые классы» было навязано, искусственно внедрено в сознание обывателей социал-демократической пропагандой того времени. И обильно проплаченные враги русских, воспользовавшись войной, которую вела страна, и предательством масонского Временного правительства (как тут не провести аналогию с Горбачевым?) путем обмана рабочих и солдат сумели перехватить власть в «отпавшей» столице. Моральное состояние лучших людей России после Октябрьского переворота легко себе представить, вспомнив душевные переживания нас, русских патриотов, в августе 1991-го и в октябре 1993 годов. С той лишь разницей, что патриоты начала XX века с оружием в руках поднялись на борьбу с безбожным, безжалостным, русофобским врагом. Мы же то ли струсили, то ли чего-то не поняли, но на решительное сопротивление оказались не способны. Ими так же, как и нами теперь, была потеряна великая тысячелетняя Родина (восстановленная для нас Сталиным). И творчество поэтов Белой гвардии — это волевая, смелая, жизнеутверждающая поэзия, дающая мощный толчок современному направлению русского поэтического сопротивления. Кстати, мне удалось издать большую

книгу стихов этих великолепных поэтов под названием «Меч в терновом венце». Она имеет необыкновенный спрос.

В.Ю. Валерий Васильевич, как публицист вы напрямую затрагиваете самые острые, самые кипящие вопросы внутренней и международной политической жизни. Но и поэзия ваша пылает огнем жгучей актуальности. Вспоминаю, какой огромный общественный резонанс как в стане друзей, так и у оппонентов вызвала «Русская кровь» — ваша первая книга гражданской лирики (1992 г.), ставшая первой ласточкой в серии книг «Поэзии русского сопротивления». Затем выходят другие ваши сборники гражданской лирики: «Пришла пора», «Прицел», «Прицел-2» и другие. Как русского патриота вас, естественно, прежде всего волнуют судьбы соотечественников, всех славянских братьев, оказавшихся под пятой НАТО. Кто, по-вашему, главный виновник нашей национальной трагедии, того океана пролитой русской и славянской крови, по которой вы скорбите в своей гражданской лирике?

В.Х. Как известно, три «русские» революции в начале XX века, потрясшие Россию до основания, принесшие неисчислимые страдания простому народу, не сами собой произошли, их готовили и финансировали Америка, Англия, Германия и мировой Сион. В будущем русская национальная власть обязана будет хорошенько подсчитать этот материальный и моральный урон и предъявить счет по его возполнению четырем государствам: США, Англии, Германии и Израилю. Разорвали на части Югославию, столкнули лбами славянские народы этой страны. По такому же сценарию стремятся уничтожить и многонациональную Россию, прежде всего русских как становую, державообразующую нацию. Продажная сербская власть выследила, арестовала и выдала так называемому «Гаагскому трибуналу» Радована Караджича, национального героя боснийских сербов. И либеральные российские СМИ наперебой радостно комментировали это событие. Всё проамериканское мировое скотство пребывало от этого события в собачьем восторге. Их времена. Времена подлости и лицемерия. Скорее всего Караджич будет ими убит, подобно Милошевичу, тем более после того, как он на первом же допросе предал огласке документ, подписанный американским спецпредставителем на Балканах в 1995—1996 годах Ричардом Холбруком о том, что Караджич, добровольно уйдя с поста президента Боснийской республи-

ки, не будет подвержен никаким политическим преследованиям. И хотя Холбрук от этого документа открещивается, он уже опубликован во многих сербских и европейских газетах.

Для всех разумных людей окончательно прояснился тот факт, что так называемый «Совбез ООН» — это враждебная России военно-политическая структура, находящаяся в американском кармане и готовая оправдать всё что угодно в интересах США. Это и есть новый мировой агрессор, прикрывшийся фиговым листком ООН и пытающийся установить в мире новый «демократический» порядок, точнее, новую фашистскую диктатуру.

В.Ю. Вспоминаю убийственный афоризм Альфреда Нобеля: демократия — это власть подонков...

В.Х. Именно такую горе-демократию несут американцы. Известно, к примеру, что после каждого выстрела танков по Дому Советов в октябре 1993 года в американском посольстве в Москве радостно поднимали бокалы с шампанским — праздновали кровавый пир демократии по-американски...

А зверская бомбардировка Сербии, Ирака и Южной Осетии — что это если не звериный оскал демократии, не проявление ее внутренней сущности?.. Когда дегенеративный Буш говорил о «молодой грузинской демократии», то как раз и подразумевал скорую резню осетин и разбомбленный город Цхинвал. Российская власть, конечно, виновна в том, что «ублюдок» и «политический уродец» — Саакашвили (эпители Д. Медведева) исполнил американский заказ. Если бы Кремль сразу после признания Америкой независимости Косова признал независимость Южной Осетии и Абхазии (а еще лучше включил бы их в состав России), то Грузия не посмела бы развязать войну на Кавказе. Вот эта нерешительность Кремля в конце концов и привела к новой трагедии и к гибели стольких людей. И ведь все равно пришлось вводить в Цхинвал войска и оправдываться за это перед так называемым «мировым сообществом». Но жизнь все-таки чему-то учит. У Медведева и Путина перед лицом звериного демократического геноцида, устроенного Грузией, как будто спала пелена с глаз. Они, словно проснувшись, заговорили языком русской национально-патриотической прессы последних 20 лет... Вот только надолго ли? Вполне возможно, это их неожиданное «пробуждение» скоро иссякнет. Ведь газ и электричество, как ни в чем не бывало, продолжают поступать в Грузию из России... Вот и мэр Лужков тоже в своих

громких заявлениях назвал действия Грузии в Южной Осетии варварскими, бесчеловечными, грязными и т.д. Но лучше бы он не заявления делал, а искоренял грузинскую уголовную мафию, вольготно грабящую Москву.

Грузию, конечно, нужно было полностью разоружить и демилитаризировать. А Саакашвили необходимо было арестовать и судить в России. К сожалению, Кремль на это не решился, испытывая бесцеремонное давление Вашингтона. Срочное завершение военных действий и быстрый вывод из Грузии российских войск многие сочли поражением России. Но, по моему мнению, это не так. Грузия действительно морально опущена и унижена вместе с Америкой и НАТО. Ожидать большего от нынешней российской власти было безосновательно. И моральная победа — все же на стороне России. Неплохо на этот раз поработала и российская дипломатия. Кстати сказать, так называемому «Гаагскому трибуналу» теперь сложнее будет судить Радована Караджича. Жизнь всегда оказывается мудрее наших стремлений и пожеланий. Жизнь заставила Медведева и Путина пойти на конфликт с Америкой. И это хорошо. Прозападные и проамериканские СМИ в России вынуждены будут подстраиваться под риторику Кремля.

В.Ю. Валерий Васильевич, как тут не вспомнить, что уже 15 лет прошло с октябрьской кровавой трагедии в Москве... Какой, по-вашему, главный урок получен нами за прошедшие годы?

В.Х. Реальная действительность последних 20 лет самым жестоким образом подтверждала мои слова, сказанные в стихотворении «Война» в октябре 1993 года, когда был варварски расстрелян Белый дом:

*Горя немереный груз...
Бледные, скорбные лица...
Там, где разорван Союз,
кровь человечья струится.*

Все эти годы в прямом смысле кровь струилась и продолжает струиться по разорванным границам Союза. То, что нельзя было разрывать Союз и что это приведет к большой крови, я понимал с самого начала горбачевско-ельцинского маразма. Но теперь мы должны понять и сказать больше: нельзя было делить страну на так называемые «республики». Всё это деление, это установление искусственных внутрен-

---

них границ и привело к нынешней крови. Любая страна должна оставаться единым целым, какой и была Россия до 1917 года, без национально-республиканских делений. Знали это и большевики из еврейско-ленинской «гвардии», закладывая республиканские мины замедленного действия. Сталин, к слову, как нарком по делам национальностей был против этого, предлагая автономное вхождение разных народов и наций в состав единой страны. Его не послушали. Все было ими рассчитано верно: в нужный момент эти мины сработали. Но мы, если хотим, чтобы Россия сохранилась и чтобы она имела надежное будущее, должны страну разминировать, то есть аннулировать национально-республиканское деление, заменив его на краевое и областное, т.е. административно-территориальное.

В.Ю. Валерий Васильевич, вы активно культивируете русскую национальную идею, согласно которой Запад и Россия — извечные антагонисты. Полагаю, близки вам и слова великого русского философа Ивана Ильина: «Как бы ни были велики наши исторические несчастья и крушения, мы призваны быть самостоятельными, а не ползать перед другими, творить, а не заимствовать; обращаться к Богу, а не к соседям; искать русского видения, русских содержаний и русской формы. Мы Западу не ученики и не учителя. Мы ученики Богу и учителя себе самим. Перед нами задача: творить русскую самобытную культуру — из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом смысл русской идеи». Что бы вы могли к этому добавить?

В.Х. Добавить, собственно, нечего, кроме того, что современная действительность лишь подтвердила мысль Ильина. Западный мир уже не скрывает того, как он ненавидит Россию. Ненавидит и боится. В связи с признанием независимости наших же в недавнем прошлом территорий Европа исходит такой змеиной злобой и такой беспардонной истерикой, каких мы давно уже не видели. И — угрозы, угрозы, угрозы... Но при этом всем понятно, что сделать что-либо против нас ни Европа, ни Америка ничего серьезного не могут. Любые санкции против нас тут же обернутся против них, так как за прошедшие 20 лет предательская горбачевско-ельцинская власть столько подписала невыгодных для России договоров и соглашений, что расторжение любого из них принесет нам только пользу и выгоду — военную, финансовую,

---

экономическую, территориальную и т.д. В НАТО, в Америке и в Европе это понимают и поэтому дальше угроз не идут. Причем их истерика в большей степени — из-за нереализованной, дуболомной наглости и собственного бессилия. Вот только наш так называемый «стабилизационный фонд» скорее всего пропадет, о чем мы не раз предупреждали. Ну что ж, это будет еще одним уроком всем нам и будущим поколениям: никогда не допускайте «либералов» во власть.

В.Ю. После известных кровавых событий в Южной Осетии «доблестные» российские СМИ наконец-то заговорили о неких «двойных стандартах», которые демонстрируют США и Европа в оценке действий российских войск...

В.Х. Определение «двойные стандарты» в данном случае не совсем точно. Когда Израиль в 2006 году бомбил Ливан и ввел на его территорию свои войска, со стороны Америки и Европы никаких протестов вообще не было, и тем более никто в Евросоюзе не собирался применять к Израилю какие-либо санкции. Лицемерие Европы, дружно осудившей Россию за Южную Осетию, — это не какое-то проявление «двойных стандартов», это её обычная, историческая, природная подлость.

В.Ю. Сомнений нет, ни российские либеральные, ни западные СМИ никогда не были и по определению своему не могут быть свободными, независимыми. Как говорится, кто девушку оплачивает, тот её и танцует. А оплачивает СМИ крупный капитал. Но возможны ли хотя бы некие прорывы правды в их деятельности?

В.Х. Да, бывают исключения, которые, как известно, только подтверждают правило. Например — фильм Джульетто Къезы «9/11. Расследование с нуля», показанный 12 сентября по Первому каналу ТВ. Фильм предельно правдиво и честно показал, что самолеты, протаранившие нью-йоркские небоскребы, были беспилотными и управлялись с земли, что в них не имелось никаких пассажиров и что башни-близнецы были подорваны у основания. А также то, что никакой пассажирский самолет в Пентагон не врезался. Этот фильм-расследование, запрещенный к показу в США и Европе, настолько убедителен, что просто убивает Америку, демонстрируя жуткую подлость и мерзость этого государства. Или еще одно сенсационное разоблачение: в октябре 2008 года по государственному итальянскому телеканалу было сообщено о том, что американцы во время военной операции «Буря в пу-

стыне» в 1991 году взорвали в иракском городе Басре атомную бомбу мощностью пять килотонн. И до нынешних дней упорно скрывался факт радиоактивного облучения тысяч иракцев. Вот они — реальные международные террористы, а не те, что якобы скрываются в Афганистане.

В.Ю. Воистину, начинается время заката США, время поворота истории.

В.Х. Весь мир должен наконец понять, что исторический период т.н. прямой информации давно закончился. Все последние 20 лет мы наблюдали глобальную манипуляцию информацией с целью манипуляции человеческим сознанием. И надо признать, это получалось успешно. Последний пример такой манипуляции — освещение мировыми СМИ грузинской агрессии против Южной Осетии. Но нам известно, что все главные мировые информационные каналы, как и намечалось в Протоколах сионских мудрецов, находятся в руках Сиона. Именно его агенты осуществляют во всем мире эту информационную манипуляцию. И фильм Д.Къезы — это серьезное разоблачение мировой сионской пропаганды и большой шаг к развороту человеческого сознания и всей современной истории. Похоже, сама природа возмущена центром мирового зла — Америкой, обрушивая на нее один ураган за другим. И возмущение это с каждым годом будет только нарастать.

В.Ю. У Достоевского, Толстого, у всех классиков русской литературы в центре художественного изображения и анализа неизменно находится русская душа — мятежная, добрая, доверчивая, чистая... Не деньги, не власть, не роскошь и материальные блага, но состояние многоречивой русской души. Вы согласны, что душа человека и всего народа есть ключ к постижению судьбы, истории нации, государства?

В.Х. Разговор о душе русского народа — тема вечная, одновременно актуальная и всегда выходящая далеко за рамки собственно «души». В 1997 году я записал в своем черновике: «Ни в одном государстве невозможно изменить какой-либо общественный строй, не переделав душу народа. Поэтому демократы в России сейчас заняты переделыванием, изменением народной души». Теперь можно сказать, что за последние двадцать лет им это в какой-то степени удалось. И главным рассадником жестокости, ненависти и экстремизма является телевидение. Вот против кого должен действовать Уголовный кодекс.

В.Ю. Судя по вашим публицистическим откровениям, вы, при всем уважении к соотечественникам, однако весьма взыскательны к «трусливым русским остолопам», как вы их величаете... Иначе сказать, вас трудно заподозрить в идеализации русского народа...

В.Х. Любой народ, в том числе русский, — весьма пестрое в духовном смысле образование. Но есть принципиальная разница между понятиями народ и население. Народ бережно хранит ту самую душу, о которой мы говорим, население же аморфно и бездушно. Было и есть в русском населении то неприглядное, чем не пристало гордиться и чего нужно стыдиться, причем русские недоумки нередко были даже намного вреднее, нежели наши откровенные враги. Ведь это же именно они, русские остолопы, в большинстве своем в 1996 году бегали голосовать за дохлого Ельцина. Как же, по телевизору им пообещали манну небесную... Но откровенных русофобов можно одновременно и ненавидеть и понимать хотя бы за то, что они не боятся быть нашими открытыми врагами и не скрывают своего презрения к нам. Но вот вторые... Нам не нужно обольщаться своими соотечественниками.

В.Ю. Говорят, своих дураков нужно пожалеть за их тупость и трусость: мол, Бог и так их наказал, мол, они в этом «не виноваты». Истинный христианин должен всех жалеть...

В.Х. Это большое заблуждение, порой переходящее в высокомерное самолюбование: мол, смотрите, какой я хороший, я всех на свете жалею... Но Христос вовсе не был ко всем жалостливым. Он не жалел торговцев в храме. Он не жалел лицемерных иудейских фарисеев, говоря им: «Ваш отец — дьявол». Да и русские остолопы — не все законченные кретины, некоторые из них неплохо пристроились при демократах.

Глядя на миллионные потоки обывателей, текущие по улицам столицы, ясно видишь, что они совершенно безразличны к происходящему вокруг них. Подавляющее большинство из них волнует только свой желудок и личные проблемы. Я хорошо помню, как в 1993 году эти миллионные потоки монотонно текли мимо горящего Дома Советов, не обращая на него никакого внимания. Они, эти бессмысленно идущие и бессмысленно жующие, ничего не хотят читать и знать, так как дома их ждет черный ящик с очередной мыль-

ной оперой или американским «боевиком». Я давно пришел к такой мысли: черный квадрат Малевича — это прообраз телевизора.

В.Ю. Жестко клеймя бездумное население — «остолопов», вы однако твердо и последовательно защищаете многострадальный и многотерпеливый русский народ, его самобытную культуру, драматическую историю, славите творцов яркого русского слова. Мне пришлось по душе ваше глубокое откровение: сегодня только пробудившийся от долгой спячки русский народ способен спасти себя, всех славян и всё мировое гуманистическое сообщество от глобализации, установления однополярного рабства под эгидой США. Но что представляет собой нынче мировое славянство? Югославия раздроблена на мелкие государства, Чехия, Польша и Болгария вступили в НАТО. Туда же заталкивают и Украину. Славянский мир, как никогда, угнетен и раздроблен, полностью в руках прозападных, антиславянских сил... Есть ли надежда что-то существенное противопоставить всеподавляющему американскому господству в мире?

В.Х. Можно дополнить: в Чехии и Польше американцы устанавливают радары и ракеты, направленные на Россию. Жизнь нас убеждает в том, что «объединяющая идея славянства» — наша несбывшаяся мечта. Я всецело уповаю на русский национальный патриотизм и необоримый русский дух — на ту единственную на сегодня силу, которая сбережет Россию и славянский мир. Как мы помним, даже находясь под пятой большевизма, русские разгромили немецкий нацизм. О чем это говорит? О том, что русский национализм выше и сильнее немецкого и любого другого. Всеславянское спасение Богом и Историей возложено только на русский национализм.

В.Ю. Однако нередко либеральные круги в России все еще грозят общественности пресловутым «русским шовинизмом», экстремизмом и даже неким «русским фашизмом»...

В.Х. О каком «шовинизме» и каких прочих страшилках в отношении русских можно говорить? Российская власть освободила Татарию и Чечню от уплаты налогов в госбюджет. Заслужили... Первым законом, который Медведев в качестве президента внес в Думу, стал закон о еще более упрощенном въезде иностранцев в Россию. Казалось бы, куда еще проще! Но верховной власти этого мало. И потечет к нам еще более бурным потоком вся среднеазиатская и закавказ-

ская грязь. И если бы только грязь. Можно себе представить, насколько увеличится у нас преступность, которая уже и теперь не имеет человеческих пределов.

Российские горе-либералы неистово клеймят русских патриотов за их «национализм», нещадно извращая подлинный патриотический смысл этого понятия, навязывают нам «толерантность», то есть терпимое отношение ко всем инородцам и иноверцам. Это после Будённовска, Кизляра, «Норд-Оста», Беслана и взрывов домов в Москве... Заметьте, идея пресловутой толерантности навязывается исключительно на территории проживания русских. Там же, где компактно живут другие национальности России, особенно на Северном Кавказе, ни о какой толерантности никто вообще не заикается. Там русского парня, ухаживающего за чеченкой или дагестанкой, могут запросто на виду у всех зарезать, и никакие СМИ никогда об этом не сообщат.

В.Ю. Как известно из истории, вопрос межнациональных отношений никогда прежде не стоял в России, где царили межконфессиональная и межнациональная уживчивость и дружба народов. Россия, в отличие от «цивилизованного» Запада, не знала войн на межнациональной почве. Межрелигиозных столкновений также не было. Так называемый «национальный вопрос», подразумевающий пресловутый «антисемитизм», искусственно раздували и раздувают русофобские круги. Какие только кощунственные обвинения не вменяют русскому народу! Между тем, если уж и говорить о тех, кто больше всех страдал и страдает в России, так это русские люди. Достаточно посмотреть на разоренные, гибнущие русские деревни центральной России.

А вот характерный пример из Интернета. После долгих переговоров с «Комиссией по искам» правительство Германии согласилось выплатить компенсации евреям, выжившим в блокадном Ленинграде. Согласно этому соглашению, проживающие на Западе и в Израиле евреи-блокадники, будут приравнены к жертвам «холокоста» и получают одноразовые выплаты в размере две с половиной тысячи евро. Решение, согласитесь, получилось совершенно дикое. Непонятно, почему блокадники-евреи, проживающие на Западе и в Израиле, получают компенсацию, а все остальные блокадники — нет. Что, все остальные жители города от блокады не пострадали? Или они — люди второго сорта, компенсаций не заслуживающие? Столь же не понятно, почему компенсацию

получат только те евреи-блокадники, которые проживают на Западе. Получается, что если переживший блокаду еврей остался в России — он блокадник второго сорта, как и все прочие блокадники — не еврей?

В.Х. Разделяю ваше возмущение. Данная информация скупо промелькнула на радио «Эхо Москвы». Конечно, на Германию надавили мировой Сион и Америка. Но какое бесстыдство! Откровенное, наглое, бесцеремонное! Еврейские СМИ об этом помалкивают. Иначе как им уйти от естественных вопросов наших соотечественников? И американско-европейские наглецы все еще что-то блеют о «правах человека»! Может, кто-нибудь позвонит на «Эхо Москвы» и задаст свои вопросы... Вот где неприкрытый, запредельный расизм, всеми видимый и всеми понимаемый! И русских при этом судят за экстремизм и «шовинизм», чтобы они не возмутились и помалкивали!

В.Ю. Выходит, национальная политика в России нуждается в совершенствовании?

В.Х. Я скажу более решительно: в России нет четко продуманной национальной политики, которая бы отвечала интересам государствообразующего народа — русских. Зато налицо многочисленные факты утеснения социального плана русского народа. Вот, например, мэр Лужков объявил, что Москва готова принять еще 500 000 гастарбайтеров. И буквально через два дня после этого признания кавказские бандиты в центре Москвы расстреляли трех инкассаторов, забрав у них сумку с деньгами. О том, что это были чеченцы, СМИ решили промолчать. И со стороны московской власти реакции по этому поводу не было никакой.

Только мизерная часть кавказско-азиатских пришельцев устраивается здесь на законную работу. Остальные промышляют воровством, мошенничеством, торговлей всякой отравы и бандитизмом. Но московская власть собирается строить для них отдельные жилые анклавы с льготным проживанием. В то время как москвичей уже вовсю выселяют из квартир за неуплату все дорожающих коммунальных услуг.

В.Ю. В либеральной печати вам то и дело навешивают ярлыки: «антисемит», «русифил», «шовинист»... Я знаю вас не один десяток лет, хорошо знаком с вашим многогранным творчеством, а потому решительно отвергаю эти оскорбительные гнусности. Однако есть смысл остановиться на пресловутом «антисемитизме», ибо подобному шельмованию подвергают

ся многие другие русские патриоты, против которых применяют 282-ю «русскую» статью УК РФ.

В.Х. Мне говорят, что, мол, я воюю с евреями. Это не так. Просто я пишу в своих статьях правду. И я не виноват, что правда очень не нравится тем евреям, которые возомнили себя «богоизбранными», а всех других считают людьми второго сорта. Им бы, конечно, хотелось запретить правду как таковую. Это трудно. Однако со временем, возможно, им это удастся.

В России не было и нет так называемого «антисемитизма». А русскому писателю вообще чужда любая фобия. К тому же «антисемитизм» — есть обратная сторона сионизма, что множество раз показано и доказано как русской, так и прогрессивной зарубежной печатью. Идеологи и практики сионизма целенаправленно вскармливали и внедряли т.н. «антисемитизм» в общественное сознание для того, чтобы притесняемые евреями со всего мира выезжали в «землю обетованную» с целью создания там еврейского государства — по типу фашистского. Собственно, с помощью внедренного ими по всему миру «антисемитизма» это государство и было создано. Лидеры сионизма заключили тайный договор с Гитлером о лишении евреев гражданских прав в Германии, чтобы те «охотнее» выезжали в Палестину, за что нацистская Германия получала огромную финансовую помощь со стороны международных сионистских организаций. Я здесь не открываю никакой Америки. Эти факты неоднократно освещались в печати. Например, в книге Корнеева «Классовая сущность сионизма» и в работе В.Кожина «Германский фюрер и «царь иудейский». Так что мне всегда смешно слышать это глупое выражение: «Данный писатель — антисемит»... Уж кто-кто, а русские люди терпимее всех в этом мире к представителям других национальностей.

Назовите мне хотя бы один случай мести грузинам, проживающим ныне в России, за учиненную их соотечественниками под руководством Саакашвили кровавую трагедию в Цхинвале. Не было такого и быть не могло. Почему миллионы беженцев из республик бывшего СССР устремились в Россию? Да потому, прежде всего, что здесь они нашли мир, покой, работу, более-менее нормальные условия существования. Сказки про «русский антисемитизм» и уж тем более «фашизм» лживы и опасно зловредны. Как раз эти мифы и рассчитаны на разжигание межнациональной вражды в России.

В.Ю. При всем довольно критическом отношении к эпохе социализма вы, однако, с высоким пиететом относитесь к социально-политическим и культурным завоеваниям советской власти, наконец с особым уважением относитесь к Сталину. Почему? Нет ли здесь противоречия?

В.Х. Ничуть. Если сказать коротко, общо, у нас были два периода советской власти: ленинско-троцкистский (интернационально-космополитический, русофобский в своей основе) и сталинский, национально-патриотический. Советский Союз вознесся к сияющим вершинам во всех областях жизни именно в сталинскую эпоху. Одна только победа над фашизмом чего стоит!

А теперь обратимся к современности. По данным международных неправительственных организаций, Россия является одной из наиболее коррумпированных стран мира. Это и естественно для властолюбивой прослойки того племени, которая утвердилась во всех структурах государственной и местной власти на территории России. При советской власти, при всех ее недостатках и проблемах, такого не было и быть не могло. То-то она, эта прослойка известного племени, так возненавидела советскую власть!.. А как для ее вождей всё удачно начиналось в 1917 году! Но Сталин в конце концов надавал им по ушам. И срочно понадобилась «перестройка»... Вот и получили мы то, чего они долго добивались — одну из самых коррумпированных стран мира.

Теперь о Сталине. Сколько бы либеральные витии за последние десятилетия ни поносили его имя, тем не менее самым уважаемым человеком в сознании нашего народа по итогам интернет-голосования в рамках организованного телеканалом «Россия» проекта «Имя России» является именно Сталин. Этот факт озвучивается на радио и по телеящику с истерическим зубовным скрежетом. Нет, не удалось либеральным витиям изменить сознание народа!

В.Ю. В заключение — может быть, самый важный вопрос: о вере. Понимаю, об этом сакральном предмете много не говорят. И все-таки, судя по вашим непростым духовно-эстетическим пристрастиям, вы — православный христианин, преодолевший искус материализма и атеизма. Как вы пришли к Христовой вере? Как высветить неверующим путь к Богу?

В.Х. Я не делаю тайны из своих нелегких духовных исканий. В молодости я был неверующим человеком, а точнее го-

вора — активным атеистом. Когда я работал на стройке, даже состоял секретарем комсомольской организации своего строительного управления. Но однажды моя совершенно неграмотная бабушка, жившая в подмосковной деревне, дала мне почитать старый, потрепанный, дореволюционного издания Евангелие. И вот это Евангелие в буквальном смысле перевернуло мою душу. После его прочтения я стал верующим, я поверил в Бога, настолько меня потрясли жизнь и слова Христа. И я взрослым человеком принял Крещение. Потом уже были книги Н.Федорова, Достоевского, Меньшикова, Розанова, Ильина и других мыслителей, открывшие моим глазам новые горизонты православной веры. И наконец труды святых отцов нашей Церкви зажгли в моей душе такой свет Истины, от которого я стал совершенно другим человеком в сравнении с тем, кем я был в молодости. А всё началось с подарка моей неграмотной бабушки. Я храню это ее старое Евангелие. Всем атеистам я советую без предвзятости и очень вдумчиво прочитать Новый Завет. Может быть, не все, но кто-то из них после этого станет верующим.

В.Ю. В прошлом году вы отметили свой 60-летний юбилей. Позвольте, Валерий Васильевич, пожелать вам крепкого здоровья и новых творческих успехов!

В.Х. Спасибо, Владимир Александрович. 60 лет — возраст серьезный. Хоть уже и немало сделано, все же надеюсь, что Бог даст еще сил и на новое творчество, и на борьбу за нашу Россию.

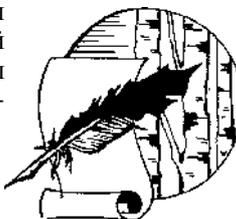
Михаил ШОЛОХОВ

ЧЕРВОТОЧИНА

РАССКАЗ

Минувшее столетие подарило миру плеяду замечательнейших русских писателей. Наиболее значительные их произведения многократно переиздавались, вошли в антологии и хрестоматии. Но многие произведения в силу тех или иных обстоятельств не получили широкой известности, хотя не менее выразительны, и как раз сегодня им дано прозвучать по-особенному.

Яков Алексеевич — старинной ковки человек: ширококоптый, сутуловатый; борода как новый просяной веник, — до обидного похож на того кулака, которого досужие художники рисуют на последних страницах газет. Одним не схож — одежей. Кулаку, по занимаемой должности, непременно полагается жилетка и сапоги с рыпом, а Яков Алексеевич летом ходит в холщовой рубаше, распоясавшись и босой. Года три назад числился он всамделишным кулаком в списках станичного Совета, а потом рассчитал работника, продал лишнюю пару быков, остался при двух парах да при кобыле, и в Совете в списках перенесли его в соседнюю клетку — к середнякам. Прежнюю выправку не потерял от этого Яков Алексеевич: ходил важной развалкой, так же, по-кочетиному, держал голову, на собраниях, как и раньше, говорил степенно, хриповато, веско.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Хоть урезал он свое хозяйство, а дела повел размахисто. Весной засеял двадцать десятин пшеницы; на хлебец, сбереженный от прошлогоднего урожая, купил запашник, две железные бороны, веялку. Известно уж, кто весной последнее продает: кому жевать нечего.

По всей станице поискать такого хозяина, как Яков Алексеевич: оборотистый казак, со смекалкой. Однако и у него появилась червоточина: младший сын Степка в комсомол вступил. Так-таки без спроса и совета взял да и вступил. Доведись такая беда на глупого человека — быть бы неурядице в семье, драке, но Яков Алексеевич не так рассудил. Зачем парня дубиной обучать? Пусть сам к берегу прибивается. Изо дня в день высмеивал нонешнюю власть, порядки, законы, желчной руганью пересыпал слова, язвил, как осенняя муха; думал, раскроются у Степки глаза, — они и раскрылись: перестал парень креститься, глядит на отца одичалыми глазами, за столом молчит.

Как-то перед обедом семейно стали на молитву. Яков Алексеевич, разлопушив бороду, отмахивал кресты, как косой по лугу орудовал; мать Степкина в поклонах ломалась, словно складной аршин; вся семья дружно махала руками. На столе дымились щи; хмелинами благоухал свежий хлеб. Степка стоял возле притолоки, заложив руки за спину, переступая с ноги на ногу.

— Ты человек? — помолвившись, спросил Яков Алексеевич.

— Тебе лучше знать...

— Ну, а если человек и садишься с людьми за стол, то крести харю. В этом и разница промеж тобой и быком. Это бык так делает: из яслей жрет, а потом повернулся и туда же надворничает.

Степка направился было к двери, но одумался, вернулся и, на ходу крестясь, скользнул за стол.

За несколько дней пожелтел с лица Яков Алексеевич; похаживая по двору, хмурил брови; знали домашние, что пережевывает какую-нибудь мыслишку старик, недаром по ночам кричит, возится и засыпает только перед рассветом. Мать как-то шепнула Степке:

— Не знаю, Степушка, что наш Алексеевич задумал... Либо тебе какую беду строит, либо кого опутать хочет...

Степка-то знал, что на него готовит отец поход, и, притаившись, подумывал, куда направить лыжи в том случае, если старик укажет на ворота.

В самом деле, есть о чем подумать Якову Алексеевичу: будь Степке вместо двадцати пятнадцать годов, тогда бы с ним легко можно справиться. Долго ли взять из чулана новые ременные вожжи да покрепче намотать на руку? А в двадцать годов любые

вожжи тонки будут; таких оболтусов учат дышлиной, но по теперешним временам за дышлину так прискребут, что и жарко и тошно будет. Как тут не кряхтеть старику по ночам и не хмурить бровей в потемках?

Максим — старший брат Степки, казак ядреный и сильный, — по вечерам, выдалбливая ложки, спрашивал Степку:

— А скажи, браток, на чуму тебе сдался этот комсомол?

— Не вяжись! — рубил Степка.

— Нет, ты скажи, — не унимался Максим. — Вот я прожил двадцать девять лет, больше твоего видал и знаю и так полагаю, что пустяковина все это... Разным рабочим подходящая штука, он восемь часов отдежурил — и в клуб, в комсомол, а нам, хлеборобам, не рука... Летом в рабочую пору протаскаешься ночь, а днем какой из тебя работник будет?.. Ты по совести скажи: может, ты хочешь службу какую получить, для этого и вступил? — ехидно спрашивал Максим.

Степка, бледнея, молчал, и губы у него дрожали от обиды.

— Ерундовская власть. Нам, казакам, даже вредная. Одним коммунистам житье, а ты хоть репку пой... Такая власть долго не продержится. Хоть и крепко присосались к хлеборобовой шее разные ваши комсомольцы, а как приспеет время, ажник черт их возьмет!

На потном лбу Максима подпрыгивала мокрая прядка волос. Нож, обтесывая болванку, гневно метал стружки. Степка, бесцельно листая книгу, угрюмо сопел: ему не хотелось ввязываться в спор, потому что сам Яков Алексеевич прислушивался к словам Максима с молчаливым одобрением, видимо ожидая, что скажет Степка.

— Ну, а если, не приведи бог, какой переворот? Тогда что будешь делать? — хищно поблескивая зубами, щерился Максим.

— Зубы повыпадут, покель дождешься переворота!

— Гляди, Степка! Ты уж не махонький... Игра идет «шиб—прошиб», промахнешься — тебя ушибут! Да случись война или ишо что, я первый тебя драть буду! Таких щенят, как ты, убивать незачем, а плетью сечь буду... До болятки!

— И следоват!.. — подталдыкивал Яков Алексеевич.

— Пороть буду, вот те крест!.. — подрагивая ноздрями, гремел Максим. — В германскую войну, помню, пригнали нашу сотню на какую-то фабрику под Москвой — рабочие там бунтовались. Приехали мы перед вечером, въезжаем в ворота, а народу возле конторы — тьма. «Братцы казаки, — шумят. — Становитесь в наши ряды!» Командир сотни — войсковой старшина Боков — командует: «В плети их, сукиных сынов!..»

Максим захлебнулся смехом и, багровея, наливаясь краской, долго раскатисто ржал.

— Плеть-то у меня сыромятная, в конце пультка зашита... Выезжаю вперед, как гаркну забастовщикам этим: «...Вставай, подымайся, рабочий народ! Приехали казаки вам спины пороть!» Попереди всех старичишка в картузе стоял, так, седенький, щупленький... Я его как потяну плетью, а он — копырь и упал коню под ноги... Что там было... — суживая глаза, тянул Максим. — Бабья этого лошадыми потоптали — штук двадцать. Ребята осатанели и уж за шашки взялись...

— А ты? — хрипло спросил Степка.

— Кое-кому вложил память!

Степка спиной прижался к печке. Прижался крепко-накрепко, сказал глухо:

— Жалко, что не шлепнули тебя, такого гада!..

— Это кто же гад?

— Ты...

— Кто гад? — переспросил Максим и, кинув на пол необтесанную ложку, поднялся со скамьи.

Ладони у Степки взмокли теплым потом. Стиснул кулаки, ногти вьелись в тело, и уже твердо сказал:

— Собака ты! Каин!

Максим, вытянув руку, сжал в комок рубаху на груди у Степки, рывком оторвал его от печки и кинул на кровать. Ненависть варом обожгла парня. Метнулся в сторону, в пальцах Максима оставил ворот рубахи, взмахнул кулаком... Хлесткий удар в щеку свалил Степку с ног. Левой рукой Максим мял ему горло, правой размеренно бил по щекам. Степка чувствовал над собой частое дыхание брата, видел холодную и такую ненужную улыбку на его губах, от каждого удара захватывало дыхание, звон коллола уши, из глаз текли слезы. Крик обиды за невольные слезы, за улыбку Максима застревал в стиснутом горле... Из разбитых губ текла кровь. Вращая выпученными глазами, Степка кровью плевал в лицо брата, но тот отворачивал в сторону голову, показывая бритую жилистую шею, и так же размеренно, молча кидал шершавую ладонь на вспухшие щеки Степки...

Выждав время, разнял их сам Яков Алексеевич. Максим, все так же улыбаясь, поднял с земли недоделанную ложку, сел возле окна. Степка вытер рукавом окровавленные губы, надел шапку и вышел, тихонько притворив за собой дверь.

— Ему это на пользу.. Пушай за борозду не залазит, а то он скоро и до отца доберется! — заговорил Максим.

Яков Алексеевич задумчиво мял бороду, хмурился, поглядывая на мокрое от слез лицо старухи.

* * *

Наутро Максим первым затеял разговор.

— Пойдешь в Совет жалиться? — спросил он Степку.

— Пойду!

— А по-семейному это будет?

Степка глянул на посеревшее лицо Максимовой жены, на мать, утиравшую глаза завеской, и промолчал. Про себя решил снести обиду, молчать.

С этого дня надолго легла в доме нудная тишина. Бабы говорили шепотом. Яков Алексеевич, пасмурный, как ноябрьский рассвет, молчал, Максим — виновато улыбаясь, заговаривал со Степкой:

— Ты, браток, не всякую лыку в строку. Мало ли чего не бывает в семье... А все это через твой комсомол! Брось ты его к чертовой матери! Жили без него, да и теперь проживем. Какая тебе нужда переться туда? Отцу вон соседи в глаза лезут: «Что ж, мол, Степка-то ваш в комсомоллисты подался?» А старику ить совестно... Опять же жениться тебе, какая девка без венца пойдет? Хлюстанку брать?

Степка отмалчивался, уходил на баз. По вечерам шел на площадь, в клуб. Под хрипенье поповской фисгармонии думал невеселые думки.

А на станицу напористо перла весна. На девичьих щеках появились веснушки, на вербах — почки. По улицам отзвенело весеннее половодье. Неприметно куда ушел снег, под солнечным пригревом дымилась, таяла в синеве бирюзовая степь. В степных ярах, в буераках, вдоль откосов еще лежал снег, поганя землю своей несвежей, излапанной ветрами белизной, а по взгорьям, по лохматым буграм уже взбрыкивали овцы, степенно похаживали коровы, и зеленые щепотки травы, пробиваясь сквозь прошлогоднюю блеклую старюку, пахли одурманивающе и нежно.

Пахать выехали в середине марта. Яков Алексеевич засуетился раньше всех. С масленицы начал подсыпать быкам кукурузу, кормил сытно, по-хозяйски.

Солнце еще не выпило из земли жирного запаха весенней прели, а Яков Алексеевич уже снаряжал сынов, и в четверг, чуть рассвело, выехали в степь. Степка погонял быков, Максим ходил за плугом. Два дня жили в степи за восемь верст от дома. По ночам давили морозы, трава обрастала инеем, земля, скованная ледозвоном, отходила только в полудню, и две пары быков, пройдя два—три загона, становились на постав, над мокрыми спинами клубами пенился пар, бока тяжело вздымались. Максим, очищая с сапог налипшую грязь, косился на отца, хрипел простуженным голосом:

— Ты, батя, сроду так... Ну, рази это пахота? Это увечье, а не работа! Скотину порежем начисто... Ты погляди кругом: окромя нас, пашет хоть одна душа?

Яков Алексеевич палочкой скреб лемешки, гундосил:

— Ранняя пташка носик очищает, а поздняя глазки протирает. Так-то говорят старые люди, а ты, молодой, разумеи!

— Какая там пташечка! — кипятился Максим. — Она, эта самая пташечка, будь она трижды анафема, не сеет, не жнет и не пашет в таковскую погоду, а ты, батя... Да что там... Кхе-кхе... Кхе!..

— Ну, отдохнули, трогай, сынок, с богом!

— Чего там трогай, налево кругом — и марш домой!

— Трогай, Степан!

Степка арапником вытягивал сразу обоих борозденных. Плуг, словно прилипая к земле, скрипел, судорожно подрагивал и полз, лениво отваливая тонкие пласты грязи.

* * *

С того дня, как стал Степка комсомольцем, откололась от него семья. Сторонились и чуждались, словно заразного. Яков Алексеевич открыто говорил:

— Теперь, Степан, не будет прежнего ладу. Ты нам навроде как чужой стал... Богу не молишься, постов не блюдешь, батюшка с молитвой приходил, так ты и под святой крест не подошел... Разве ж это дело? Опять же хозяйство, — при тебе слово лишнее опасаясь сказать... Раз уж завелась в дереве червоточина — погибать ему, в труху превзойдет, ежели вовремя не вылечить. А лечить надо строго, больную ветку рубить, не жалеть... В Писании и то сказано.

— Мне из дому идтить некуда, — отвечал Степка. — На этот год на службу уйду, вот и развяжу вам руки.

— Из жилья мы тебя не выгоняем, но поведение свое брось! Нечего тебе по собраниям шляться, на губах еще не обсохло, а ты туда же, рот разеваешь. Люди в глаза мне смеются через тебя, поганца.

Старик, разговаривая со Степкой, багровел, едва сдерживал волнение, а Степка, глядя в холодные отцовы глаза, на жесткие по-звериному изломы губ, вспоминал упреки ребят-комсомольцев: «Обуздай отца, Степка. Ведь он разоряет бедноту, скупая под весну за бесценно сельскохозяйственные орудия. Стыдно!».

И Степка, вспоминая, действительно краснел от жгучего стыда, чувствовал, что в сердце нет уже ни прежней кровной любви, ни жалости к этому беспощадному дёру — к человеку, который зовется его отцом.

Будто каменной глухой стеной отгородилась от Степки семья. Не перелезть эту стену, не достучаться.

Отчуждение постепенно переходило в маленькую сначала злобу, а злобу сменила ненависть. За обедом, случайно подняв глаза, встречал Степка леденистые глаза Максима, переводил взгляд на отца и видел, как под сумчатыми веками Якова Алексеевича загораются злобные огоньки, в руке начинает дрожать ложка. Даже мать и та стала смотреть на Степку равнодушным, невидящим взглядом. Кусок застревал у парня в горле, непрощенные слезы жгли глаза, валом вставало глухое рыдание. Скрепясь, наскоро дообедывал и уходил из дому.

По ночам часто Степке снился один и тот же сон: будто хоронят его где-то в степи, под песчаным увалом. Кругом незнакомые, чужие люди, на увале растут сухобылый бурьян и остролистый змеиный лук. Отчетливо, как наяву, видел Степка каждую веточку, каждый листик...

Потом в яму бросали его, Степкино, мертвое тело и сыпали лопатами глину. Один холодный грузный ком падает на грудь, за ним другой, третий... Степка просыпался, ляская зубами, со стесненной грудью, и, уже проснувшись, дышал глубокими частыми вздохами, словно ему не хватало воздуха.

* * *

На время кончились полевые работы. Степь пустовала без людей, лишь на огородах маячили цветные платки баб. По вечерам станица, любовно перевитая сумерками, дремала на высохшей земляной груди, разметав по окраинам зеленые косы садов. Перезвоны гармошек подолгу бродили за станицей, там, где урубом кончается степь и начинается пухлая синь неба. Подходил покос. Трава вымахала в пояс человеку. На острых головках пырея стали подсыхать ости, желтели и корбились листки, наливалась соком сурепка, в логах кучерявился конский щавель.

Яков Алексеевич раньше всех выкосил свою делянку, по ночам запрягал быков и уезжал от стана с Максимом за грань, на вольные земли станичного фонда. Гасли звезды, пепельно серело небо, зорю выбивал перепел; просыпаясь под арбой, Степка слышал, как по росе цокотала косилка, выкашивая краденую траву.

Сена набрал Яков Алексеевич на две зимы. Хозяйственный человек он и знает, что на провесне, когда у бестягловых скотинка с голоду будетдохнуть, можно за беремья сена взять добрые деньги, а если денег нет, то и телушку-летошницу с база на свой баз перегнать. Вот поэтому-то Яков Алексеевич и вывершил прикладок вышиной в три косовых. Злые люди поговари-

вали, что и чужого сенца прихватил ночушкой Яков Алексеевич, но ведь не пойманный — не вор, а так мало ли какую напраслину можно на человека взвалить...

* * *

В субботу затемно пришел Прохор Токин. Долго мялся возле дверей, крутил в руках загасканную зеленую буденовку, тоскливо и заискивающе улыбался. «Пришел быков у отца просить», — подумал Степка. Сквозь изодранные мешочные штаны Прохора проглядывало дряблое тело, босые ноги сочились кровью, в глубоких глазницах тускло, как угольки под золою, тлели слегка раскосые черные глаза. Взгляд их был злобно-голоден и умоляющ.

— Яков Алексеевич, выручи, ради Христа! Отработаю.

— А что у тебя за беда? — спросил тот, не вставая с кровати.

— Быков бы мне на день... Сено перевезть. Завтра день праздничный... а я бы перевез... Разворуют сено-то!

— Быков не дам!

— Ради Христа!

— Не проси, Прохор, не могу. Скотина мореная.

— Уважь, Яков Алексеевич. Сам знаешь, семья... чем коровенку зимовать буду? Бился, бился, не косил, а по былке выдерживал...

— Дай быков, отец! — вмешался Степка.

Прохор метнул в его сторону благодарный взгляд, суетливо моргая глазами, уставился на Якова Алексеевича. Неожиданно Степка увидел, что колени у Прохора мелко подрагивают, а он, желая скрыть невольную дрожь, переступает с ноги на ногу, как лошадь, посаженная на передок; чувствуя приступ омерзительной тошноты, Степка побледнел, выкрикнул лающим голосом:

— Дай быков! Что жилы тянешь!..

Яков Алексеевич насупил брови.

— Ты мне не указ. А коли такой желанный, то езжай в праздник сено вози! Своих быков в чужие руки я не доверяю!

— И поеду.

— Ну, и езжай!

— Спасибочко, Яков Алексеевич! — Прохор выпнулся в поклоне.

— Спасибо — спасибом, а молотьба придет — на недельку приди, поработаешься.

— Приду.

— То-то, гляди!

* * *

В воскресенье, едва засветлел рассвет, под окнами хат и хатенок загремели костыли квартальных. Яков Алексеевич встретил своего квартального возле крыльца.

— Ты чего спозаранку томашишься?

— Рассветнется, приходи в школу на собрание. — Квартальный развернул кисет и, слюнявя клочок газеты, невнятно пробурчал: — Статист приехал посевы записывать... Для налога... Вот какие дела... Прощевайте!

Пошел к калитке, на ходу чиркая спичкой, громыхая сырмятными чириками. Яков Алексеевич задумчиво помял бороду и, обращаясь к Максиму, гнавшему быков с водопоя, крикнул:

— Быков повремени давать Прохору. Нынче утром собрание вчет налога. Статист приехал. Пойдем обое со Степкой. Он комсомолист, может, ему какая скидка выйдет. Что же, задарма он, что ли, обувку отцовскую бьет, по клубам шатается.

Максим бросил быков и торопливо подошел к отцу.

— Ты гляди, на старости лет не сдури... Записывай замест двадцати десятин — шесть либо семь.

— Нашел, кого учить, — усмехнулся Яков Алексеевич.

За завтраком Яков Алексеевич небывало ласковым голосом сказал Степке:

— С Прохором поедешь за сеном на ночь, а зараз одевай праздничные шаровары и пойдем на собрание.

Степка промолчал. Позавтракал и, ни о чем не спрашивая, пошел с отцом. В школе народу — как колосу на десятине в урожайный год. Дошла очередь и до Якова Алексеевича. Позеленевший от табачного дыма статистик, глядя рыжую бороду, спросил:

— Сколько десятин посева?

Яков Алексеевич, помолчав, деловито прижмурил глаз.

— Жита две десятины, — на левой его руке палец пригнулся к ладони, — проса одна десятая, — согнулся другой растопыренный палец, — пшеницы четыре десятины...

Яков Алексеевич придавил третий палец и поднял глаза к потолку, словно что-то про себя подсчитывая. В толпе кто-то хихикнул; покрывая смех, кто-то густо кашлянул.

— Семь десятин? — спросил статистик, нервно постукивая карандашом.

— Семь, — твердо ответил Яков Алексеевич.

Степка, расчищая локтями дорогу, прорвался к столу.

— Товарищ! — Голос у Степки суховато-хриплый, рвущийся. — Товарищ статист, тут ошибка... Отец запомятовал...

— Как запомятовал? — бледнея, крикнул Яков Алексеевич.

— ...запомятовал еще один клин пшеницы... Всего двадцать десятин посева.

В толпе глухо загудели, зашушукались. Из задних рядов несколько голосов сразу крикнули:

— Верна! Правильна! Брешет Яков... у него три раза по семь будет!..

— Что же вы, гражданин, вводите нас в заблуждение? — Статистик вяло сморщился.

— Кто его знает... враг попутал... верно, двадцать... Так точно... Вот, боже ты мой... Скажи на милость, запомнил...

Губы у Якова Алексеевича растерянно вздрагивали, на посиневших щеках прыгали живчики. В комнате стояла неловкая тишина. Председатель что-то шепнул статистику на ухо, и тот красным карандашом зачеркнул цифру «7» и вверху жирно вывел — «20».

* * *

Степка забежал к Прохору, и через сады, торопясь, дошли до дому.

— Ты, брат, поспешай, а то придет отец с собрания, быков ни черта не даст!

На-скорях выкатили из-под навеса арбы, запрягли быков. Максим с крыльца крикнул:

— Записали посев?

— Записали.

— Что же, сделали тебе какую скидку?

Степка, не поняв вопроса, промолчал. Выехали за ворота. От площади к проулку почти рысью трусил Яков Алексеевич.

— Цоб!

Кнут заставил быков прибавить шаг. Две арбы с опущенными лестницами, мягко погромыхая, потянулись в степь.

Возле ворот запыхавшийся Яков Алексеевич махал шапкой.

— Во-ро-чай-ся! — ключьями нес ветер осипший крик.

— Не оглядывайся! — крикнул Степка Прохору и приналег на кнут.

Арбы спустились, как нырнули, в яр, а от станицы, от осанистого дома Якова Алексеевича, все еще плыл тягучий рев:

— Вер-ни-ись, су-кин сы-ын!..

* * *

Затемно доехали до Прохоровых копен. Распрягли быков, пустили их щипать огрехи на скошенной делянке. Наложили возы сеном и порешили ночевать в степи, а перед рассветом ехать домой.

Прохор, утопав второй воз, там же свернулся клубком, поджал ноги и уснул. Степка прилег на землю. Накинув зипун от росы, лежал, глядя на бисерное небо, на темные фигуры быков, щипавших не скошенную траву. Парная темь точила неведо-

---

мые травяные запахи, оглушительно звенели кузнечики, где-то в ярах тосковал сыч.

Неприметно как — Степка уснул.

Первым проснулся Прохор. Мешковато упал с воза, присел над землей, вглядываясь, не видно ли где быков. Темнота густая, фиолетовая, паутиной оплетала глаза. Над логом курился туман. Дышло Большой Медведицы торчало, опускаясь на запад.

Шагах в десяти Прохор наткнулся на спавшего Степку.

Тронул рукою зипун, шерсть, взмокшая леденистой росой, приятно свежила руку.

— Степан, вставай! Быков нету!..

Пропавших быков искали до вечера. Исколесили степь кругом на десять верст, облазили все буераки, истоптали пышный цвет не скошенных трав по логом и балкам.

Быки — как сквозь землю провалились.

Перед вечером сошлись возле осиротелых возов, и почерневший, осунувшийся Прохор первый спросил:

— Что делать?

Голос его звучал глухо. Раскосые беспокойные глаза слезливо моргали...

— Не знаю, — с тяжелым равнодушием ответил Степка.

* * *

Яков Алексеевич глянул на солнце, чихнул и позвал Максима.

— Не иначе обломались в яру. Вечер на базу, а их нету... Приедет, проклятый, — поучим, да хорошенько... За посев поблагодарить надо... Оказал отцу помочь... Воспитал змеиного выродка... — И, багровея, рявкнул: — Запрягай кобылу!.. Поедем встретим!..

Еще издали Максим увидел возле возов с сеном недвижно сидящих Степку и Прохора.

— Батя!.. Гля-ко, никак, быков нету... — шепнул он упавшим голосом.

Яков Алексеевич согнул ладонь лодочкой, долго вглядывался: разглядев, стегнул кнутом кобылу. Повозка заметалась по кочковатой целине. Максим, причмокивая, махал вожжами.

— Где быки?.. — покрывая стукотню колес, загремел Яков Алексеевич.

Повозочка стала около переднего воза. Максим на ходу прыгнул, осушил ноги и, морщась, быстро подошел к Степке.

— Быки где?

— Пропали...

Страшный в зверином гневе, повернулся к бегущему отцу Максим, заорал иступленно:

— Пропали быки, батя!.. Твой сынок... разорили нас!.. По миру с сумкой!..

Яков Алексеевич с разбегу ударил побелевшего Степку и повалил его наземь.

— Убью!.. Зоб вырву!.. Признавайся. Проклятый: продал быков?! Тут небось купцы... ждали... Через это и охотился за сеном ехать!.. Го-во-ри!..

— Батя!.. Батя!..

В стороне Максим катал по земле Прохора. Бил сапогами в живот, грудь, голову. Прохор закрывал ладонями лицо и глухо мычал.

Выхватив из воза вилы, Максим вздернул Прохора на ноги, сказал просто и тихо:

— Признайся: продали со Степкой быков? Сговорено дело было?

— Братушка!.. Не греши... — Прохор поднимал руки, и кровь, синевато-черная, ползла у него из разбитого рта на рубаху.

— Не скажешь?.. — шепотом просипел Максим.

Прохор заплакал, икая и дергаясь головой... Зубья вил легко, как в копну сена, вошли ему в грудь, под левый сосок. Кровь потекла не сразу...

Степка бился под отцом, выгибаясь дугою, искал губами отцовы руки и целовал на них вспухшие рубцами жилы и рыжую щетину волос...

— Под сердце... бей... — хрипел Яков Алексеевич, распиная Степку на мокрой, росистой земле...

* * *

Домой приехали затемно. Яков Алексеевич всю дорогу лежал вниз лицом. На ухабах голова его глухо стучалась в днище повозки. Максим, бросив вожжи, обметал со штанов невидимую пыль. Не доезжая до хутора, скороговоркой кинул:

— Приехали, мол, а они лежат побитые. Не иначе, мол, порешили их из-за быков... А быков взяли...

Яков Алексеевич промолчал. У ворот их встретила Аксинья, Максимова жена. Почесывая под домотканой юбкой большой обвислый живот (ходила она на сносях), сказала с ленивым сожалением:

— Зря вы кобылу-то гоняли... Быки, вон они, домой пришли, проклятые. Что же Степка-то, аль остался искать?

И, не дождавшись ответа, крестя рот, раззявленный зевотой, пошла в дом тяжелой, ковыляющей походкой.

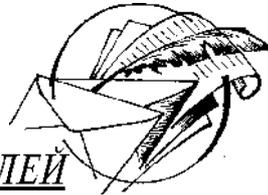

Тамара ГОЛОВКИНА

ПОРУГАНИЕ ВЫСШЕГО ПОРЯДКА

Год русского языка позади, но главные проблемы, связанные с языком, остались нерешенными. Группа ученых-филологов СПбГУ дает свои размышления на страницах одной из газет: *«Тема года (языка) заняла важное место в ряду крупных мероприятий мирового масштаба... В данной ситуации вновь становится актуальным вопрос: насколько эффективным может быть государственное регулирование в языковой сфере и возможно ли оно вообще?»* Тут я, неспециалист, чего-то не понимаю — зачем же президентом был объявлен Год русского языка? Ученый-филолог патриотического направления говорит: *«Жизнеспособность общества соответствует его языковому состоянию. Поэтому вопрос о языке — политический. С ним связана защита государственных и общенародных интересов, то есть нормальной жизнедеятельности человека и народа»*. Я понимаю это так: государство должно, только оно и может эффективно отрегулировать все вопросы в области культуры и просвещения.

Нам, рядовым людям, которые участвуют в материальном обеспечении разнообразных мероприятий, платя немалые налоги, хотелось бы знать: и что, где видимый, слышимый результат вот этих конкретных «мероприятий мирового масштаба»?

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Пока никаких изменений к лучшему. В масштабе Питера, его исторического центра, конкретно многолюдной Сенной, где я живу, как и все последние 10 лет, продолжается осквернение города, его атмосферы матом, нецензурщиной. Я присоединяюсь к уважаемому ученому, когда он говорит: *«Как русский, как гражданин России, я имею право на ее территории, свободно передвигаясь в общественных местах, не быть облитым помоями из отхожих мест языка!»* Ученые же либералы деликатно именуют словесные нечистоты, исходящие из человеческих уст, «ненормативной лексикой», как бы давая этой лексике законное право на существование, наравне с любой другой. Но солидную книгу академические ученые выпустили почему-то с названием «Русский мат». Наверное, в расчете на потребителя, потому что с названием «Русская ненормативная лексика» она мало бы кого привлекла. Я, когда увидела на прилавке этот «шедевр» с академической маркой, изданный «в золотом тиснении», глазам своим не поверила. Смолоду и до пенсии работая в системе Академии наук, в Институте языкознания и русского языка, в издательстве, я и помыслить даже не могла, что кто-то из академических сотрудников научно заинтересуется темой русского мата. А несколько лет назад многие вообще рты разинули от удивления, когда известный академик публично высказал свое одобрение сквернословью. Эти «многие» помнили, что в начале же «все кажется пошлым». Смотрит иногда «про ментов». Ничто человеческое не чуждо ученой даме, но за легкой болтовней о том о сем не забывает она и об обязательной установке на толерантность. «Она должна быть проявлена в языке», — строго поучат дама. Но самое главное раскрытие темы этот доктор филологических наук, профессор дает в конце: «Рецепт спасения языка прост: все передается от поколения к поколению. Огромную роль играет и взаимное обучение русскому языку. Главное — сами говорите правильно и своих детей учите, а они, глядишь, товарищей, подруг научат, и пойдет цепная реакция». Но как бы зауважала я эту ученую даму, если бы, кроме добавки про толерантность, она сделала более важную добавку: «Найдите старые, 70-х годов, учебники русского языка и учите по ним своих детей, а они...» и т.д. Но, увы!

И по этим, и по другим публикациям увидела я иную цепную реакцию: все ученые, как по уговору, избегают говорить о главном — о преподавании русского языка в школе. О чем угодно, только не об этом. Хотя многих ученых-филологов просто настораживает, что «у широких слоев населения существенно падает языковая компетенция». А подумать: откуда она вдруг может появиться, эта компетенция, если нет культуры? А отку-

---

да культура появится, если разрушена прежняя, почти классическая система гуманитарного образования? В этом темном царстве непонимания и нежелания решать проблемы образования есть, слава Богу, луч света — тот истинный, смелый и честный ученый, слова которого я приводила выше. Он четко и ясно говорит в своих трудах, что теперешние «реформы» в школе направлены на «отсечение от традиций, от природных корней национального просвещения и культуры».

А мы, родители, поинтересовались, спросили в роно или у каких-то других чиновников, когда 15 лет назад под шумок «перестройки» пошло «реформирование системы образования»: с какой целью все это началось? Зачем нужны были срочные, радикальные изменения в образовании, которое занимало одно из первых мест в мире? Мы, старшее поколение, вырастившее детей, внуков, помним прежние учебники по русскому языку. Все в них было изложено четко, ясно, строго и, даже в младших классах, научно. Добросовестно учась по ним, из школы выходили миллионы образованных, грамотных людей. Теперешние же учебники с их ребусами, кроссвордами, дебильными цветными картинками мешают освоить родной язык. Составляют их околонаучные личности, которые соревнуются в бесконечных новациях и экспериментах. Разрушить всё до основания — их принцип.

Для нас, неученых, становится очевидным, что русский язык и все вопросы, связанные с ним, — общенародное дело, а не тема узкого круга специалистов, взгляды и научные воззрения которых меняются теперь не только в зависимости от отечественной официальной идеологии, но и от заокеанской. Чужое вмешательство запутало, свело на нет острую проблему сохранения языка и обучения новых поколений. И теперь в школе сплошные новации, авторские программы, альтернативы, аспекты. Для нас же, родителей, главный, извечный аспект в этой проблеме — дети. Уже не первый год призываю я родителей объединиться и потребовать запрета на тот беспредел безнравственности, в котором проходит детство наших ребятишек. В апреле 2005 года «Советская Россия» напечатала мою статью «Две святыни» — о детях, о языке нашем, о том, что это — наше главное в жизни, то, что мы в первую очередь должны беречь и защищать.

Из публикации университетских ученых узнала, что в августе того же года вступил в силу Закон «О государственном языке Российской Федерации». Знаю, что закон рождался долго и, со слов ученых, получился не совсем удачным — «из текста закона уходила конкретика». Статью ученых с непонятным названием

«Языку нельзя ничего запретить» я внимательно прочла и тоже что-то там никакой конкретики для себя не нашла. Как и название, все смутно, расплывчато или уж очень специально, оторвано от жизни.

Говоря о вышедшем в 1994 году во Франции законе «Об употреблении французского языка», ученые высказывают свое критическое отношение к нему: «Французский закон характеризует прежде всего отчетливая прагматическая ориентация на потребителя продуктов (в том числе и интеллектуальных, в области науки и культуры) и услуг». Так что закон этот для наших ученых — не ориентир, значит, и потребители-французы для нас не пример. Но известно, что французский закон силен уже тем, что защищает родной национальный язык от наглого вторжения английского. Тогдашний же министр культуры Франции (во времена принятия закона) Жак Турбон сказал: «Депутаты Национального собрания и сенаторы отдают себе отчет в важности языковой проблемы во Франции. Они поняли, что язык является одним из основных элементов исторического наследия страны, цементирующим национальное единство и социальную интеграцию». Из этих слов следует, что без государственного регулирования в языковой сфере ничего решить серьезно невозможно. Что же нашим правителям мешает проникнуться важностью проблемы и взять это дело в свои руки? Много и многие. В том числе и вот эти ученые, ничего конкретно не предлагающие, только уводящие от насущной проблемы.

Вот эту статью тоже ученой дамы с завлекательным названием «Как защитить русский язык» я прочла, надеялась найти в ней авторитетную поддержку для себя. Все у нее просто и доходчиво изложено. И о недопустимости нецензурных выражений, которые можно употреблять в литературе только тогда, когда «это оправдано и органично связано с содержанием и необходимо автору». Позволяет она это делать только одному «высокообразованному и очень талантливому человеку», который «переведен на все языки и высоко оценен в мире». Нет, не благодаря мату, а благодаря «глубоким мыслям». И о телевидении такие жизненные наблюдения — не нравится оно ей из-за пошлой рекламы, в которой очень мило смотрятся только малыши в памперсах. Но нерусская интонация дикторов просто ужасна.

«В период расцвета советской школы учащиеся в обязательном порядке изучали со 2-го по 8-й класс 30 басен И.А. Крылова. Современный стандарт предлагает лишь 4 (по выбору!). Подобным же образом сократили других классиков, на творчестве которых только и можно обучить родному языку и русской словесности» —

это ученый приводит только малую часть изменений, которым подверглась программа по литературе.

В минувшем году «реформаторы» были особенно активны. Отменено сочинение как обязательная форма итогового экзамена. А ведь сочинение — «это незаменимый способ овладения родным литературным языком». Следующая новация — перевод экзамена по русскому языку на тесты. *«Тесты убивают язык как живое явление... Живой, природный язык уже не будет касаться сознания учащихся. ...Эти школьники, по существу, выпадают из полноценного культурного развития нации»*. Этого и добиваются «реформаторы», осуществляя еще одну акцию — литература выведена теперь за рамки предметов, требующих итоговой оценки. Сократив количество часов на русский язык до 204 в году, на иностранный отвели 408 часов. Иностранный, оказывается, теперь российским детям нужен больше, чем русский. Ведется вредная практика насаждения иностранного языка с младших классов, когда школьники еще прочно не утвердились в знании родного языка. В столице, говорят, действует распоряжение: преподавателям иностранных языков платить вдвое больше, чем преподавателям русского языка. *«Положение центрального предмета в школе — русского языка — катастрофическое, языковая среда СМИ ежедневно усугубляет его. ...Русский язык находится в самом плохом положении среди всех школьных гуманитарных дисциплин»*. Где же логика и справедливость? Учителя русского языка и литературы должны быть на особом положении, у нас же — все наоборот. Тот, кто сеет разумное, доброе, вечное, гоним. Но это показательно, это характерно теперь для всех благих дел в России.

Не будем ждать у моря погоды. Не будем ждать, когда государственное регулирование в языковой сфере станет эффективным. Не будем ждать, когда все ученые поймут, что на них возложена высшая, святая миссия — глубоко изучать, охранять, беречь наше богатство — русский язык — и чистым доносить его до народа. Их высшее ученое звание — это высшая ответственность перед народом. А кому Богом много дано, с того много и спросится. Хочется верить, что когда-нибудь они поймут это. Мы видим, как быстро растут наши дети, как впитывают они всю теперешнюю неправду и грязь. Давайте помогать тем немногим ученым, учителям, подвижникам своего дела. Так и спросим их: чем я могу помочь, чтобы мой ребенок учился по хорошему, научно составленному учебнику русского языка? Что сделать, чтобы увеличить число часов на русский язык, литературу? Вообще: чем я посильно могу помочь в этом нашем общем деле?

Не упоминая здесь никаких имен, я назову только два имени, без которых немислимы родная литература и язык. **«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя не верить, чтобы такой язык не был дан великому народу»** — все мы это учили в школе, хотя бы в отрывках. Но эта высокая мысль И. С. Тургенева не полна сейчас, ее дополняет еще один наш великий русский писатель, Н. В. Гоголь: **«Обращаться со словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку»**.

Санкт-Петербург

Юрий ВОРОБЬЕВСКИЙ

ТЕРРОРИСТ НОМЕР НОЛЬ

СМЕРТНИКИ САТАНЫ

У террора — бен-ладеновская борода и черная хламида шахидки, зеленая лента на невысоком лбу и пыльная талибская шапочка. Впрочем, вся эта телевизионная костюмерная не говорит о терроризме больше, чем сама этимология. Террор — от слова «ужас». А это одно из имен отца лжи и человекоубийцы от века. Так что главный террорист — не неуловимый Джо, то есть, простите, Бен Ладен. Не кураторы Аль-Каиды из ЦРУ. Особые приметы его словесного портрета таковы: рога, копыта и хвост.

— Вы это серьезно? — улыбнется «компетентный специалист». — О каком таком дьяволе вы говорите?

Отвечу. Для начала — несколько штрихов из истории царской России. Из тех времен, когда «прогрессивная общественность» террор приветствовала. Когда материализовался дьявольский вакуум нигилизма. Когда он превратился во взрывоопасные смеси «героических» мотиваций и адских машин. Когда за тридцать лет число погибших служителей трона превысило двадцать тысяч человек.

Итак, легендарный Евно Азеф. Провокатор полиции и крупнейший террорист, ответственный, в частности, за убийства Великого Князя Сергея Александровича и министра внутренних дел В. Плеве. Человек с двойным дном. Как писали о нем офицеры охранки, свинья,

ТАЙНОЕ И ПОТУСТОРОННЕЕ

которая ест из двух корыт. Именно он дал повод для разговоров о том, будто все убийства организовываются политической полицией для разворачивания ответных репрессий. Эти слухи был вынужден опровергать Столыпин. Опровергал, пока сам не пал от руки тайного агента Мордки Богрова. Попытка управлять революцией из Третьего отделения (если таковая действительно имела место) явно не удалась.

Дьявольская метода провокаций в православной стране — убийственна. В том числе и для тех, кто по роду своей службы обязан заниматься «грязной» работой. А вербовка сотрудников из «группы риска»? Опасна еще более. Хотя куда как привлекательна на первый взгляд. Да, есть ведь люди, для которых оборотничество почти что органично.

В Византии, кстати, представителей «группы риска» не пускали на государственную службу, в том числе и в сферу экономики. Финансовый террор пройти не мог. Не потому ли безант был стабильным в течение пятисот лет! И стоила эта монета в десятки раз дороже номинальной цены золота. Византия даже в условиях тяжелейших войн переплавляла золотые и серебряные украшения и оплачивала войска, но в кабалу не залезала. Отсечение «группы риска» основывалось, кстати, на том, что законы империи полностью опирались на решения Вселенских соборов, церковные каноны. То есть на те знания о мире, которые не просто эмпирически накоплены поврежденным человеческим умом, а продиктованы через святых отцов свыше.

В наши дни «голос свыше» — это команда из Кремля. Получив ее, группа доверенных профессоров, закусывая вкусными бутербродами, сочиняет нечто на подмосковной даче. Затем — общенародный референдум. Ура! Очередная, отвечающая нынешнему моменту, конституция принята. Этот документ, к которому мы должны относиться как к чему-то священному, между прочим, говорит, что в России никакая религия не может быть государственной. Но если в законах страны не Бог, то там — диавол. Другого в духовном мире не дано, а живем мы — согласен кто-либо или нет — в мире духовном. Ибо по определению являемся духами, облеченными плотью... Как вы думаете, способны такие законы противостоять «смертникам сатаны»? Терроризму вообще невозможно эффективно противодействовать, не будучи православным человеком...*

Еще один «герой» предреволюционного террора, любимец Ленина — Камо. Знаменит экспроприациями. Прославился

---

* Специалисты отмечают, что уже к 1996 году 64 из 96 наиболее известных террористических организаций были созданы на религиозной основе.

добыванием денег для большевиков и необычайным зверством в выполнении этих поручений партии. Вспоминаю советский фильм о нем. Герой схвачен, его пытаются. И поражаются: от боли у него даже не расширяются зрачки. Подтекст таков: какая воля у человека! На деле же все обстояло не так. Камо был задержан германской полицией и в силу особенностей своего поведения отдан на обследование врачам. Те подтвердили тяжелое психическое расстройство. Впрочем, мы смело можем говорить о сильной степени забесовленности, так как знаем: именно в этом случае человек бывает нечувствителен к боли. Отсюда же и жестокость, которую называют нечеловеческой. Очень точное слово. Оно тоже немало говорит нам о террористах.

Кстати, одержимых и наркоманов среди бомбистов XIX и XX веков — абсолютное большинство. Характерны и их самоубийства. «Просматривая биографии этих первых народников, нельзя не заметить, что многие из них были весьма экзальтированы, не слишком уравновешенны. Лев Дейч свидетельствует: Лев Златопольский, террорист, «был не вполне психически уравновешенным человеком». У того же Аптекмана, вслед аресту 1879, в одиночке «нервы... в сильной степени расшатались — он недалек был от помешательства». Бети Каменская «уже на второй месяц одиночного заключения... лишилась рассудка», поместили в больницу, потом отец-купец взял ее на поруки. Узнав же по обвинительному акту, что ее не привлекают к суду, — хотела заявить прокурору, что — здорова, и идти под суд; но вскоре же приняла яд, умерла». У Моисея Равиновича в одиночке «нервы... расшатались... появились галлюцинации». Решил притвориться раскаявшимся, назвать, кого следствие, вероятно, и само знает — лишь бы выпустили из тюрьмы. Написал заявление: не только изложит все известное ему, но будет и на воле сообщать сведения. А из него — выжали, что знал, и не освободили, сослали в Иркутскую губернию; там он сошел с ума и умер «в возрасте 20-ти с чем-то лет». И примеры можно еще приводить. Лейзер Нахман Левенталь, уже эмигрировав в Берлин, испытывал «крайне нервное состояние», а тут еще наложилась несчастная любовь — он «выпил серной кислоты и бросился в реку», это — лет девятнадцати...

И даже Григорий Гольдендерт, бестрепетно убивший харьковского губернатора и как высшей чести просивший у товарищей лично убить царя (но ими из опасения народного гнева отстранен как еврей; очевидно, из этого же соображения народовольцы назначали на главные покушения — большей частью русских), арестованный в 1879 с грузом динамита, — смертно затосковал в одиночной камере Трубецкого бастиона, сломился, давал показания, провальные для народовольцев, и подавал

письменные и устные прошения, чтобы его соединили в камере с Ароном Зунделевичем. (Зунделевич снисходительней других народовольцев отнесся к его греху.) А получив окончательный отказ — покончил с собой.

Об этом нам поведали только теперь, в постсоветское время. Хотя и прежде — не осознавая смысла — нередко ставили слова «одержимый» (в «положительном» смысле) и «революционер» рядом.

Уместно вернуться к Бен Ладену. Ссылаясь на зарубежные источники, Михаил Назаров пишет, что семья «террориста номер один» ведет происхождение из рода йеменских евреев. Об этой духовной генеалогии говорят и сами признаки ваххабизма. Он ведь предусматривает двойные стандарты в поведении и прочие талмудические особенности. Так мы вновь возвращаемся к «группе риска». И не потому, что это навязчивая идея автора. Суть интересующей нас закономерности высказана в том месте Священного Писания, где Господь говорит об иудеях как детях дьявола. (Ин: 8, 44). Неудивительно: именно они и их потомки чаще всего становятся бомбистами, террористами, абреками. И гениями провокации.

Исследователь Олег Якубов пишет: «С большой долей определенности можно утверждать, что Усама Бен Ладен не совершил лично ни одного теракта. Он не признается ни в одном из приписанных ему терактов не из-за страха перед возмездием. Причина в другом — его могут поймать на лжи те, кто точно знает авторов этих преступлений.

Если они его вдруг разоблачат, лопнет миф о негибавшем борце против американского империализма, останется только современный арабский Азеф, имеющий сомнительные связи с саудовской и американской спецслужбами. Но им-то как раз и нужно сохранить Бена Ладена на плаву, чтобы тысячи молодых борцов с «неверными» находились по-прежнему в сфере влияния «своего человека» и не начали бы стихийную тотальную войну».

Верховный Муфтий России Шейх уль-Ислам Талгат Таджуддин подтверждает: «Ваххабизм — это искусственно организованное спецслужбами Запада течение, которое никак не относится ни к одному из течений ислама...»

ШОЛОМ ОТ МАХАРАЛА

Иногда «группе риска» попадает в руки целое государство. Тогда закономерно явление, которое мы называем государственным терроризмом. Проходила его — после революции — и Россия. Правящий слой наводил тотальный ужас, истребляя в пер-

---

вую очередь русский народ. Но теперь речь не об этом...

В 1972 году в Америке умер человек, о котором у нас многие и не слышали. Лео Штраус, выходец из России, был профессором престижных американских университетов, но главное, — автором очередной идеологии завоевания мира. Последователи Штрауса — их называют неоконсерваторами — теневая элита США. Она пользуется колоссальным влиянием, несмотря на партийные расклады в Белом доме. И вот одна из идей, которая, в общем-то, не нова: вне войны мир бесперспективен. Война — конструктивна. Люди должны быть объединены против других людей. Даже если угрозы с чьей-либо стороны нет, ее надо придумать...

Американский самострел 11 сентября — из этого рода придумок. Башни взорвал якобы Бен Ладен, а он скрывается якобы в Афганистане. (Буш хотел бомбить страну с кораблей, так как думал, что это остров, но потом ему дали маленький урок географии.) На деле главная причина агрессии была в другом. Вскормленные ЦРУ талибы повернули куда-то не туда. Вздумали сократить производство и транзит наркотиков. А ведь именно неучтенные деньги, которые поступают от наркоманов, обеспечивают бесконтрольное финансирование американского глобального терроризма. Обеспечивают спецоперации от убийства президентов суверенных государств до свержения неугодных режимов. По оценке известного германского эксперта фон Бюлова, до 70 процентов мирового оборота наркотиков контролируется спецслужбами. А это — более триллиона долларов в год!

Итак, врага надо придумать, культивировать, создать, вскормить. Вымышленное оружие массового поражения в руках злого Саддама — еще один пример на сей счет. Кто особенно ненавидел этого усача в берете? Вот кто. Израильский лидер Шамир восклицал по поводу Ирака: «Пурим! Не вижу только петли!» Так что стреляли из американских пушек, а кнопку нажимали в Израиле. Откровение другого израильского премьера не дает усомниться: расклад именно таков. Шарон заявил прямо: мы контролируем Америку.. Если и преувеличил, то немного. Кстати, союз с шароновской радикальной партией Ликуд — часть стратегии неоконсерваторов. Их задача — в первую очередь отстаивать интересы Израиля. Любой ценой. Деление людей на «высших» и «низших» не создает никаких моральных проблем с применением насилия. Показательное изречение бывшего израильского премьера Шамира таково: в России от погромов погибло меньше, чем мы убиваем за неделю... Кто-то может сказать: террористам — поделом. Но тут есть один нюанс. Первую арабскую террористическую организацию «братья мусульмане» еще в трид-

цатые годы создала в Египте британская спецслужба. Зачем? Для противодействия угрозе коммунизма. Потом цели менялись, но методы остались прежними. Опыт англичан подхватили США и Израиль. Моссад стоял у истоков многих групп палестинских боевиков, которые затем якобы выходили из-под контроля. Это признавала даже В. Мунблит, израильский корреспондент радио «Свобода». «Израиль последовательно уничтожал и ослаблял умеренную часть палестинского движения сопротивления, возвращал и провоцировал палестинский терроризм. Это — общий вывод еврейских и американских ученых, изучавших цели израильской интервенции в Ливан в 1982 г. ...»

Нельзя не согласиться с выводом преподавателя Академии Генштаба ВС России Т.В. Грачевой: «Необходимо не только знать непосредственных организаторов той или иной экстремистской операции, но и установить главных заказчиков, которые могут в глазах неосведомленной общественности внешне представляться одновременно и «главной жертвой». В масонстве есть один из фундаментальных символов: «змея, которая кусает себя за хвост».

Сейчас в мире нет ни одной более или менее заметной террористической группы, которая бы не контролировалась спецслужбами. О том, что это касается не только арабов, но и итальянских «красных бригад», немецкой «Фракции Красной армии», басков в Испании, Ирландской республиканской армии в Великобритании и т.д. и т.п., убедительно писал все тот же Андреас фон Бюлов. Уверен, что со временем мы узнаем имена известных террористов, обучавшихся военному делу в академиях США. И тогда окажется, что все их противоречия с заокеанским «большим шайтаном» ограничивались спортивным соперничеством. Играли, наверняка играли, будущие террористы с будущими американскими офицерами в бейсбол. Так что, когда это выяснится, известную своей непримиримостью организацию можно будет переименовать в «Бейсболла».

США объявляют войну против терроризма, но терроризм — это ведь не государство, это абстрактный противник. То есть США, таким образом, смогли вывести себя из рамок международного права и соответствующей ответственности... Закон, который не от Бога, рано или поздно приравнивается к силе. И в этих условиях возникает соблазн наносить перманентные удары — за одно намерение потенциального противника. Или даже, как формулируют в Америке, за отвержение американских ценностей. Это искушение, с которым не справились США, не чуждо было и гитлеровскому режиму. Создатель гестапо Геринг в июле 1933 г. сказал: «Пусть знает тот, кто поднимет руку на представителя национал-социалистического движения или государства, что он будет немедленно уничтожен. Для этого впол-

---

не достаточно доказать, что у виновного было намерение совершить этот акт».

Против кого же мировое антитеррористическое сообщество объявило войну? — спросите вы. Кто ответит? Может быть, все те же последователи философии Штрауса?

Однажды мне позвонил знакомый преподаватель одной из военных академий. Спросил: вам никогда не приходилось сталкиваться с таким словосочетанием — «пражский Махарал»?

Что-то знакомое... Я потянулся к книжной полке. Взял изданный в Иерусалиме словарь. А мой собеседник тем временем пояснил: «Именно так в определенных кругах называют Лео Штрауса». Меж тем поиск привел к успеху. Вот как! Интересно! Махарал — характерная для евреев аббревиатура того самого средневекового каббалиста, который создал голема. Итак, в статье о знаменитостях, похороненных на Старом еврейском кладбище в Праге, читаем: «Молва приписывает создание Голема похороненному здесь же рабби Леву бен Бецалелю (1512—1609), носившему прозвище МАХАРАЛ (аббревиатура от еврейских слов «самый почитаемый учитель и раввин»)». Значит, голем... Эта безмозглая образина из глины должна была по ночам охранять пражское гетто. Политика Запада становится сейчас подобным бессмысленным существом, главные задачи которого сосредоточены вокруг интересов Израиля. Точнее, той его элиты, что всеми силами, в том числе и за счет глобальных провокаций, пытается ускорить приход машиаха.

Когда он явится на свет, народы узнают, что такое ужас! Ибо именно через антихриста в мир войдет диавол. Тот конспиратор, которого как бы не существует. Который — пустота. Это и есть террорист номер ноль.

Он — координатор всего мирового зла. Ни одного глобального, долгосрочного, эффективного заговора, организованного людьми, не существует. Это под силу только нечеловеческому, колоссальному разуму, который из века в век подбирает исполнителей своей воли. Поэтому иногда ошибочно они и называются главными заговорщиками.

Расклад кажется страшным. Однако для нас бесы — лишь злые экзаменаторы в духовной брани. Православный человек должен достойно принять посылаемые скорби и выйти из них закаленным. Это предельно важно и для укрепления российской государственности, и в перспективе вечности, ибо после смерти душа каждого — в последний раз — столкнется на воздушных мытарствах с бесовским террором.

Сергей ШУМСКИЙ

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

БОМБА ПОД СЕБЯ

У Вениамина Петровича Лаптева стали красть дрова. Заметил он не сразу. Февральской оттепелью с поленницы у изгороди согнало грядку снега, и она, поленница, помаленьку начала оседать, будто усыхала. Когда заметил однажды утром, сказал стоящему рядом псу:

— Воруют наши дровишки, Разбой, и ты ни хрена не следишь.

По вечерам начал сам следить: включает телевизор, шторку одного окна оставит открытой, поглядывает — в окно, правда, реже, потому что от телевизора трудно оторваться. Идет такой мордобою, что, гляди, выскочат с экрана сюда, в избу, и начнут...

Но все равно на второй вечер заметил его, вора. Он нес по переулку на горбу связку дров — его дрова! А он — это Санька Хромой. Вообще-то фамилия у него — Криволапов. Но в поселке его все звали Хромым, так как он на самом деле слегка прихрамывал.

Разбой минут пять назад все-таки учуял вора, взбрыхнул пару раз. На Разбоя Вениамин Петрович цыкнул, из избы не выпустил. Зато сам хотел выскочить, крикнуть Саньке вдогонку: «Откуда дровишки, подлюка, тащишь?» — но тот уже скрылся за поворотом переулка, где изба его.

ПРОЗА

Отцы их дружили, в один день вернулись с фронта в сорок пятом. Санькин отец был мастеровым человеком, знали его во всей округе: он бондарничал, лодки-долблянки ладил, брички, ходки, кошечки делал — от заказов отбою не было. А вот сын вышел выродком, пустоболом и вором. Вениамин Петрович часто вспоминал, как они играли в детстве в чику, в зоску, в лапту-боталки. В молодости, правда, общались редко. В молодости Санька отсидел лет пять — за воровство же. А после смерти отца закуролесил, забичевал, запил. Растрянжирил весь отцовский инструмент и все нажитое променял на водку. Жена с двумя ребятишками сбежала к родителям, привел курвеху из города. Допьянствовали до того, что картошку нынче заморозили. И вот дрова пошел по поселку красть.

«Ну, погоди, Саня, я тебе устрою теплую жись», — погрозил кулаком в темное стекло Вениамин Петрович.

На следующий день он решил ехать в город, чтобы утром получить пенсию и вернуться. Послеобеденной электричкой приехала жена. Без присмотра они не оставляли родительский дом. Держали кур, кролов — тоже догляд нужен. На кролов осенью было нападение: может, тот же Санька, когда они оба уехали, а, вернувшись, шести кроликов недосчитались. Веселая жизнь на село пришла, тянут все кому не лень и все подряд. А давно ли в деревнях даже замков на дверях никто не вешал?!

Все утро Вениамин Петрович провозился с поленом, просверлил центровкой дырку в торце, разделал ее, чтобы вплотную вошел патрон с порохом. Потом аккуратно заделал дыру, затер углем. Патрон засыпал порохом больше чем наполовину, заткнул плотно ватой. И положил полено на место, поближе к калитке.

А вспомнил о нем, о полене, уже при въезде в город, ругнул себя: почему он не предупредил жену? Вдруг она вздумает взять дров на протопку именно оттуда — вот будет фокус!.. Закрутился в делах, кроликов торопился ободрать. Выходит, себе бомбу приготовил.

Вечером в городской квартире смотрел телевизор. Смотрел, а сам рисовал картины: жена затопит завтра утром печь, разгорятся дрова...

О полене с патроном рассказал сыну и невестке. Сын сразу «оценил» полено, предложил завтра рано утром съездить и предупредить мать.

Вениамин Петрович подумал и отсоветовал: ладно, мол, обойдется, чего гонять «КамАЗ» туда—обратно за пятьдесят километров, после обеда сам приедет. Отсоветовал и ночь без сна промаялся. Лежал и картины одна другой ярче... Иногда задре-

мывал на какие-то минуты и тут же просыпался, вздрагивал от тех же картин: видел всю избу в огне, из окон валит дым, в небо летят кирпичи. А в другой раз привиделось и того чище: вдруг над крышей поднялась русская печь, из трубы пламя полощется, а на печи сидит и плачет жена...

После этого сна Вениамин Петрович встал, сел у окна, курил в открытую форточку и больше не ложился.

А утром дождался пенсию, собрал сумку, забежал в магазин, прикупил продуктов — и на вокзал. Хорошо подгадал к почтово-багажному, уговорил проводника.

Домой чуть ли не вбежал, жену напугал, глядь, у печки берема березовых дров и среди всех — то самое полено!.. Он бережно поднял его, поцеловал в торец. И только потом все объяснил жене.

— А я задумала протопить русскую и постряпать шанег, сегодня же День Советской Армии.

— День защиты Отечества, — поправил Вениамин Петрович.

— Да я по-новому не хочу называть.

— А почему в сарае не взяла дров?

— Так там осиновое гнилье осталось, чего им натопишь?

И Вениамин Петрович подивился совпадениям и случайностям жизни, и пошел и положил полено на место, поставив на торце маленький крестик.

Утром заставил жену проверить — полено лежало на месте.

Да, Санька Хромой, похоже, вчера не приходил.

НА ПОКОСЕ

Наутро Семен и Вовка пошли искать по тайге лошадей и совсем недалеко от избушки, в густом, душном кипрее наткнулись на медведя.

Медведь вскочил с лежки, коротко, извинительно хрюкнул и бросился к рядом стоящей березе — скрылся в листве. Скрылся так быстро, что Семен не успел даже испугаться.

Вовка, который до этого сонно плелся за Семеном, сиганул обратно в избушку. Вскоре прибежал с топором в руках его отец, начальник лесопункта Чубуков, приехавший вчера с конюхом Семеном смотреть травы.

— Где, Семен, где? — хрипло выпрашивал Чубуков, ворочая во все стороны головой и еле переводя дух.

— На эту березу залез, Лексей Сидорыч, от, да штой-то не видать, не слышать, може, спрыгнул куда, — говорил Семен, глядясь из-под козырька наверх, в листву, и побрякивая уздой по стволу. — Убег, должно, леший его дери.

Он топтался вокруг большой, развесистой березы и не верил уже сам себе: не почудилось ли? Но Чубуков, окинув взглядом лежку, мигом все смекнул, он уже рубил, кромсал кустарник, расчищал место. Потом принес от прошлогоднего остожья березовую жердь, ширнул ею по стволу — оттуда донесся хриплый, злой вскрик: «Уврра-а!..»

— Тут он! Никуда он не денется от нас, голубчик. Ну, ты там, косолапый! Кончай, Семен, суетиться, держи жердь, не давай ему спускаться, понял? Это молодой пестун, сирота, скорее всего, я его голыми руками. И ты, Вовка, не хрен глазеть попусту, неси там, возле зарода, жерди валяются. Мигом!

— А мне думается, Лексей Сидорыч, лучше уйти от греха, — сказал Семен, работая жердью. — Хоть бы ружьишко было, а то с одним топором... Зверь все же сурьезный.

Семена впервые охватил какой-то панический страх, и он растерялся, ослабел всем телом. Медведей он сроду не видел, хоть и прожил всю жизнь в тайге. Бывало, по неделе приходилось сидеть на дальних делянках одному с лошадьми, даже звериного духу не было слышно, а тут вдруг рядом с избушкой. И медведь дурной какой-то: сразу на березу!..

Чубуков заготовил кольев, срубил две новые жерди, заострил концы в виде пик.

— Мясо, Семен, будем делить на троих, — распорядился он, растапывая вокруг березы заросли. — А шкуру мне позволь взять, тебе она ни к чему, сгноишь только.

— Да мне что, бери и шкуру, пожалуйста, — смутился Семен, вытер подолом рубахи потное лицо. — Только рано делить-то, Лексей Сидорыч.

— Это я к слову, а то ты заартачишься потом, знаю я вас таких. Вовка вон тоже помогает. Вовка, неси остальные колья!

«Ишь, боров какой, — без злобы подумал Семен, разглядывая жирный, обстриженный затылок Чубукова. — И парнишку заганял совсем... Сам-то как зверь, разъярился...»

Чубуков обставил березу кольцом заостренных сверху кольев.

Прошел час, а за ним так же незаметно пролетел и другой. Туман кругом сдернуло, лес на солнце знойно засветился, повеселел. Справа, в просветах обозначилась черная полоса дальних гор, слева яснее как-то, звонче загомонила на перекатах речка.

А сверху ни треска, ни шороха. Не верилось даже, что там действительно сидит зверь. Руки Семена отяжелели, разламывало плечи, но он, обливаясь потом, продолжал машинально двигать туда-сюда жердью. Комары кусали реже, их с жарой становилось все меньше, но зато стали наседать слепни и оводы — как собаки рвали.

— Ни к чему эта затея, Лексей Сидорыч, — проговорил Семен, спуская жердь и сам садясь у ствола. — Пушай он сидит там хоть сто лет.

— Твое дело шурудить, Семен, — прикрикнул Чубуков.

— Шурудю, а толк какой?..

Чубуков вогнал последний кол, постучал обухом по стволу — прислушались: ветви вроде зашуршали, донеслось сопение.

Когда медведь подлез к первым сучьям, Чубуков с силой прыгнул его заостренной жердью. Зверь рявкнул, залился по-ребячьи отчаянным плачем, исчез в листве.

— Что милый, не понравилось?! — со смехом и злостью закричал Чубуков вверх.

И снова с яростью застучал по стволу — медведь вскоре опять показался из листьев и снова получил укол. И так продолжалось несколько раз.

Сверху закапал крупный дождь.

— Во, полилось, — сказал Семен, отстраняясь, — мочиться принялся, леший.

— Подожди, еще не то будет..

И не успел Чубуков сказать это, как зверь зачернел опять из листьев. На этот раз он, видимо, отчаялся: вместо того, чтобы карабкаться вверх, он напролом полез на острые жерди.

— Смотри, смотри, что он делает!.. — забеспокоился Семен, не попадая своей пикой.

Медведь шмякнулся между кольев, застрял, перевернулся. Чубуков ударил его обухом по голове, но неудачно. Медведь вскочил, захрипел, разевая красную пасть, сломал несколько колеи, и в это время Чубуков хряснул его еще раз. Размахнулся и в третий раз, но не успел, потому что сам зацепился за что-то и упал.

Зверь распластался рядом. Но потом он неожиданно резко вскочил и, двигая передними лапами, как руками, бросился прямо на Вовку, который остолбенело стоял метрах в пяти под осинкой.

— Вовка! — заорал Чубуков.

Но было поздно. Зверь сгреб мальчишку, подмял и сам, повалившись в траву всей тушей, затих.

* * *

Лошади оказались совсем рядом с избушкой, на речном мыску.

Тушу медведя приволокли на волокуше из двух березок, весу в нем было пуда три, а может, и меньше. Уложили на дрожки, Чубуков прикрыл травой, припутал веревкой и начал запрягать.

Вовка уже не плакал, а только изредка вздрагивал всем ли-

цом, бессмысленно озираясь вокруг. Семен отвернул окровавленную повязку из рубахи, которой Чубуков обкрутил сыну шею, еще раз взглянул на большие царапины, тянувшиеся от самого уха и до плеча, жалостливо зацокал языком, покачал головой.

Кровь продолжала сочиться. Содрана была кожа и на руке. Семен нарвал листьев зопника, намял в ладонях, покапал зеленым соком на раны. Вовка поморщился.

— Терпи, паря, — сказал Семен. — Я всех коней этой травой лечу. Лексей Сидорыч, парнишку бы доктору не мешало показать, а то вдруг там жилка какая-нибудь задета или что помято — дело-то нешутейное.

— Ни хрена ему не сделается, заживет, как на собаке, — похотывал Чубуков, радуясь тому, что все обошлось, как надо. — Ему говорено было идти в избушку, а теперь на всю жизнь память, не забудет.

Когда Чубуков уехал, Семен присел на горячее от солнца бревно возле кострища, чувствуя тяжелую боль во всем теле. Слышно было, как гремела телега на корневищах, скыркаемая немазаными колесами. Закрыв глаза, Семен задумался, но никаких мыслей не было, и желания думать не было. Была одна усталость и боль в руках.

— А не пойду, пропади он пропадом с энтим медведем, — сказал он таким тоном, словно с кем-то спорил. — Дармовое даром и проходит, ну их всех...

Солнце сильно жгло спину. Семен хотел было перебраться в тень, но так и сидел, не в силах пошевелиться. А когда поднял голову с колен и осмотрелся, то понял, что спал, а может, просто вздремнул. Погромыхивания и скрипа телеги уже было не слышно. В голове сделалось хорошо, ясно, и все случившиеся куда-то отстранилось и потеряло, как проходящий сон, всякую значимость и остроту.

Семена беспокоили уже свои дела: вот-вот должны подъехать косцы, а у него еще не отбито ни одной косы, не убрано в избушке. Он наломал хворосту, разжег костер, повесил котелок с водой для чая, потом развел дымокур для лошадей, которые стояли в тени от избушки и яростно нахлестывали себя хвостами и, сев снова на бревно возле чурки с маленькой наковаленкой, взял в руки косу и молоток.

Поляну разрубил тонкий, мягкий звон, за ним ударил другой, на него упал третий... И пошли дробить лесной зной мерные, мелодичные звуки — для Семена начинался привычный день закоренелого таежника.

ВОЗЛЕ МАГАЗИНА

— Рыба есть какая? — спросил мужик, садясь на завалинку и кладя кирзовую сумку у ног.

— Была вроде ставрида, — ответили бабки хором с лавочки под тополем.

— Кошку поддержать хоть, дохаживает, — задумчиво проговорил мужик, раскуривая папиросу. — А мойву эту не ест, от нее дух, как от пропастины.

— А откуда ты знаешь, что дохаживает? — давясь смехом, поинтересовалась одна из старух. — Присутствовал, что ль?

— Вижу — загрустила...

ТРИНАДЦАТАЯ ЗАРПЛАТА

— Наконец-то, наконец-то! — издали закричал Зыков.

У доски объявлений толпились мужички, Зыков дурашливо растолкал всех, прошелся острыми глазами сверху вниз по колонкам, панически запричитал:

— А-а-у! У-а-а!.. Боже милостивый, что творится, что деется!.. Мать моя женщина... Подозреваю почерк Геббельса, ей-бо! Мазуту очередную гонят, гады, — вот те и перестройка! Где в этом списке конторские крысы, я вас спрашиваю, а? Смотрите, смотрите внимательно.

И все ахнули: в самом деле, в списке никого из конторских не оказалось — только водители да слесари, да механики, ну и уборщицы.

— Убедились? — торжествовал Зыков. — Вот так нам и надо! Разведка мне донесла... эй, братцы, беги сюда — новость!

На крик сбежались, кто был поблизости — ремонтники, собиравшиеся уезжать в рейсы шоферы. Неспешно подошел механик Шмаков — набросились на него, хотя он был в этом списке, — тот только хитро ухмыльнулся в пышные усы.

Решили тут же идти к начальнику автобазы. И дружно двинулись во главе с Зыковым — семь человек набралось в делегацию.

Рафаил Моисеевич сидел в своем кресле в шапке и в шубе в окружении заместителей и начальников отделов, тоже в верхних одеждах, — в кабинете что-то случилось с отоплением. У окна возился Коля Котов — навешивал новую батарею.

Встретил делегацию Рафаил Моисеевич с хорошо сделанной приветливой улыбкой, по-отечески пожурил:

— Что вы, друзья мои, вламываетесь с утра пораньше, у нас совещание. Идите по рабочим местам. Это ты, Зыков, мутишь воду?

— Я, Рафаил Моисеевич, — широко улыбнулся Зыков. — Больше никому.

— Некому, уверен.

— Не даем мы вам весело жить, ага.

— Понравилось, вижу, перестройка и гласность.

— Сыты по горло, — заговорили ребята. — И мы давно перестроились.

— А списки, кстати, в управлении на утверждении. После обеда — все дружно тринадцатую получать. Все, друзья мои, вы нам мешаете.

Так водители и удалились, сконфуженные, обозленные на Зыкова, на себя и на начальника, которого за глаза чаще всего обзывали Геббельсом. И не только потому, что у него фамилия похожая — Геберс. Рафаила Моисеевича недолюбливали многие на автобазе именно за эту его сладкую обезоруживающую ухмылку, которую он носил почти всегда на своем узком лице. Даже часто случается, кто из шоферов и пошлет его куда подальше, — он и на это эффектно отвешивал нижнюю губу и подолгу сверлил коричневыми выпуклыми глазами. Улыбался. И словно запоминал.

Случай с тринадцатой прошел бы бесследно, но Зыкова, пронырливого и въедливого баламута, будто кольнуло в одно место: он решил проверить свои подозрения непременно и немедленно. У склада запчастей он наткнулся на «афганца» Володю Климова (тот на его старой «Татре» работал).

— Слушай, дед, — схватил он его за локоть. — Ты мне и нужен.

— Зачем? — насторожился Володя, ничего серьезного от Зыкова он не ждал.

— На тебя обращены влюбленные глаза одной...

— А!.. — отмахнулся Володя; подобные разговоры он уже слышал.

Речь шла о табельщице Гале, которая, похоже, влюбилась в Володю с первого взгляда, но она была не в его вкусе, хотя и задевала как-то за живое своими трепещущими синими глазами.

— Ну, пригласи ее на танцы, загляни девке в душу, Вов-ва? — отчаянно уговаривал Зыков. — Ты ей, глазастой овечке, счастливые минуты подаришь, поверь. А потом, как бы мимоходом, так и так, Галюнчик, мол, дай, пожалуйста (обязательно «пожалуйста» не забудь сказать!), списочек конторских, мол, пожалуйста, шоферы первой колонны просят, будь нашей союзницей, за рабочую солидарность. На сознательность дави, Вова, ври, если хочешь, но красиво.

Хоть и с неохотой, но согласился Володя, и минут через пятнадцать действительно доставил список — каким путем он вытянул у Гали, Зыков и спрашивать не стал. В списке значилось: конторским тринадцатой начислено не по 360—380 рэ, как водителям, а 600—700, а «головке» — тем аж к тысяче!

Зыков бегал по автобазе и, как флагом, размахивал этим списком. Вскоре все сбежались в красный уголок, кого успели, вернули с рейсов, а кто уехал, вызвали по телефону. Первым взглянул на «сидячую забастовку» Бабошин, «профсоюзный бог», поводит очками по верх рядов, пробормотал:

— Чего вы, ребята, затеяли? Несерьезно, я вам скажу.

— Зови всю «тройку»! — кричали ему. — Разберемся на месте. Зови! Не то за руки сейчас приведем!

Через некоторое время явился парторг Савченков, призвал всех «к дисциплине и организованности», предложил разойтись по рабочим местам. Его и слышать никто не желал — требовали «на ковер» весь «треугольник».

Так в крике и гаме пролетел час. Приехал вызванный кем-то по телефону начальник областного транспортного управления Сапрыкин. Он и ввел на сцену «тройку» под гробовое молчание зала, сам произнес короткую речь, особо подчеркнул, даже трижды повторил, «что перестройка — это не вседозволенность и анархия, а высокая сознательность и порядок» — его терпеливо выслушали. Тогда он, ободренный вниманием, предоставил слово начальнику автобазы.

Рафаил Моисеевич встал, как всегда, неспешно, будто в замедленной съемке, отвесил нижнюю губу в значительной улыбке для всех, открыл рот, чтобы что-то сказать, но ему не дали сказать — поднялся сплошной рев, визг, топанье ногами, свист, выкрики:

— Не нужно нам такое начальство!

— Долой! Вон!

— Пусть подадут заявления! Подпишем коллективно!

— Вся «тройка»!

— Пусть уходят!

Как ни пытался Рафаил Моисеевич, улучая моменты, что-то произнести, негодующий вой поднимался с новой и нарастающей силой. Длилось это многоборство минут десять, а может и больше. Казалось, сам воздух в тесном помещении накалился от этого дружного гнева.

Сапрыкин, наконец, не выдержал, вышел к краю стола, безнадежно развел руки, указал Рафаилу Моисеевичу взглядом на дверь. И тот, согнувшись, покинул красный уголок при полной тишине, а следом за ним — Бабошин и Савченков. Сапрыкин,

---

заигрывающе и неловко поулыбавшись, тоже вышел, что-то жестикулируя самому себе.

Зыкин, смотревший накануне по телевизору фильм про Петра I, выкрикнул:

— Виктория!

Зал поддержал его одобрительным гулом.

КООПЕРАТИВ

Его открыли три молодых кавказца в старой будке ГАИ на выезде из города: окружная дорога прошла чуть дальше, и гаишники построили себе на кольце новую, стеклянную, а эту...

Наездами подворачивали сюда в основном шоферы, усаживались за столики под тентом, гремели, стучали кулаками, требовали. Один из усатых кавказцев распахивал окошечко, кричал:

— Момент, друзья, один момент, сейчас подам!

И на этот раз все происходило по такой же схеме: подкатили рано утром четыре дорожных аса на «КамАЗах» с прицепами, уселись за столы, захлопали по столешнице.

— Момент, друзья! — высунулся в окошко Кацо или Ваню, называли его и так и этак, и он охотно отзывался. — Только предупреждаю: надо ждать семнадцать минут, ровно семнадцать. Будет свежий барашка, пальчики оближете!

— Ланно, бум ждать, — сказал белобрысый верзила. — Я хоть кимарну.

Окошечко с занавеской хлопнулось. А ребята присмирели в ожидании, всем хотелось спать после двухдневного перегона. Но один из шоферов, чтобы не расслабляться, встал, с хрустом в костях потянулся, огляделся, прошелся вокруг будки. Он словно нечаянно притаился у зарешеченного и зашторенного заднего оконца: в узкую щель от шторки он четко различил болтающуюся белую лапу и мелькающую с ножом руку. Зажав рот ладонью, он тихо попятился, насторожил указательным пальцем внимание друзей. Те мигом все смекнули, встали, собрались с мыслями. Верзила сходил к машине, принес монтировку.

Подступили к двери, хотели ее вырвать, но она не поддалась. Тогда верзила заломил монтировкой деревянную решетку, и та с хрустом отлетела, штору сорвали и... все увидели. Все.

Один из кавказцев успел выскользнуть в дверь и пустился к лесопосадке, за ним рванул шофер, вырвав у верзилы монтировку. Второго захватили у раздаточного окна, он пытался че-

---

рез него пролезть. Вытянули, скрутили руки. А третьего прижал в углу верзила: усадил за столик, выхватил из горящего мангала шампур, заставил есть шашлык недожаренный. Тот сжевал один кусок, второй, третий, начал давиться. Наклонился к бачку — рыгал, дергался над ним.

— Ешь, падла! — рычал верзила, нацеливаясь финкой к шее. Финку он выбил из рук у кавказца, и та упала под тощую тушу, подвешенную к потолку. И обе задние лапы у нее были тоже белые.

— Поблевал? Поблевал, спрашиваю? — наседал верзила. — Продолжай есть. Ешь, падла, наедайся до отвалу! — и он бросил еще один дымящийся шашлык на стол.

Милиция приехала быстро: за одним на пост ГАИ съездили, а двое на «жигуленке» по звонку из города прикатили.

Доставил шофер и беглеца из лесопосадки: он как будто нес в пятерне его курчавую голову, хотя за головой шло и тулово на раскоряченных ногах.

— Финку я на память забираю, — сказал верзила, счищая с нее пучком травы остатки крови.

— Нельзя, — подошел милиционер и миролюбиво отнял нож. — Это холодное оружие.

Один из милиционеров уселся за стол писать протокол. А верзила сел под тополь на корточки, дважды пролаял, а потом, вытянув шею, завыл, протяжно и жутко, как воют собаки на луну в лютые зимние ночи.

Владимир ДЕСЯТНИКОВ

ДНЕВНИК РУССКОГО

1986

23 января

В 19.40 я был у Леонова.

— Не так давно, — сказал Леонов, — мне захотелось увидеть места моего детства. Мы на машине поехали с Владимиром Николаевичем Ивановым (заместитель председателя Общества охраны памятников). Проехали мимо гостиницы «Россия», зашли в музей Истории и реконструкции Москвы. Я пытался найти хоть один снимок той части Зарядья, где был магазин деда — Леона Леоновича Леонова, но так ничего и не нашел. Ничего не осталось. Жаль! Я даже загоревал. И вдруг получаю бандероль. Раскрыл и не поверил. Как будто кто следил за мной. В конверте оказались фотографии улицы моего детства в Зарядье, магазин деда с вывеской «Леоновъ», соседские дома. Да вот я вам сейчас всё покажу.

Леонов вышел из столовой в свой кабинет и вернулся с большим конвертом в руках. Наталья Алексеевна тщательно вытерла стол. Мы разложили фотографии. Леонид Максимович с радостью стал вспоминать.

— Смотрите, вот магазин деда в первом этаже. Это проездная арка во двор. А вот этот трактир я описал в «Барсуках» как трактир «Венеция». Вот сюда, под арку и на второй этаж, я бегал из магазина деда за кипятком. Кипяток был раска-

Продолжение. Начало в №1-2 за 2005 г.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

273

ленный — две копейки чайник. К деду я забегал часто. Возьмешь мягкий ситник, разрежешь — туда кусок горячей колбасы. Вкусно! Или ситник и кусок халвы. На прилавке у деда всегда лежал брус халвы. — Леонов показал руками — с небольшой чемодан. — Ах, как все вкусно было!.. В 1927 году, — продолжал Леонов, — в театре им. Е.Б. Вахтангова ставили моих «Барсуков». Режиссер Захава, входя в мир героев пьесы, попросил меня показать старый орган, который я описал в «Барсуках». Я повел его в Зарядье. Там все уже было по-другому. Не было ни вывески магазина деда, ни вывесок владений его соседей. Мы зашли в бывший трактир. Столы были накрыты бумажными салфетками. На том месте, где раньше во всю стену был орган, ничего не было. Стена была недавно заштукатурена и наскоро побелена. Нам подали по тощему шницелю. Я рассказывал Захаве, как было здесь раньше. За столик рядом с нами присел старик лет семидесяти с бородкой клинышком. — Леонов поднял голову и, глядя впереди себя, стал говорить, вспоминая: — В сером пиджачке, в рубахе-косоворотке, в серых брюках, заправленных в сапоги. Старик слушал мой рассказ, — продолжал Леонов, — потом не выдержал и подошел: «Извиняюсь, вы, как я понял, ране здесь бывали?» Я посмотрел на старика и радостно сказал: «Петр Алексеевич, я вас узнал. Я внук Леона Леоновича, вашего соседа. Он торговал здесь пятьдесят лет и умер в 1917 году. У него в банке пропали семнадцать тысяч». — «Как же, как же, хорошо помню Леона Леоновича, — сказал старик. — А вы, простите, служите или от себя работаете?» — «Служу», — ответил я. Объяснять, что я литератор, было бы долго. Тем более, что бывший владелец трактира знал об аресте моего отца — поэта-суриковца. К писателям в Зарядье относились плохо. Старик обвел вокруг глазами и сказал: «А у меня теперь здесь столовая, и я управляющий при ней». — «А где же ваш орган?» — «Ничего не осталось, все разломали. У меня ведь их целых четыре по Москве громыхали!»

Леонов сказал это так, что я почувствовал в его словах нотки Фаюнина.

Я спросил Леонида Максимовича, заходили ли к нему писатели после недавно состоявшегося VII съезда Союза писателей.

— Собирались. — Помолчав, Леонов сказал: — Хорошо выступили на съезде Белов, Распутин... Говоря о неперспективных деревнях, кто-то из них сказал: «Так дело пойдет, и Россия скоро станет неперспективной». Когда я ездил не так давно в Полухино, то именно об этом и думал. Там, где раньше были поля и сады, теперь бурьян. А деньги на мелиорацию тратят. Согнали людей с земли, деревни уничтожили и теперь возят людей на работу в поле за 12 километров. Тогда бы и полевые кухни за ними надо возить. Весь вопрос заключается в том, что у каждой, даже самой малой вещи, должен быть хозяин. Без чувства хозяина, подлинного патриота ничего нельзя сделать. Патрио-

тизм не воспитывается по указке. Это самодовлеющее чувство, возникающее и развивающееся в человеке в процессе самой жизни на родной земле. В 70-х годах прошлого столетия в России много думали и говорили о патриотизме. Никого не обошла стороной эта проблема. Достоевский по этому поводу правильно сказал, что все дело в корнях. Вот если бы меня сейчас вызвали и спросили, то я тоже бы сказал: «Надо начать с оздоровления поврежденных корней».

14 февраля

Два года назад в газете «Советская Россия» была помещена статья о результатах дешифровки дохристианского славянского письма типа «черт и резов», критского линейного письма и письма таинственного Фестского диска, представляющих собой единую праславянскую письменность. По заданию редакции загорской газеты «Вперед» я встретился с автором дешифровки С.Г. Гриневичем и попросил его рассказать о том, над чем работал историк в течение прошедших двух лет. Вот что он рассказал.

— Меня влекли загадочные этрусские надписи. Загадочные потому, что вот уже на протяжении почти 300 лет специалисты безуспешно пытаются их прочесть и понять, точнее, «читают», но понять их содержание не могут. Ситуация, по мнению известного советского лингвиста В.В. Иванова, поистине парадоксальная. Но прежде чем разбираться в причинах возникновения этого парадокса, следует сказать несколько слов о самих этрусках.

Более двух тысяч лет назад этруски обитали на территории Средней Италии, между реками Арно и Тибром. Они строили города на холмах, обнося их мощными каменными стенами. Воздвигали храмы и некрополи, своим богатством не уступавшие египетским пирамидам. В начале VII века до нашей эры этруски захватили Рим — небольшое поселение латинов и сабинов — и превратили его в настоящий город. На Капитолийском холме они построили храм, посвященный Юпитеру, Юноне и Минерве. «Капитолийская волчица» — символ Рима — творение рук безымянного этрусского мастера. Римлян называют учителями Западной Европы, а учителя учителей — этруски. Римляне заимствовали у этрусков знаки государственной власти, одежду, устройство дома, конструкцию купола и свода, гладиаторские бои, цирк, основы морской навигации... Можно еще долго перечислять «римские изобретения», авторами которых являются этруски, но всех интересует другое: кто такие этруски, на каком языке они говорили? Есть лишь одна возможность ответить на эти вопросы — заставить говорить этрусские тексты, которые являются древнейшими на Апеннинском полуострове памятниками письменности. Но при этом считается, что они заимствовали алфавит у греков, а римляне, в

свою очередь, заимствовали этрусский алфавит, и «нет ничего проще», зная греческую и римскую письменности, научиться «читать» эти тексты. Общепринятым считается и представление, что система этрусского письма чрезвычайно проста — это алфавитное письмо менее чем с 30 буквами. К этому выводу ученые пришли еще в XVIII веке, и с тех пор никто не пытается его пересмотреть.

Анализируя этрусские тексты, я насчитал в них свыше 70 различных, в графическом отношении, знаков. Это количество слишком велико для буквенного и недостаточно для словесно-слогового письма. Следовательно, этрусское письмо слоговое. Возможность существования у этрусов «слоговой системы письма» весьма надежно обосновано и у ведущего советского этрусолога А.И. Немировского. Установление системы письма — очень важный момент. Но главное, что обеспечило успех дешифровки, состояло в том, что при сопоставлении линейных знаков этрусского письма (рисуночные знаки-иероглифы здесь не встречены) с линейными знаками ранее расшифрованной дохристианской письменности типа «черт и резов», я обнаружил практически полную сходимость около 80 процентов знаков этих письменностей и придал знакам этрусского письма те же фонетические значения. После этого приступил к чтению этрусских надписей. Тексты, полученные после прочтения, по своему грамматическому строю и словарному составу отвечали праславянскому языку. По текстам уточнено и само название этрусов — росы.

Таким образом, теперь мы вполне определенно можем сказать, кто такие этруски. Этруски — праславянское племя, именовавшее себя росами. Сказанное подтверждают историки и лингвисты: известно, что этруски, согласно Дионисию Галикарнасскому, называли себя расена, и это при том, что «совершенно безоговорочно этруски названы словенским племенем в словаре Стефана Византийского, а наш современник академик Н.А. Державин, считал, что «имена Русь—Рос связаны с этнонимом этруски».

Результаты моей, как и любой другой, дешифровки, легко проверить. Самый надежный способ проверки состоит в чтении надписей, которые не были использованы при идентификации (озвучивании) знаков, а поскольку я использовал лишь около 30 надписей (с общим объемом текста свыше 700 знаков, достаточным для однозначного чтения), а количество их на сегодняшний день составляет весьма внушительную цифру — более 11 тысяч, то у проверяющего, специалиста или любителя, в данном случае имеются практически неограниченные возможности. При этом следует иметь в виду, что строй этрусского письма, для которого характерны только открытые слоги типа СГ (согласный + гласный) и Г (чистый гласный), не допускал сдвоения согласных, а поскольку грамматический строй праславян-

---

ского языка был все же несколько сложнее, то это приводило иногда к «потере» на письме одного из сдвоенных согласных, обычно второго, чаще сонорного (л, м, н, р). И еще: этрусские надписи читаются слева направо.

А теперь чтение коротких этрусских надписей. На монете из Волатерр: ИДА ВЪ ТО АРЕ ЖИИЕ (полное написание здесь и дальше текстов не представляется возможным из-за типографского набора) — **смысл [идея] в той ярости живет**. Надпись сопровождается суковатую, увесистую дубину — символ ярости.

23 апреля

Я пришел к Леонову. Пошли гулять. Заговорили о только что умершем М.Б. Храпченко, некролог о смерти которого в числе других подписал и Леонов.

— Он умер в грозу, — сказал Л.М. — Болел, лежал в больнице с инфарктом. Ударил гром, блеснула молния. У него оторвался тромб... и конец.

— Какие отношения у вас были с ним? — спросил я.

— В канун Нового, 1942 года я жил в Чистополе. Жил трудно. Работал тяжело. Вдруг получаю телеграмму: «Сообщите, над чем работаете? Нужна пьеса. Храпченко». Так появилось «Нашествие». Позже, когда Храпченко сняли с должности Председателя комитета по делам искусств при СМ СССР за оперу В. Мурадели «Великая дружба», я бывал у него дома. Он жил в тесной квартире, заставленной книгами. В ту пору ему приходилось трудно. Сталин заставил его выплачивать деньги за оперу «Великая дружба» как за разбазаривание государственных средств. Однажды А.А. Жданов собрал у себя литераторов для проработки Храпченко. Выступил один из критиков, громил Храпченко. Потом выступил я и рассказал, как родилось «Нашествие». Жданов выслушал и сказал: «Совещание закончено». Храпченко был хороший и человек, и специалист, — заключил Леонов.

По Столовому и Трубниковскому переулкам мы с Л.М. прошли к кинотеатру «Октябрь», повернули, пошли домой. Леонов рассказывал о трудных временах, когда его прорабатывали буквально после каждой книги.

— Особенно усердствовал Авербах. Он был племянником Я.М. Свердлова, зятем В.Д. Бонч-Бруевича и шурином Ягоды [Иегуды]. Власть у него в РАППе была большая. Авербах и его подручные обвиняли меня в том, что я добиваюсь гегемонии литературы над установками партии. Это было серьезное политическое обвинение. Однажды у Горького собрались на обед Сталин, несколько членов Политбюро, писатели. Присутствовал и Ягода. Обед был долгим. Когда правительство уехало, за длинным столом остались с одной стороны Горький и Шолохов, с другой — я и секретарь Горького. Рядом сидел вдрызг пьяный Ягода. Вдруг Ягода поднял голову и говорит: «Леонов,

зачем вам гегемония?» Я ему ответил: «Какая там гегемония. Просто я не люблю, когда на голову гадят так, что в рот течет, а бумаги под рукой нету». Ягода рассмеялся. На том «гегемония» и кончилась.

— А Горький ваш диалог слышал? — спросил я.

— Нет. Он был увлечен разговором с Шолоховым.

Заговорили о текущем моменте.

— Мне недавно, — сказал Леонов, — позвонили из «Известий» и попросили написать статью об изучении родной истории. Я отказался, сказал, что академик Б.А. Рыбаков, как ученый, сделает это лучше меня. Мое дело — эмоциональная сторона вопроса. Альманах «Современная драматургия» в №1 за 1986 год опубликовал мои «Раздумья у старого камня». Там я с достаточной полнотой высказался.

Я спросил Леонова, не было ли ему приглашения на беседу в ЦК КПСС?

— Нет, никто не приглашал, — сказал Леонов.

— Жаль, — сказал я. — Вреда бы не было, если бы руководители государства собрали толковых русских людей на беседу и послушали мудрость народную.

— Это исключено, — категорически сказал Леонов. — Потому непременно встанет вопрос о евреях. Собирать ареопаг не надо. А вот индивидуальные беседы не повредили бы. Мне кажется, — продолжал он, — наверху понимают, что Россия, русский народ находятся сейчас в наиболее трудном положении. Если не принять самых решительных мер, то через пятьдесят лет, когда китайцев будет более 1,5 млрд. человек, вопрос о Сибири и Дальнем Востоке будет решен явно не в нашу пользу. На этот счет у Дэн Сяопина, которого я боюсь больше Рейгана, есть не только прогнозы, но и приняты соответствующие решения. Есть смысл задуматься и над прогнозами Хомейни (Иран), который сказал, что к началу нового столетия СССР будет мусульманской страной. Положение очень серьезное, — сказал Леонов.

— У вас в «Раздумьях у старого камня» есть выражение, что сейчас государственным деятелям надо иметь «радар» минимум на 25 лет вперед. Думаю, — сказал я, — что иметь такой «радар» на пять пятилеток вперед — явно недостаточно.

— Хорошо бы, — ответил Леонов, — если минимум был обеспечен. А то все больше приходится слушать о расчетах всего на 15 лет вперед. Что суждено, того не миновать, — невесело заключил Леонов. — Мне недавно рассказывали, — продолжал он, — как в одной клинике лечили молодого человека 25 лет от роду. Ему говорят: «У вас все в порядке, вы здоровый человек». А он отвечает: «Я устал». Это серьезный симптом, — сказал Леонов. — 68 лет русский народ живет в постоянном напряжении всех своих сил. Есть опасность, что усталость русских людей стала переходить в гены. Это чревато серьезными последствиями для нас.

— Сейчас выдвинут лозунг социалистической предприим-

чивости, — сказал я. — Сталинский лозунг о русском революционном размахе и американской деловитости отжил свое. Японская деловитость дает три очка вперед американской, а о русском революционном размахе вообще позабыли.

— Если бы сейчас разрешили, как при нэпе, заводить свое дело, — сказал Леонов, — то настоящих предпринимателей, готовых работать за 5% выгоды, просто бы не нашлось. Среди русских людей, во всяком случае, — уточнил он. — Появились бы спекулянты и выжиги, готовые урвать 100% выгоды, готовые играть ва-банк — либо пан, либо пропал, а таких, как раньше были работники, теперь уже не сыщешь. В русском народе произошли качественные изменения. В течение десятилетий инициатива каралась самым жестоким образом, и теперь ее развивать очень трудно. Китайцы в этом отношении сумели самосохраниться. У нас сейчас ни хлеба, ни мяса, а они нам рис предлагают...

Мы перешли в столовую. Сели ужинать. Смотрели спектакль «Три сестры» Чехова в исполнении артистов МХАТа. Перед каждым актом Олег Ефремов, делая глубокомысленное лицо, говорил заученный текст. Леонову не понравились ни декорации, ни навязчивый прием в III—IV актах, когда все побежали на пожар (удары в рельсу) и, когда полк уходил, звуки трубы.

— У Чехова столько мыслей в диалогах, а здесь по нервам бьют то звуки ударов в рельсу, то звук полкового горниста. Диалогов не слышно. Вся острота восприятия сбивается резкими, без конца повторяющимися звуками. Вам трудно представить себе, какое влияние оказывал МХАТ при Станиславском и Немировиче на умонастроение Москвы, России, — говорил, обращаясь ко мне, Леонов. — А какие артисты были, как работали над собой! После Станиславского разве можно смотреть на этого сутулого, с вогнутой грудью Вершинина, — говорил он, указывая на помятого, зачуханного артиста на экране. — Современный театр настолько деградировал, что трудно даже себе представить. «Сталевары», «Премия» — разве это пьесы?!

10 мая

Так уж случилось, что Коктебель, сколько я ни бывал в Крыму, так никогда и не попал в перекрестье моих дорог. Зато когда я нынче собрался ехать на этюды и на заработки, то заранее запланировал побывать в мастерской М.А. Волошина. Меня восхищает прозрачность его акварелей, какая-то высокая, античная поэтичность его цикла «Киммерия». Не знаю, может быть, ошибаюсь, но как художник он выше, чем поэт.

С моей точки зрения, в Крыму невозможно писать фюзой — грязными, непрозрачными красками. Потому и едут северяне в Крым, чтобы высветлить свою палитру, поднять цветовое звучание работ.

---

9 июня

Тмутаракань... Этот древнерусский город упоминается в «Слове о полку Игореве» несколько раз. Как явствует из текста «Слова», желание «поискати града Тьмутороканя», то есть добыть, вернуть Руси этот далекий город, было конечной целью похода князя Игоря.

Впервые Тмутараканское русское княжество упоминается в летописях 988 года. Известно также, что оно просуществовало до начала XII века. Можно предположить, что русские князья и духовенство не сидели в Тмутаракани полтора века сложа руки, в окружении враждебных языческих народов. Скорее всего, они за это время укрепили столицу княжества и активно проводили колонизацию края. Пока доподлинно известно лишь одно: что в городе Тмутаракани была русская церковь во имя Богородицы. Ее построил за полтора года до похода князя Игоря черниговский и тмураканский князь Мстислав Владимирович Великий. Тот самый «храбрый Мстислав», который упоминается в «Слове»: «иже зареза Редедю предъ плъкы Касожьскими».

Единоборство в 1022 году Мстислава с касожским князем богатырем Редедю подтверждает «Повесть временных лет». Во время борьбы, когда силы Мстислава были на исходе, он взмолился и дал обет, что если одолеет Редедю, то поставит церковь Богородице. Собрав все силы, Мстислав бросил на землю гиганта Редедю, и зарезал его на глазах растерявшихся касожских полков. После победного сражения с касогами Мстислав исполнил свой обет и в 1023 году построил в Тмутаракани церковь Богородицы.

Тмутаракань была наследственным уделом Черниговских князей. Кроме Чернигова с нею поддерживали тесную связь в X—XI веках и другие русские города. Косвенным доказательством этого является летописное свидетельство, что в 1061 году в Тмутаракань из Киево-Печерского монастыря бежал от гнева Киевского князя знаменитый летописец монах Никон. Можно предположить, что в Тмутаракани было к тому времени подворье Киево-Печерского монастыря, и хорошо осведомленный монах знал, куда бежать. Как авторитетный и знающий человек Никон принимал активное участие в политической жизни княжества. По поручению жителей Тмутаракани он ездил в Чернигов к князю Святославу, чтобы просить у него сына Глеба на тмутараканское княжение. Исполнив это поручение, Никон мог остаться в любом черниговском монастыре, но предпочел в 1073 году вернуться в Тмутаракань. Летописные свидетельства о Тмутаракани обрываются в 1094 году. Лишь спустя почти сто лет, в 1185 году, автор «Слова о полку Игореве» снова вспоминает о Тмутаракани.

Поход Игоря закончился неудачно. Тмутаракань не была возвращена Руси. Прошли века, и к середине XVIII столетия русские ученые уже не могли сказать точно, где был город Тмутара-

кань. Историк Татищев считал, что Тмутаракань находилась в области Рязанской, а князь Щербатов советовал искать этот город в верховьях Ворсклы.

Между тем в 1783 году к России окончательно отошли все земли Крымского ханства и в их числе город Тамань. Спустя одиннадцать лет появилась сенсационная публикация. А.И. Мусин-Пушкин издал в Петербурге книгу «Исследование о местоположении древнего Тмутараканского княжества». Поводом для издания книги послужила неожиданная находка. В 1792 году в Тамани на берегу Керченского пролива был найден так называемый Тмутараканский камень — мраморная плита с высеченной на ней русской надписью 1068 года. Длина плиты была 2,25 м, ширина 70 см, толщина 24 см, вес около 850 кг. Текст на мраморной плите гласит: «В лето 6576 индикта 6 Глеб князь мерил море по льду от Тмутороканя до Корчева 14000 сажень». Сведения надписи полностью подтверждаются. В 1068 году в Тмутаракани действительно княжил Глеб Святославич, просить которого на княжение ездил упомянутый нами монах Никон. Керченский пролив до сих пор периодически замерзает, а измерение его ширины по льду вполне возможно. Расстояние от Тмутаракани (Тамани) до Корчева (Керчи) равно 23 км, что вполне соответствует расстоянию в 14000 маховых сажень.

Еще не улеглась шумиха вокруг публикации надписи на Тмутараканском камне, как тот же А.И. Мусин-Пушкин обнаружил еще большую сенсацию. В 1800 году им было опубликовано «Слово о полку Игореве», найденное в древлехранилище Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле. Круг замкнулся, и древнерусский город Тмутаракань (Тамань) был нанесен на карту.

М.Ю. Лермонтов во время своей поездки на Кавказ оставил всей читающей публике свидетельство: «Тамань — самый скверный городишко из всех приморских городов России». К тому времени в городе была русская крепость, обывательские мазанки и вновь построенная церковь. Старой церкви, построенной «храбрым Мстиславом», не было и в помине. Спустя сто лет после Лермонтова остатки ее все-таки нашли. Сделали это археологи.

Современная Тамань статуса города не имеет. Самые большие достопримечательности поселка — памятник казакам, музей М.Ю. Лермонтова, заботливо ухоженные могилы героев минувшей войны и, конечно, древнее городище — памятник археологии. У входа в городище надпись: «Город Гермонасса — Тмутаракань. VI в. до н.э.—XII в. н.э.».

Тмутаракань возникла не на пустом месте. Ей предшествовала Гермонасса — город, созданный греческими колонистами. Правда, и до греков здесь были поселения. Но все-таки именно греки нанесли Гермонассу на карту древнего мира.

Находки бывают разные. Граф А.И. Мусин-Пушкин не в счет. Я говорю о наших с вами возможностях и находках. В древней

Корсуни, которая упоминается в «Слове» (а ныне это — окраина Севастополя — Херсонес), мы осматривали музей-заповедник. Киевский князь Владимир, прозванный в народе Красным Солнышком, в 988 году со своей боевой дружиной взял город Корсунь приступом. Экскурсовод рассказывал и показывал, где была церковь, в которой князь Владимир принял крещение. Исторический факт. Экскурсанты послушали и разошлись самостоятельно осматривать достопримечательности. Мы пошли к морю. Как и тысячу лет назад, оно немолчно шумит. Мы сели на пустынном берегу. Не часто удается вырваться из суеты, чтобы оказаться наедине с историей. Интересно, можно найти что-либо древнее в этом размытом береговом откосе? Я подошел к отвалившейся небольшой глыбе земли. В отвале было полно мелкой битой керамики. Здесь это обычное явление. И вдруг на солнце что-то блеснуло. Я нагнулся и поднял целенький, без изъянов, наконечник стрелы. Мы отнесли его в музей. Находку зарегистрировали в толстой книге. «Этот наконечник стрелы мог принадлежать и Геродоту», — сказали нам в музее. Не правда ли, здорово!

А что, если повезет и в Тмутаракани? И вот мы идем берегом моря из Тамани в поселок Сенной. Рюкзаки с этюдниками хоть и не тяжелые, но и расстояние не близкое. Идем с роздыхом. Обедаем на кургане, на самой вершине его, как на иллюстрации Виктора Васнецова к «Песне о вешем Олеге». Курган заповедный. Его еще не раскапывали. Кто знает, что за тайну он хранит в себе? Пообедав, лежим на спине. Смотрим, как плывут над нами облака. Закроешь глаза — и тогда вроде бы слышной становится море. Хорошо...

После отдыха мы разделись. Мой спутник художник Андрей Борисоглебский пошел по берегу, а я иду поверху от кургана к кургану. Их здесь много. И все они насыпные. В них хоронили свою знать древние синды, греки, сарматы. Цепочка курганов полукольцом окружает древнее городище. Я вхожу на его территорию, читаю надпись на столбе: «Памятник археологии. Фанагория». Территория городища огромная — 35 га. Здесь когда-то был процветающий античный город с храмами Аполлона, Афродиты и Артемиды. Археологи во время раскопок обнаружили фундаменты крепостных стен, остатки жилых кварталов, гимнасий, термы. Можно предположить, что в Фанагории был и театр. Такой богатый, известный во всем античном мире город вряд ли мог обойтись без театра. Ведь театр в те времена — главный глашатай не только эстетических и нравственных идеалов, но и воспитатель гражданственности, патриотизма. Мои мечтания об античности в Фанагории вовсе не беспочвенны. Каждый год здесь бывают уникальные находки. В прошлом году, например, по соседству с Фанагорией на территории совхоза «Юбилейный» тракторист во время пахоты вывернул плугом плиту с античными рельефами. Вызвали археологов, и они об-

---

наружили еще одну плиту с рельефами. Сейчас эти памятники находятся в Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина в Москве.

Фанагория просуществовала до XII века, то есть до тех пор, пока существовало и русское Тмутараканское княжество. Нет сомнения, что территория этого княжества не ограничивалась одним лишь городом Тмутараканью. Соседняя Фанагория всего в двух десятках километров от древней Тмутаракани. Неподалеку, на берегу того же Таманского залива, находился и древний античный город Патрей. Пока историки еще точно не выяснили границы Тмутараканского княжества. Думается, в состав его кроме Корчева (Керчи) входили еще Фанагория, Патрей и десятки других древних селищ Таманского полуострова, омываемого водами Черного и Азовского морей.

С тех пор как русские в XVIII веке снова утвердились на Тамани, находки скульптур-«болванов», как говорили в древности ретивые ниспровергатели языческих идолов, стали обычным явлением. В Керченском археологическом музее в большом количестве представлена античная и эллинистическая круглая скульптура, найденная на Тамани в XVIII—XX веках. Можно себе представить, сколько было этих скульптур-«болванов» во времена Тмутараканского княжества. Отсюда, наверное, и происходит прозвище «тмутараканский болван», которое донес до нас Автор «Слова».

Я пошел по краю поля, засеянного пшеницей. Мое внимание привлек большой, хорошо обтесанный камень. Как он сюда попал? Вблизи, на несколько километров, никаких строений не было видно. «Не иначе как вывернули из земли во время пахоты», — решил я. Камень был плоский, весом в несколько сот килограммов. Интересно, что на нем с обратной стороны? Повернуть его мне одному было не под силу. Я стал звать на помощь Андрея. Пока он шел, я прикинул размеры камня. По величине он очень походил на прославленный Тмутараканский камень, ныне находящийся в Ленинграде, в Государственном Эрмитаже. Толщина — примерно 24 см. Совпадает и ширина. Только длина поменьше. А вдруг и на этом камне есть надпись? Я разгреб мягкую землю под камнем и пощупал его снизу. На камне был вырублен какой-то бортик. Это еще больше разожгло мой интерес. Когда Андрей пришел, мы с трудом перевернули камень. находка не разочаровала, хотя никакой надписи мы не обнаружили. Вырубленный круговой бортик на камне напоминал базу античной колонны. Может, и остатки колонны сохранились? Мы осмотрели местность и неподалеку в траве нашли еще один плоский, хорошо отполированный камень. Со мнений не было. Это были детали античной постройки.

На следующий день мы с Андреем Борисоглебским пошли на прием к председателю совхоза «Фанагорийский» А.П. Бирюкову. Предварительно написали заявление, в котором про-

---

сили вывезти с поля найденные нами камни, имеющие несомненный научный интерес. Узнав о находках, директор пригласил к себе в кабинет секретаря парткома и председателя рабочего комитета. Оказалось, что у них в поселковой школе давно уже есть археологический кабинет. Некоторым экспонатам этого кабинета могут позавидовать и столичные музеи. Руководители совхоза смотрят вперед. Для того чтобы молодежь любила свою землю и держалась за нее, надо с детских лет воспитывать чувство историзма, преемственность поколений.

1 июля

Рассказывал Л. Леонову о своей поездке.

— А вы проезжали Чернобыль? — спрашивает он.

— Нет. Мы проезжали довольно далеко, но с людьми из района катастрофы общались.

— Это действительно катастрофа. Во всей этой истории есть одно непреложное. Немцам и французам теперь ясно, что если сбросить бомбы на нас, то завтра ветер принесет смерть и к ним. Вы смотрели фильм Крамера «На берегу», снятый американцами и присланный нам в подарок?

— Нет, я не видел этого «подарка». На широком экране фильм не шел.

— Я фильм видел на закрытом показе. Прошла атомная война (между СССР и Китаем). Северное полушарие мертвое. Лейтмотивом через весь фильм проходит звук «морзянки». Он неожиданно врывается в фильм. Оставшиеся в живых в Южном полушарии посылают экспедицию в надежде найти уцелевшую душу. Высаживаются. Оказывается, остался жив... аккумулятор. Он дает ток, а ветер колышет оборванный провод — «морзянка» смерти.

— Страшный фильм.

— Я не пессимист. Пора всем понять, что все мы — «на берегу», а вернее сказать — на краю.

— Один известный английский мракобес еще в Средневековье сказал, что человечество не должно переходить рубеж плотности населения. Любыми средствами, дескать, надо предотвращать это. Вплоть до того, что война не худшее из средств, чтобы сохранить вид.

— Я с ним согласен. Однако мы далеко зашли... Только крысы и тараканы не боятся послеатомной мутации. А что будет с людьми? — полюбопытствовал я.

— Люди уже сейчас начали показывать, что наш вид в опасности. Наркотики, порнография — это неспроста. Со мной был случай... Однажды я шел в густой толпе у «Детского мира» и вдруг почувствовал, что еще немного — и я не выдержу. Трение энергии каждого друг о друга — это страшное испытание. Нечто подобное я пережил, когда сержант Шапиро показывал мне канцелярию Гитлера в подземелье. Вентиляция не работа-

ла. Мы долго шли. Свет еле горел. Дошли до кабинета Гитлера. Весь пол был завален бумагами. Какие-то секретные приказы, рукописи Гитлера. Интересно было бы привезти в Москву. Но дышать нечем. Невыносимый запах. Я подумал, что если я сейчас наклонюсь за бумагой, то рухну и встать не смогу.

— Когда нас будет пять миллиардов, кроме проблемы «трения» возникнут и многие другие.

— Вы знаете, сколько надо лететь до ближайшей звезды?

— Очень смутно.

— Примерно девяносто лет. И топливный бак должен быть с кубический километр. И потом — кто нас там ждет? Тетя, теща? Нет, я не пессимист. Одним словом, к середине следующего столетия картина будет достаточно ясная.

— Ну что же. Сюжеты у вас как из рога изобилия.

Включили телевизор. В дальнейшем разговор шел под аккомпанемент 2-го концерта Шопена и 1-го концерта Чайковского.

— Шопен, Чайковский — какая Божественная музыка! Не то что у нынешних — «Концерт с пулеметом». Не могу слушать современную музыку, — сказал Леонов.

— Если бы только музыки это касалось, — заметил я. — Телевизор включить нельзя. Неужели так трудно хорошее людям давать!

— Для этого талант нужен, — сказал Леонов. — Я однажды слушал, как поют старые донские казачки. Пели «Ноченьку». Пели как воспоминание. Голосов уже нет, а душа поет. Так хотелось, чтобы «фоном» пению старух слышалась песня молодых, сильных голосов. Творчество должно быть во всем. Только тогда это и будет интересно людям.

— Для творчества нужна смелость, дерзание, а откуда они у нашего поколения? Мы с пеленок пуганые. Я родился в Казахстане, на китайской границе. Мама мне рассказывала, как она нас с сестрой прятала от басмачей в бидоны из-под молока. Отец с заставы уедет на перехват басмачей, а мать с нами остается на заставе с дежурным и дневальным. Всякий раз боится за нас. Басмачи однажды налетели на заставу, красноармейцев убили и нас искали. Залетели в ледник и начали наугад стрелять в бидоны, а оттуда молоко. Так мы и спаслись. Потом тридцатые годы. Арест отца. Я это помню. Потом Финская война, следом — Отечественная. Отец на фронте, мы с мамой в Алма-Ате. Живем в квартире, нас «уплотнили» — поселили молодого лейтенанта. Сестра приходит из школы, видит — лейтенант пистолет чистит. Она по глупости спрашивает: «Вы наш пистолет чистите?» Ночью приходят сотрудники НКВД, всех на ноги подняли — обыск. Нашли отцов пистолет. Мать арестовали и увели, а мы, дети — сестра, я и младший брат — до утра дрожали.

— Сколько вам было лет? — спросил Леонов. По его лицу видно было, что он хорошо представил нас, перепуганных до смерти.

— Мне было одиннадцать, сестре тринадцать, а брату — шесть.
— Ну и сколько дали вашей матери за хранение огнестрельного оружия в военное время?

— Мы с мамой вместе этот срок пережили. У нее волосы седые появились, а у нас на всю жизнь — ненависть и боязнь власти. От тюрьмы мать спасло то, что когда протерли белой тряпочкой ствол пистолета, тряпочка оказалась в ржавчине. Значит, мать пистолет никому не давала, и из него никто не стрелял. Матери дали три года, условно. С отбыванием срока по месту работы — на швейной фабрике, где она шила маскировочные халаты для солдат. Можете представить, как мы плакали от радости, когда после суда нашу мать расконвоировали...

— Очень даже хорошо все это представляю, — сказал Леонов.

— Так что, дорогой Леонид Максимович, для того, чтобы была смелость и дерзание, надо на Руси хотя бы одному поколению непуганому вырасти. В 1380 году Русь победила на Куликовом поле потому, что ударную силу русских составляло не пуганное татарами поколение. Сергей Радонежский и московский князь все делали, чтобы поколение выросло смелым и дерзостным, без синдрома татарской боязни.

— Непуганое поколение — это серьезная тема. Помню, мне написала американская аспирантка и попросила о встрече. Я, как только представил ее в нашем доме, где от дворника до лифтера — все осведомители, так мне не по себе стало. Два месяца думал. И все-таки отказал.

— Мы хотим в экономике рывок сделать, а надо не с экономики начинать, а с людей. Вот когда все граждане будут, как Пушкин, который свою ответственность за Россию ставил не ниже, чем у государя императора, тогда спокойно и без рывков можно будет достичь любого «ускорения».

1 сентября

Рухнул «проект века», как называли его сами авторы. Постановлением правительства прекращены работы над проектом переброски части северных рек на юг. Рай-изобилие, обещанный русскому народу за счет воды для среднеазиатских республик и Казахстана, требовал от нас самую малость — пожертвовать исконно русскими территориями, культурными центрами, историческими памятниками. Словом, предполагалось «Прощание с Матерой» в масштабе всей России. Потому и выступили патриоты Отечества единым фронтом и победили.

17 сентября

Был у Леонова, и речь зашла о Мейерхольде.

— А вы с ним встречались? — спросил я.

— Однажды он позвонил мне, пригласил к себе в театр. Отказать было неудобно, я пришел. Мейерхольд встретил меня у входа, мы прошли к нему. Он сам принес чай, пирожные. Сиде-

ли, разговаривали. Мейерхольд спросил меня, над чем я работаю и не напишу ли я пьесу с расчетом на З.Н. Райх. Я ответил, что пьесу специально «под актеров» не пишу. Мейерхольд, не скрывая своего разочарования, заметно сник. Во время спектакля мы сидели в ложе. Давали «Ревизора» Гоголя. Марию Антоновну играла Зинаида Райх. Помню, мне неприятно было смотреть сцену объяснения Хлестакова с Марией Антоновной. Она ядреная баба, затянутая в корсет, из-под платья видна ножка в туфельке. Хлестаков в этой сцене разыгрывает вождение. Мария Антоновна дразнит его. Мейерхольд специально сделал акцент на эротический момент. Я думаю, — сказал Л.М., — что Мейерхольд был импотент. Какое-то нездоровое чувство проглядывало в его режиссуре, в выпячивании женских прелестей Зинаиды Райх. (Л.М. сказал, что до Есенина З.Н. Райх была женой лидера партии эсеров Чернова).

Я заметил, что Г.М. Козинцев был, очевидно, прав, когда написал в своей книге «Пространство трагедии», дескать, искусство Мейерхольда бесовское. В самом деле, не ангел же «посоветовал» В.Э. «застрочить» из пулемета по публике в пьесе Вс. Вишневского «Последний решительный». Не муза же подсказала ему устроить какофонию безумия в финале «Ревизора». А вот Эренбургу все это нравилось. Он работал в 1920 году под началом Мейерхольда в театральном отделе Наркомпроса и руководил с Наталией Сац всеми детскими театрами Республики.

— Неприятный человек был Эренбург, — сказал Леонид Максимович. — Чванливый, высокомерный. Многие евреи его не любят, считают виновным в смерти ряда еврейских литераторов, так как он, дескать, был осведомителем у Сталина.

— Говорят, при жизни Эренбург никому не позволял редактировать свои рукописи и всегда требовал, чтобы печатали слово в слово, как у него написано. А что от него осталось? Ничего, — сказал Леонов.

— А с Луи Арагоном вы встречались? — спросил я.

— Встречался. В один из его приездов мне было поручено секретариатом СП проводить Арагона с Эльзой Триоле на аэродром. Перед отлетом мы сидели в аэровокзале, пили кофе. На столе лежали паспорта отъезжающих. Я машинально открыл паспорт, читаю: «Коган...» После проводов я поделился своим «открытием» с одним из секретарей СП. Как оказалось, Арагону передали о моем «любопытстве». Это не прошло для меня даром. «Русский лес» вышел на французском не в полном переводе, а в адаптированном виде.

28 сентября

Позвонил Л.М., пригласил прогуляться и потом посмотреть американский фильм о русских евреях в Америке — «Russian is here».

Смотрели молча, вслушиваясь в каждое слово людей, добровольно покинувших Родину. Лишь изредка Л.М. вставлял свое весомое слово:

— Уехали, а теперь каются, просят разрешения на въезд в Россию. Разве можно им верить? Извечный вопрос — Россия и евреи. Как быстро все ими забывается. Во время Нюрнбергского процесса мне как-то показали три фотографии, изъятые у фашистов. На одной — фашистская лаборатория и в ней гора человеческих черепов, как на картине Верещагина «Апофеоз войны». На второй — бегущая голая молодая женщина и охотники с ружьями, стреляющие, как по мишени «бегущий олень». На третьей — три молодые еврейки, раздевшиеся перед расстрелом, и 80-летняя старуха-еврейка, снимающая трусики. Гнев и возмущение! Я пришел в зал суда в ярости, — продолжал Леонов. — В нескольких метрах от меня, за загородкой, сидел Геринг и о чем-то переговаривался с Гессом. Видно, во мне было столько ненависти, что Гесс почувствовал и посмотрел на меня. Я не вытерпел и, глядя ему в глаза, провел рукой по горлу. Гесс опустил голову и отвернулся. — Леонов, помолчав, продолжил: — Теперь потомки тех евреев, которых Россия защитила, уезжают в Америку и хаот наше Отечество. Борцы за свободу... Это в России-то им плохо жилось.

Продолжение следует